

Афганистан

СТИВЕН ТАННЕР

تاریخ войн

от
Александра
Македонского
до
падения
«Талибана»

Афганистан
История войн

СТИВЕН ТАННЕР

Афганистан

История войн

от
Александра
Македонского
до
падения
«Талибана»

МОСКВА
«ЭКСМО»
2004

Stephen TANNER
AFGHANISTAN
A Military History from Alexander the Great
to the Fall of the Taliban

Copyright © 2002 by Stephen Tanner

Публикуется с разрешения Da Capo Press, a subsidiary
of Perseus Books L.L.C. (США)

Оформление художника *Е. Савченко*

Таннер С.
Т 16 Афганистан: история войн от Александра Македонского до
падения «Талибана»/Пер. с английского С. М. Саксина. — М.:
Изд-во Эксмо, 2004. — 448 с., илл.

ISBN 5-699-05682-3

Перед вами — полный подробный обзор военной истории Афганистана с древнейших времен до наших дней. На протяжении тысячелетий эта страна, занимающая стратегически важное положение, оказывалась на острие захватнических амбиций великих держав и становилась ареной кровопролитных войн. Афганские горы видели армии греков и персов, гуннов и монголов, британцев, русских и американцев, но неизменным оставалось одно — эту страну можно завоевать, но нельзя удержать. Это доказывает вся ее история, в том числе и новейшая, малоизвестные страницы которой открывает читателю книга Стивена Таннера.

ББК 63.3(5)

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Перед тем как приступить к переводу такого сложного материала, охватывающего самые различные исторические эпохи, необходимо получить представление о предмете, с которым предстоит работать, особенно если автор подробно рассказывает, где находится полуостров Крым, и не считает нужным объяснить, что такое полуостров Катхьявар и где он находится.

Для более полного и достоверного изложения материала в примечаниях переводчик ссылался на следующие книги: В.А. Гурко-Княжин «Исторические судьбы Афганистана», Н.К. Сингха и А.Ч. Банерджи «История Индии»; завоевание Афганистана греко-македонским войском лучше всего описано в «Походе Александра» и «Описании Индии» древнеримского историка Арриана. История Афганистана до начала двадцатого века хорошо изложена в монографии А.Е. Снесарева «Афганистан».

Естественно, для российского читателя особый интерес представляют главы, посвященные отношениям Афганистана с Россией и Советским Союзом, и в первую очередь рассказ о пребывании советских войск на территории Демократической Республики Афганистан. К сожалению, следует признать, что С. Таннер, подобно большинству западных авторов, исследовал этот период преимущественно по зарубежным источникам, поэтому результат получился однобоким и изобилующим неточностями. Так, в частности, автор практически не делает различия между частями ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) и афганской армией. Правда, С. Таннер все же не скатывается на позиции неприкрытого антисоветизма, пытается дать объективную картину того, что происходило в Аф-

ганистане в восьмидесятые годы, и не приукрашивает так называемых «борцов сопротивления».

При работе над этими главами переводчик в первую очередь использовал монографию А. Ляховского «Трагедия и доблесть Афгана». Эта книга написана человеком, который долгое время проработал в Генеральном штабе ВС СССР, а на последнем этапе пребывания советских войск в Афганистане был ближайшим помощником генерала армии В.И. Варенникова, военного советника при правительстве Республики Афганистан. Она содержит множество документальных материалов, позволяющих получить полную картину тех событий. Подробное описание штурма дворца Амина приведено в книге В. Колесника «Спецназ ГРУ: пятьдесят лет истории, 20 лет войны», командовавшего в 1979 году отрядом специального назначения ГРУ ГШ.

Написание имен собственных — это отдельная проблема данной книги. Воспроизвести средствами одного языка фонетических особенностей другого — дело неблагодарное, особенно если речь идет о таких чуждых русскому человеку языках, как дари или арабский. Устоявшегося написания большинства имен и географических названий нет, и даже в таком монументальном труде, как Большая Советская Энциклопедия, не всегда выдерживается единый подход. Переводчик взял за основу «Англо-русский словарь исторических терминов» Г.А. Николаева, М. 1995, посчитав нужным в некоторых случаях привести также и другие распространенные варианты написания имен собственных.

Имена участников самых последних событий даются в написании, встречающемся в периодической печати. Однако и здесь единства нет, и следует утешаться лишь тем, что оба варианта: «Усама бен Ладен» и «Осама Бин Ладен» — являются правильными (или оба неправильными).

В заключение переводчик хочет выразить глубокую признательность за неоценимую помощь в работе над книгой Е. Пахомову, известному российскому востоковеду, журналисту, который неоднократно бывал в Афганистане, Пакистане и Иране, лично встречался с Ахмадом Шахом Масудом, Абдул-Рашидом Дустумом и другими крупными политическими деятелями Афганистана.

Сергей Саксин

ОТ АВТОРА

Поскольку эта работа посвящена длительному историческому периоду, а первоисточники в течение столетий писались на языках самых разных языковых групп, возникла необходимость каким-то образом добиться однообразия написания имен собственных и исторических терминов. Эта задача оказалась более сложной, чем может показаться на первый взгляд, поскольку во многих случаях согласие не достигнуто до сих пор. Так, например, существует пять или шесть вариантов написания имени «Muhammed», три варианта написания названия «Taliqan», три или четыре «Jalalabad», и не прекращаются стычки по поводу Kandahar — Qandahar, Begram — Bagram, Osama — Usama, Vamian — Vamyuan и многих других наименований. Как правило, я останавливался на варианте, которому оказывают предпочтение современные средства массовой информации. Однако в тех случаях, когда события описываются словами непосредственных участников, я сохранил их варианты написания без изменений.

Исключением является период монгольских завоеваний. То, как пишут современные ученые имена исторических деятелей той эпохи, имеет мало общего с привычным мне написанием. Отчасти это объясняется новым подходом к лингвистике, а отчасти переходом Китая на систему «пинин»¹ (когда Пекин превратился в Бейцзин), что произошло после того, как было написано большинство трудов о монгольских завоевани-

¹ П и н и н — система транслитерации китайских иероглифов на латиницу, официально принятая в Китае.

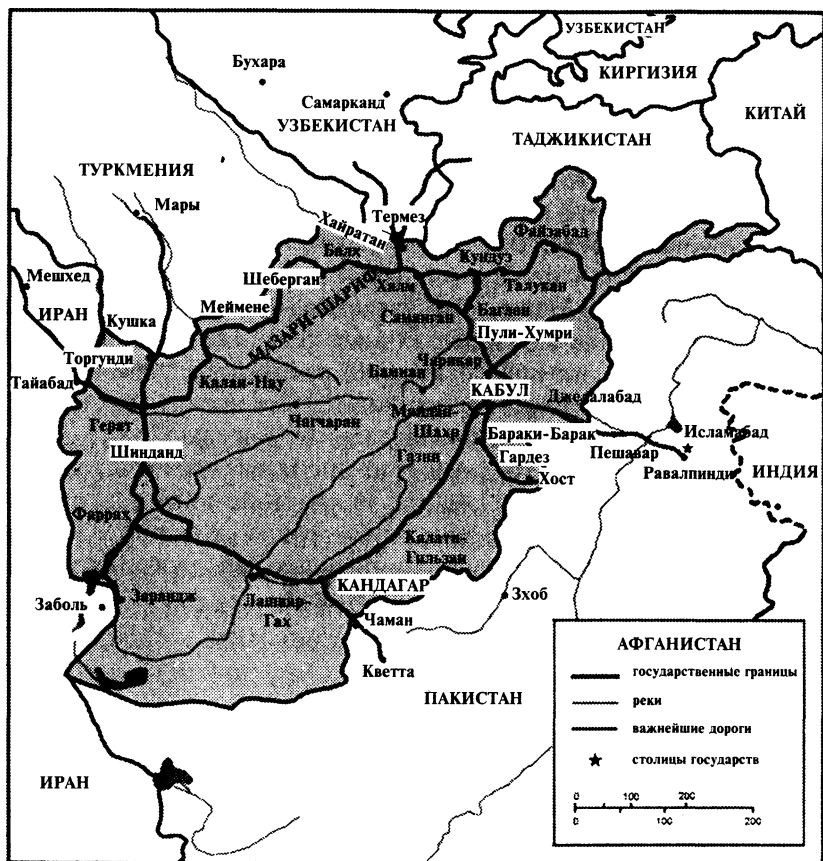
ях. Я решил следовать старому написанию, потому что в работе, в которой упоминается большое количество имен и географических названий, незнакомых большинству читателей, сохранение по возможности привычного написания более чем желательно. Таким образом, я предпочел старые варианты «Genghis» и «Tamerlan» более новым «Chinggis» и «Timur Lenk».

Работая над этой книгой, я изучил множество классических трудов, посвященных более ранним историческим периодам, и с моей стороны было бы непозволительной дерзостью выбрать из них самые ценные. Что же касается конца двадцатого столетия, я нашел несколько замечательных работ, которые скорее всего не знакомы широкому кругу читателей. Из трудов, посвященных войне с Советским Союзом, я нашел наиболее подробной и полной книгу Марка Урбана «Война в Афганистане». Первое издание этой книги вышло в 1987 году, и, насколько мне известно, в ближайшем времени ожидается выход нового, доработанного издания, содержащего материалы об окончании этого конфликта. Следует также отметить кропотливый труд Лестера Грау, исследовавшего все аспекты войны, а также работу Анны Хейнамяэ, Майи Леппянен и Юрия Юрченко, собравших свидетельства советских очевидцев в книгу «Рассказ солдата». Захватывающее освещение конфликта с точки зрения пакистанца можно найти в книге «Афганистан: капкан на медведя», написанной Мохаммадом Юсафом, бывшим генералом Ай-Эс-Ай, пакистанской внешней разведки, в соавторстве с Марком Адкином.

Среди работ, посвященных движению «Талибан» и радикальному исламизму, следует отметить живое повествование «Пожиная бурю» журналиста Майкла Гриффина и скрупулезное исследование «Талибан» Ахмеда Рашида. Книга ученого и дипломата Мартина Эванса «Афганистан: новая история» охватывает историю страны с древнейших времен, но основной упор все же делается на политическую жизнь Афганистана и борьбу за власть в стране в двадцатом столетии. Если же брать общие труды, посвященные Афганистану, отправной точкой должна стать работа Луиса Дюпре «Афганистан». Менее известной, но не несколько не менее содержательной является книга Олафа Кероу «Патаны», в которой этот видный ученый,

бывший губернатором Северо-Западной пограничной провинции, с заразительным энтузиазмом исследует историю пуштонских племен.

Кроме того, я в долгу перед теми, без чьего личного участия не могла бы родиться эта книга. Неоценимую помощь оказали Джанис и Мелисса Какарс, аспиранты Университета штата Индиана соответственно на кафедрах журналистики и истории. Эта выдающаяся пара провела прошлое лето в Монголии, где Мелисса собирала данные о деятельности Коминтерна в Сибири, а Джанис работал переводчиком в Министерстве информации. Лайэм Клэнси, недавно закончивший юридическую школу Хофстра, прилежно и кропотливо проводил исследования и анализ. Работая над этой книгой, я имел счастье познакомиться с замечательным ученым и щедрой души человеком Алексом Грантом. Мало кому известно, что в доме Грантов в Нью-Йорке (помимо очаровательных детей) находится непревзойденное собрание первых изданий работ, посвященных британскому колониализму, равному которому нет по эту сторону Атлантики. Я хочу также поблагодарить доктора Донна Тила, чье мастерство редактора помогало мне в течение всей работы, а также Боба Пиджена и Сэма Саутворта за помощь и поддержку. Наконец, я хочу выразить глубочайшую признательность Анне Смит, в чьей непревзойденной мудрости в житейских вопросах и энтузиазме я черпал вдохновение.

НА ТОРНОЙ ДОРОГЕ ИМПЕРИЙ

Когда осенью 2001 года по обе стороны Гиндукуша принялись за работу американские бомбардировщики «Б-52», история войн в Афганистане завершила полный цикл. Страна, в течение столетий находившаяся на стыке великих цивилизаций Старого Света, подверглась внезапному нападению молодой сверхдержавы Нового Света. Но теперь ярость иностранного оружия вызывало не то, что Афганистан находился на пересечении всех путей, а наоборот, его полная изоляция от остального земного шара. В древности эта южноазиатская страна не только была заветной добычей империй, но и сама порождала государства-завоеватели. В новое время Афганистан получил статус буферной зоны, затем стал полем сражения времен холодной войны и, наконец, превратился просто в убежище международных террористов, укрывающихся в многочисленных пещерах, которыми он так кстати изобилует. Но в двадцать первом веке нашей эры, как и в пятом веке до нашей эры, Афганистан снова оказался втянут в смертельную схватку с самой сильной военной мощью в мире. Если вспомнить, что на протяжении всей своей истории Афганистан постоянно становился ареной кровопролитных вооруженных столкновений, последнее развитие событий вряд ли можно считать неожиданностью.

В отличие от таких горных стран, как Перу, Непал или Норвегия — или даже как Швейцария, ближайший европейский родич, — удел Афганистана никогда не заключался в блаженном существовании вдали от остального мира. Вместо этого с древнейших времен страна постоянно оказывалась на острие захватнических амбиций великих держав, начиная с самой

первой трансконтинентальной сверхдержавы, Персидского царства, и кончая последней, Соединенных Штатов Америки. Подвергаясь вторжениям со всех сторон света (а в последнее время и с воздуха), афганцы оттачивали свое военное искусство, воюя друг с другом, так как сам характер территории страны благоприятствует децентрализации власти, препятствуя объединению Афганистана. Чудо состоит в том, что народы страны, на момент написания этой книги уже в течение четверти века непрерывно живущие в состоянии войны, ставят перед своими противниками сегодня те же самые проблемы, которые ставили две с половиной тысячи лет назад. И сквозь грохот оружия по-прежнему проступает столкновение враждующих культур и религий. Как и много столетий назад, Афганистан остается полем сражения не только армий, но и различных цивилизаций.

Значение расположения Афганистана становится более понятно, если обратиться не к политической, а к географической карте. Страна занимает крайнюю восточную оконечность обширного Иранского нагорья и, если учесть изогнувшиеся совсем рядом непроходимой дугой Гималаи, является основной сухопутной дорогой, связывающей великие государства Средней Азии, Ближнего Востока и полуостровов Индостан и Индокитай. Но слово «дорога», пожалуй, является слишком мягким: точнее будет сказать «путь вторжения». Головокружительные перевалы Афганистана являются немymi свидетелями прохода полчищ персов, греков, маурьев, гуннов, монголов, моголов, британской, советской и американской армий, которыми командовали величайшие полководцы своего времени. Занимая стратегически важное положение, Афганистан также сам стал родиной таких государств, как султанат Газневидов, султанат Гуридов и империя Дурранидов, разнесших страх перед афганским оружием от Дели до Каспийского моря.

Историк Арнольд Тойнби однажды заметил, что, если посмотреть на возникновение человеческой цивилизации из ее центра в Месопотамии, карта Старого Света приобретет новый смысл. Тойнби разделил все страны на тупики и торные дороги; среди последних особое место занимали два государства: Сирия, связывавшая цивилизации Европы, Африки и Азии, и Афганистан, где были в один узел завязаны интересы Индии,

Восточной Азии, Средней Азии, Ближнего Востока, а через него и Европы. «Встаньте не в Европе, а в Ираке, — писал он, — и станет очевидно, что одна половина дорог Старого Света ведет в Алеппо¹, а другая в Баграм». Тойнби напоминал, что Баграм именовался Капиш-Канишем в царстве Кира Великого, а затем Александрией Кавказской в царстве Александра Македонского. Он одобрительно кивнул бы, увидев, что аэродром «Баграм» в 80-е годы двадцатого столетия стал основной базой советских войск в Афганистане, а в начале нового тысячелетия в этой стратегической точке, расположенной на южных отрогах Гиндукуша, высадились не только американские, но и британские, немецкие и австралийские войска.

В те времена, когда в геополитическом смысле центр всемирной гравитации находился на Востоке, а не в европейских столицах или, что случилось уже совсем недавно, в Вашингтоне, Афганистан имел решающее значение для судеб государств. Но затем, после того как в древности страна играла ключевую роль перекрестка империй, в Средние века значение Афганистана стало постепенно снижаться. Историк Риа Тэлли Стюарт как-то заявил, что два человека нанесли Афганистану удары, от которых он уже не смог оправиться. Первым был Чингисхан; почему Стюарт так отозвался о нем, будет объяснено позже. Вторым был Христофор Колумб, проплывший за предполагаемый край земли и открывший широкую дорогу торговле и завоеваниям, не зависящую от сухопутных путей. Говоря словами Стюарта: «В круглом мире значение Афганистана оказалось совсем не так велико, как то, какое у него было в мире плоском». Как только в противовес сухопутной сверхдержаве появилась сверхдержава морская (авиация в те времена не значилась даже в проекте), Афганистан превратился из жизненно важного пути между цивилизациями в место, которое хотелось бы видеть безжизненной пустыней. Великие империи по-прежнему проявляли к стране особый интерес, но теперь скорее в негативном, чем в позитивном смысле. В девятнадцатом веке величайшая морская держава и величайшая сухопутная

¹ Распространенное в западноевропейской литературе название сирийского города Халеб.

державы соперничали за контроль над Афганистаном в противостоянии, получившем название «Большая игра», ставшем прообразом холодной войны. Афганистан был жизненно необходим обеим сторонам, но только не сильный сам по себе, а в качестве бесславного покорного буфера между сферами влияния двух сверхдержав. Однако в течение последних двух столетий обоим участникам «Большой игры», Великобритании и России (а позднее Советскому Союзу), все попытки вторжения в этот буфер не приносили ничего, кроме горя.

Неповторимость Афганистана заключается не только в его расположении в центре внимания противоборствующих сверхдержав; в конце концов, противоборствующие армии достаточно потоптали и равнины северной Польши, и пустыни центрального Ирака. Непрерывная бурная история Афганистана обусловлена в равной степени характером его территории и, как следствие первого, характером его народов. Какими бы стратегически желанными ни являлись узкие горные перевалы и долины рек Афганистана, большая часть территории страны сурова и труднопроходима, а там, где нет протяженных горных хребтов, увенчанных высокими остроконечными пиками, простираются безжизненные пустыни. Таким образом, у жителей этой негостеприимной страны есть все преимущества, чтобы защищать свою землю от врагов как внутренних, так и внешних. Эту страну завоевать легко, но удержать гораздо труднее.

В отдаленных высокогорных районах Афганистана живут племена, до сих пор подчиняющиеся феодальным обычаям. Эти племена еще никто и никогда не покорял, не подчинялись они и местным правителям. Войска завоевателей следовали мимо, захватывая населенные пункты вдоль проходимых дорог, являющихся для Афганистана скорее исключением, чем правилом, но при этом племена, населяющие неприступные горы и глубокие ущелья, тысячелетиями сохраняли свою независимость. Из этого вовсе не следует, что в горах Афганистана живут отшельники и пацифисты. Эти племена неоднократно спускались на равнины, чтобы вступить в бой: защищая свою землю от общего врага, принимая участие в междоусобицах или отправляясь в захватнические походы. Когда различные народы, населяющие Афганистан, выступали сообща, их страна,

хотя и нередко разоренная иноземными завоевателями, никогда надолго не оставалась в чужих руках; с другой стороны, как показывает многовековая история, афганцы способны объединиться только перед лицом общего врага. Предоставленный сам себе, Афганистан погружается в междоусобные войны или просто наслаждается свободой — но не той, что установлена положениями Великой хартии вольностей, Декларацией о правах или Манифестом коммунистической партии, а гораздо более древней ее разновидностью, не обремененной указаниями центрального правительства.

Территория современного Афганистана имеет приблизительно форму яйца, чуть наклоненного набок. Четыре стратегически важных города образуют вершины квадрата, обрамляющего центральный горный массив Гиндукуш. На западе находится Герат, расположенный в плодородной долине вблизи от современной границы с Ираном. На юге находится Кандагар, связанный удобной дорогой с Гератом и проходимыми горными перевалами с Индией. На востоке находится Кабул, связанный с Кандагаром дорогой, сообщение по которой прерывается только зимой. Северным центром страны, связанным приличной дорогой с Гератом и высокогорными перевалами через Гиндукуш с Кабулом, является Мазари-Шариф. К северу от Мазари-Шарифа находятся древние развалины Балха (у греков Бактрии, у персов Зариаспы), окрещенного арабами «Матерью всех городов». В течение двух тысячелетий Балх, легендарная родина Заратуштры, место, где состоялись бракосочетание Александра Македонского и одно из жесточайших преступлений Чингисхана, был прекрасным городом, господствующим в округе, но в настоящее время это лишь крохотная убогая деревушка, расположенная неподалеку от обширного пространства, занятого руинами, о которых мечтают археологи всего мира.

Хотя за много столетий столицей Афганистана бывали разные города, ключом к стране является территория вокруг Кабула. Нынешняя столица страны, Кабул расположен в центре собственного стратегического квадрата. В сорока пяти милях к северу от него находится упоминавшийся выше Баграм; высо-

когорная дорога ведет из столицы на запад в Бамиан, расположенный в сердце Гиндукуша, откуда через горные перевалы можно попасть дальше, в Герат. Примерно в восьмидесяти милях к югу от Кабула на дороге, ведущей на Кандагар, расположен Газни, в прошлом столица могущественной Афганской империи; а в восьмидесяти милях к востоку находится Джелалабад, у которого начинается Хайберский проход, знаменитый коварный путь в Пешавар, находящийся на территории современного Пакистана, а оттуда в Индию. Обладание Кабулом не означает контроля над всей страной; но нельзя и думать о том, чтобы править Афганистаном, не владея Кабулом.

Важно отметить, что четкие границы Афганистана были установлены всего около ста лет назад, так что любые ссылки на «Афганистан» и «афганцев» применительно к более древним временам являются относительными. Само слово «афган» появилось в письменных памятниках персидского царства только в третьем веке нашей эры. К недовольству некоторых, это слово на древнеперсидском означает «шумный», возможно, «непокорный», или, если воспользоваться самым мягким переводом, «не совсем спокойный». Британский дипломат и историк Монтстюарт Эльфинстон, посетивший Афганистан в 1809 году, отметил, что сами жители не называют свою страну «Афганистан», хотя и знают, что другие народы поступают так. Сам Эльфинстон описал «афгаунцев» как народность, относящуюся к пуштунской языковой группе, и разделил их на восточных (населяющих современный Пакистан) и западных. Остальные части современного Афганистана, такие, как Хазарат, находящийся в центре Гиндукуша, и всю территорию к северу от этих гор он называл зависимыми от «Королевства Кабул».

Границы Афганистана были установлены в конце девятнадцатого столетия европейскими топографами, пытавшимися создать удовлетворяющее всех буферное государство, которое разделяло бы Британскую Индию и неудержимую волну территориальных присоединений России в Средней Азии. Таким образом, граница Афганистана проходит на севере по рекам Окс (Амударья) и Гари-Руд на западе, отделяя его от Ирана. Россия, осуществив стремительный военный маневр, захватила между этими местами ценный плодородный оазис и лишь

затем согласилась признать границу. На юге споров по поводу границы между Афганистаном и Белуджистаном, входящим в современный Пакистан, не было, потому что вся эта местность представляет собой безжизненную пустыню, смертельную ловушку для армии, рискнувшей в нее зайти, и интересует лишь неприхотливых и выносливых людей, считающих ее своей родиной. На востоке Британская экспедиция под руководством сэра Мортимера Дюранда умышленно провела линию прямо через места расселения пуштунов, ставя своей целью ограничение политических ресурсов Афганистана и создание всех возможных территориальных преимуществ для британских защитников Раджа¹.

В результате современная граница Афганистана на востоке, в основном никак не обозначенная на местности, а кое-где чисто теоретическая на высокогорных пиках, была призвана всемерно способствовать предполагаемой обороне жемчужины Британской короны. Дюранд не предполагал, что в 1947 году Великобритания уйдет из Индии, и даже представить себе не мог возникновение государства Пакистан. Тем не менее британцы и русские очертили Афганистан как довольно большое государство площадью 250 000 квадратных миль (размером приблизительно со штат Техас), с господствующим в центре горным массивом Гиндукуш, по обе стороны от которого жили народы разных этнических групп. Узкий длинный палец, вытянувшийся на северо-восток, чтобы прикоснуться к Китаю совершенно бесполезным сорокапятимильным участком границы, был навязан Афганистану британцами для того, чтобы владения России нигде не граничили с Индией.

Усилия европейских топографов принесли плоды в основном в виде постоянных кровопролитных войн между народами Афганистана. Узбеки, таджики и туркмены, живущие к северу от Гиндукуша, как и горцы-хазарейцы, постоянно выступали против власти пуштунов юга, и наоборот. Пуштуны составляют около сорока процентов населения Афганистана, но они

¹ Строго говоря, Раджем назывались области Индии, находившиеся в непосредственном подчинении Британской короне, в отличие от многочисленных княжеств, формально сохранявших независимость. Также это название употребляется применительно к Британской Индии вообще.

получают моральную и военную поддержку через прозрачную границу из соседнего Пакистана. Последняя война, которую вела Америка, продемонстрировала, как узбекско-таджикский Северный альянс можно уговорить выступить против пуштунского центрального правительства, даже несмотря на то что Пакистан помогал пуштунами-добровольцами и укрывал солдат, покидавших свои части после того, как поддержанный Соединенными Штатами Север начал одерживать победы. Дилемма, стоявшая перед Пакистаном во время этого конфликта, как и в годы советской оккупации и последовавших гражданских войн, была очень острой.

Создание «Пушунистана», чего так опасались в девятнадцатом веке британцы, привело бы к тому, что сегодня это государство было бы значительно более однородным, не раздираемым межнациональными противоречиями (хотя остались бы противоречия племенные и клановые). Вполне вероятно, ввиду значительного неравенства возможностей современного оружия это государство проводило бы мирную политику, направленную на вхождение в мировую экономику. Впрочем, если бы дело дошло до пересмотра карт колониальных владений, пришлось бы перекраивать в соответствии с этническими границами всю Африку и большую часть остального мира, в то время как западные страны выступают за концепцию разнообразия под знаменем национальных особенностей. На момент написания этой книги о подобном процессе не может быть и речи. В начале 1990-х годов народы бывшей Югославии жестоко рассорились друг с другом из-за национальных границ — словенцы отказались признавать то правительство, которое выбрали хорваты, христиане и мусульмане перерезали друг другу глотки в Боснии и Герцоговине, стараясь основать свои собственные маленькие моноэтнические государства. Все это является зловещим предостережением Афганистану. Опыт Балканских войн, кровавые межэтнические конфликты в Центральной Африке, а также извечные междоусобные распри в Афганистане предвещают основную проблему, которая встанет перед ведущими мировыми державами в двадцать первом веке и которая, разумеется, стала основной причиной недавне-

го появления американских бомбардировщиков «Б-52» в небе над Кабулом.

Но даже если политические границы современного Афганистана являются относительно недавним изобретением, остается вопрос: что понималось под словом «Афганистан» в предшествующие столетия и, что гораздо более важно, кто такие афганцы?

На протяжении столетий устные предания утверждали, что предки афганцев были потомками одного из племен, выходцев из Израиля. Однако это утверждение лишилось популярности после того, как по окончании Второй мировой войны было создано государство Израиль. По результатам работ археологов и лингвистов сейчас нам известно, что территория современного Афганистана была захвачена в третьем тысячелетии до нашей эры народами, принадлежащими к индоевропейской семье, в основном к иранской языковой группе, передвигавшимися на юг из центральных районов Азии. Эти народы вытеснили дравидийское население, переместившееся дальше на юг, на полуостров Индостан. В настоящее время малочисленная народность брагуи, принадлежащая к дравидийской группе, кочует вдоль границы, разделяющей южный Афганистан и Белуджистан, ставя в тупик антропологов. Брагуи или избежали первой волны вторжения, или вернулись назад, когда выяснилось, что в малонаселенных пустынях хватит места всем, или же были превращены в рабов захватчиками. Народы индоевропейской группы разбились на отдельные группы, разделившись на оседлых земледельцев и скотоводов-кочевников. Но эти народы, связанные этническими узами с другими народностями, населяющими Иранское нагорье вплоть до реки Тигр на западе, стали лишь фундаментом, на котором сложилось нынешнее население Афганистана. Последующие волны захватчиков добавили новые составляющие.

До конца эпохи колониализма история Афганистана всегда тесно переплеталась с историей его соседей: персов на западе, индийцев на востоке, кочевников степей Севера. В древности войны, которые вели персидские и греческие цари за обладание Афганистаном, были неотделимы от войн против скифских племен, населявших Согдиану, область к северу от него.

Для нас это представляет особый интерес, поскольку за столетие до Рождества Христова (или за 750 лет до рождения Мухаммеда) скифов вытеснили из северных степей и большая их часть расселилась к югу от Гиндукуша, на дуге, проходящей от иранского Систана через южный Афганистан до Синда и Пешавара, входящих в состав нынешнего Пакистана, — другими словами, именно на той территории, которую в настоящее время занимают пуштуны. Ученые считают, что как раз в это время сложились народность пуштуны и пуштунский язык. Как сказал дипломат и историк Олаф Кероу, пуштунский язык — это именно то, что можно ожидать от древнего языка иранской группы, испытавшего влияние персидского и хиндустани. А что касается самих пуштунов (особенно если учесть, что их основной национальной чертой является воинственность), вполне возможно, доминирующее влияние при формировании этой народности из множества перемешавшихся этносов оказали те, кого древние называли скифами. Персидский царь Кир Великий, встретивший жуткую смерть на берегах Яксарта (Сырдарья), возможно, пал от рук тех, чьих далеких потомков мы теперь называем афганцами.

До того, как британские топографы приступили к работам на восточной границе, афганцы составляли большинство в Пакистане, или, как называлась эта страна до 1947 года, в Индии. (Кое-кто считает, что, если вспомнить, как называлась эта страна в древности, а также тот факт, что река Инд протекает именно по ее территории, Пакистан имеет больше прав на это название, чем его сосед.) До девятнадцатого века Пешавар среди афганских городов имел такое же значение, как и Кабул, и часто именно туда переносилась на зиму столица. Кветта, находящаяся у начала Боланского прохода, также была городом афганским, или по крайней мере пуштунским, как и значительная часть нынешних провинций Синд, Сват и Кашмир (завоеванный афганцами), а также вся Северо-Западная пограничная провинция. Древние писатели вносят в этот вопрос не столько ясность, сколько еще большую неразбериху, особенно когда говорят о «горных индийцах» или «парапамисадах»: тех, кто жил в горах Парапамиса, как называли персы Гиндукуш.

Но прошли столетия, великие переселения народов пре-

кратились, и ответить на вопрос «кто такой афганец?» стало гораздо проще, хотя сам ответ получился более запутанным. В настоящее время афганцем мы называем просто выходца из Афганистана. Под это определение подпадают этнические пуштуны, народы тюркской языковой группы (узбеки, таджики¹ и туркмены), монголоиды хазарейцы, рыжеволосые нуристанцы (кафиры), бронзовокожие брагуи и представители других мелких народностей. Но, говоря, например, про жителей Бактрии или султаната Газневидов, государств, выходивших далеко за пределы территории современного Афганистана, или про греков и парфян, приходивших извне, но оставлявших свой след, мы будем лишь перебирать составляющие, из которых со временем сложилось население Афганистана, древней страны, лишь относительно недавно получившей четкие границы.

Возникновение Персидского царства в 550 году до н. э. знаменует собой начало документированной истории, и вовсе не потому, что сами персы записывали свои деяния (если не брать в расчет высеченные на камне помпезные эдикты и списки), а потому, что это делали греки, пристально следившие за своими соседями. Таким образом, большинство того, что нам известно об Афганистане в древние времена, оставили нам греки и пришедшие им на смену не менее любознательные римляне. Хотя современная археология заставляет взглянуть по-новому на некоторые их утверждения, работы греческих историков являются лучшей отправной точкой для изучения древнейшей истории Афганистана.

Римский историк Арриан утверждает, что и ассирийцы, и мидяне доходили до реки Инд еще до персов, однако это не подкрепляется ни археологическими данными, ни другими источниками. Вполне возможно, ассирийские разведчики около 700 года до н. э. доходили до района нынешнего Кандагара и даже дальше, однако это еще не значит, что они завоевывали эти земли. И мидяне, быть может, имели сношения с Гератом

¹ Таджики относятся к иранской языковой группе индоевропейской семьи. (Здесь и далее прим. перев.)

и Балхом, но скорее всего не в такой мере, чтобы направить в ту сторону свои амбиции, поскольку им приходилось постоянно сталкиваться на западе с Лидийским и Вавилонским царствами. Если афганцы и уступали свой суверенитет после походов ассирийцев или мидян, это состояние было очень условным и недолговечным, если было вообще, и по-настоящему впервые сведения об этой территории были получены с появлением персов.

Основатель персидского царства Кир Великий действительно пытался завоевать Афганистан и совершил с этой целью два похода, хотя, возможно, так и не пересек Гиндукуш. Во время первого похода его войско с трудом вышло из Дашти-Марго (пустыни Смерти) в ужасном состоянии; помощь царю оказал народ по имени ариаспы, живший в долине реки Гильменд (Гельманд). Кир назвал их «благодетелями». Затем царь прошел через Кандагар в северную часть долины реки Кабул. В предгорьях Гиндукуша, неподалеку от нынешнего Баграма, он основал крепость Капиш-Каниш, или Каниса, но неизвестно, удалось ли ему перейти через горы.

Свидетельства завоевания Киrom северного Афганистана, или Бактрии, очень скудные. Но одним из первых и уж определенно последним стал поход, совершенный Киrom против скифских племен, населявших междуречье Окса и Яксарта. Границу своего царства царь провел по Яксарту, усилив ее цепочкой из семи городов-крепостей, самый крупный из которых был назван Кирополисом. Трудно предположить, что Кир потратил так много усилий на покорение территории нынешних бывших советских республик Туркмении, Узбекистана и Таджикистана, не завоевав также местность между Оксом и Гиндукушем, в том числе богатые, плодородные земли в окрестностях Балха и современного Герата.

Покорив всю территорию от Афганистана до Палестины, Кир погиб на берегу Яксарта в жестокое сражении с племенем кочевников массагетов. По рассказам очевидцев, царица массагетов Томирис, сказав про Кира, что он никак не мог «утолить жажду крови», утопила его голову в сосуде, наполненном кровью. (Возможно, ее поступок может показаться беспричинным, однако он вдохновил нескольких средневековых худож-

ников.) Сын Кира Камбиз не предпринимал походов на восток, сосредоточив все усилия своего короткого правления на покорении Египта и набеге на Эфиопию. Так что самый подробный отчет о завоеваниях Кира нам оставил третий царь из династии Ахеменидов — Дарий I, перечисливший полученные в наследство земли на скале в Бехистуне. В Афганистане это были в соответствии с четырехугольником главных городов Бактрия (Балх) на севере, Арейя (Герат) на западе, Арахозия (Кандагар) на юге и Гандхара, в сочетании с Парапамисом простиравшаяся от реки Кабул до Пешаварской долины, не доходя до берегов Инда.

Бехистунская клинописная надпись, составленная около 520 года до н. э., является наиболее древним письменным описанием Афганистана. Тем не менее она, крайне скудная, не донесла бы до нас никаких сведений, если бы не пояснения греческого историка Геродота, много путешествовавшего и имевшего собственные источники информации. Именно от Геродота, «отца истории», мы узнаем о пактийцах, самом северном и самом воинственном индийском племени, чьи оружие и одежда напоминали оружие и одежду соседей-бактрийцев. Также от Геродота мы узнаем об экспедиции на кораблях, снаряженной Дарием для того, чтобы исследовать реку Инд до устья. Эта экспедиция под началом грека-ионийца по имени Скилакс двинулась на восток по реке Кабул, вероятно, от Пешавара, а затем направилась на юг в сторону нынешнего города Карачи. Получив отчет об этом плавании, Дарий немедленно захватил земли до самого Инда (территорию современного Синда). В более поздних списках, в которых новая провинция называется Гиндушем, впервые проводится разделение между народами, известными нам сейчас как индусы и афганцы. Новой провинции, «населенной великим множеством народов», было предписано выплачивать ежегодную дань в размере 360 талантов золота, в то время как на район Гандхары, населенный пактийцами, была наложена дань в размере 170 талантов серебра или эквивалента.

Хотя персы основали величайшее государство из всех, какие только видел Древний мир, в пятом веке до нашей эры их превзошла в военном отношении политически раздробленная,

но в культурном отношении более динамичная Греция, чьи колонии во многих местах нахлестывались на территорию Персии. В то время как центром Персидского царства была спокойная Месопотамия, военное искусство греков постоянно совершенствовалось в непрерывных войнах между городами-государствами. В результате возникла новая тактика жестокого рукопашного боя лицом к лицу, совершенно чуждая персам. На необъятных просторах Малой Азии основными видами оружия были лук и дротик, а главный упор делался на конницу. В плотно населенной гористой Греции оружие для поражения противника с большого расстояния и маневр не имели особого значения; к тому же страна не богата лошадьми. В результате выработалась тактика прямого удара, воплощаемая на поле боя тяжеловооруженными пешими воинами, гражданами греческих городов, называвшимися гоплитами («щитоносцами»)¹. Греки несколько смягчили возрастающую жестокость схваток гоплитов, введя в рукопашный поединок жесткую дисциплину линейного построения войска в фалангу, в которой каждого воина частично прикрывал щит его соседа. Греческое искусство по-прежнему прославляло вольных, независимых героев, наследников тех, кто сражался в Троянскую войну, известных с детства каждому греку; но на практике индивидуализм был подчинен дисциплине подразделения, и гоплиты фаланги или все вместе одерживали победу, или все вместе терпели поражение. Поскольку их страна находилась в центре средиземноморской торговли, греки, отличные мореплаватели, были более открыты для новых веяний, чем персы. Их доспехи (бронзовые, так как бронзу легко плавить) и оружие (железное или с железными наконечниками) были лучше. Персидскому лучнику было трудно поразить греческого гоплита, одетого в доспехи и укрывающегося за щитом диаметром в ярд, и, если греческому воину, вооруженному шестифутовым копьем, удавалось подойти достаточно близко, перс оказывался беззащитен.

В 490 году до н. э. Дарий I снарядил большое войско, чтобы

¹ Вообще-то все пехотинцы были вооружены щитами, однако этим термином обозначалась особая, отборная часть греческого войска.

покорить Греческий полуостров, но был наголову разбит в сражении у Марафона. Персидская пехота была обращена в паническое бегство и укрылась на кораблях. Греки нанесли удар в тот момент, когда персидская конница отсутствовала. Восточные всадники по-прежнему оставались для греков большой угрозой, так как фаланга уязвима с флангов и тыла.

Десять лет спустя преемник Дария Ксеркс I собрал самое огромное войско, какое только знал Древний мир, и начал полномасштабное вторжение в Грецию. Одним из следствий этого стало то, что Геродот получил еще одну возможность изучить составляющие Персидского царства. По его описанию, бактрийцы носили войлочные шапки наподобие мидийских (и персидских) и были вооружены луками из тростника и короткими копьями. Скифы носили остроконечные шапки и шаровары. Кроме луков, они были вооружены кинжалами и боевыми топорами. Оба войска были под началом брата Ксеркса, сына Дария, женатого на одной из дочерей Кира. Примечательно, что сатрап Бактрии при Ахеменидах считался самым высокопоставленным вельможей Персидского царства. Как правило, это место занимал ближайший наследник трона.

Геродот писал, что арейане, уроженцы западной части современного Афганистана, «вооружены так же, как и бактрийцы, только луки у них похожи на луки мидян». Гандхаранцы, как и парфяне с хорасанцами, жившие на берегах Каспийского моря, также были вооружены, как бактрийцы. Пактийцы, по словам Геродота, «носят одежду из звериных шкур и вооружены луком и кинжалом». Индийцы носили хлопчатобумажную одежду и были вооружены «тростниковым луком и стрелами из тростника с железными наконечниками». Из бактрийцев, скифов и пактийцев в основном набиралась конница; пехотинцы были вооружены так же, как и всадники.

Самый большой отряд конницы численностью в восемь тысяч всадников выставили сагартии (или сагартийцы), которых Геродот описал как «кочевой народ, родственный персам и говорящий на персидском языке, но одежда их представляет нечто среднее между одеждой жителей Персии и жителей Пактии». По его словам, сагартии не имели другого бронзового или железного оружия, кроме кинжалов, полагаясь в бою на кожа-

ные веревки с петлей на конце. Судя по всему, эти всадники сражались наподобие участников родео. Сагартии упоминались лишь в одном списке народов, покоренных Дарием, и затем они исчезли из трудов греческих историков. Возможно, сагартии восстали против персидского владычества, а может быть, кочевые племена просто очень трудно прикрепить к какой-нибудь определенной территории, и сагартиев включили во владения других сатрапов. Кероу выдвигает версию, согласно которой этот народ, наполовину персы и наполовину пактийцы, является предком племени абдали, впоследствии получившего название дуррани, в течение нескольких столетий занимавшего главенствующее положение среди племен западного Афганистана.

Триста спартанцев сделали Ксерксу кровавое предупреждение у Фермопильского ущелья, прежде чем пали все до одного. Персы двинулись дальше и разорили Афины, но затем афиняне разгромили персидский флот у расположенного неподалеку острова Саламин. Победа греческого флота у Саламина явилась одним из самых важных сражений в истории, так как после нее всему сухопутному войску Ксеркса пришлось покинуть Грецию. Лишившись господства на море, «царь царей»¹ вынужден был спешно отступать домой, прежде чем греческий флот успел бы пересечь Эгейское море и отрезать его войско у Геллеспонта (пролива Дарданеллы). Однако Ксеркс оставил крупный отряд под командованием своего любимого военачальника Мардония, чтобы тот продолжал войну. Мардонию была предоставлена возможность самому отбирать себе людей, и в первую очередь полководец взял себе личных телохранителей царя, десять тысяч «бессмертных», а также тысячу тяжеловооруженных персидских всадников. Согласно Геродоту, «затем он отобрал себе всю пехоту и кавалерию, поставленную мидянами, скифами, бактрийцами и индийцами. Из этих народов царь брал всех воинов подряд, но из других отрядов он отбирал лишь немногих, оценивая их по физической силе и по боевым заслугам».

В течение следующих месяцев войско Мардония получило

¹ Официальный титул царя Персии.

подкрепления от греческих союзников персов, в том числе пехотинцев-гоплитов из Фив. Весной 479 года до н. э. персидское войско снова захватило Афины и Аттику, область, на которой находился город. Вражеские всадники разъезжали по стране на неоседланных конях, но наш основной военный корреспондент Геродот не смог отделить подвиги бактрийцев, скифов и, возможно, сагартиев от действий персидской конницы в целом.

После девяти месяцев мелких стычек два войска сошлись в битве у Платей. Это сражение имело такое же решающее значение для судьбы греческой цивилизации, как и сражение у острова Саламин. Геродот оставил захватывающее описание этой битвы, исход которой оставался неясным до самого конца. Бактрийцы, индийцы и скифы стояли в центре напротив воинов из мелких греческих городов-государств. На правом фланге спартамцам противостояли «бессмертные» персы, а на левом афинянам предстояло сразиться с фиванцами и другими гоплитами из союзных персам греческих городов. Сражению предшествовали долгие переходы; греки старались оставаться на холмистой местности, чтобы избежать опустошительных рейдов вражеской конницы. Наконец персидская пехота, развивая местный успех, вышла на открытую равнину, и греческая пехота, отрезанная от запасов воды неприятельской конницей, спустилась ей навстречу. Битва получилась очень жестокой и кровопролитной; возможно, захватчикам терять было больше, чем обороняющимся. Словами Геродота:

«В мужестве и силе персы и греки были равны, но у персов не было доспехов; кроме того, они не обладали мастерством и навыками своих противников. Воины выбегали вперед основного отряда по одному или небольшими группами человек по десять и нападали на спартанцев, и все погибали.

Мардоний бросился вперед верхом на белом коне в окружении отборного отряда из тысячи лучших воинов, и там, где он появлялся, персы начинали теснить своих противников. До тех пор пока Мардоний был жив, персы не отступали и сражались храбро, нанося спартамцам тяжелые потери».

В конце концов один из воинов-спартанцев убил Мардония, после чего войско персов развалилось. О персидской коннице мы больше ничего не слышим, так как она, по-видимому, без труда оторвалась от преследовавшей ее греческой пехоты. Геродот приводит цифры потерь: 257 тысяч убитых персов против 91 убитого спартанца, 16 убитых из города Тегея и 52 убитых афинян. В данном случае цифры потерь, приведенные греческим историком, следует считать абсурдными. Современные историки полагают, что силы противников под Платеями были примерно равны, а после того как чаша весов в сражении стала склоняться на сторону греков, многие персидские воины бежали с поля боя. Им пришлось с трудом пробираться домой в Азию через земли к северу от Греческого полуострова, населенные беотийцами, фессалийцами, македонцами и фракийцами, увидевшими, что верх одерживают эллины, а не персы, и быстро перешедшими на сторону победителей. В итоге лишь жалкие остатки великого войска вернулись в Азию.

К счастью для персов, греческий мир не смог добиться внутреннего единства, и после нескольких десятилетий борьбы Афин за создание союза с целью «разорить земли царя Персии» афинская и спартанская коалиции схлестнулись в жесточайшем конфликте, в результате которого Греция оказалась неспособна противостоять иноземным захватчикам. Пелопоннесская война 431—404 годов до н. э. полностью истощила силы городов-государств. Вскоре после этого, однако, десять тысяч греческих наемников относительно легко проложили себе оружием дорогу в самое сердце Персидского царства, вновь доказав превосходство греческого оружия¹. В четвертом веке до нашей эры афинский оратор Исократ призывал греков к великому походу против персов.

Его надежды были воплощены во второй половине этого столетия, но не знаменитыми городами-государствами классической Греции, а Македонией, гористой страной на севере

¹ Против царя Артаксеркса Мемнона восстал его брат Кир Младший, имевший в своем распоряжении десять тысяч греческих наемников. После смерти Кира, убитого в сражении, греческое войско двинулось обратно к морю: этим отступлением командовал Ксенофонт, описавший его в своем «Анабазисе».

Балканского полуострова. В 359 году до н. э. на трон Македонии взошел талантливый молодой царь Филипп II, завершивший покорение соседних племен горцев. В греческом мире, характеризовавшемся до той поры множеством городов-государств, связанных различными союзами, Македония стала первым крупным государственным объединением. Она имела относительно большое население (по оценкам, около четырех миллионов человек), занимала обширную территорию, богатую полезными ископаемыми и древесиной. По иронии судьбы, сила Македонии росла и потому, что вследствие упадка Эллады в нее стекались греческие ученые и ремесленники. Воспитанием и обучением сына царя и детей других вельмож занимался Аристотель. Царский двор в Пелле, словно магнит, притягивал греков и персов, вынужденных покинуть свою родину и искавших убежища и помощи в молодой крепнущей державе.

Филипп II использовал территориальные и материальные приобретения своего царства для создания самой сильной в мире на тот момент армии. В молодости он жил в греческом городе-государстве Фивах, при выдающемся Эпаминонде достигшем кратковременного господства на Пелопоннесском полуострове и нанесшем несколько сокрушительных поражений Спарте. Нововведение Эпаминонда заключалось в том, чтобы прятать за ровной линией греческой фаланги ударную силу, сосредоточенную в одном месте, — что позволяло сделать более гибкой тактику боя. Помимо этого, отлично вымуштрованная македонская пехота приняла на вооружение необычайно длинное копье, «сариссу», удлинявшееся от ряда к ряду, что дало ей тактическое преимущество по сравнению с обычными греческими гоплитами. И, наконец, македонцы вместе со своими фессалийскими союзниками создали крупные подразделения тяжелой конницы, которой всегда так не хватало эллинам. В географическом плане Македония являлась мостом между Грецией и Персией, и следствием этого соседства стала автократическая политическая система Востока, объединенная с эллинскими устремлениями. Македония получила все, чтобы покорить и эллинов и персов.

В 338 году до н. э. македонское войско двинулось на юг и

разгромило войско Фиванско-Афинской коалиции в сражении при Херонее. Самым значительным событием дня стала атака конницы под предводительством двадцатилетнего сына Филиппа на отборные войска противника, «Священный отряд» фиванцев. Из трехсот воинов, разбитых на сто пятьдесят пар партнеров-гомосексуалистов, в живых остались лишь сорок шесть, сдавшихся в плен. После победы Филипп насильственно создал новую коалицию греческих городов-государств, Коринфскую лигу, которой предстояло обеспечивать материальной поддержкой его следующий честолюбивый замысел — покорение Востока.

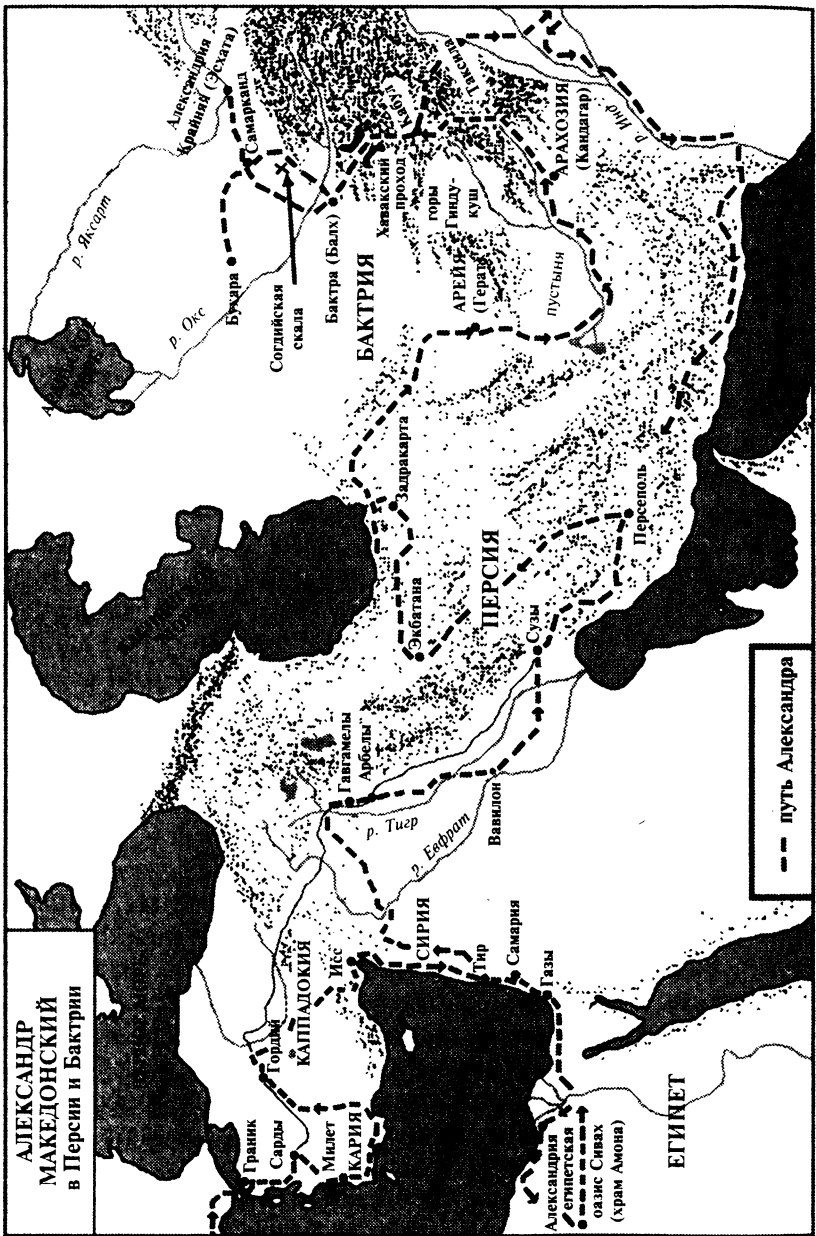
Филипп II был убит в 336 году до н. э., практически накануне панэллинского похода на Персидское царство. К этому времени его лучший полководец Парменион уже переправился через Геллеспонт и захватил в Малой Азии плацдарм для предстоящего похода. После смерти Филиппа многие города и народы, попавшие под его пяту, восстали против македонского владычества. Никто не мог предвидеть, что двадцатилетний наследник престола окажется таким же деятельным и, как выяснилось впоследствии, даже еще более честолюбивым, чем его отец. Молодой принц во главе войска двинулся на север, беспощадно подавляя взбунтовавшиеся горные племена иллирийцев и фракийцев, населявших территорию на севере современной Греции и Албании. Затем он ответил на восстание эллинов, полностью разгромив город Фивы, перебив всех мужчин и обратив в рабство женщин и детей. После этой жуткой демонстрации силы македонского оружия начался давно запланированный поход в Азию против Персидского царства. Вскоре сын Филиппа II пришел к выводу, что не сможет довольствоваться покорением одной только Персии. Он вознамерился довести македонское войско до самого края земли, находящегося, как он ошибочно полагал, сразу за Афганистаном.

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

В 329 году до н. э. случайный наблюдатель, оказавшийся среди голых предгорий Гиндукуша, увидел бы перед собой захватывающее зрелище. Впереди надвигающегося войска скакали всадники, то и дело по одному и по двое возвращаясь назад к голове колонны с донесениями. Проворные пешие воины, вооруженные дротиками, осторожно двигались по горам слева и справа от основных сил, прикрывая их с флангов. Плотная колонна пехоты и конницы, ошестинившаяся оружием, вытянулась в ущелье, куда хватало взгляда. Лица воинов загорели на солнце, их доспехи сверкали бесконечной огненной лентой. В отличие от персов новые завоеватели двигались, не обремененные поклажей и многочисленными слугами; похоже, это были одни воины.

Определить предводителя этого великого воинства было несложно, однако его внешность поразила бы случайного наблюдателя. Во главе колонны ехало много рослых воинов в пурпурных туниках и шлемах, украшенных пышными плюмажами. Многие из них имели длинные бороды с проседью и держались с важностью, подобающей царям. Но когда колонна останавливалась, основное оживление происходило вокруг одного человека. Это был крепкий молодой мужчина лет двадцати с небольшим, среднего роста, пышущий здоровьем. Его светлые, волнистые волосы ниспадали почти до самых плеч, обрамляя гладко выбритое лицо. В его движениях, заражавших всех вокруг бурлящей энергией, сквозило стремительное изящество атлета. Его резкий, высокий голос далеко разносился среди гор, когда молодой мужчина быстро выкрикивал слова приказаний. И, возможно, древнему наблюдателю, смотряще-

**АЛЕКСАНДР
МАКЕДОНСКИЙ
в Персии и Бактрии**

--- путь Александра

му на дно ущелья с высокой горы, удалось бы встретиться взглядом с молодым полководцем, когда тот, склонив голову набок, оглядывал окрестности. Этому наблюдателю посчастливилось столкнуться, хотя бы и на краткий миг, с одним из самых выдающихся людей в истории человечества.

Александр III, прозванный Великим, был самым удачливым завоевателем Древнего мира и, возможно, самым блистательным полководцем всех времен и народов. Ни один другой полководец, который мог бы сравниться с ним своими достижениями, не обладал такими разносторонними дарованиями, от стратегического мышления до личного мужества в рукопашной схватке. Рассказывают, что Юлий Цезарь, когда ему уже было под сорок, расплакался, увидев изваяние Александра, так как он к этому возрасту успел достичь лишь немногого, в то время как великий македонец в двадцать с небольшим лет уже покорил весь мир.

Биографов Александра всегда пленяла религиозная или мистическая сторона его жизни. С детских лет он знал, что по отцовской линии является прямым потомком Геракла, а по материнской — Ахилла, а именно Нептолема, сына Ахилла, и Андромахи, вдовы троянского героя Гектора. Для Александра имело огромное значение то обстоятельство, что один глаз у него серо-голубой, а другой карий. Перед самым началом похода в Азию мать Александра поведала ему, что на самом деле он является прямым потомком Зевса; современный читатель может отнестись к этому откровению как ему вздумается, но Александр принял его близко к сердцу. По мере того как росло его могущество, усиливалась и мессианская сторона его личности, получавшая подкрепление при каждом повороте колеса Фортуны (также греческой богини), и в конце концов Александра перестали интересовать политические задачи Македонии, он возомнил себя властелином единого мира. Но сначала ему предстояло покорить Персидское царство.

Македонское нашествие на Азию, проходившее при панэллинской поддержке, началось весной 334 года до н. э. Первой остановкой Александра после переправы через Геллеспонт стал Илион, древняя Троя, где он забрал доспехи Ахилла, став-

шие его личной святыней. После этого ему пришлось трижды сразиться в открытом поле с персами. Противником Александра был Дарий III, высокий красивый воин из побочной ветви династии Ахеменидов, спешно взошедший на трон Персидского царства, чтобы отразить нападение греков.

Первое сражение произошло у реки Граник на северо-западе Турции, вскоре после того, как македонское войско переправилось в Азию. Сатрапы соседних областей Персидского царства собрали свои отряды, греческих наемников-гоплитов и ополчение в огромное войско. В эту армию входили две тысячи бактрийских конников из северного Афганистана, которым предстояло вступить в бой за две тысячи миль от дома. Эти всадники очень высоко ценились в Древнем мире, и персидские цари, по-видимому, набирали из них элитную конницу. Самой боеспособной частью персидской армии были греческие воины, как уроженцы Малой Азии, так и наемники, которыми командовал замечательный полководец Мемнон Родосский. Малая Азия в прошлом уже подвергалась нашествию войск афинян и спартанцев, поэтому здесь не тешили себя иллюзиями относительно того, что ждать от опасного противника. Но персидское войско уже больше года довольно успешно сражалось с авангардом македонских сил под командованием Пармениона, поэтому военачальники не испытывали страха перед двадцатидвухлетним, судя по всему, порывистым и неосмотрительным македонским царем. Персы заняли позицию вдоль крутого берега Граника, и однажды майским днем, ближе к вечеру, на противоположном берегу появилось македонское войско.

Сражение началось с дерзкой переправы через реку, осуществленной Александром во главе «друзей»¹, своей отборной конницы. Древние источники расходятся относительно того,

¹ Организационные формы войска Александра Македонского определялись традициями отдаленных времен «гомеровской» эпохи, когда войско возглавлял царь со своей дружиной. Члены дружины Филиппа и его сына назывались «гетерами» — «друзьями». Этим термином обозначался довольно узкий, замкнутый круг родовой знати, приближенных царя. Дружина Александра делилась на отдельные подразделения, «илы»: семь ил носили названия областей, из которых набирались, а восьмая называлась «царской». Восьмая ила представляла собой что-то вроде конной гвардии; в бою Александр находился именно в ней.

что было дальше: одни описывают сражение в открытом поле, другие говорят про неприятельскую конницу, выстроившуюся стеной на противоположном берегу и вынудившую македонцев вести бой в воде. Во время первого натиска погибли двадцать пять македонцев. Наконец (на следующий день, согласно Диодору) македонцам все же удалось переправиться основными силами и почувствовать под ногами твердую землю.

Все источники сходятся, описывая Александра в гуще сражения. Его копье разлетелось в щепки, и ему пришлось взять копье у Демарета, одного из «друзей»-всадников. Тут молодой царь увидел зятя Дария, Митридата, несущегося прямо на него во главе выстроившихся клином персидских конников. Александр бросился вперед, опередив всадников-«друзей», и свалил Митридата с коня, поразив копьем в лицо. Другой персидский вельможа Ресак набросился на Александра и отбил кусок от его шлема. Александру, хотя и оглушенному, удалось пронзить Ресаку доспехи на груди и повергнуть его на землю. Но тут за спиной Александра появился с занесенным мечом Спитридат, персидский сатрап Лидии и Ионии, готовый нанести смертельный удар. Однако Клит, один из «друзей», успел подскокить к Спитридату и отсечь ему руку, сжимавшую меч.

В бой вступали все новые отряды македонской конницы и пехоты, и персидская конница в центре дрогнула, а затем побежали и фланги. Большинству персидских всадников удалось бежать, так как Александр не преследовал их, поскольку его больше интересовала греческая пехота, союзница персов, продолжавшая сражаться. Согласно Арриану: «Масса их осталась — не по здравом размышлении, а скорее от ужаса перед неожиданностью — стоять там же, где их вначале и поставили. Александр повел на них пехоту, а всадникам велел напасть на них со всех сторон. Ворвавшись в середину, он в короткое время перебил всех, никому не удалось убежать, разве кто спрятался среди трупов; в плен было взято около двух тысяч».

После победы у Граника Александр, двинувшийся в глубь Азии в Сирию, столкнулся с очень опасной проблемой стратегического характера. Вскоре молодой царь узнал, что «царь царей» Дарий III лично взял на себя руководство военной операцией и начал собирать огромное войско. Воины стекались в

Вавилон со всех окраин обширного царства. Кроме того, командовать войсками на побережье Средиземного моря и персидским флотом было поручено Мемнону. Мемнон попытался заключить союз с эллинской Грецией с целью выжать македонцев с Балканского полуострова. В прошлом уже дважды подобная стратегия приносила персам плоды. Во время Пелопоннесской войны Персия, борясь с захватами Афин в Ионии, направила щедрые дары Спарте. Затем, когда Спарта начала одерживать верх, персы, в свою очередь, заплатили Афинам и Фивам. В обоих случаях греческим войскам приходилось спешно возвращаться из Малой Азии, чтобы усмирить возмущения у себя на родине, в Греции. Когда Александр начал продвигаться в глубь Азии, персы решили снова отправить грозным греческим городам-государствам, остававшимся у него в тылу, золото и, если понадобится, войска. Пока что у персов по-прежнему были все деньги.

Александр двинулся дальше, поручив своему наместнику Антипатру, оставшемуся в Македонии с несколькими тысячами воинов, подавлять любые восстания и собственными силами противостоять попыткам Персии организовать ответное вторжение. После победы у Граника Александр подошел к городу Гордию, где находился знаменитый узел. Согласно легенде тот, кто развяжет этот узел, должен был стать повелителем Азии. Немного подумав, македонский царь просто выхватил меч и перерубил узел пополам. В следующем году Александру улыбнулась судьба: Мемнон, под чьим командованием персидский флот захватил острова Хиос и Лесбос, заболел и умер. Таким образом, не стало единственного полководца, правильно оценившего македонскую угрозу и откликнувшегося на нее единственным возможным способом, начав борьбу с путями снабжения македонского войска.

Но пока тылу Александра угрожали интриги и подкупы персов и действия их флота, более насущная проблема возникла совсем рядом, на дуге, где современная Турция встречается с Сирией. В игре в кошки и мышки победа осталась за Дарием III. Ему удалось перейти со своим войском через перевалы, отделяющие средиземноморское побережье от остальной Азии, и выйти в тыл македонцам. Александр был вынужден оставить

больных и раненых в приморской деревушке Иссе. Персы захватили македонский лагерь и перебили всех, кто там находился. Затем Дарий приготовился к сражению, разместив свое войско за рекой Пинар, разрезающей узкую долину между Киликийскими горами и побережьем. Македонцы развернулись и тоже вышли к Пинару. Их полководцы с удивлением отметили, что «царь царей» построил в некоторых местах вдоль реки укрепления. Это говорило о том, что персы боятся своего противника.

Войско Дария численностью превосходило войско Александра, насчитывающее около сорока восьми тысяч человек. Однако, выбрав для сражения такое стесненное место, персидский царь свел на нет почти все свое преимущество. Войско Дария состояло из воинов из Персии и западных областей царства. Римский историк Курций сказал: «Что касается бактрийцев, согдов, индийцев и других... чьи названия часто не знал даже сам Дарий, их не успели собрать, так как войско созывалось в великой спешке». Основная сила персидского войска заключалась в двух составляющих: кроме собственных воинов, Дарий собрал всех греческих гоплитов, предположительно около тридцати тысяч воинов; к тому же у него было больше конницы: до двадцати тысяч всадников против шести с половиной тысяч, имевшихся у Александра. Кроме того, позиции персидского войска защищала естественная преграда, река Пинар, чьи берега были местами крутыми, а местами усилены укреплениями.

В октябре 333 года до н. э. под Иссой македонское войско медленно надвигалось на персов. Сам Александр командовал правым флангом, примыкающим к горам, а левым, прижавшимся к берегу моря, командовал Парменион. В самый последний момент Александр заметил на берегу численно превосходящую персидскую конницу и приказал своей фессалийской коннице, подобно фланговому нападающему в американском футболе, перейти с правого фланга на самый край левого, причем передвижение это было скрыто плотной фалангой пехоты. Затем правое крыло македонского войска перешло в наступление.

Александр повел в атаку своих «друзей», рассчитывая за счет скорости свести до минимума действие дождя персидских

стрел. Пригибаясь, прячась за щитом, он первым достиг линии лучников, тотчас же в ужасе бросившихся врассыпную. Левое крыло персидского войска не смогло устоять перед натиском конницы Александра и шедшей следом за ней пехоты. Но в центре отборной македонской фаланге не удалось одолеть греков Дария. Македонцы застряли в реке, их боевой строй нарушился, в то время как гоплиты без труда держали оборону. У берега моря персидская конница переправилась через реку и начала давить войска Пармениона, у которых не оставалось свободы маневра, поскольку Пармениону было приказано прижиматься флангом к морю.

Единственного успеха македонское войско добилось на правом фланге, где Александр обратил персов в бегство. Затем молодой царь повернул свою конницу в центр, на греческую пехоту. Он ударил ее с фланга и тыла, прокладывая себе дорогу к центру, где находился Дарий. Курций писал: «Кровавая бойня приняла масштабы катаклизма. Колесница Дария была окружена телами его самых выдающихся полководцев, принявших доблестную смерть на глазах у своего царя и теперь лежавших распростертыми на земле, зажимая страшные раны на груди, там, где они погибли». Наконец ряды греков дрогнули, обратились в бегство отборные войска персов, и Дарий вынужден был быстро делать выбор: либо погибнуть или попасть в плен после первого же сражения с Александром, либо бежать и сохранить свою империю. Увидев, что македонцы теснят греков и его гвардию, царь выбрал жизнь и бежал с поля боя.

После бегства «царя царей» греческие наемники оказались в жутком положении. Они держали центр, но теперь македонцы обошли их слева. Их строй дрогнул, смешался и наконец рассыпался. Греки обратились в бегство. Правый фланг персидского войска вскоре понял, что остальная часть армии отступает, и это крыло тоже поспешило выйти из боя. Под Иссой македонцам удалось разгромить отходившего неприятеля, отчасти потому, что персидская конница, начавшая отступать последней, растоптала свою же собственную пехоту и спасающиеся бегством воины застряли в узких проходах, ведущих в долины. Будущий историк и царь Птолемей, находившийся рядом с

Александром, сообщил, что «отряду, в погоне за Дарием вошедшему в ущелье, пришлось идти по трупам».

После сражения Александр, раненный в бедро, захватил колесницу Дария и его шатер, где оставались жена, дети и мать царя. Македонцам также досталось много золота. Молодой царь отправил Пармениона в Дамаск за царской казной. До сих пор Александр, как и до того его отец, вынужден был действовать, подчиняясь обстоятельствам. Но сейчас его первоочередной задачей стал поход по побережью Средиземного моря, уничтожение персидского флота и устранение угрозы материальной помощи восстанию в Греции. После эпических осад Тира и Газы македонское войско дошло до Египта, где Александр был встречен как освободитель и коронован фараоном. Находясь здесь, молодой царь основал город Александрию и совершил окутанное тайной путешествие в пустыню, в оазис Сивах, чтобы встретиться с оракулом Амона, бога, которого греки считали равным Зевсу. Александр услышал от этого оракула какие-то таинственные пророчества и еще больше утвердился в том, что является прямым потомком богов.

Когда в 331 году до н. э. Александр возвратился из Египта в Азию, Дарий прислал ему предложение заключить мир. «Царь царей» был готов отдать македонцам всю территорию к западу от реки Евфрат, а также десять тысяч талантов золота контрибуции и выкуп за царскую семью. Парменион, правая рука Филиппа II и лучший полководец Александра, обдумав это предложение, сказал: «Если бы я был Александром, я бы согласился». Александр презрительно ответил: «Я бы тоже согласился, если бы был Парменионом». Македонская армия двинулась вперед, рассеивая персидскую конницу, и переправилась через Евфрат и Тигр. В походе Александр постоянно посылал во все стороны конные отряды, чтобы быть в курсе дел своего противника. До той поры лишь однажды греческому войску удавалось дойти до Месопотамии, когда в 401 году до н. э. «Десять тысяч» под предводительством спартанцев без труда сокрушили неприятельскую пехоту. Пока что Александру удавалось подтвердить точку зрения Ксенофона, утверждавшего, что вавилонскому ополчению не устоять перед хорошо обученными и прекрасно вооруженными воинами Запада.

И тем не менее Александр ощутил тревогу, когда утром одного сентябрьского дня 331 года до н. э. поднялся на вершину холма и увидел вдалеке новое войско Дария III. Все те два года, что Александр провел в Палестине и Египте, Дарий развивал бурную деятельность. Отдав почти все свои западные территории, он собрал силу восточных областей, чтобы противостоять завоевателю. Его новое войско состояло не из пехотинцев, набранных из крестьян Месопотамии, а из всадников, жителей Афганистана и соседних областей: бактрийцев, скифов, парфян, аракийцев, аретян и индийцев. Войско Александра, получившее подкрепления из Македонии, насчитывало около 48 тысяч человек, из них почти семь тысяч всадников. Но у Дария только конницы было 35 тысяч, и он по-прежнему сохранил свою греческую пехоту, 10 тысяч тяжеловооруженных «Бессмертных», а также другие хорошо обученные части, не считая великого множества ополченцев, добавлявших персидскому войску если не силы, то численности.

Более того, Дарий научился не сводить на нет численное преимущество своего войска, располагая его на ограниченном пространстве, как было при Иссе, или на постоянной позиции, как было у Граника. В обоих случаях была растрчена впустую высокая маневренность персидской конницы. Оглядываясь назад, видно, что Дарий увидел мельком, но не постиг до конца будущую стратегию войн в Азии, развившуюся в последующие столетия и просуществовавшую до изобретения пороха. Со временем выяснилось, что войско, состоящее из подвижных отрядов конных лучников и копьеносцев, окажется достойным ответом строгой дисциплине греческой (а впоследствии римской) пехоты. Но хотя в следующем сражении Дарий и попытался обеспечить широкое поле маневра своим всадникам, он все еще был слишком крепко привязан к идее лобового столкновения армий.

Дарий подготовил место будущего сражения, разровняв и расчистив большое поле на равнине неподалеку от деревни Гавгамелы, приблизительно в семидесяти милях к северо-западу от города Арбела в современном Ираке. Особое внимание он уделил подготовке путей для своих двухсот колесниц, оснащенных длинными косами, выступающими с обеих сторон.

Колесницам предстояло лишь расстроить боевые порядки неприятеля; главным оружием должны были стать сами повозки. Убедившись на собственном опыте, что Александр всегда возглавляет правое крыло македонского войска, Дарий разместил сто колесниц на левом фланге своего войска, пятьдесят в центре и пятьдесят напротив левого крыла македонцев.

Правым флангом персов командовал Мазей, сатрап Сирии, а левый, которому предстояло сразиться с Александром, возглавил Бесс, сатрап Бактрии. Бесс поставил бактрийских и скифских всадников впереди своей основной конницы, состоявшей опять же из бактрийцев, арахозийцев, дагов (скифское племя) и других всадников. Вся передняя линия персидского войска ошетилилась копьями всадников, а в центре за ними стояла отборная тяжеловооруженная пехота; пехотинцы ополчения располагались позади первого эшелона, как можно предположить, бесформенной массой.

Прибыв на место, Александр стал действовать очень осторожно. Он выждал четыре дня. Поскольку его собственное войско не испытывало недостатка в припасах, возможно, эта задержка была призвана подорвать голодом и сопутствующим ему упадком боевого духа силы превосходящего численностью персидского войска. Другая проблема, стоявшая перед македонским царем, заключалась в том, что он не мог растянуть на открытой местности свое войско вдоль всего неприятельского фронта; учитывая превосходство персов в коннице, Александр понимал, что его с самого начала обойдут с флангов. Его решение состояло в том, чтобы расположить войско в виде приближенного прямоугольника. Тяжелая македонская пехота выстроилась спереди, конница «друзей» под командованием самого Александра заняла место справа, а фессалийская конница Пармениона встала слева. Далее Александр поставил войска тупым клином, а сзади разместил дополнительную линию союзной греческой пехоты (первый известный в истории случай применения тактического резерва). И, наконец, Александр придумал выдающийся маневр.

В первый день октября 331 года до н. э. Александр начал сражение. Как и под Иссой, он двинул вперед свой правый фланг, «подтаскивая» за собой левое крыло Пармениона. В результате

все войско стало разворачиваться против часовой стрелки. Это косое движение преследовало двойную цель: войти в боевое соприкосновение с левым флангом персов, при этом создавая иллюзию открытого пространства и тем самым заманивая основные силы персидского войска атаковать левое крыло македонцев. Сам Александр находился во главе конницы «друзей», ожидая неизбежного нарушения боевого порядка противника. С самого начала главной его целью было нанесение удара по центру персидского войска, где, как он был уверен, должен был находиться Дарий.

Македонцы зловещим косым строем двигались вперед. По мере того как их войско меньшей численности разворачивалось против часовой стрелки, левый фланг персидского войска начинал терять численный перевес, при этом их правое крыло приобретало подавляющее превосходство над македонцами. Персам уже был виден оголившийся фланг Пармениона. Но методичное движение македонцев грозило достичь края расчищенного пространства, и Дарий был вынужден начать ответные действия. Он приказал тысячам бактрийских и скифских всадников своего левого крыла ударить в правый фланг македонского войска, чтобы остановить его дальнейшее продвижение. Македонцы остановились, и Дарий выпустил на неприятеля свои колесницы.

Такие колесницы, что были у персов, уже давно считались в греческом мире анахронизмом. И персидским колесницам предстояло выполнить самоубийственную миссию. Поскольку для эффективного действия колесниц им требовалось двигаться с большой скоростью, они не могли рассчитывать на поддержку своих главных сил; они были вынуждены нестись на угрюмый строй тысяч вооруженных македонцев, предоставленные сами себе. Александр предвидел появление неприятельских колесниц и расставил впереди своих основных сил лучников и метателей дротиков, и эта легкая пехота, целившаяся в возниц и лошадей, вынудила многие колесницы остановиться, развернуться или опрокинуться еще до того, как они достигли македонского войска. А те колесницы, которым все же удалось проскочить через заградительный кордон македонцев, обнаружили, что фаланга просто расступилась, пропуская их сквозь

себя. Возничих стащили с повозок и перебили; они не могли развернуть колесницы, чтобы вернуться к своим войскам, так как при этом подставили бы под удар беззащитные спины.

На правом фланге македонского войска хорошо вооруженные бактрийские и скифские всадники начали теснить конницу Александра. Успех заразителен, поэтому все левое крыло персов двинулось вперед. Но Александр спрятал на своем правом фланге среди конницы пехоту, поэтому вместо того, чтобы колебаться волнами, что свойственно схватке всадников, правое крыло македонского войска держало строй. Однако на обнаженном левом фланге Парменион оказался в очень трудном положении. В центре македонская фаланга сошлась с греческой пехотой и персидскими «Бессмертными». Под напором превосходящих сил противника левый фланг македонского войска сжался, образовав брешь между Парменионом и центром, в которую устремились несколько тысяч персидских и индийских всадников. Добравшись до македонского обоза, они занялись грабежом.

Легенда гласит, что мать Дария, царица Сисигамбия, находившаяся в плену у Александра, отказалась бежать вместе с персидскими воинами. Однако древние источники не позволяют отличить лагерь Александра, где содержалась захваченная в плен царская семья Персии (а также его собственная казна), от обоза подвижного войска, где воины, отправляясь на бой, оставляют свои пожитки. На данный момент сумки простых македонских воинов, наполненные добром, награбленным в Малой Азии и Египте, представляли собой лакомую добычу. Кроме того, надо помнить, что персидские воины, вынужденные выжидать несколько дней перед сражением, вероятно, были голодны. В любом случае, если королева-мать действительно отказалась последовать в разгар битвы за всадниками с обезумевшими взглядами, ее решение говорит скорее об осторожности, чем о привязанности к тому, кто взял ее в плен.

Правому крылу македонского войска становилось все труднее сдерживать натиск превосходящих сил противника, левое крыло Пармениона оказалось практически полностью окружено и держалось из последних сил, но тут Александр увидел открывшуюся перед ним возможность. Основные силы персид-

ского войска в беспорядке двинулись на Пармениона, восточная конница на левом фланге персов вязалась, как казалось, в успешный бой с конницей правого крыла македонцев. И между левым крылом и центром войск Дария оказался незащищенный разрыв. Александр и его конница «друзей» до сих пор не вступали в дело. Но сейчас Александр во главе клина своей тяжелой конницы бросился вперед, с правого фланга македонского войска прямо на Дария. Находившаяся неподалеку македонская фаланга последовала за ним, словно затянутая вакуумом.

Практически ослепленному пылью и оглушенному шумом сражения, «царю царей», находившемуся в центре персидского войска, должно быть, казалось, что его замысел успешно осуществляется, как, в общем-то, и было на самом деле. Но внезапно телохранители Дария попятнулись назад под неожиданным натиском. Дарий готов был сражаться, если бы только смог определить, где находится неприятель. Вместо этого он вдруг оказался окружен со всех сторон умирающими и спасающимися бегством воинами. И внезапно раздавшийся слева от него топот копыт, звон металла и крики возвестили о том, что Александр вклинился в порядки его телохранителей и направляется прямо к нему.

В утверждение Арриана насчет того, что Дарий первым из персов обратился в бегство, поверить очень трудно. Большого доверия заслуживают слова Курция о том, что возница колесницы Дария упал, пронзенный копьем, и персидские воины пали духом, решив, что «царь царей» погиб. В ушах Дария звучали крики его непобедимых воинов, падающих на залитую кровью землю. Под Гавгамелами Дарий, как перед тем под Иссой, вдруг оказался перед необходимостью выбирать между тем, чтобы погибнуть или попасть в плен или отступить, тем самым сохранив царство Ахеменидов. А может быть, он просто запаниковал. История отнеслась бы к нему более благосклонно, если бы он, несмотря ни на что, остался на поле боя; однако Дарий предпочел бегство.

До сих пор неизвестно, видели ли друг друга Дарий и Александр под Гавгамелами. Гораздо более вероятно, что Александр видел «царя царей» на роскошной колеснице, в окружении телохранителей, чем наоборот. Александр, хотя и не склонный

одеваться скромно, должен был показаться Дарию сквозь облако пыли просто одним из оравы всадников, рубящих и колющих направо и налево, пробивая себе дорогу к царской ставке. После того как Дарий обратился в бегство, Александр преследовал его на протяжении нескольких миль, пока не получил донесение, что у него за спиной продолжается сражение.

После того как центр персидского войска рассыпался, Бесс, находившийся на левом фланге персов, понял, что ему нужно выходить из боя. Его бактрийские, арахозийские и скифские всадники прекратили давление на правое крыло македонцев и стали отступать. Вскоре известие об этом достигло правого фланга персов, действовавшего весьма успешно, и эти войска тоже стали отходить, наконец отстав от Пармениона. Затем якобы его фессалийская конница предприняла мощную контратаку, обратив в бегство противостоявшее ей крыло персидской армии.

Возвращаясь на поле сражения после погони за Дарием, Александр наткнулся на большой отряд персидских, парфянских и индийских всадников, отступавших в боевом строю. Молодой царь был захвачен врасплох, и ему пришлось выдержать самое трудное боевое столкновение в этот день. В стычке погибло около шестидесяти «друзей», но персидские всадники, забыв о тактике и боевом порядке, сражалась просто от отчаяния. «Они не брались за дротики, не кружились, как это обычно в конном бою: каждый поражал того, кто был перед ним, видя в этом единственное для себя спасение», — пишет Арриан. Его слова позволяют пролить какой-то свет на то, что происходило на флангах. Думая только о собственном спасении, неприятельские всадники просто опрокинули «друзей». О личном боевом мастерстве Александра свидетельствует то, что враги промчались мимо него, а не по нему.

Греческие историки, как всегда, приводят весьма сомнительные сведения о потерях в этом сражении, самыми невероятными из которых являются цифры Арриана: 300 тысяч убитых персов и 100 македонцев¹. Однако в действительности персидская конница без труда оторвалась от преследования македон-

¹ Неточность: Арриан говорит о 30 тысячах убитых персов и 100 убитых «друзьях».

ской пехоты, а македонским всадникам лучше было бы не преследовать своих врагов, чтобы не пасть от парфянской стрелы. Разумеется, пешее ополчение, набранное в окрестных областях, составлявшее основную массу персидского войска, скорее всего понесло большие потери. Вероятно, недавние крестьяне сотнями становились жертвами македонских воинов, опьяненных успехом. Но все же высока вероятность того, что большая часть арейан, арахозийцев, бактрийцев и скифов, которым удалось выжить в бою, после распада армии добралась домой. Возможно, какое-то время македонцы преследовали неприятеля, убивая всех, кого могли; также можно найти утешение в мысли, что они великодушно сохранили жизнь бесчисленным тысячам персидских крестьян, сложивших оружие.

Чудом уцелев в стычке с неприятельской конницей, Александр ночью возобновил преследование Дария. На следующий день он достиг города Арбела (по которому иногда называют это сражение), но Дарий, останавливавшийся здесь, уже скрылся. Александр снова обнаружил лишь брошенную колесницу «царя царей». Дарий направился на север в сопровождении Бесса и бактрийской конницы, а также, весьма любопытно, нескольких тысяч греческих и персидских пехотинцев, отступивших с поля сражения в боевом порядке. Александр очень сожалел о том, что не смог убить «царя царей» или захватить его в плен, но все же у него было чем утешиться. Он разгромил величайшее войско, какое только смогло собрать Персидское царство. Отныне это царство принадлежало ему.

Дарий двинулся на север с бактрийскими войсками Бесса и сохранившими ему верность греками, а остальная армия, лишившись своего царственного главнокомандующего, рассеялась. Вероятно, все дороги, ведущие в Афганистан, Согдиану и Индию, заполнили длинные вереницы воинов, возвращавшихся домой. Став беглецом, Дарий направился на север, туда, где его противнику не было смысла его преследовать.

Александр повернул на юг, в Вавилон, торговый и административный центр Персидского царства, и провел там больше месяца. Македонские воины, должно быть, считали, что попали в рай, а может быть, в ад. Потрясенный Курций писал: «На пир-

шествах присутствовали женщины. В начале торжества пристойно одетые, они затем снимали всю верхнюю одежду и постепенно позорили себя». Из Вавилона македонское войско двинулось на Сузы, которые произвели на них почти такое же огромное впечатление. Богатства Месопотамии превосходили самые пылкие мечты простых македонских воинов, выросших среди того, что греки считали изобилием, но что персам показалось бы спартанскими условиями. Зодчество, яства, ткани и женщины поразили совершившую долгий поход армию Александра.

Затем Александр двинул свое войско из Суз в Персеполь, местонахождение царского двора, город, расположенный в отдаленных горах Загрос в юго-западной части современного Ирана. Македонское войско приблизилось к этим местам в начале 330 года до н. э. Путь лежал через земли горного племени уксиев, потребовавших плату за проход через их перевалы. Македонцы быстро стерли с лица земли все поселения в долинах, а затем сам Александр во главе отряда легких воинов преодолел перевалы. Оставшимся в живых уксиям было приказано платить захватчикам ежегодную дань в количестве тридцати тысяч баранов и других животных. Войдя на территорию Персии, Александр встретил Ариобарзана, местного сатрапа, храбро вступившего с ним в бой. Дни освобождения народов от персидского гнета остались позади; теперь Александру приходилось все чаще сражаться с патриотами, защищающими свою отчизну. Разделив свои силы, македонский царь обрушился на персов с трех сторон и разгромил их.

Александр и его дрожащие от холода воины прибыли в Персеполь в конце января или начале февраля 330 года до н. э. Их ожидали одновременно благоговейный трепет и разочарование. Величественный город, раскинувшийся в долине в окружении высоких гор, состоял из огромных роскошных дворцовых комплексов и богатых зданий. Но в действительности это был не город. Персы воплотили в холодных предгорьях Загроса свои самые смелые архитектурные замыслы, но здесь не было никакой торговой активности, в городе вообще практически отсутствовали жители. Александр надеялся, что его войско в Персеполе, столице могущественного царства, найдет уютные зимние квартиры. Вместо этого он обнаружил безлюд-

ный город, населенный лишь слугами «царя царей»; город-призрак, наполненный гигантскими символами персидского величия. Александр по ошибке завел своих людей в тупик.

Заняв Персеполь, Александр в отличие от того, что было в Вавилоне и Сузах, отдал город на разграбление своим воинам, запретив им трогать лишь дворцы. Солдаты выместили свою злость на пустых поместьях и слугах, остававшихся в городе. Македонское войско застряло в Персеполе на четыре месяца. Началась зима, и перевалы через Загрос завалило снегом.

Сам Александр посетил Пасаргады, город, в котором первоначально находилась столица Кира Великого, расположенный приблизительно в сорока милях от Персеполя еще выше в горах, с еще более суровым климатом. Зимой Пасаргады оказались почти полностью опустевшими. Александр побывал на могиле Кира, а затем во главе отряда легких воинов двинулся на север, якобы для того, чтобы покорить племена горцев, но на самом деле, вероятно, желая проверить, нет ли там дороги через Загрос. Один случай позволяет нам лучше узнать натуру Александра: когда отряд наткнулся на глыбы льда, перегоревшие ущелье, царь соскочил с коня, схватил топор и лично прорубил дорогу. Во время этого похода отряд Александра обнаружил одетых в шкуры горцев, живущих в пещерах, и сразился с ними. Горцы бежали, едва увидев македонских воинов, а Александр, поняв, что это новое завоевание не добавляет блеска к его славе, неохотно возвратился назад в Персеполь.

По поводу одного события в жизни Александра историки спорят с древних времен по сей день: зачем он перед тем, как весной 330 года до н. э. покинуть Персеполь, поджег город, полностью его уничтожив? Бесспорно одно: к тому времени, как македонское войско смогло уйти из города, все до одного воины, и в первую очередь сам Александр, успели его возненавидеть. Всю зиму вместо того, чтобы наслаждаться плодами своих побед, македонцам пришлось влачить жалкое существование в продуваемых холодными ветрами пустынных каменных стенах в окружении мраморных призраков. При Ахеменидах в Персеполь постоянно прибывали караваны с продовольствием, но Александр разрушил систему поставок, и македонцы остались лишь с тридцатью тысячами баранов, отобранных у

уксиев. Победенные персы продолжали наслаждаться теплом и сытой едой в остальных частях царства, а победители-македонцы, подобно стаду дикарей, вынуждены были терпеть лишения в символической столице.

Отказавшись от бесплодных поисков путей отхода, Александр досконально обследовал Персеполь. Куда он ни бросал взгляд, везде были свидетельства персидского могущества: от мозаик, изображавших бесконечные шествия побежденных народов, предлагавших дары, до огромных изваяний персидских царей на фризах зданий. Зимой темнело рано, и Александр видел их преимущественно лишь как нависающие тени, дрожащие в свете факелов. Кир Великий, Дарий I и Ксеркс сыграли с ним злую шутку из могилы. Греки считали персов мягкотелыми и привыкшими к роскоши. Но когда Александр попал в самое сердце персидского царства, выяснилось, что здесь очень сурово и холодно.

В конце мая Александр наконец получил донесение том, что накоплено достаточно запасов продовольствия для продолжения похода, а снег на перевалах Загроса растаял и они наконец стали проходимыми. Во время пира, устроенного в последнюю ночь пребывания в Персеполе, Александр, подталкиваемый приближенными, схватил факел и швырнул его в дворец Ахеменидов.

Увидев, как огромное здание занялось пламенем, македонские воины прилежно прибежали с ведрами воды, чтобы тушить пожар. Но, поняв, что сам Александр разжигает огонь, все войско с радостью присоединилось к нему. Вскоре обрушилась крыша дворца, сделанная из кедровых балок. На глазах македонцев, поднимая снопы искр, в море огня и дыма рухнуло одно из самых величественных зданий древности. Каллисфен, придворный историк Александра, племянник Аристотеля, поспешно заявил, что настал час возмездия за разорение Афин Ксерксом в 480 году до н. э. На самом деле Александр и его люди лишь дали выход переполнявшему их отчаянию, скопившемуся за четыре долгих месяца.

В то время как Александр терпел лишения в Персеполе, Дарий с удобством перезимовал в Экбатане (современном Хамадане), ожидая, когда растает снег на перевалах в горах север-

ной Мидии. В начале июня погоня продолжилась. Дарий бежал на восток в сопровождении трех тысяч бактрийских всадников под командованием Бесса и шести тысяч греческих и персидских пехотинцев. Александр достиг Экбатаны, пройдя 260 миль за одиннадцать дней, и там соединился с частью своего войска, оставленной в Сузах. Здесь он узнал о восстании в Греции, возглавленном Спартой, которое было подавлено македонским наместником Антипатром. В Экбатане Александр распустил союзные греческие части, в том числе фессалийскую конницу Пармениона. Наградив каждого воина, он разрешил им возвращаться домой. И в то же время предложил остаться с его войском и забыть про верность своим городам-государствам, поступив на службу к нему. Таким образом, панэллинская война, каким до сих пор хотя бы номинально считался поход Александра, закончилась. Отныне все войско подчинялось лично македонскому царю.

Погоня продолжалась вдоль южного побережья Каспийского моря, и наконец Александр в сопровождении лишь шестидесяти уставших всадников настиг Дария. «Царь царей» был найден в повозке, скованный золотыми цепями и пронзенный дротиками. Рядом с ним были два мертвых раба и живая ручная собачка. Это стало большим ударом для Александра, стремившегося придать законность своей власти. Получить царство в наследство от подло убитого властелина — это было скорее оскорблением, чем подарком. Разумеется, именно поэтому Дария и убили его бывшие сподвижники, потерявшие в него веру. Знать Бактрии и других восточных областей больше не желала быть связанной с судьбой Дария. Теперь Александру, желавшему двигаться дальше, предстояло иметь дело с ними, а не со злополучным «царем царей».

После того как был найден труп Дария, по македонскому войску распространился слух, что поход завершен. Однажды утром Александр, проснувшись, обнаружил, что воины собирают свои вещи, настроенные на скорое возвращение домой, а не на продолжение войны. Александру пришлось очень непросто. Он обратился к войску с пламенной речью, заявив, что дело еще не доведено до конца, что все усилия и жертвы будут напрасны, если сейчас повернуть назад. Воины согласились про-

должить путь на восток. Для того чтобы хоть как-то скрасить долгое пребывание вдали от семей, Александр разрешил своим воинам брать жен из числа местных жителей. До того македонское войско двигалось быстро, не обремененное длинным обозом, что было ключевой составляющей его стремительности и маневренности. Теперь десять тысяч человек воспользовались предложением царя, и через год в обозе уже было такое же количество новорожденных детей.

Самому Александру подобные излишества были ни к чему, и вскоре он приказал сжечь все повозки. Царь лично подал пример воинам, запалив свои вещи. Ему приходилось в чем-то потакать желаниям простых солдат, но его первоочередной задачей было сохранить поджарое, подвижное войско. В своем обращении, призывая воинов продолжить поход на восток, Александр заявил, что война будет окончена через четыре дня. Возможно, он и сам в это верил. Но царь не мог открыть своим воинам, что он собирался вести их в места, бывшие для греков неведомым краем света, в земли более неприступные, чем те, что остались позади, — в страну, которую мы сейчас называем Афганистаном.

Трое из убийц Дария — Бесс, сатрап Бактрии, Сатибарзан, сатрап Арреи, и Барзант, сатрап Арахозии, вернулись в столицы своих областей на территорию современного Афганистана и стали ждать македонское войско — надеясь, что оно все же до них не дойдет. Вскоре Александр получил сведения, что Бесс, потомок Ахеменидов, командовавший под Гавгамелами левым крылом персидского войска, надел «высокую тиару и персидскую столу»¹, символы царской власти, и принял царское имя Артаксеркс. Наверное, Александр очень обрадовался такому обороту событий и постарался как можно быстрее распространить среди своего войска известие о подобной дерзости Бесса. Теперь македонским воинам противостояли не обломки царства, а противник, провозгласивший себя новым «царем царей».

Бесс, со своей стороны, рассчитывал на союз с сатрапиями, составляющими нынешний Афганистан, а также с согдами и

¹ Стола — длинное парадное одеяние в античном мире.

скифами, населяющими земли к северу от Окса, и, возможно, даже с княжествами восточной Индии. Больше того, он делал упор на то, что македонцы дошли до границы известного им мира. Еще ни одному войску в истории не приходилось отойти так далеко от дома, как армии Александра, и Бесс был уверен, что боевой запал греческих захватчиков скоро истощится.

На западе Александр был хорошо осведомлен относительно маршрутов передвижения по прошлому опыту греков, к тому же ему помогала довольно хорошо развитая сеть царских дорог Персии. Однако на востоке его войску предстояло шагнуть в неведомое. Бесс выгадывал время в надежде на то, что македонцы понесут большие потери в пустынях и на высоких горных хребтах, непреодолимых большую часть года. По иронии судьбы сам Бесс, надев царскую тиару, дал Александру повод идти со своим войском дальше. К тому же перс недооценил своего противника. Одним из качеств Александра, которые ставят в тупик современных исследователей, является то, что молодой царь не только отличался личным мужеством в сражении, но и проявил себя как талантливый организатор снабжения войска и разведки. Македонское войско не ввалилось в Афганистан очертя голову, а вошло медленно, методично, делая остановки и запасаясь продовольствием, узнавая подробную информацию от местных жителей. Только в бою Александр мог безрассудно бросаться в самое пекло, забывая о личной безопасности. Разрабатывая план вторжения, молодой царь действовал осторожно и тщательно. Летом 330 года до н. э. Александр собрал свое войско к юго-востоку от Каспийского моря и устроил передышку. Проводились спортивные состязания, и однажды с севера прибыла царица амазонок, которая надеялась зачать ребенка от великого завоевателя. В течение столетий историки ставили под сомнение эту легенду, но современные археологи обнаружили в евразийских степях захоронения, содержащие достаточно свидетельств культа женщины-воина. Все это позволяет принять за правду древние рассказы о войнах-амазонках, хотя грозные сарматы, двоюродные братья скифов, к которым предположительно они и принадлежали, скорее всего использовали их в первую очередь с дипломатическими целями. Что же касается зачатия ребенка, по пре-

данию, Александру потребовалось на это тринадцать дней, что, вероятно, говорит скорее о возникших у царя затруднениях, а не о его пылком энтузиазме.

Когда македонское войско вошло в Арейю в районе современного Герата, сатрап Сатибарзан сразу же переметнулся на сторону победителей и сохранил свою должность. Александр благосклонно относился к проявлениям преданности со стороны персидской знати и полагался на ее опыт, надеясь, что она поможет поддерживать порядок в провинциях. На данный момент македонское войско можно было сравнить с выездным правительством; оно не обладало ни опытом, ни знаниями местных условий, чтобы можно было заменить персидских чиновников. Александр оставил в столице провинции Арейя, Артакоане, сорок всадников под командованием Анаксиппа как знак своей власти.

Македонское войско двинулось дальше в сторону Бактрии, но вскоре поступили известия о том, что Сатибарзан убил Анаксиппа и всадников и поднял восстание в Арейе. Взяв с собой отборные части своего войска, Александр спешно возвратился в Артакоану, покрыв за два дня расстояние в семьдесят миль. Сатибарзан был потрясен такой скоростью и бежал в провинцию Бактрия с собранными наспех отрядами конницы.

Остальная часть македонского войска под командованием Кратера окружила тринадцать тысяч арейян, укрывшихся на «скалистой возвышенности» с неприступными обрывами в западной части и более пологим восточным склоном. Сначала македонцы вынуждены были остановиться перед этой естественной крепостью. Но Александр, словами Курция, «постоянно думал об этой проблеме... Однако найти выход из этого затруднительного положения ему позволили не размышления, а случай». Воины рубили деревья и складывали их под обрывом. В жаркий август сильные западные ветры быстро высушили древесину, превратив ее в трут. Древние источники расходятся в том, случайно ли загорелись деревья или же Александр сознательно сложил дрова и поджег их; так или иначе в результате пожара вся вершина горы была уничтожена пламенем, и защитники погибли все до одного.

Если постараться прочесть между строк, обязательно воз-

никнет сомнение в том, действительно ли арейяне погибли в пожаре или же Александр просто поспешил «объявить о победе» и продолжить путь дальше. Невозможно представить себе, что царя остановила какая-то скала; в то же время Александр не мог позволить себе терять время на толпу перепуганных беглецов, так как на кону были гораздо более высокие ставки. Возможно, впечатляющее пламя действительно погубило какое-то количество защитников скалы. Но нет никаких свидетельств того, что, как только пожар погас, уцелевшие арейяне не спустились вниз и не обнаружили, к своему облегчению, что македонское войско ушло.

Археологам еще предстоит установить точное местонахождение Артакоаны, что все равно не позволит со всей определенностью указать на скалу, давшую приют беглецам. Дональд Энгельс утверждает, что это знаменитый Калат-и-Надири, «Гибралтар Персии», где местные жители издревле укрывались от иноземных захватчиков. Через много веков Калат-и-Надири стал единственным местом, выдержавшим осаду полчищ Тамерлана. Если предположение Энгельса верно, скала сможет записать на свой счет и то, что была единственной крепостью, выдержавшей осаду Александра.

Подавив восстание в Арее, Александр изменил свои планы. Первоначально он собирался двинуться в Бактрию, но после того, как был вынужден разобраться с арейянами, решил повернуть на юг. Александру поступили сведения, что в провинции Арахозия (на территории южного Афганистана) начались беспорядки. Кроме того, за время короткого броска на Бактрию выяснилось, что у войска могут возникнуть проблемы с пропитанием. Армия, вынужденная кормиться с земли, редко может два раза подряд пройти одним и тем же путем, а конница Бесса использовала короткую передышку, создавая выжженные зоны. Как всегда, Александр рассудил, что его самым опасным противником, особенно теперь, когда он углублялся в неведомые земли, является не неприятельское войско, а голод, жажда и суровая погода.

Повернув на юго-восток, Александр задержался для того, чтобы основать город-укрепление Александрию-в-Арее, возможно, на месте нынешнего Герата. Затем, после двухсот миль,

пройденных строго на юг, войско отдыхало во Фраде (современный Фарах), столице Дрангианы. За время пребывания в городе Александр переименовал его в Профизию, по-гречески «предвидение», так как именно здесь он раскрыл заговор против себя.

Драма началась достаточно безобидно: одна из рабынь сообщила командиру конницы «друзей» Филоте о том, что ее возлюбленный, телохранитель Александра, участвует в заговоре с целью убить царя. В течение следующих двух дней Филота неоднократно встречался с Александром, но ни словом не упомянул о заговоре. Затем рабыня обратилась к самому царю, и тот немедленно принял меры, арестовав заговорщиков. Филота повинился в том, что не отнесся к известию о заговоре серьезно, и Александр его простил. Однако вечером того же дня царь устроил совещание со своими приближенными, на котором Филота был единогласно обвинен в измене. Ни один из заговорщиков не указал на него и, как справедливо заметил он сам, его двухдневное молчание свидетельствует скорее о его невиновности, чем о вине. Хотя Филота, к несчастью, не придал значения предостережению рабыни и не сообщил о нем Александру, он также не предпринял никаких мер для того, чтобы заставить доносчицу замолчать. Если же Филота был бы замешан в заговоре, он обязательно сделал бы что-нибудь.

С тех пор и по сей день историки ломают голову над тайной двухдневного молчания Филоты. Как правило, они упускают из вида то обстоятельство, что Никанор, единственный из оставшихся на тот момент в живых братьев Филоты, за несколько недель до этого случая умер от болезни в Арее. Третий брат Гектор погиб во время крушения лодки на Ниле. Александр слишком торопился покинуть Арею и не смог присутствовать на похоронах Гектора, оставив вместо себя Филоту с отрядом из 2600 всадников, чтобы те оказали достойные почести умершему. Возможно, похороны могут показаться чересчур пышными (и Курций, например, подчеркнул, что «Александр был опечален больше других»), но, с другой стороны, при личной встрече истинные мотивы могут проявиться в каких-то красноречивых деталях: пожатие плечами, усмешка и даже зевок приобретают огромную важность. Не исключено,

что после смерти брата Филота не мог определиться в своем отношении к царю. Узнав о том, что какие-то незначительные фигуры в окружении Александра вынашивают планы убить царя, он, вероятно, счел это известие досужим вымыслом; с другой стороны, возможно, находясь в подавленном состоянии, Филота даже мысленно пожелал заговорщикам успеха.

Друзьям Александра Гефестиону, Кратеру, Пердикке и Кену было поручено допросить Филоту с пристрастием, но тот, увидев разложенные перед ним орудия пыток, воскликнул: «Кратер, скажи, что ты хочешь от меня услышать». Решив, что Филота насмехается над ним, Кратер приступил к истязаниям, и в конце концов Филота сознался — не только в попытке покушения на царя, но, наверное, и во всех остальных грехах, какие только смог придумать, лишь бы прекратить мучения. Его признание было зачитано перед собравшимся войском, после чего Филоту казнили, забросав дротиками.

Самым сенсационным аспектом предполагаемого заговора являлось то, что Филота, Никанор и Гектор были сыновьями Пармениона, прославленного полководца, правой руки Александра, а перед тем его отца, царя Филиппа. И Филота, единственный остававшийся в живых сын Пармениона, был последней прочной нитью, связывавшей войско с македонскими военачальниками, служившими еще Филиппу II. В армии Александра уже возникла трещина между старыми воинами, людьми Филиппа, и новым поколением, преданным Александру. Этот раскол становился все более заметным; одни части сохраняли греческие обычаи и одежду, в то время как Александр и его окружение постепенно перенимали восточную роскошь и нравы персов. В войске слышался ропот, что целью похода было покорить персов, а не превратиться в них. Воины хотели вернуться на родину. После завоевания Месопотамии в награду за свои лишения они получали все меньше и меньше; им приходилось все дальше отходить от дома, и новые опасности угрожали отнять у них то, что они уже успели заслужить.

После казни Филоты Александру предстояло выполнить еще одну задачу. Верные люди, переодевшись в одежду местных жителей, отправились на быстроходных беговых верблю-

дах в Экбатану, где охранять прямой путь из Греции в Афганистан был оставлен Парменион. Они несли престарелому полководцу два письма: одно от сына, второе от Александра. Радушно приняв посланцев, Парменион справился у них о здоровье царя. Пока он читал письма Александра, убийцы окружили его со всех сторон. Закончив читать, Парменион заметил: «Царь готовит поход в Арахозию. Какой энергичный человек — он не знает отдыха!» Затем, когда он стал читать письмо от Филоты, люди Александра набросились на него и пронзили мечами. Убийцам пришлось столкнуться с разъяренными телохранителями полководца, окружившими его дом, но в конце концов был достигнут компромисс: убийцы отдали тело Пармениона, а сами помчались назад, в Афганистан, с его головой. Когда известие об этом убийстве дошло до Антипатра, последнего из приближенных царя Филиппа II, остававшегося в Македонии, он смог сказать лишь: «Если Парменион был виноват, да поможет ему небо, но если он был невиновен, да поможет небо всем нам».

Из Профизии Александр двинулся в долину, расположенную в нижнем течении реки Гильменд, где встретил народ, прозванный «благодетелями» (по-гречески «еврегетами») за помощь, оказанную два столетия назад войску Кира Великого, вышедшему из пустыни. Согласно Арриану, Александр обнаружил, что этот народ «в отличие от прочих варваров, живущих в этой части света, имеет некое подобие государственного устройства, чем-то напоминающее греческие законы». Александр, почитавший Кира как своего самого выдающегося предшественника, оставил еврегетам право самим распоряжаться своей судьбой и даже предложил присоединить к их стране любые соседние земли, какие они только пожелают, хотя те «ничего особо и не просили».

В первые недели 329 года до н. э. македонское войско вошло в Арахозию. Местный сатрап Барсаент бежал через горы в Индию, но индийцы выслали его обратно, после чего он был казнен. Александр основал еще один город, Александрию-в-Арахозии, на месте современного Кандагара или неподалеку от него. В древности в отличие от настоящего времени область,

простиравшаяся от Фараха до озера Систан и вдоль долины реки Гильменд до Кандагара, славилась плодородными землями и была густо населена, несмотря на «ветер 120 дней», дувший летом с северо-запада. Македонское войско остановилось в районе Кандагара, чтобы дождаться окончания зимы и заготовить запасы продовольствия перед походом на север.

Пока армия стояла лагерем, пришли известия о том, что Сатибарзан, получив подкрепление в виде бактрийской конницы, возвратился в Арейю и поднял новое восстание. Бесс также выслал отряды конницы на запад, нападая на пути снабжения войска Александра, а также назначил нового сатрапа Парфии, поднявшего мятеж против македонцев. Александр отправил военачальника по имени Эригий в главе греческой конницы и других войск назад в Арейю для подавления восстания. Царь также оставил четыре тысячи пехотинцев и шестьсот всадников поддерживать порядок в Арахозии, и как только были заготовлены запасы продовольствия, главные силы армии начали поход к Гиндукушу.

Древние историки оставили живые и красочные описания трудного перехода македонского войска из Кандагара в долину реки Кабул. По описанию Курция:

«Александр вошел со своим войском на территорию племени, о котором почти ничего не знали даже его соседи, потому что оно не поддерживало с ними никаких торговых сношений. Эти люди называются парапамисадами и являются очень дикими и отсталыми даже для варваров. Их натуры ожесточены суровыми условиями окружающей среды... Их жилища от самого основания выстроены из кирпича, и, поскольку эти края бедны древесиной (даже склоны гор лишены растительности), этот же самый кирпич используется до самой крыши... Земля покрыта таким глубоким слоем снега, затвердевшего от льда и постоянных морозов, что здесь нельзя найти следов зверей, птиц и каких-либо других диких животных. Пасмурный дневной свет, который скорее можно назвать тенью неба, напоминает ночь, а тучи висят так низко над землей, что даже расположенные близко предметы видны с трудом».

Македонское войско выступило в поход в самом начале весны, в конце марта или начале апреля, и дорога из Кандагара в Кабул в это время года обычно бывает достаточно простой. Однако Александру в кои-то веки не повезло. Подобно тому, что случилось с Наполеоном в Москве, его, судя по всему, обманули несколько не по сезону теплых дней подряд, за которыми последовало наказание в виде суровой непогоды. Если бы Александр задержался в районе Кандагара еще на несколько недель, переход войска на север был бы значительно более легким. Также сыграло свою роль то, что, случайно или умышленно, он отклонился гораздо дальше на восток, чем это необходимо для того, чтобы попасть в густонаселенную долину реки Кабул. Сейчас мы можем с уверенностью сказать лишь то, что в походе македонскому войску пришлось терпеть небывалые лишения. Курций продолжает:

«Застрявшее в этих местах, лишенных каких-либо следов человеческого присутствия, войско столкнулось с суровыми испытаниями: нехваткой продовольствия, холодом, изнурением, отчаянием. Много жизней забрал холод, незнакомый большинству воинов; многие отморозили ступни, еще больше народу ослепло от сверкающих белых снегов. Людям, ослабленным длительным походом, приходилось особенно трудно...

Те, кому удавалось добраться до хижин варваров, быстро приходили в себя, но занесенные снегом жилища можно было найти только по поднимающемуся над ними дыму. Местные жители никогда прежде не видели на своей земле пришельцев, и внезапное появление вооруженных чужаков пугало их до смерти... Царь лично обходил пешком свое войско, поднимая упавших на землю, предлагая опереться на себя тем, кому было трудно держаться на ногах. Александр находился то впереди, то в середине или в хвосте колонны, таким образом умножая выпадавшие на его долю лишения».

До сих пор остается загадкой, какие племена, стоявшие на примитивном уровне развития, называли «парапамисадами» древние авторы. Арриан пишет про них как про индийцев, ве-

роятно, считая их теми «горными индийцами», которых он описывал, рассказывая про сражение при Гавгамелах. Если Курций, сообщивший об их полной изоляции, был прав, вероятно, речь идет о коренных жителях этих мест — нынешнего Сулейманова хребта или Белых гор, — еще не имевших контактов с индийской и иранской цивилизациями.

В плодородной долине реки Кабул войско наконец смогло отдохнуть и пополнить запасы продовольствия; этому способствовали не столько запальчивость и безрассудство молодого полководца, сколько хорошая погода и щедрый урожай. Но на пути македонцев встала новая преграда: обширный горный хребет, который мы сегодня называем Гиндукушем, а войско Александра назвало Кавказом. Древние греки ошибочно полагали, что одна непрерывная цепь гор, тянущаяся с запада на восток, отделяет друг от друга плоские равнины севера и юга; для них Кавказ простирался от горы Тавр в Малой Азии до Индии. (Сам Александр никогда не видел того, что мы сейчас называем Кавказом — горной страны, зажатой между берегами Черного и Каспийского морей.)

Другое заблуждение географов Александра состояло в том, что река Яксарт, на берегах которой был убит Кир, — нынешняя Сырдарья — является притоком современного Дона, у греков Танаиса, впадающего в Азовское море. Историк Робин Лейн Фокс утверждает, что македонское войско, попав в Афганистан, «заблудилось» и перестало иметь четкие представления относительно того, как далеко оно отошло от родины. Это предположение определенно верно в отношении простых воинов, проводших в непрерывном походе многие месяцы и встречавших на своем пути все более негостеприимные земли и все более суровый климат. Но главный вопрос заключается в том, что было известно Александру, привлечшему к себе лучших географов и картографов Персидского царства. Остается гадать, насколько действенными помощниками они оказались — в последние годы правления династии Ахеменидов науки в Персии пришли в упадок. Главное убеждение Александра заключалось в том, что восточные провинции Персидского царства являются ключом к его главной цели, Индии, а сразу за Индией начинается Океан, край света. Принимая в расчет воз-

растающее недовольство войска, Александру было очень удобно называть Гиндукуш Кавказом, а Яксарт — Танаисом, таким образом убеждая своих воинов в том, что они находятся совсем рядом с Европой и знакомым им миром.

В отрогах Гиндукуша Александр основал еще один город, Александрию Кавказскую, возможно, на месте персидского города Капиш-Каниш неподалеку от современного Баграма. Один из величайших основателей городов в истории, Александр в своей жизни основал их не меньше двадцати (Плутарх приписывает ему семьдесят городов), изрядная доля которых досталась Афганистану. Александром двигали две разные причины, ведущие к одной цели. Во-первых, ему, естественно, были нужны самодостаточные крепости с гарнизоном из греческих или македонских воинов для того, чтобы сохранить свою власть над покоренными территориями. Во-вторых, во время похода Александру приходилось довольно часто оставлять тысячи раненых, больных и изнуренных воинов, не способных идти дальше. Подвижное и выносливое, македонское войско делало основной упор на стремительный маневр и не имело возможности обременять себя большим обозом. Так, например, можно ожидать, что первоначально гарнизон Александрии Кавказской состоял преимущественно из воинов с обмороженными в горах ногами. Даже воина с серьезно растянутым коленным сухожилием оставляли, по крайней мере на какое-то время, в недавно основанной крепости. А, например, в Арахозии, где не происходило крупных сражений и раненых было немного, Александр, как правило, назначал в гарнизоны воинов-греков, не желая расставаться со своими македонцами. Если не брать в расчет Александрию Египетскую, особого смысла основывать новые города в густонаселенных областях не было; но по мере того, как войско продвигалось на восток, обе причины приобретали все большее значение. Частота основания новых городов возрастала с каждым последующим этапом похода, правда многие из этих городов просуществовали недолго. В Афганистане и на соседних территориях археологи и по сей день со спортивным азартом продолжают это занятие: поиски всевозможных Александрий.

Заготовив запасы продовольствия, македонское войско

двинулось через Гиндукуш в Бактрию. Переход продолжался семнадцать дней. Александр воспользовался Хавакским перевалом, самым восточным из всех, рассчитывая обойти Бесса с фланга. Бактрийская конница опустошила земли у спуска с других перевалов, и можно было ожидать, что подобная участь постигнет и Хавакский перевал. Македонское войско начало переход через перевал, полностью запасшись продовольствием, но, когда оно спустилось с противоположной стороны хребта, начался голод. Еды нигде не было. Вьючные животные ослабли без фуража, воинам приходилось есть лошадей, ослов и мулов. Дров в горах также было очень мало, и мясо приходилось есть сырым. Воины ловили рыбу в горных речках и выкапывали из земли съедобные корни.

Энгельс оценивает численность войска Александра на данный момент, основываясь на семнадцатидневном переходе по тесным тропам и ущельям Хавакского перевала. Исходя из предположения о равномерном продвижении в пространстве и времени, он получил следующие, естественно, очень грубые оценки: 64 тысячи воинов и 10 тысяч лошадей, плюс еще половина от этого количества людей на слуг и обоз.

Александр достиг Драисаки (современный Кундуз), а затем повернул на запад через Аорнос на Бактру (Балх), столицу Бактрии. Его войско согрелось и запаслось продовольствием, безжалостно отобранном у жителей городов и сел, через которые оно проходило. Курций предлагает красочное описание тех мест такими, какими они были в древности:

«Географические черты Бактрии разнообразны и неоднородны. В одной области обилие деревьев и виноградников обеспечивает щедрый урожай. Сочная земля поливается из многочисленных родников; самые плодородные участки засеяны пшеницей, а остальные местные жители превратили в пастбища для выпаса домашних животных. Затем начинаются области, потонувшие в песках пустыни, и в этом засушливом и негостеприимном крае не живут ни люди, ни растения... Там, где почва более плодородна, есть условия для жизни людей и лошадей; таким образом, бактрийская конница насчитывает тридцать тысяч всадников».

В Балхе Александр получил последние известия из Арейи, куда он направил Эригия на усмирение восстания, поднятого Сатибарзаном. Два войска сошлись в битве, но ни одной из сторон не удалось одержать верх. В конце концов Сатибарзан выехал вперед своего войска, сбросил шлем и предложил уладить спор в личном поединке с любым богатырем, которого смогут выставить македонцы. В ответ Эригий, командовавший греческой конницей Александра, в свою очередь, сорвал с головы шлем, обнажив «копну белых волос», и вступил в бой со своим противником. Поединок состоялся на ничейной земле между двумя армиями. Сатибарзан бросил в противника копье, но Эригий увернулся. Затем грек ударил Сатибарзана копьем в горло, сбив его с коня. Противники продолжили бой пешие, и наконец Эригий нанес Сатибарзану удар в лицо, на этот раз смертельный. После этого остальные мятежники-арейяне сложили оружие, а Эригий с головой Сатибарзана вернулся к главным силам македонского войска, оказавшего ему восторженный прием. После Троянской войны минула тысяча лет, но личная доблесть в бою все еще имела очень большое значение в глазах македонских воинов, в том числе и самого Александра.

Бесс упустил возможность атаковать македонское войско, когда оно спускалось редкими рядами со склонов Гиндукуша. Вместо этого самозванец, испуганный неожиданным появлением неприятеля, бежал вместе с семнадцатью тысячами бактрийских конников через реку Окс и сжег за собой все суда. Александр двинулся в погоню, но к тому времени уже наступил июнь, и он снова оказался застигнут врасплох суровыми климатическими условиями Афганистана. Между плодородным оазисом Балха и Оксом лежала полоса пустыни шириной сорок пять миль, которую войску пришлось преодолевать без запасов воды. Воины, еще не оправившиеся от морозов в горных снегах, теперь жарились на раскаленных песках пустыни. Кто-то пытался бороться с жаждой, употребляя вино, только усугублявшее обезвоживание организма. Дойдя до берегов реки, высохшие, как пергамент, македонские воины принимались жадно пить воду и умирали, вследствие чего войско понесло «больше потерь, чем в большом сражении». Ночью

Александр приказал зажечь на окрестных холмах костры, чтобы помочь отставшим и заблудившимся найти лагерь.

Достигнув Окса, Александр отпустил девятьсот ветеранов-македонцев, приказав им возвращаться домой и обзаводиться детьми; что более примечательно, он распустил весь отряд фессалийской конницы, вызвавшийся служить под его началом в Экбатане. Может показаться странным, что Александр в преддверии боевых действий на бескрайних просторах Бактрии против бактрийских, согдийских и скифских всадников распустил отборную конницу. Однако не надо забывать, что фессалийцами долгое время командовал Парменион, превративший их в некое подобие «друзей». За время трудного похода, следовавшего за казнью Пармениона и его сына, Александр, вероятно, заметил в поведении фессалийцев недовольство и угрюмость и решил отправить их домой, какую бы ценность ни представляли они для войска.

Войско изготовило плоты. Для этого были сшиты мехи из шкур, из которых были сделаны шатры. Мехи набили сухим сеном и законопатили швы так, чтобы они не пропускали воду. После переправы через Окс, длившейся пять дней, Александр быстро двинулся на север через древнюю Согдиану, область, приблизительно соответствующую территории нынешних бывших советских республик Узбекистан и Таджикистан. Вскоре царь получил известие, что два согдийских вельможи, Спитамен и Оксиарт, пленили Бесса и собираются выдать его македонцам¹. Александр замедлил марш и отправил вперед Птолемея с отрядом воинов, чтобы тот схватил самозванца. Впоследствии Птолемей утверждал, что захватил Бесса после жестокого сражения, но, согласно другим источникам, Спитамен с радостью выдал ему узурпатора. Александр приказал Птолемею поставить Бесса, раздетого донага, с деревянной колодкой на шее, у дороги, по которой будет проходить македонское войско. После долгих мучительных пыток Бесс был отправлен в Балх, где ему отрезали уши и нос, после чего вернули

¹ Здесь автор допускает неточность. Оксиарт был бактрийцем. Арриан указывает на то, что Бесса пленили согдийцы Спитамен и Датаферн.

в Экбатану для страшной казни, согласно персидским обычаям, предназначенной для наказания узурпаторов.

Вершины короткое правление Бесса в качестве «Артаксеркса» достигло в предыдущем году, когда македонское войско, двигавшееся на Бактрию, внезапно развернулось и вернулось назад для подавления первого восстания в Арее. Затем оно двинулось на юг, казалось, оставив Бактрию в покое. Вероятно, Бесс подумал, что Александр решил пойти по пути наименьшего сопротивления и собрался пройти через Арахозию в Индию. В течение этой восхитительной зимы Бесс назначил нового сатрапа в Парфию, поддержал восстание в Арее и попытался сementировать свой союз с народами, живущими к северу от Окса. И можно себе представить, какой ужас испытал Бесс, когда македонское войско, самое грозное в мире на тот момент, весной 328 года до н. э. внезапно выплеснулось на равнины Бактрии через самый восточный перевал Гиндукуша. С этим могло сравниться только отчаяние, охватившее Бесса в Согдиане, когда Александр в погоне за своим врагом начал переправу через Окс.

Бесс не подвергся чрезмерной критике со стороны историков Александра, которые в любом случае считали его более динамичной фигурой, чем Дарий; однако вожди племен, живших к северу от Окса, сочли за благо разумие выдать Бесса Александру в надежде на то, что царь, удовлетворившись этим, повернет назад. Но Александр, зная, что граница царства Кира проходила гораздо дальше к северу, по Яксарту, собирался прибрать к своим рукам всю территорию междуречья Окса и Яксарта. Однако на это ему потребовалось два года, и все это время он вынужден был иметь дело с самым грозным врагом из всех тех, с кем ему приходилось сталкиваться до сих пор, — со Спитаменом.

После того как македонская конница, порыскав по окрестным степям, пополнила запасы лошадей, поредевшие за время изнурительного похода через Афганистан, Александр двинулся на север к столице Согдианы Мараканде (современному Самарканду), а оттуда к Яксарту. Яксарт, нынешняя Сырдарья, считалась границей цивилизации, за которой обитали кочевые племена скифов и не было ничего, достойного завоевания. Мно-

гие греки верили, что сразу за горизонтом Азии находится край света, при приближении к которому человеческие тела начинают распадаться. Кир построил вдоль Яксарта сторожевую линию из семи крепостей для защиты от вторжения скифов.

Отряд македонцев, занимавшийся сбором сена, был атакован кочевниками. Несколько воинов были убиты, другие попали в плен. Поднятое по тревоге войско загнало нападавших на крутую гору, но было встречено дождем стрел и камней. Александр, как всегда, находившийся в первых рядах, был ранен стрелой в ногу и сломал малую берцовую кость; тем не менее воины взяли приступом гору и уничтожили несколько тысяч врагов.

Александр собирался основать на берегах Яксарта еще один город, Александрию Крайнюю (Эсхата), на месте современного Ходжента, но тут поступили известия, что на всей территории от Яксарта до Гиндукуша началось восстание. Македонские гарнизоны в семи крепостях Кира были перебиты. Спитамен с большим отрядом конницы, усиленной скифами из племени даев (по-персидски «грабителей»), захватил Мараканду; бактрийские вожди, вызванные на совещание в Балх, почуяли ловушку и подняли восстание.

Александр отрядил отряд под командованием Фарнуха из полутора тысяч пехотинцев, восьмисот конников и шестидесяти «друзей» на юг, разбираться со Спитаменом. Остальное войско разрушило одну за другой крепости Кира. Древние стены из кирпича-сырца не могли устоять перед осадными орудиями македонцев. Захватив город, победители убивали всех до одного мужчин, а женщин и детей обращали в рабство. Однако стены самого крупного города Кирополя (Куркаты) оказались более прочными и выдержали осаду. По той же причине сюда стянулись жители всех окрестных мест, и число защитников возросло до полутора тысяч. Македонцы стали искать слабое место и вскоре обнаружили, что канал, протекающий под стенами крепости, обмелел вследствие летней жары и в образовавшийся проем может пролезть человек на четвереньках. Александр приказал начать отвлекающий штурм с противоположной стороны укреплений, а сам первым пробрался в проем во главе отряда «друзей» и других отборных воинов. Отряд Александра проник в крепость и захватил ворота, дав возмож-

ность войти в город остальной части македонского войска. Но согды, спустившись с крепостных стен, сражались с нападавшими на улицах города. Кратер был ранен стрелой, а Александра ударило по голове камнем. Вследствие этой сильной контузии царь временно лишился зрения и дара речи. И все же македонцы постепенно подавили сопротивление и жестоко расправились с защитниками Кирополя.

Македонское войско продолжило воздвигать Александрию Крайнюю на месте одного из лагерей. Крепость имела в диаметре пять с половиной миль. Работы были распределены между различными частями армии, в результате строительство было завершено за двадцать дней. Но пока еще работа продолжалась, на противоположном берегу реки появились отряды скифов. Наблюдая за ходом строительства, они выкрикивали оскорбления и издевались над македонскими воинами. Александр справедливо рассудил, что, если оставить выходы кочевников без внимания, их число будет лишь расти, а новый город падет, как только основные силы македонского войска его покинут. Он приказал расставить вдоль берега реки катапульты. Одним удачным выстрелом был убит вождь скифов, причем с очень большого расстояния, что изумило кочевников. Скифы стали отходить, а Александр начал переправу главных сил своего войска через Яксарт. Первыми плыли плоты с катапультами. Сначала на противоположный берег вышла пехота, за ней последовала конница.

Однако передовые македонские отряды, переправившись через Яксарт, двинулись вперед так быстро, что оказались в окружении. Конные скифы, вооруженные луками, кружили вокруг боевых порядков, осыпая воинов стрелами: ту же самую тактику применяли две тысячи лет спустя индейцы, нападавшие на обозы переселенцев на Американском Западе. Но сила македонского войска была в непосредственном соприкосновении с противником, а не в перестрелке, и Александр, прибыв на место, с ходу нашел решение. Скифы оказались обойдены с обеих сторон; Александр, как всегда, вел на правом фланге конницу «друзей». Скифы лишились возможности маневра, оказавшись зажатыми между двумя сближающимися крыльями македонского войска. Около тысячи кочевников пали на поле боя, еще сто пятьдесят были взяты в плен. Александр прекра-

тил преследовать врага только после того, как слег с дизентерией, выпив плохой воды. Македонцы переправились обратно через Яксарт.

И тут пришло известие о катастрофе. Отряд, отправленный Александром в Мараканду, заставил Спитамена снять осаду с крепости. Однако затем, когда македонцы стали преследовать восставших в открытом поле, они попали в засаду. Вероятно, это была обычная тактика воинов степей: изобразить отступление, а затем, вымотав противника, внезапно обрушиться на него в стремительной атаке. Сначала греки выстроились в каре на берегу реки Зеравшан, но затем конница решила для большей безопасности быстро переправиться через реку. Согласно Арриану:

«...пехота пошла за конницей, не получив на то никакого приказа; воины спускались в реку по обрывистым берегам, перепуганные и в полном беспорядке. Варвары, заметив промах македонцев, стали вместе с лошадьми кидаться в реку с обеих сторон переправы. Одни преследовали тех, кто уже переправился через реку и отошел от нее; другие же, выстроившись фронтом против переправляющихся, сбрасывали их обратно в воду, или пускали в них стрелы с флангов, или кидались сзади на входящих в реку. Македонцы, оказавшись в безвыходном положении, бросились к небольшому островку посреди реки. Скифы и воины Спитамена окружили их и всех перестреляли из луков; небольшое число, впрочем, взяли в плен, но и их всех убили».

Другой источник сообщает, что из отряда численностью почти две тысячи четыреста человек спастись удалось тремстам пехотинцам и сорока конникам, среди которых не было ни одного военачальника. Александр строго предупредил объятых ужасом беглецов, чтобы те ни в коем случае не рассказывали о случившейся катастрофе, дабы не подорвать боевой дух войска. Сам он, разумеется, тотчас же направился на юг. Спитамен возобновил осаду Мараканды, но вынужден был снова снять ее, узнав о приближении основных сил македонского войска. Во время преследования Александр посетил место боя

и пришел в мрачную ярость, осмотрев его. Представьте себе зрелище бойни, в десять раз более масштабной, чем «последний рубеж Кастера»¹; если учесть, что скифы снимали скальпы с врагов, забирали своих убитых и стаскивали с мертвых доспехи, картина, наверное, была такой же. Торопливо похоронив убитых, македонцы возобновили преследование и дошли до границы пустыни, но скоро поняли, что Спитамену удалось ускользнуть от них. Александр дал выход переполнявшей его ярости, разорив территорию вокруг Мараканды. Местные жители заплатили своими жизнями независимо от того, поддерживали они восставших или нет. Однако это кровавое возмездие было не только следствием гнева Александра. Подобно тому, как персы осуществляли тактику выжженной земли в преддверии вторжения греческого войска, так теперь и сам Александр прибегнул к той же самой тактике, чтобы предупредить новые вылазки Спитамена.

По-прежнему основной проблемой оставалась Бактрия, и на зиму 329—328 годов до н. э. Александр возвратился в северный Афганистан, в Балх. В Арейе также было беспокойно, но в Балх доставили бывшего сатрапа области Барзана, закованного в цепи. В промежутках между хмельными пирушками, длившимися ночи напролет, — тревожившими ветеранов-македонцев, которым казалось, что их царь забывает свои корни и перенимает восточные обычаи, порядки и одежду, — состоялось несколько прагматичных военных совещаний. Было принято очевидное решение весной не идти второй раз через пустыню между Балхом и Оксом, а вместо этого направиться на восток, усмиря провинцию, и уже там без труда переправиться через реку. Весной 328 года до н. э. македонское войско вторично вошло на земли к северу от Окса, на этот раз пятью мобильными колоннами. На холмах строились укрепления, в которых оставлялись гарнизоны, — впоследствии такой тактикой воспользовались англичане, борясь в Южной Африке с конными повстанцами-бурами.

В середине лета всем пяти колоннам предстояло встретиться-

¹ 25 июня 1876 года в битве на реке Литл-Бигхорн отряд индейцев племен тегонов и шайенов разгромил 7-й кавалерийский полк, потерявший убитыми 265 человек, в том числе командира полка генерала Дж. Кастера.

ся в Мараканде, после чего должен был начаться следующий этап похода. Однако тем временем Спитамен прокрался в тыл и снова вторгся в Бактрию. Спитамен нашел новых союзников в лице массагетов, племени, знаменитого тем (благодаря Геродоту), что именно его воины убили Кира Великого. Арриан не говорит определенно, входили ли массагеты в скифский союз племен, и намекает, что это могли быть кочевники, пришедшие с северо-востока, принадлежавшие к тюркской языковой семье. А может быть, это были сарматы, жившие на территории современной Украины, время от времени появлявшиеся на окраинах Персидского царства.

Спитамен с новыми силами переправился через Окс за спиной Александра и захватил одну из пограничных крепостей, после чего осадил столицу Балх. Однако коннице трудно вести осаду укрепленных городов, поэтому Спитамен принялся опустошать окрестности Балха. Выздоровевшие раненые македонцы и воины гарнизона храбро вышли из стен города, чтобы дать неприятелю сражение в чистом поле, но потерпели сокрушительное поражение. Однако в этот момент на сцене появилась колонна Кратера, напавшая на Спитамена на границе пустыни. Македонцам удалось убить 150 обратившихся в бегство кочевников, остальные скрылись.

Зиму 328—327 годов до н. э. Александр провел в Мараканде. Растущее в войске недовольство привело к трагическому исходу. На одной из ночных попоек, вошедших в моду среди македонских военачальников, возникла бурная ссора между Александром и Клитом. Пирушка началась с насмешек над воинами, погибшими в побоище на берегу Зеравшана, причем тон задавал сам Александр. Затем, по мере того как вино лилось рекой, разговор перешел на ностальгические воспоминания об отце Александра Филиппе II. Подвыпивший Клит, спасший Александру жизнь в сражении у Граника, командовавший половиной конницы «друзей» и только что назначенный правителем Бактрии, пошел дальше, заявив, что Филиппа ждали более великие свершения, чем то, чего добился его сын. Александр вспылил, переходя на местный македонский диалект, и в конце концов спор закончился тем, что Александр убил Клита, пронзив ему грудь мечом. После этого Александр несколько дней провел в трауре и постился.

Большинство воинов по-прежнему относилось к Александру с преданностью, граничащей с обожанием. До сих пор были свежи воспоминания о том, как македонское войско встречали как освободителя в сказочных городах Египта и Месопотамии. В Вавилоне дорогу воинам устилали цветами. Но с тех времен, как войско покинуло Персию, оно, если не мерзло в заснеженных горах и не умирало от зноя в песках пустынь, было вынуждено постоянно воевать с врагом, не желавшим сложить оружие. И ради чего? Быть греком в первую очередь значило иметь свободу выбора, а не быть послушным орудием в чужих руках. Но Александр, быстро перенимавший восточное при творство, становился все более деспотичным правителем. Приближенные боялись спорить с ним.

В начале 327 года до н. э. македонское войско несколькими колоннами снова двинулось в поход, и на этот раз Спитамен с отрядом в три тысячи всадников был настигнут колонной под предводительством Кена и потерял восемьсот человек убитыми. После этого массагеты повернули оружие против Спитамена. Схватив его, они отрезали ему голову и преподнесли ее Александру, предлагая мир. Избавившись от этой главной угрозы, македонцы посвятили остаток года захвату горных крепостей, устоявших перед вторжением. Самое знаменитое сражение произошло у Согдийской скалы, неприступной крепости на краю отвесного обрыва, где укрылся бактрийский вельможа Оксиарт с несколькими тысячами воинов и запасами продовольствия на десять лет. Когда Александр потребовал сложить оружие, Оксиарт высокомерно ответил, что македонцам следовало бы захватить с собой воинов с крыльями, так как другим способом взять крепость невозможно.

Александр собрал скалолазов со всего своего войска; таких нашлось триста человек. Он поручил им взобраться на практически отвесную стену за скалой, пообещав щедрое вознаграждение. Больше тридцати воинов сорвались вниз и разбились о скалы, но на следующее утро Оксиарт увидел в тылу и над собой торжествующих греческих воинов. Судя по всему, у Александра все же нашлись «крылатые люди», и Оксиарт поспешил сдаться. Александр великодушно принял капитуляцию и при этом обратил внимание на одну из дочерей Оксиарта, красивую девушку по имени Роксана.

Царь-холостяк решил на ней жениться, и пышная церемония состоялась в Балхе в конце весны 327 года до н. э. В хрониках Александра, составленных на основе отзывов присутствовавших на свадьбе, утверждается, что Роксана была самой красивой женщиной на свете за единственным исключением Статейры, супруги Дария III. Наверное, Александр непременно исправил бы это оскорбительное утверждение в хрониках, если бы прожил чуть дольше. В любом случае на Роксане Александр женился отчасти потому, что стремился скрепить политический союз с Бактрией и восточными провинциями; кроме того, Роксана обладала выдающейся красотой, скромностью манер и при этом тонким умом (что в полной мере проявится позднее, когда она убьет вторую жену Александра, дочь Статейры). Третья причина заключалась в том, что к моменту завершения военных кампаний в Афганистане и на землях к северу от Окса молодость Александра прошла. Ему исполнилось уже двадцать девять лет, все его тело от головы до ног было покрыто ранами, а ввиду углубляющегося раскола в войске он должен был думать не только о новых свершениях, но и о продолжении рода.

После женитьбы на Роксане Александр начал подготовку к походу в Индию. Он оставил десять тысяч пехотинцев и три с половиной тысячи конников под началом Аминты, назначенного правителем Бактрии. В то же время царь взял в свое войско бактрийскую и согдийскую конницу, отчасти чтобы пополнить убыль, но также для того, чтобы очистить покоренные территории от молодых воинов и таким образом уменьшить вероятность новых восстаний. Если учесть, что до этого Александр уже набрал тридцать тысяч юношей из восточных провинций, чтобы готовить из них пехотинцев по македонскому подобию, становится понятно, почему ветераны-македонцы отнеслись к этим шагам враждебно. В Балхе был раскрыт еще один заговор против Александра, последовавший за его необдуманной попыткой ввести «проскинес», земной поклон, который до того требовали персидские цари. Были казнены несколько пажей Александра, учеников Каллисфена, придворного историка. Каллисфен, племянник Аристотеля, в прошлом приукрашавший деяния Александра, впоследствии стал резко критиковать увлечение царя восточной культурой и дошел даже до того, что публично отказался пасть перед Александром

ниц, принимая монарший поцелуй. Александр решил, что Каллисфен как наставник пажей-заговорщиков отвечает за их поступки, и историк также был предан смерти.

В начале лета Александр перешел через Гиндукуш. На этот раз перед ним не стояли неотложные тактические задачи, поэтому он выбрал самый простой путь. Скорее всего Александр воспользовался перевалом Саланг, под которым в настоящее время проходит тоннель, построенный Советским Союзом. (Некоторые историки полагают, что он прошел через перевалы у Бамиана.) Войско задержалось в Александрии Кавказской, чтобы принять послов из Индии. В одно время Персии принадлежали территории к востоку от Инда на юг до самого Аравийского моря, но затем Ахемениды потеряли власть над этими землями, на которых возникли независимые государства. И вот сейчас царь Таксилы хотел принести присягу верности Александру, надеясь выторговать в обмен на подчинение далекому правителю реальную военную помощь в борьбе со своим непосредственным соседом Пором, чье сильное княжество находилось сразу за рекой Джелум (у греков Гидасп).

Войско Александра вошло в Индию двумя колоннами. Основные силы, которыми командовал Гефестион, близкий друг царя, вместе с царским двором и обозом прошли вдоль реки Кабул и оттуда через Хайберский проход в плодородные равнины современного Пакистана. Александр провел легкие силы и отборные части войска через Навакский перевал дальше на севере. По пути ему встретилась лесистая местность, заросшая плющом. Согласно греческой мифологии, Дионис начал свои завоевания именно из Индии; по отзывам, воины Александра остановились и устроили вакханалию, уверенные, что обнаружили следы первых шагов Диониса. Они назвали это место Нисой в честь кормилицы бога. Затем Александр с боями прошел через нынешние Сват и Баджаур. Энергичными, изобретательными методами преодолев препятствия, с которыми до того справлялись только герои греческой мифологии Дионис и Геракл, Александр соединился с основными силами своего войска в долине Инда.

Последнее свое крупное сражение Александр провел на берегах реки Джелум против войска Пора, у которого помимо пехоты и конницы были боевые слоны. Некоторые историки считают, что для Александра это была самая тяжелая битва.

Тем не менее он одержал победу, но в ходе сражения Александр был настолько восхищен мужеством Пора, что оставил его царем своих земель. Затем войско двинулось было к реке Арабия (современный Биас), но тут вдруг македонцы решили, что с них достаточно. Они просто отказались идти дальше.

До этого география, такая, какой ее знали греки, утверждала, что Индия является тонкой полоской, отделяющей остальной мир от Океана, бескрайней воды, окружающей землю. Для Александра она была последним шагом к покорению мира. Но войско имело свои независимые каналы добычи информации и узнало, что Пенджаб не является краем земли; впереди были только новые бесконечные походы, сражения и лишения. Царь бушевал несколько дней, но простые воины правильно догадались об истине. Несомненно, от местных жителей они узнали, что Индия гораздо более обширна, чем считали греческие географы; быть может, до них даже дошли слухи об огромных просторах Гималаев, за которыми лежит еще одна незавоеванная страна — Китай.

Александр скрепя сердце вынужден был оставить планы дальнейших завоеваний на Востоке и впервые в жизни повернул назад. Здравые умы советовали ему возвращаться тем же путем, каким пришло македонское войско, и он, уступив, отправил Кратера с большим отрядом через Арахозию. Однако сам Александр по-прежнему жаждал покорения новых земель, даже совершая отступление, поэтому он решил пройти через области вдоль побережья Аравийского моря, к югу от Афганистана. При этом во время перехода через Гедрозийскую пустыню на территории современных Белуджистана и восточного Ирана Александр потерял три четверти своего войска от жары, жажды и истощения.

Теперь постепенно судьба отворачивалась от него. Жизненные силы, подпитывающие Александра и его войско во время неудержимого покорения Персии, иссякли в бесконечной борьбе с человеком и природой в горах Гиндукуша. Александру удалось вернуться в Вавилон, главный город своей необъятной новой империи, но через несколько лет он умер, так и не успев осуществить планы новых походов в Аравию, на Карфаген и, возможно, в северные степи. Лихорадка забрала его жизнь, когда ему не исполнилось еще и тридцати трех лет.

НАГРАДА ЗАВОЕВАТЕЛЮ

Подобно метеору, на мгновение озарившему все на своем пути, поход Александра предоставил завораживающую возможность взглянуть на Афганистан и увидеть его таким, каким он был в конце четвертого века до нашей эры. Но после ухода Александра свет снова стал тусклым, и история следующей тысячи лет лишена обилия подробностей, столь щедро обеспеченных периодом с 329 по 327 год до н. э. По иронии судьбы, жестокие сражения за Бактрию, Арахозию, Гандхару и Арейю после Александра не утихали, а наоборот, становились все более кровопролитными. Вот только они быстро отошли на периферию современной им цивилизации, посвятившей себя фиксации истории в письменной форме, став для нее чем-то смутным и далеким. Индийцы, персы и скифы, а затем и сменяющие друг друга разорительные волны кочевников, пришедшие из Центральной Азии, не утруждали себя записью исторических событий с той дотошностью, что была свойственна историкам греческой школы, шедшим по стопам Геродота. Поэтому для расшифровки истории периода, длившегося до тех пор, пока распространение ислама через тысячу лет после македонского завоевания не принесло в Афганистан новый слой культуры грамотности, нам приходится прибегать к помощи археологов, их дальних родственников нумизматов и лингвистов. Но так же, как арабам впоследствии потребовались десятилетия на то, чтобы распространить свое влияние на Афганистан, угасание эллинизма явилось длительным, порой мучительно болезненным процессом.

Когда Александр лежал на смертном одре, его полководцы собрались вокруг него, чтобы спросить, кому он оставляет свою

империю, и царь якобы прошептал: «Самому сильному». Если это правда, Александр сознательно прерывал свою собственную династию Аргеадов, представленную на тот момент его нерожденным ребенком в чреве Роксаны и его умственно неполноценным братом Арридом, оставшимся в Македонии. Так или иначе, но все же македонские полководцы предприняли все усилия для поддержания династии; не доверяя друг другу, они сначала попытались сохранить единство новой империи с помощью слабых кровных уз наследников царя. Близкие соратники Александра и конница — к тому времени состоявшая преимущественно из бактрийцев и жителей других азиатских провинций — приняли сторону ребенка Александра. Однако придерживавшаяся старых взглядов македонская пехота, всегда с отвращением взиравшая на стремление царя ко всему восточному, не желала повиноваться ребенку матери-варварки. В конце концов был достигнут компромисс: ребенок Роксаны, оказавшийся мальчиком и получивший имя Александр IV, и Аррид, которому было дано имя Филипп III, стали соправителями империи. Соглашение продержалось два года, пока наконец бурлящее честолюбие военачальников не привело к воплощению в жизнь афоризма Стендаля: «Все рассыпается. Центр не может держать».

Роксана умертвила вторую жену Александра, дочь Дария III, а затем ее саму вместе с одиннадцатилетним Александром IV убил Кассандр, сын Антипатра, наместника Александра в Македонии. Мать Александра Олимпия расправилась с Арридом (а также с многими другими людьми), но затем сама встретила страшный, хотя и справедливый конец.

На этом и оборвалась династия Аргеадов. Странно, что Александр, проявивший себя рассудительным прагматиком в самых разнообразных сторонах жизни, совершенно обошел стороной проблему подготовки своего преемника. Тут напрашивается вывод, что древние историки были правы, указывая на убежденность Александра в своем божественном происхождении и ниспосланной ему свыше миссии; если принять это предположение, становится неудивительно, что его почти не заботила его собственная семья, за исключением матери. Похоже, единственной мыслью Александра было передать трон

своему давнишнему другу Гефестиону, и действительно, лишь после смерти последнего Роксана наконец забеременела. (Версии об отравлении Александра можно было бы отбросить с чистой совестью, если бы за год до него при таких же в точности обстоятельствах не умер Гефестион — от затяжной лихорадки, последовавшей за выпитым неразбавленным вином.)

Но сказать просто, что империя Александра развалилась после его смерти, — значило бы упустить главное. Завоевания Александра расширили культуру классической Греции в более обширную эллинистическую культуру, и греческие ценности еще несколько столетий господствовали на просторах от Индии до Египта. И если оказалось, что этим огромнейшим пространством Древнего мира нельзя было управлять из одного самодержавного центра, распад империи Александра на отдельные части скорее подтвердил, чем опроверг, эллинистические основы. В конце концов, самой Греции так никогда и не удалось объединиться под управлением одного монарха.

Империя досталась полководцам Александра, и после двадцати лет жарких споров и открытого военного противостояния она распалась на несколько независимых царств. Птолемей первым застолбил участок, выторговав из своего назначения наместником Египта независимую царственную династию, которая впоследствии оборвалась на Клеопатре. Кроме того, Птолемей похитил тело Александра, которое перевозили в Македонию, и тайком переправил его в Египет, где оно было выставлено для прощания. На умершего царя пришли посмотреть тысячи египтян. (Вероятность обнаружить тело Александра — несомненно, побывавшее в руках лучших специалистов по бальзамированию Египта, — и таким образом совершить самое выдающееся археологическое открытие двадцать первого века существует и по сей день, хотя, поскольку дворцовый квартал древней Александрии в настоящее время находится под водой, скорее всего великий завоеватель обрел покой среди рыб.)

Затем полководец по имени Селевк прибрал к рукам центральные и восточные области бывшего Персидского царства, сделав своей столицей Вавилон. При жизни Александра Селевк почти не упоминался в исторических хрониках, но на момент смерти царя он командовал гвардией «шитоносцев», и,

судя по всему, его карьера была на подъеме. Когда Александр посоветовал восьмидесяти высшим военачальникам взять в жены дочерей персидских вельмож, Селевк сделал очень необычный выбор — женился на Апаме, дочери Спитамена. Хотя после смерти Александра большинство таких браков было расторгнуто, Селевк и Апама остались супружеской парой. Самыми престижными частями империи Александра были Египет и Македония (Греция), однако Селевк отхватил самый большой кусок: полтора миллиона квадратных миль и тридцать миллионов жителей против шести или семи миллионов человек, населявших Египет и Балканский полуостров.

Но огромные размеры доли империи, доставшейся Селевку, поставили перед ним серьезные проблемы, и он был вынужден сначала отвоевывать большую часть ее территории, получив за это прозвище Селевк I Никатор («завоеватель»). Одной из первоочередных задач, которые ему пришлось решать, было содержание военных гарнизонов в Афганистане и дальше на востоке, так как многие греческие воины, оставленные Александром, очень переживали по поводу оторванности от родины. В 325 году до н. э., когда только прошел слух о смерти Александра, тринадцать тысяч человек оставили Бактрию и попытались вернуться домой. Когда царь действительно умер, среди воинов снова начались волнения, которые Пердикке пришлось усмирять силой.

Ответом Селевка на эту проблему стала поддержка массовой колонизации, привлечение бедных или честолюбивых переселенцев из материковой Греции с целью увеличения на Востоке удельного веса эллинского населения. Историк Майкл Грант замечает: «Это стало одним из самых выдающихся предприятий античных времен, превзошедшим по масштабам освоенных территорий даже великий древний век греческих колоний. И действительно, с этим могли сравниться лишь испанцы в Мексике и Перу: подобно испанской Америке, Восток Селевкида был открыт для всех смельчаков, готовых идти на риск». Бывшие военные гарнизоны разрослись, превратившись в города, в которых греки выступали и как защитники, и как повелители местного населения.

В 305 году до н. э. на полуострове Индостан появилась новая сила, ведомая Чандрагуптой Маурья. Проглотив хилые ко-

лонии, которые попытались основать греки на территории современного Пенджаба, индийское войско перешло через Сулейманов хребет в Арахозию и разгромило Селевка. Странное явление для того времени: после сражения противоборствующие стороны достигли дружеского согласия. Государство маурьев получило южный Афганистан, но оставило грекам Кандагар, имевший для них особое значение как Александрия в Арахозии. Взамен Селевк получил пятьсот боевых слонов, которые очень помогли ему в сражениях на западе.

В 301 году до н. э. войны наследников (или диадохов) достигли своего апогея. К этому времени империя Александра была разделена на пять частей. Македонией и Грецией правил Кассандр, Фракия досталась Лисимаху, в Египте царствовал Птолемей, а всеми восточными территориями от Евфрата до Окса повелевал из Вавилона Селевк. Однако самыми опасными противниками для остальных были Антигон и его энергичный сын Деметрий, владевшие центральной частью бывшей империи Александра в Малой Азии и Сирии и намеревавшиеся воссоединить ее в прежних размерах. В битве при Ипсе в 301 году до н. э. Селевк и Лисимах объединились против Антигона. Обе стороны выставили одинаковое количество воинов, по 75 тысяч, но исход сражения решили слоны Селевка. Разъяренные животные разбили строй фаланги Антигона и растоптали его конницу. После преследования, продолжавшегося на протяжении двухсот миль, от войска Антигона осталось всего восемь тысяч человек¹.

Занавес на войнах диадохов опустился двадцать лет спустя, когда Селевк и Лисимах сошлись друг с другом в 281 году до н. э. в битве при Курупедии. Два престарелых полководца — им к тому времени уже было за восемьдесят — сразились в поединке на глазах любопытных воинов обеих сторон. Лисимах был убит, и его войско в беспорядке бежало: через год умер и Селевк. После смерти последнего из наследников Александра его империя оказалась разделена на три части: греческий мир под возрожденной династией Антигонидов, Египет под Птолемеями и Восток под Селевкидами. Малая Азия, Сирия и Пале-

¹ За двадцать лет до этой битвы у того же самого города Ипса было разбито войско Пердикки, шедшее против Птолемея, а сам он погиб.

стина, еще многие десятилетия после этого остававшиеся ареной кровопролитных войн, переходили в руки «сильнейшего», как и хотел Александр.

Государство маурьев продолжало расширять свои владения в Афганистане, захватив окрестности современных городов Кандагара, Газни и Кабула до самых предгорий Гиндукуша. Чандрагупту сменил на троне его талантливый сын Биндусара, и маурьи, воинственный индийский народ, исповедующий брахманизм, распространили свое влияние на большую часть полуострова Индостан. В 268 году до н. э. престол перешел к молодому сыну Биндусары Ашоке, продолжившему завоевание новых земель. Но после кровавой осады Калинги (современной Ориссы в юго-восточной Индии), в которой войско Ашоки обратило в бегство сто пятьдесят тысяч человек и безжалостно истребило еще сто тысяч, у молодого царя случилось прозрение. Глубоко переживая по поводу устроенной им бойни, он обратился в буддизм.

Динамичная личность, Ашока принялся распространять учение об уважении ко всем формам жизни с тем же воодушевлением, с каким до этого покорял новые страны. Повсюду в своем царстве он установил камни с высеченным на них учением Шакья-Муни, которые назывались «Столбами морали». Несколько таких камней с надписями на санскрите, персидском и греческом языках были обнаружены на территории Афганистана. Согласно Луису Дюпре, один такой камень с надписями на греческом языке был найден в 1958 году во время проведения строительных работ в Кандагаре; местные рабочие хотели его уничтожить, решив, что эта надпись на английском языке увековечивала победы британской армии в середине XIX века, но затем вмешался директор кандагарской школы, известивший о находке председателя Исторического общества Афганистана.

В наши дни Ашоку вспоминают как первого великого проповедника буддизма, использовавшего силу государства для распространения учения, до этого передававшегося лишь из уст в уста. Однако после его смерти в 232 году до н. э. государство маурьев стало распадаться: стремление к внутреннему миру оказалось несовместимым с ведением захватнических войн.

Государство Селевкидов начало терять контроль над восточными территориями в середине III века до н. э. вследствие двух связанных между собой причин. Во-первых, парфяне, кочевой народ, родственник скифам, стали перемещаться на юг со своих родных степей, расположенных к востоку от Каспийского моря. Во-вторых, Диодор, правитель Бактрии, воспользовавшийся в равной степени династическими распрями между Селевкидами и нашествием парфян, начал добиваться независимости Греко-Бактрийского царства. При его сыне Диодоре II эта независимость стала реальностью.

Нашествие парфян надо представлять не как организованный поход, а как разрозненные набеги степных воинов, год за годом нападавших на центральную часть бывшего Персидского царства. Захватив один город и завладев тем, что в нем было, парфяне через некоторое время переходили к следующему. По мере приближения к сказочным богатствам Месопотамии кочевники набирали силу, облагая данью покоренные народы, и вооруженная миграция постепенно превращалась в организованное завоевание. Бактрийцы, однако, столкнулись с самого начала с серьезными неприятностями. Старые царские дороги, соединявшие их провинцию с Западом, оказались перерезанными шайками парфянских грабителей. Государство Селевкидов, на целое десятилетие погрязшее в междоусобных распрях, вызванных вопросом престолонаследия, оказалось неспособно выделить военную силу для защиты своих восточных рубежей. Из столицы в отдаленную провинцию не могли дойти войска, товары и даже письма. При этом и греки Бактрии не желали участвовать в мелких дрязгах Селевкидов.

Так родилось Греко-Бактрийское царство, замечательное, таинственное государство, существовавшее на территории Афганистана в течение почти трех столетий в полной изоляции от остального эллинистического мира. Наследник Диодора II Эвфидем, не теряя времени даром, начал проводить собственную внешнюю политику. Первым делом он нанес удар на западе, отбросив парфян и вернув Герат (или Александрию в Арее). Затем Эвфидем двинулся с карательным походом на север на территории скифов, переправился через Яксарт и дошел до Синкяня (нынешняя китайская провинция Синьцзян).

Однако списывать Селевкидов со счетов было еще рано, и в 209 году до н. э. энергичный молодой царь Антиох III Великий проложил себе мечом путь через нарождающееся Парфянское царство и начал повторять поход Александра Македонского на восток. Пройдя по Арейе и Арахозии, он перешел через Гиндукуш в Бактрию. Однако полномасштабной войны между греко-бактрийским войском, обладающим грозной конницей, и породившим его государством удалось избежать. Антиох и Эвфидем встретились друг с другом и договорились совместно защищать эллинистическую культуру от новых врагов, и в первую очередь от парфян. На самом деле Антиох, посетивший свои восточные владения, скорее всего пришел к выводу, что они слишком обширные и удаленные, чтобы управлять ими из своей новой столицы Селевкии, расположенной к северу от Вавилона. Вместо этого он обратил свои устремления на запад, оставив Греко-Бактрийское царство в покое, а тем временем у него за спиной снова сомкнулись парфяне. На западе Антиох добился значительных успехов. К 200 году до н. э. он вырвал из рук египетских Птолемеев Палестину, а в 196 году до н. э. переправился в Европу, намереваясь покорить Грецию.

За несколько лет до этого Рим, новая сильная держава, зарождавшаяся в Средиземноморье, одержал победу над царем Македонии Филиппом V. На следующих Олимпийских играх в торжественной обстановке было объявлено о восстановлении независимости греческих городов-государств. Однако в ответ на вторжение Антиоха Рим снарядил в поход сильное войско, отчасти разгневанный тем, что одним из военных советников Антиоха был Ганнибал, знаменитый карфагенский полководец. Разгромив в 191 году до н. э. армию Селевкидов под Фермопилами, римляне преследовали ее остатки до самой Сирии. В следующем году в сражении под Магнесией сорок тысяч легионеров под командованием Сципиона Африканского, победившего Ганнибала при Заме, встретились с восьмидесятитысячным войском Антиоха. Селевкиды, получив от маурьев боевых слонов, продолжали широко их применять, однако в разгар битвы римская конница обратила могучих зверей в бегство, и те растоптали собственную пехоту. В образовавшиеся в боевых порядках бреши хлынули римские пехотинцы, и войско Селевки-

дов, понеся большие потери, отступило. В ходе последовавших за этим мирных переговоров римляне потребовали выдачи Ганнибала. Однако тому удалось бежать, правда лишь для того, чтобы стать жертвой неумолимой травли Рима по всему побережью Эгейского моря.

После этого крушения военной мощи Селевкидов Греко-Бактрийское царство оказалось предоставлено самому себе; однако искусственно перенесенное в центр Азии западное государство проявило небывалый динамизм. Сын Эвфидема Деметрий I отвоевал Арахозию, и впервые за сто лет вся территория современного Афганистана была вновь объединена под греческим правлением. Воспользовавшись крушением государства маурьев, Деметрий преодолел Хайберский проход и захватил Гандхару. В последующие десятилетия греки неоднократно переправлялись через Инд, доходя до столицы государства маурьев, города Патна на реке Ганг в Восточной Индии. В период наибольшего расцвета Греко-Бактрийское царство простиралось от Мерва на территории нынешней Туркмении до Таксилы на восточном берегу Инда, занимая весь Афганистан. Центр интересов царства все больше смещался на восток, в сторону Индии. В 155 году до н. э. царем стал Менандр, последний великий правитель, увековеченный буддистами (под именем Милинды) в серии диалогов, состоявшихся у него с буддийским мудрецом. Появление Менандра в восточной литературе особенно примечательно тем, что, помимо этого, Греко-Бактрийское царство оставило след в истории преимущественно в виде монет, которые находят в Афганистане тысячами. По иронии судьбы, эти монеты создают впечатляющую галерею портретов царей Греко-Бактрийского государства, несколько не уступающих фотографиям; однако, когда греки в конце концов исчезли из Афганистана, кроме монет, после них почти ничего не осталось.

А в окружающем мире тем временем происходили великие события. В 168 году до н. э. Рим наконец положил конец могуществу Македонии в сражении при Пидне. После этого римляне переняли культуру покоренных ими греков, причем в такой степени, что буквально подхватили выпавший у Александра

Македонского факел и распространили эллинистические ценности и культуру по всему Древнему миру. Менее значительным событием стал захват Вавилона парфянами. Парфянское царство, занимавшее площадь в полмиллиона квадратных миль и простиравшееся от Месопотамии до Афганистана, стало единственным соперником римского могущества. В середине первого века до н. э. Римская республика утонула объединенными усилиями трех своих граждан. Первый из этого триумvirата, Помпей Великий, нанес в 60 году до н. э. в Сирии последний удар государству Селевкидов. Несколько лет спустя второй член триумvirата Юлий Цезарь положил конец правлению Птолемеев в Египте несмотря на отчаянные усилия Клеопатры VI, в попытке сохранить греческую династию воздействовавшей женскими чарами сначала на Цезаря, а затем на Марка Антония. В 53 году до н. э. Красс, третий член триумvirата, отчаянно стремившийся добавить к своему огромному состоянию лавры победоносного военачальника, двинулся в поход на Парфию. Однако в сражении при Каррах его войско было наголову разгромлено.

Парфяне сохранили традиционную тактику степных воинов. Их войско состояло в основном из конных лучников; помимо этого, в его составе были отряды всадников в тяжелых доспехах, вооруженных длинными копьями (впоследствии такие будут использовать европейские рыцари). Карры ознаменовали конец превосходства тактики строгой дисциплины пехоты, господствовавшей в цивилизованном мире с тех пор, как греки за пять столетий до этого отточили до совершенства ближний бой. Парфяне заманили Красса в сухие, безводные земли, где его войско окружили неуловимые всадники, осыпавшие легионеров дождем стрел. Попытки римлян организовать контратаку были смяты неожиданным нападением парфянских копьеносцев. В разгар сражения сын Красса во главе отряда отборной римской конницы из тысячи трехсот всадников при поддержке легкой пехоты попытался прорвать смертельное кольцо, однако сам оказался окружен на вершине холма и послал к отцу за помощью. Красс собирался идти сыну на выручку, когда появились парфянские всадники, насадившие голову Крассамладшего на острие пики. Выведенный из себя этой трагедией,

Красс потерял голову. Парфянский царь предложил переговоры, и, хотя Красс не хотел на них соглашаться, легионеры вынудили его принять приглашение, пригрозив неповиновением. Парфяне вероломно расправились с Крассом и его помощниками, прибывшими на переговоры, после чего римское войско распалось.

Несмотря на то что Цезарь или Помпей нашли бы какое-нибудь решение серии тактических проблем, с которыми столкнулся Красс при Каррах, победа над римлянами укрепила положение Парфии как бастиона между Римом и Востоком. Больше того, обезопасив свои западные границы, парфяне вскоре повернули на восток, в сторону Афганистана. Как заметил Кироу: «Карры явились одним из решающих сражений в мировой истории, победу в котором одержали люди, чьи внуки вскоре обосновались на северо-западной границе». И самым страшным для оседлого населения Центральной Азии было то, что парфяне явились лишь первой волной кочевых всадников-лучников, накатившейся из степей и разорившей государства цивилизованного мира; за ними последовали новые и новые волны.

Ни греко-бактрийцы, ни римляне, ни индийцы даже не подозревали о свирепых сражениях, шедших в ту пору на территории современных Сибири и Монголии, к северо-западу от нынешнего Китая. В начале второго века до н. э. непрерывные кровопролитные войны в степях Центральной Азии вынудили союз кочевых племен двинуться на юго-запад в направлении Афганистана. Китайцы называли эти народы юэ-чжи, но на Западе они стали известны как кушаны по названию самого крупного из пяти племен, входивших в союз. Возможно, на переселении этих племен на юго-запад сказались неблагоприятные климатические условия севера, засуха или особенно суровая зима, или строительство Великой Китайской стены, начатое в 214 году до н. э. Этой стене предстояло стать самым впечатляющим сооружением, когда-либо воздвигнутым человеком; однако уже само ее строительство создало огромные проблемы для кочевников, так как в пограничных районах империи Хань скопились сотни тысяч строителей и воинов, призванных оградить страну от варваров. Лишившись возможности совер-

шать грабительские набеги, потеряв пастбища, кочевники развязали братоубийственную войну между собой. Следствием этих распрей стала миграция кушанов.

Первые последствия этого переселения Афганистан ощутил около 130 года до н. э., когда скифские племена (по-персидски саки), столетиями терзавшие набегами цивилизованные государства, внезапно в огромном количестве хлынули через Яксарт и Окс. Сначала они направились было на запад, но парфяне, двоюродные братья саков, к тому времени успевшие набрать силу, отбили их натиск. Тогда часть саков повернула на юг в Арейю и Дрангиану, переименованную ими в Сакистан (современный Сеистан), а затем прошла через район Кандагара в южном Афганистане в Индию. Другие скифские племена просто переправились через Окс на территорию северного Афганистана и сокрушили Греко-Бактрийское царство.

Портреты на монетах не позволяют получить представление об отчаянных битвах, которые пришлось вести грекам со скифскими ордами, теперь не просто совершавшими набеги, но отчаянно стремившимися завоевать новые земли, так как сейчас с ними были их жены, дети и все имущество. Не представляется возможным оценить их число, а также распределение сил. Встало ли коренное бактрийское население на защиту правящего класса греков? Или нашествие скифов поддержали их дальние ираноязычные родичи, жившие на положении людей низшего сорта и горевшие желанием свергнуть господство эллинов? В государстве Селевкидов мечта Александра Великого выковать гибрид культур Востока и Запада не пережила его самого. Его македонские и греческие наследники сразу же вернулись к эллинистическим обычаям и одежде, проводя четкое разграничение между победителями и побежденными. Но как обстояли дела в Греко-Бактрийском царстве? Относились ли эллины к коренным жителям как к рабам или же происходил процесс слияния? Поскольку Греко-Бактрийское царство погибло, не оставив письменных свидетельств, узнать это не представляется никакой возможности.

После впечатляющего правления Менандра — правда, перенесшего центр своего государства в Индию — среди эллинов начались междоусобные распри, причем этот процесс пошел

особенно быстро после появления на границах скифов. В один период в течение семнадцати лет на монетах успело появиться сорок имен различных царей. Тем не менее, подобно мышечным судорогам раненого тела, греки продолжали сражаться, оказывая сопротивление захватчикам. Одному правителю по имени Аминта, чьей столицей, вероятно, была Александрия Кавказская, удалось отвоевать территорию от современного Кабула до Газни. Монеты прославляют его как Аминту Никатора (Завоевателя). Несколько лет спустя греческие города-государства в Индии были завоеваны скифами, хлынувшими на север из захваченного ими Синда. Последний из известных царей Греко-Бактрийского царства Гермесий, унаследовавший престол от своего отца Аминты в 40 году до н. э., в один момент правления прошел с войском по долине реки Кабул до Инда. Но это был последний всплеск греческого могущества в регионе. Несколько лет спустя захватывающая нумизматическая летопись резко обрывается; на следующих по времени монетах мы уже видим портреты скифских царей.

Таким образом, в то время как на западе Цезарь Август вел Римскую империю к небывалому могуществу, на востоке эллинское царство, полностью изолированное и окруженное со всех сторон неграмотными степными воинами, доживало последние дни. Для современников оно было чем-то вроде дерева, упавшего в лесу: было известно о его существовании, но никто не мог сказать, какая судьба его постигла.

В течение многих столетий оставалось загадкой, сохранили ли греки в Афганистане эллинистические обычаи в течение всего своего правления или же они слились с коренным ираноязычным населением в некий культурный гибрид, который с трудом бы узнали на Западе. Археологи, работающие в Афганистане, постоянно сталкиваются с проблемой того, что в течение столетий строения возводились преимущественно из необожженного глиняного кирпича, со временем рассыпающегося в пыль. Разрушенная постройка эпохи Ахеменидов становится практически неотличима от здания Кушанской эпохи или эпохи Газневидов или даже от разоренной дурранийской крепости конца восемнадцатого века. И тем не менее в 1922 году Французское археологическое общество твердо решило отыскать в

Афганистане остатки греческого города. Любопытно, что в Балхе, несмотря на огромные усилия (масштабы которых позволят оценить то, что в один период раскопки велись одновременно более чем в ста местах), удалось обнаружить лишь немногочисленные осколки глиняной посуды. Таким же молчалием ответили археологам сотни разрушенных городов, крепостей и других сооружений. Если бы не монеты, сложилось бы впечатление, что греков в Афганистане никогда не было и в помине.

Но наконец в 1963 году французы нашли затерянный город. Это оказался Ай-Ханум (по-узбекски «Лунная девушка») в северо-восточном Афганистане в месте впадения реки Кокча в верховья Амударьи. Возможно, первоначально город назывался Александрией-на-Оксе. Под толщей многовековых наслоений французские археологи нашли традиционную греческую метрополию, с непременно театром, гимназиумом (разделенным на секторы заботы о физическом и духовном здоровье), святилищем героев и храмом Зевса. Среди многочисленных коринфских колонн и разбитых и незавершенных статуй была заповедь, скопированная у дельфийского оракула материковой Греции. Она гласила: «В детстве — послушание; в юности — умение сдерживать себя; в зрелом возрасте — справедливость; в старости — мудрый совет; в смерти — отсутствие боли».

Археологи нашли неоспоримые свидетельства того, что город был уничтожен пожаром приблизительно во втором веке до н. э. Можно предположить, что маленькие частицы пепла — это все, что осталось от рукописей, в которых когда-то хранилась подробная история города, а может быть, и всего Греко-Бактрийского царства, от основания до самых последних минут, когда пергамент был оставлен огню. Тем не менее обнаружение копии Афин на территории Афганистана стало важным шагом в доказательстве того, что греки, переселившиеся в земли, покоренные Александром, до самого конца остались эллинами. В 2000 году талибы бульдозерами сравнивали место археологических раскопок с землей.

Но греки, возможно, оставили о себе и другие воспоминания. И по сей день в практически недоступных горных долинах северо-восточного Афганистана живут сохранившие древний

уклад жизни общины светловолосых и голубоглазых людей. До конца девятнадцатого века они исповедовали необычную политеистическую религию, которая вполне могла быть мифологическими верованиями древних греков, видоизменившимися за два тысячелетия полной изоляции. Этим людей считают далекими потомками воинов Александра, однако их язык содержит корни, предшествующие всем известным индоевропейским языкам, что позволяет современным ученым предположить, что это коренные жители этих мест, живущие настолько обособленно, что их минули доисторические волны переселения народов в Европу. Впрочем, навязывание одного или другого решения исторической загадки не всегда приводит к истине, и иногда лучшим ответом становится комбинация различных гипотез.

В какой-то момент греческое господство в Афганистане было насильственно свергнуто, возможно, не только нахлынувшими извне кочевыми ордами, но и восставшим местным населением. Грекам пришлось бежать, спасая свою жизнь. Вполне вероятно, они попытались укрыться в самых глухих уголках страны, в первую очередь в этих высокогорных долинах, населенных людьми, внешне чем-то похожими на них. Перепуганные насмерть беглецы и не думали о том, чтобы возродить на новом месте эллинистическую культуру; наоборот, они постарались смешаться с местным населением. Также можно представить себе, что родители-греки, спрятав своих детей в неприступных горах, сами пали жертвой охотящихся за ними отрядов скифов.

До конца девятнадцатого века эти глухие места были известны под названием Кафиристана, «страны неверных». Однако после того, как их жители были насильственно обращены в ислам, территория получила название Нуристана, «страны света». Вполне возможно, что она населена потомками граждан Греко-Бактрийского царства, а может быть, даже воинов Александра Македонского.

В течение приблизительно столетия скифы господствовали почти на всей территории нынешнего Афганистана и части Пакистана. Затем, около 5 года н. э., парфяне, укrotив честолю-

бывые устремления римлян расширить свои владения за Евфрат, отправили войско на восток, чтобы покорить скифов. Теперь обошлось без жестоких кровопролитных войн между двумя родственными народами и без сражений до последнего воина, какие, по-видимому, пришлось вести грекам. Скорее, недавно разбогатевшие парфяне, приведшие впечатляющую силу под началом царя-воина Митридата II, почти бескровно установили власть над своими менее удачливыми кузенами. Скифская знать сохранила свое положение, а территории на юго-востоке, куда парфяне поленились дойти, вообще остались независимыми. Парфяне прошли с юга от Гиндукуша, оставив в покое менее защищенный север, где уже появились кушаны, давившие на границы Парфянского царства.

Нашествие скифов, поддержанное парфянами, имело далеко идущие последствия. Скифские племена с тех пор, как Геродот впервые начал вести историю человечества, считались основной угрозой цивилизации, исходящей с севера; однако теперь скифов вытеснили с их бескрайних пастбищ силы, зародившиеся в еще более отдаленных глубинах Центральной Азии. Во втором веке до н. э. скифы, можно считать, исчезли с шахматной доски. В Восточной Европе и на территории современной Украины оставшиеся племена рассеялись среди оседлого населения или оказались поглощены новыми волнами кочевых орд, таких, как гунны. Племена восточных скифов, переселившиеся в огромных количествах в Афганистан и Индию, перестали существовать. Однако сами скифы не исчезли. В это время в Афганистане к югу от Гиндукуша и за Сулеймановым хребтом (или Белыми горами) на территории Пакистана начала складываться новая этническая группа. Худые темноглазые люди с окладистыми бородами, свирепые воины, ценящие превыше всего личную свободу. Говорящие на языке, имеющем древнеиранские корни, но испытывавшем на себе несомненное влияние соседней Индии, а также древнеперсидского, арамейского и древнегреческого языков. Поглощая местное население, они приносили свою собственную культуру. Этих людей мы сейчас называем пуштунами.

Свою восточную столицу Митридат II устроил в Таксиле неподалеку от реки Инд, однако парфянское владычество в

этих землях оказалось очень недолгим. Уже в 30 году до н. э. кушаны начали переправляться через Окс. По мере того как нарастала их численность, они проникали через перевалы Гиндукуша и к 60 году н. э. захватили долину Кабула. После того как кушанские племена нагрянули всей силой, скифо-парфянскому господству быстро пришел конец. В 75 году н. э. Таксила была разгромлена, и парфянские владения в Афганистане ужались до более процветающих областей на западе. На захваченных кушанами территориях местные племена во главе со своими вождями смешались с победителями.

Точное этническое происхождение кушан неизвестно; можно сказать только то, что это был индоевропейский народ, вероятно, говоривший на языке иранской группы. Влияние тюркских языков на пушту (язык иранской группы, на котором говорят пуштуны) относится к более позднему времени. Таким образом, если не считать наведавшихся из Европы греков и недолгого владычества индийских маурьев, Афганистан оказался населен в основном потомками трех волн кочевников — саков, парфян и кушан, которых можно с некоторой натяжкой определить обобщающим названием «скифы»: индоевропейские народы азиатских степей с разными, но родственными языками иранской группы, обладающие схожими культурой и внешностью. Оседлое население плодородных долин рек Афганистана пыталось подстроиться под каждую новую волну пришельцев. Горские кочевники-скотоводы смотрели на происходящее со стороны, непокоренные, но готовые вступить в союз с теми, кто пообещает наибольшую выгоду. Кушаны не имели письменности и культурных идеалов, которые могли бы принести на захваченные территории, и, подобно своим предшественникам, другим кочевым ордам, они относились терпимо к местным обычаям и религии.

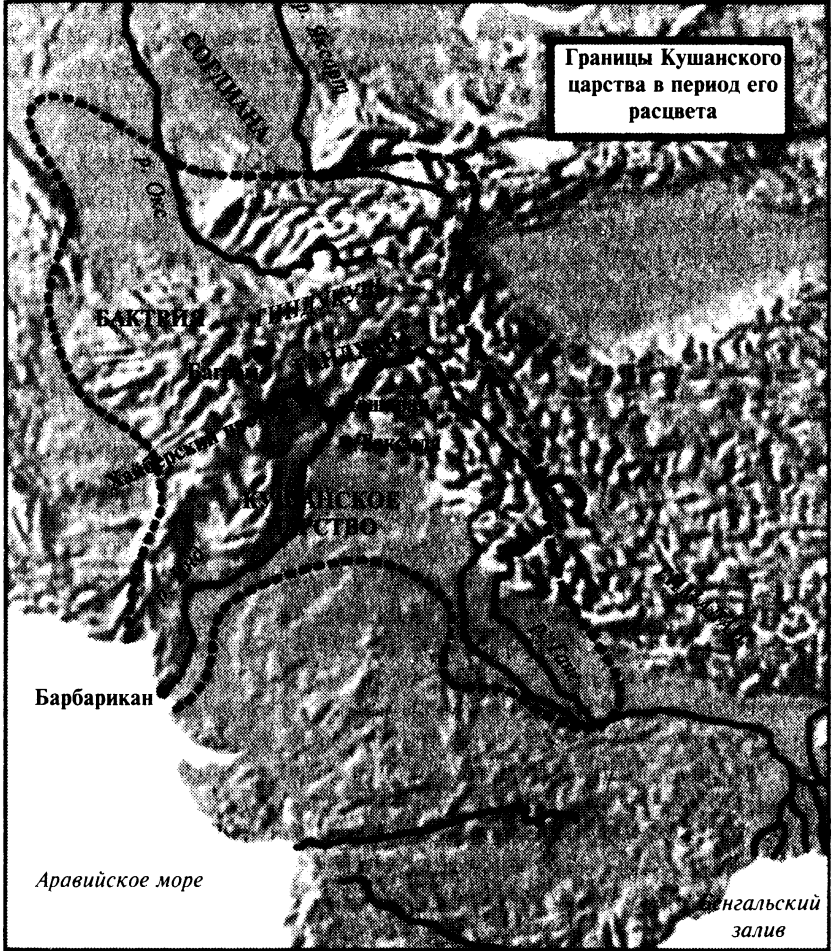
Геополитическое значение нашествия кушан было огромным. В течение двух столетий парфяне стояли непреодолимой стеной на восточных окраинах Римской империи, закрывая от Запада не только Греко-Бактрийское царство, но и Индию с Китаем. Но по мере того, как военное могущество парфян постепенно угасало вместе с упадком государства, сжимавшегося к своему центру в Месопотамии, молодое и полное сил Ку-

шанское царство расширяло свои владения от Каспийского до Аравийского моря и дальше в Индию. Оказывая непрерывное давление на восточные границы Парфянского царства, кушаны открыли сухопутные и морские дороги в Рим. Именно в это время начал приобретать очертания Великий шелковый путь из Китая, проходящий через территорию Кушанского царства к северу от Гиндукуша. Нетрудно представить себе караваны, идущие на запад под защитой кушан. Парфяне уже не имели сил и желания препятствовать торговле, и товары в конце концов попадали в восточные провинции Римской империи.

Приблизительно в 125 году н. э. на престол Кушанского царства взошел Канишка, продолживший преобразования этой части мира. Замечательный воин, он присоединил к своим владениям долину Ганга на востоке и часть парфянских земель на западе. Центральной столицей его государства стал город Пурушапура неподалеку от нынешнего Пешавара, на пакистанской стороне Хайберского прохода; летнюю столицу Канишка устроил в Баграме, на развалинах Капиш-Каниша и Александрии Кавказской; зимняя столица была в Матхурс в Индии. Канишка укрепил торговые пути, связывающие Рим с Китаем по суше, а с Индией преимущественно по морю, через Александрию Египетскую.

Следуя по стопам Ашоки, Канишка также принял буддизм. При нем Гандхара, область в центре Кушанского царства, стала неповторимым сплавом различных культур, и Канишка как никто другой способствовал распространению буддизма на Востоке. До него Гаутама Будда был представлен как философская концепция или изображался в виде символов (одним из которых является свастика); теперь при помощи индийских, греческих и римских художников Будда обрел человеческий облик. Старая форма буддизма, или «Малая колесница», сохранилась и по сей день в Шри-Ланке и отдельных районах Юго-Восточной Азии; но Махайяна Канишки, или «Большая колесница»¹, распространилась из Афганистана в Индию и дальше через Китай до Японии.

¹ Канишка учредил великий собор, на котором был выработан канон Махайяны, одного из четырех основных направлений буддизма.

Границы Кушанского царства в период его расцвета

БАКТРИЯ

СОГДИЯНА

КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО

Барбарикан

Аравийское море

Аравийский залив

В Кушанском царстве живописцы и скульпторы не ограничивались изображением Будды, и в наши дни гандхарийское искусство остается восхитительным наследием когда-то могущественной цивилизации. К несчастью, о военных и политических событиях той эпохи мы знаем значительно меньше. Как объясняет Кероу: «Сложность воспроизведения истории Кушанского царства происходит оттого, что основные связи оно поддерживало с Индией, чьи народы из всех древних мировых цивилизаций в наименьшей степени испытывали почтение к истории». Царь Канишка умер около 150 года н. э. Сохранились сведения о трех его преемниках, последнего из которых звали Васудевой — в этом имени отчетливо прослеживается влияние индуизма. Подобно тому, как дети нередко отвергают обычаи своих отцов, похоже, последователи Канишки не разделяли его ревностную приверженность буддизму; скорее всего последний кушанский царь обратился к индийскому брахманизму как к более практичной философской опоре своего царства. Но к тому времени было уже слишком поздно. В 225 году н. э. Кушанское государство начало рассыпаться на части; народ, прозванный китайцами юэ-чжи, но который мы можем с большим основанием называть последней волной скифов, смешался с теми, кем правил.

Наверное, нельзя безоговорочно сожалеть об упадке Кушанского царства, поскольку нам известно слишком мало о правлении кушан в Афганистане: не исключено, что оно было кровавым и жестоким. И все же дошедшие до нас сведения свидетельствуют о небывалом расцвете искусств и распространении философии, что скорее опровергает, чем подкрепляет предположение о беспощадной военной власти. Далее, кушаны открыли двери своего государства в окружающий мир, превратив его в оживленный мост, соединяющий Восток и Запад. В период своего расцвета Кушанское царство находилось на стыке великих цивилизаций Древнего мира — Персидской, Индийской, Китайской и Греко-Римской. Возможно, и само Кушанское государство заняло бы достойное место в этом ряду, но только его существование оказалось очень недолгим.

Погибель пришла в Кушанское царство не из Индии, где его положение оставалось достаточно прочным, а с запада, из возрожденной Персии. Господство парфян оказалось весьма

продолжительным; они удерживали центральную часть бывшего Персидского царства в течение четырех столетий. Однако постепенно их силы иссякли, и в 225 году н. э. перс по имени Ардашир, внук Сасана, поднял восстание против захватчиков. Ардаширу, говорившему о своем прямом происхождении от Ахеменидов и исповедовавшему религию своих предков — зороастризм, поклонение огню, удалось без труда свергнуть последнего слабого парфянского царя. Захватив власть, он первым делом двинулся на восток.

Войско Сасанидов захватило Афганистан, дойдя до реки Инд, бывшей когда-то границей Персидского царства. За этой линией, в северной Индии, а также к северу от Гиндукуша и на землях вокруг долины реки Кабул сохранились разрозненные кушанские государства. Сасаниды назначили правителями новых территорий представителей местной знати, избежав таким образом разрушительных катаклизмов. Главная перемена — возможно, встреченная весьма благосклонно коренным оседлым населением, в течение многих столетий жившим вдоль реки Гильменд, в долине Герата и других земледельческих районах, — состояла в том, что Афганистан после нескольких веков греческого, индийского, скифского, парфянского и кушанского господства снова вернулся в лоно персидского государства.

Самая крупная вспышка насилия при возникновении государства Сасанидов произошла на Западе: возрожденное персидское государство столкнулось с Римом. Римляне уже усвоили урок не связываться с бескрайними степями Востока, населенными воинственными кочевниками вроде парфян; они со злорадством наблюдали за упадком Парфянского царства, развивая дружеские торговые связи с кушанами. К середине третьего века нашей эры могущество Рима ослабло вследствие внутренних проблем. Но тут появились воинственные Сасаниды, преисполненные сознанием выпавшей на их долю исторической миссии, и оттяпали у Римской империи провинции Армения и Сирия. Император Валериан двинулся на восток и в 260 году встретился с войском Сасанидов под Элессой, городом на юго-востоке современной Турции. Сын Ардашира Шапур заманил римлян в засаду. В его войске были отряды тяжелой пехоты, однако главную силу составляли конные лучники. Римляне потерпели сокрушительное поражение, а сам Валериан был

взят в плен — впервые римский император был захвачен в плен — и вскоре умер в неволе. Возможность римского влияния на Востоке скончалась скорострительной смертью.

По иронии судьбы, греки неудержимой лавиной прошли через всю Персию до Индии, а их более сильные наследники — римляне так и не смогли это повторить. Похоже, в широком историческом плане Александр Македонский предпринял панэллинский поход как раз вовремя. В ту эпоху прекрасно вышколенная пехота, придерживавшаяся тактики непосредственного столкновения, одержала победу над царями Вавилона и Персеполя; однако в последующие столетия на поле боя все больше доминировали конные воины, хлынувшие в огромных количествах из степей Центральной Азии вскоре после похода Александра. Со временем им предстояло не только покорить Ближний Восток и Индию, но и опустошить Европу. Естественно, Афганистану, первой остановке на пути из Центральной Азии к богатству, накопленному оседлыми цивилизациями, неизбежно приходилось принимать на себя первый удар почти всех подобных захватнических походов.

В степях Центральной Азии китайцы много столетий вели жесточенную борьбу с воинственными кочевыми племенами. Великая Китайская стена стала очень дорогим, но действенным решением этой проблемы. Она отгородила от варваров территории с высоко развитой цивилизацией на Востоке (хотя к тому времени империя Хань приказала долго жить). Самым крупным объединением кочевых племен были гунны (по-китайски сюнну), вероятно, в свое время выдавившие кушан, а затем и сами покинувшие восточные степи. Хотя ученые, как правило, объясняют переселение народов из Центральной Азии ухудшением условий жизни в степи, существует также вероятность, что вызвано оно было, наоборот, процветанием — изменением климатических или иных условий, приведшим к резкому увеличению численности племен, другими словами, к всплеску рождаемости. Дополнительный стимул кочевые племена получили, обнаружив, что тяжелее всего им сражаться друг с другом. Покинув свои родные земли и забыв междоусобные распри, они вдруг увидели, что те народы, что стояли у них на пути, оказались в военном отношении гораздо более слабыми.

В середине четвертого века нашей эры новые полчища конных воинов переправились через Окс на территорию Афганистана. И снова первыми этих людей увидели китайцы и, согласно Луису Дюпре, китайское название племени «ей-ци-или-то» в византийской транслитерации преобразовалось в эфталитов или хайталитов. Персы называли их гайталами или ай-талами (в последнем названии можно найти прообраз имени Атиллы); однако племя, вторгшееся в Афганистан, все же закрепилось в истории под названием «белых гуннов».

Теперь за обладание Афганистаном сражались не родственные иранские народы или пришедшие издалека армии высоко развитых цивилизаций Греции и Индии. Новое вторжение из далеких глубин Центральной Азии ознаменовало собой небывалый всплеск насилия и жестокости. Пришельцы выросли и закалились в суровых северных степях и отточили воинское искусство в многовековых межплеменных войнах. Скорее всего почти никто из них никогда в жизни не видел город, и когда они спустились из степей и встретили оседлые поселения, первым возникшим у них желанием было их уничтожить. Вторжение в Афганистан эфталитов, или белых гуннов, явилось настоящим шоком.

Если этнические корни кушан окутаны тайной, происхождение белых гуннов вообще является полной загадкой. Современные ученые, основываясь на китайских источниках, предполагают, что это были народы, находящиеся в зависимости у аваров, монгольского племени, которое вскоре двинулось на Европу в составе более крупного объединения гуннов под предводительством Атиллы. (В Византии считали, что авары были новой волной гуннов.) Орды Атиллы говорили преимущественно на языках тюркской группы, хотя в них, возможно, входили и другие народы. Предположение о какой-то обособленности эфталитов основывается исключительно на свидетельстве римского историка Прокопия, написавшего в середине шестого века: «[Они] принадлежат семейству гуннов как по сути, так и по названию; однако они не смешиваются с остальными известными нам племенами гуннов. Среди гуннов они единственные с белыми телами и лицами, не вызывающими отвращения».

Естественно, существует вероятность, что эфталиты были

последним племенем скифов — начинавших чувствовать себя в степи, как рыба, вынутая из воды, — последовавшим за своими дальними родственниками кушанами, которые неплохо устроились по ту сторону Окса. Однако другие современники отзываются об эфталитах как о «приземистых и страшных», повторяя описания татаро-монгольских завоевателей, которое им давали все цивилизованные народы, впервые с ними столкнувшись. Хотя белые гунны принесли в язык Афганистана такие новые слова, как «хан» и «улус», их господство не сопровождалось сколь-нибудь заметным усилением тюркского влияния. Как правило, крупные кочевые народы поглощали мелкие племена, встречавшиеся у них на пути, и общий образ жизни быстро сглаживал все этнические и языковые различия. Можно предположить, что белые гунны были результатом смешения пришельцев из глубин Центральной Азии с остатками коренного индоевропейского населения восточных скифских степей. При этом они сильно отличались от своих предшественников-завоевателей, пришедших с той же стороны, и внушали большой ужас.

Что же касается «ужасного внешнего вида», приписываемого основным силам гуннов, необходимо помнить, что устрашающая внешность была неотъемлемым качеством воинов. Гунны перебинтовывали мальчикам головы, что приводило у взрослых к формированию весьма своеобразного черепа. Это отчетливо просматривается на некоторых монетах эфталитов. Кроме того, согласно римскому историку Аммиану Марселлину: «Они с момента рождения делали младенцам глубокие надрезы на щеках, так что, когда в должный срок на лице появлялись волосы, их рост сдерживался сморщенными шрамами». В бою воин должен был наводить ужас на противника.

И действительно, когда гуннов впервые увидели на Западе, начались горячие споры по поводу того, люди ли это. Индоевропейцы с древнейших времен общались с эфиопами и китайцами и знали о существовании других человеческих рас. Открытие в Африке пигмеев, совершенное исследователями эпохи Ахеменидов, вероятно, произвело сенсацию, если только в него поверили; кроме того, постоянно ходили рассказы об амазонках. Поэтому в Европе и Персии никто не удивился бы,

узнав, что у новых завоевателей есть хвосты и рога, что они пожирают своих детенышей и, спустившись с коней, ходят на всех четырех конечностях. И то, что гунны были неустойчивы в бою, лишь способствовало укреплению веры в их необычность.

Афганистан, подвергнувшийся нашествию белых гуннов, дорого заплатил за свое географическое положение, что явилось особенно сильным ударом после непродолжительного периода процветания при кушанах. Территория Афганистана не только связывала великие цивилизации Востока, Запада и Юга; для варваров, двигавшихся из степей Центральной Азии на запад вдоль непреодолимых горных хребтов, впервые открылась дорога на юг.

Далее последовала цепная реакция. Переправившись через Окс, белые гунны разгромили Кушанское царство, выжившее в столкновении с Сасанидами. Кушаны под предводительством своего царя Киндары отошли через горные перевалы в долину Кабула, завоевав эти земли и распространив свою власть на всю Гандхару. Это появление кушан, называемых также киндаритами, к югу от Гиндукуша иногда рассматривается как первая волна нашествия гуннов.

Тем временем белые гунны захватили древнюю Бактрию и затем вошли в Персию. В 427 году н. э. сасанидский царь Бахрам Гур заманил вторгшихся кочевников в западную и истребил всех до последнего воина, выиграв какое-то время для царства Сасанидов. Но белые гунны накопили силы и вскоре неустойчивым потоком хлынули на юг и на запад. К 455 году они завоевали долину Кабула и Гандхару. В 484 году, когда один из сасанидских принцев опрометчиво попросил их оказать военную помощь в борьбе за престол, они убили царя Персии Пероса и захватили Герат и Мерв. В последующее десятилетие белые гунны разорили Хорасан и другие территории царства Сасанидов к югу от Каспийского моря. Вероятно, царству Сасанидов настал бы конец, но тут белые гунны решили, что на востоке их ждут сказочные богатства; основные силы эфгалитов повернули в Индию.

В Индии государство Гуптов развернуло в пятом веке борьбу с Сасанидами за Афганистан. Но вскоре после смерти могущественного царя Скандэгупты белые гунны обрушились на

государство Гуптов всеми силами. Воины-кочевники горели желанием спуститься с труднодоступных гор Гиндукуша и Сулейманова хребта на равнины Пенджаба. Белые гунны дошли до Ганга и двинулись вниз по его долине, по пути уничтожая буддистов и громя их монастыри.

О сражениях, которые пришлось вести белым гуннам до своего появления в Индии, не дошло практически никаких сведений. Можно только догадываться о противостоянии скифов и кушан, которые сами лишь недавно пришли из степей, с эфталитами. Возможно, новые захватчики быстро усвоили правило не ввязываться в бой в гористой местности, где конница оказывается в невыгодном положении. Скорее всего горцы просто спокойно взирали со стороны на орды варваров, проходящие через их земли к Инду. Через какое-то время после расправы с сасанидскими наместниками, захватчики и коренные жители пришли к компромиссу под девизом «Живи сам и дай жить другим». Гораздо более дорогую цену пришлось заплатить оседлому населению, ставшему легкой добычей варваров-кочевников. Нельзя думать без страха о судьбе, выпавшей в то время на долю ариаспов (или «благодетелей»), оказавших помощь Киру Великому и Александру Македонскому. Гунны, незнакомые с постоянными поселениями, возможно, видели в плотных скоплениях людей лишь препятствия на своем пути. Быть может, они были бы и рады встретить слабое сопротивление, что в этих краях было большой редкостью, так как в ответ на это можно было бы устроить кровавое побоище и тем самым доказать свое военное превосходство.

Прошло какое-то время, и эфталиты вместо того, чтобы разорять свои новые владения, постепенно начали их ценить и даже переняли кое-что у покоренных народов. Они чеканили монеты, иногда с грубыми попытками подражания греческим надписям, но в остальном почти не оказали культурного влияния на захваченные земли. Больше того, даже их цари, осуществлявшие свое правление с территории нынешних северных районов Афганистана, не расстались с обычаями открытой степи. По свидетельству двух китайских странствующих буддийских монахов Сюань Цзана и Хуэй Шена, написавших приблизительно в 520 году н. э.: «У хайталитов нет городов; они

свободно кочуют и живут в шатрах. Они не живут в городах; их правители находятся в кочевом лагере. Они постоянно находятся в движении, ищут воду и пастбища; летом они передвигаются туда, где прохладнее, а зимой возвращаются в теплые края. Они не верят в буддийские законы и поклоняются великому множеству божков».

Первоначально белые гунны разрушали буддистские монастыри, вероятно, ошибочно принимая их за укрепленные пункты, угрожающие их господству. Однако со временем они стали терпимы к другим религиям, как это происходило почти со всеми степными кочевыми народами, придерживавшимися традиционных верований, которые впервые встречались с цивилизацией. В самом центре Афганистана, в плодородной долине в сердце Гиндукуша в Бамиане, продолжала процветать буддистская община. В третьем веке буддисты вырезали в скале огромную статую Будды. В пятом веке они высекли другую статую, больше ста пятидесяти метров в высоту. В окружающих скалах были выдолблены кельи, где жили и молились до восьми тысяч монахов.

В Персии Сасаниды, отступив под напором белых гуннов, едва избежали полного истребления, так как их противник решил повернуть на восток, через Афганистан в Индию. Однако к середине шестого века Сасаниды восстановили свои силы и снова уверовали в себя после нескольких победоносных пограничных войн с Византийской империей. Персы посылали в Афганистан разведчиков, но в течение нескольких десятилетий не отваживались предпринимать завоевательный поход. Наконец они обзавелись союзниками. К северу от Окса появились новые кочевые орды, прибывшие из степей Центральной Азии, — на этот раз бесспорно принадлежащие к тюркской языковой группе. Сасанидский царь Хосров женился на дочери предводителя тюрков Синджибу, после чего был предпринят совместный поход на белых гуннов. Можно предположить, что, как и во время предшествующих и последующих войн в истории Афганистана, вожди горцев, вместо того чтобы оказывать сопротивление захватчикам, перешли на их сторону. Достоверно известно только то, что под двусторонним натиском с севера и юга от Гиндукуша белые гунны были сокрушены на-

голову; можно также предположить, что их поражению способствовала мощная «пятая колонна», действовавшая в их гуще.

Подобно своим предшественникам — скифам, белые гунны исчезли как цари и правители, однако потомки эфталитов остались среди населения Афганистана. Ни одному из захватчиков не удавалось установить контроль над всей территорией страны, опираясь исключительно на внешние силы. Всем приходилось прибегать к помощи местных вождей и правителей. Мы уже имели возможность убедиться в том, что некоторые афганские племена никогда не покорялись захватчикам, хотя время от времени они и оказывали поддержку правителям в обмен на свою свободу. Можно предположить, что подобный процесс происходил и после крушения господства белых гуннов: вожди, командуя отрядами свирепых воинов, клянутся в верности новой центральной власти, помогая свергнуть старую, но только при условии, что во всем остальном их оставят в покое.

Найти в сегодняшнем Афганистане наследие белых гуннов очень трудно; по всей вероятности, наиболее заметно оно прослеживается в Пенджабе, в Раджпутане, а также на востоке современной Индии, где гуджары, потомки покоренного народа, приведенного эфталитами из степей, до сих пор продолжают возделывать землю. Слово «раджпут» означает в переводе «сын царя», и в этом чувствуется след надменных правителей эфталитов, оставленный в культуре этого воинственного народа, насчитывающей полторы тысячи лет¹. Афганистан, возможно, также обладает генетическим наследием белых гуннов, хотя бы потому, что происхождение некоторых горных племен до сих пор остается загадкой. Но скорее всего скифы, парфяне и кушаны, сами прекрасные воины, просто отразили нападение эфталитов, после чего те пошли по пути наименьшего сопротивления и двинулись дальше на плодородные равнины полуострова Индостан.

¹ Раджпуты — военно-феодалная каста-сословие в средневековой Индии, претендуют на происхождение от древних кшатриев, однако большинство кланов ведет свою родословную от верхушки саков, гуннов и других племен, вторгшихся в Индию в V—VI веках и начиная с VIII века занимавших господствующее положение в различных районах северной Индии.

К началу седьмого века персидское государство Сасанидов снова установило контроль над Афганистаном. Государство Гуптов в Индии укрепило свои исконные границы с Персией по берегу реки Инд. Заглядывая вперед, становится очевидно, что Сасаниды, в стремлении расправиться с белыми гуннами призвавшие на помощь из степей свежие тюркские орды, породили силу, со временем вышедшую из-под их контроля. Но следующей проблемой Сасанидов стало не отражение новой волны конных лучников с севера, а борьба с армиями, одержимыми фанатичными устремлениями, двигавшимися с запада. Новая сила, которой предстояло покорить как Персию, так и Афганистан, родилась в Аравии. Воины были вооружены не только оружием, но и идеалами, и даже в современном мире иногда кажется, что их продвижение невозможно остановить.

В 632 году в Иерусалиме вознесся на небеса пророк Мохаммед, предоставив армии фанатиков разнести по всему миру его послание. Персы поняли, что столкновения не избежать; поэтому весной 637 года стотысячное войско вместе с боевыми слонами переправилось через Евфрат, чтобы отвести угрозу, нанеся удар первым. У деревни Кадисия (на территории современного Ирака) персы столкнулись с уступающим им по численности тридцатитысячным войском арабов. Арабы перешли в наступление первыми, пытаясь разрезать боевые порядки персов ударами конницы. Однако Сасаниды предприняли контратаку, пустив в авангарде боевых слонов. Разъяренные звери напугали коней арабов, и тем пришлось приложить все силы, чтобы не рассеяться перед наступающим неприятелем. На следующий день арабы действовали более осторожно, жаля противника стремительными конными наскоками с флангов. На третий день к арабам подошли подкрепления из Сирии, имеющие опыт борьбы со слонами. На огромных животных обрушился град стрел и дротиков, и они повернули назад, растоптав пехоту Сасанидов. В прорывы бросилась арабская конница, разрывая боевые порядки персов. В течение всей ночи арабы преследовали бегущего неприятеля, истребляя персов в огромном количестве. Сасанидский военачальник Рустам, наместник царя Йездигерда III, был схвачен при попытке переплыть канал и обезглавлен.

В конце того же года арабы разгромили другое войско Сасанидов под Джалулой, а в 642 году столкнулись с самим Йездигердом под Нехавандом к югу от Хамадана. Собрав остатки сил своего царства, Йездигерд выставил войско, превосходившее числом и вооружением стремительных, легковооруженных арабов. Однако персы не смогли устоять перед непрерывными конными атаками. Войско Йездигерда было уничтожено, сам он бежал в горы, где и был впоследствии убит, а его сын Перос, последний из династии Сасанидов, укрылся в Китае.

В конце седьмого века арабы вторглись в Афганистан. Одна колонна, двигавшаяся из Сеистана, захватила Кандагар, а другая взяла Герат, а затем Балх, названный арабами «Матерью всех городов». Родина Заратуштры, Балх к моменту прихода арабов насчитывал больше сотни буддийских монастырей. Отряд, захвативший Кандагар, двинулся дальше в долину на Кабул, в то время принадлежавший династии индийских Хиндушахов. Но вместо того, чтобы занимать город, арабы просто назначили в него военного правителя и сборщика налогов.

В целом Афганистан не сразу поддался чарам ислама, и, можно предположить, долгое время арабские завоеватели ограничивались властью над крупными городами и равнинными областями страны. Горские племена в течение десятилетий придерживались зороастрийских, буддистских и языческих верований, постепенно перенимая ислам скорее по своей воле, чем по принуждению. Процесс укоренения новой религии смягчило то обстоятельство, что при халифах династии Аббасидов (наследников Мохаммеда в Багдаде) регион наслаждался недолгим периодом мира и культурного возрождения. Слияние ислама и персидского искусства было таким же динамичным, как и до этого синтез греческого искусства и буддизма в Гандхаре. В городах Герате, Балхе, Бухаре и Самарканде были выстроены роскошные мечети и дворцы, там процветали поэзия, гончарное искусство и чеканка по бронзе.

В середине девятого века государство Аббасидов начало увядать. Это явление совпало по времени с появлением из восточных степей новых тюркоязычных кочевников. Одна из турецких династий, Саманиды, основала государство в Трансоксиане

со столицей в Бухаре, направляя во все стороны разведывательные отряды, доходившие до Индии и Багдада. Ослабление арабской хватки, сменившейся более анархичным правлением Саманидов, позволило индусам из Пенджаба расширить свои владения и в последний раз захватить долину Кабула. Однако уже в следующем столетии они были решительно отброшены назад.

В 977 году турецкий раб по имени Альп-Тегин попытался устроить переворот в Нишапуре и свергнуть своих хозяев — Саманидов. (В мусульманских странах рабы часто использовались в качестве воинов, и целые их сословия, такие, как мамелюки и янычары, приобретали большую силу.) Потерпев неудачу, Альп-Тегин бежал со своими сторонниками на юг через Гиндукуш и обосновался в Газни. Турецкие Газневиды были жестокими проповедниками ислама и вскоре распространили свою религию и свою власть на весь Афганистан. Саманиды, к тому времени уже ослабленные новыми волнами кочевников с севера, вынуждены были теперь иметь дело с давлением Газневидов с юга. Альп-Тегину и его преемнику удалось распространить свою власть до берегов Окса и через весь Хорасан до самого Каспийского моря.

Третий султан из династии Газневидов Махмуд взошел на престол в 998 году и добился наивысшего расцвета своей державы. После похода на север, отбросившего кочевников от границ его государства, Махмуд Газневи повернулся к древней цивилизации Индии, совершая набеги, в которых, согласно сэру У.К. Фрейзеру-Титтлеру, «в равной мере сочетались не терпящее инакомыслия рвение проповедника ислама и хищные инстинкты вождя-горца». Всего Махмуд совершил восемнадцать походов, разоряя города и грабя индуистские храмы, каждый раз возвращаясь в Газни с таким количеством добычи, какое он только мог взять с собой. В своих самых дальних походах Махмуд, получивший прозвище «Сокрушитель идолов», дошел до Катхьявара и захватил ворота Сомнатха и идола из священного храма¹.

¹ Сомнатх — легендарный индуистский храм, якобы построенный богом Сомой и посвященный Шиве. Находился на берегу Аравийского моря, недалеко от г. Веравал на полуострове Катхьявар.

В ту эпоху Газни, построенный на награбленные у индусов средства и удобренный исламскими науками и искусством, превратился в восхитительный город. По приглашению Махмуда при его дворе гостили персидский поэт Фирдуоси и историк Аль-Бируни. Современные археологи обнаружили, что ступени лестницы главной мечети Газни сложены из рядов индуистских идолов, чьи мраморные бока заметно стерты ногами многих поколений правоверных мусульман. Помимо мечетей и роскошных дворцов Махмуд выстроил два громадных минарета, или «Башни победы».

Хотя султанат Газневидов нельзя считать чисто афганским государством (поскольку остается неизвестным, какое значение имело в нем нетюркоязычное население), оно сыграло важную роль в объединении территорий вокруг Гиндукуша посредством ислама. Индусы были навсегда отброшены назад, и муллы Махмуда обратили в мусульманство значительную часть населения Пенджаба, готовя почву для будущих контактов или завоеваний. Султан Махмуд умер в 1030 году, и после его смерти под нажимом турок из степей государство Газневидов начало шататься. Преемник Махмуда Масуд сосредоточил основное свое внимание на Индии.

Смертельный удар султанату, однако, нанесла другая сила, зародившаяся в самом Афганистане, более таинственная, чем все, что было до нее, — Гуриды. Гуриды (или Гориды), выходцы из княжества Гур, расположенного в отдаленных горных долинах в самом сердце Гиндукуша, могли быть кем угодно, от кушан до уцелевшего анклава эфталитов. Султан Махмуд один раз ходил на них походом, а силу Гуриды начали набирать при правлении турок. Расширяя свое влияние, они спустились с гор и сделали своей столицей Герат.

В 1140 году гуридский султан Ала-ад-Дин Хусейн разорил и сжег Газни, заслужив прозвище «Сжигателя вселенной», после чего Гуриды повторили завоевательные походы Газневидов как на восток, так и на запад. В 1186 году они схватили и убили последнего султана из династии Газневидов, который в то время жил в Лахоре. Однако государство Гуридов не могло просуществовать долго ввиду нараставшего могущества туркменов

Трансоксианы¹. В 1205 году Гуриды были разгромлены, и в течение следующего десятилетия их государство оказалось поглощено молодым Хорезмским государством. Свидетельства о Гуридах, поднявшихся и быстро угасших, всегда были очень скудными, и только после развития авиации был обнаружен самый впечатляющий памятник их государства. В 1943 году летчик, пролетающий над Гиндукушем, обнаружил на земле странное сооружение. В глухой горной долине неподалеку от Джаммы стоял совершенно нетронутый причудливый минарет, имевший в высоту более 180 метров. Построенный в забытом богом уголке, он уцелел, незамеченный и нетронутый, пережив столетия разрушительных войн, сотрясавших Афганистан. Археологи определили, что это «Башня победы» Гуридов.

Волна кочевников, в течение многих лет переклестывавшаяся через реку Яксарт, принадлежала к турецкому племени огузов, впоследствии разделившемуся на две основные ветви: сельджуков, названных по имени одного из вождей, и туркмен. Сельджуки двинулись вперед к берегам Средиземного моря, где стали главной силой, давшей отпор рыцарям-крестоносцам из Европы, а затем, уже под именем оттоманов, основали империю с центром в современной Турции. Туркмены же содействовали возвышению Хорезма, на краткий миг ставшего самым могущественным государством мусульманского мира.

Номинально вся власть в исламском мире по-прежнему принадлежала халифу Аббасиду в Багдаде; однако турки-сельджуки ограничили его военное влияние, а центр науки и искусства переместился в Трансоксиану. Одновременно с тем, как багдадский халиф под натиском сельджуков терял свое могущество, Хорезм расширял свои владения, покоряя новые земли и создавая сильное войско. В 1215 году армия Хорезма завершила завоевание Афганистана, наместником которого был поставлен Джелал-ад-Дин, сын хорезмшаха Мухаммеда II. Перенеся свою столицу в Самарканд, хорезмшах установил

¹ Однако к этому времени Мухаммед Гури успел завоевать северную Индию, положив тем самым начало Делийскому султанату, просуществовавшему до середины шестнадцатого века.

торговый мост между Китаем, Персией и Индией, обогащая свое государство и подготавливая новые завоевания.

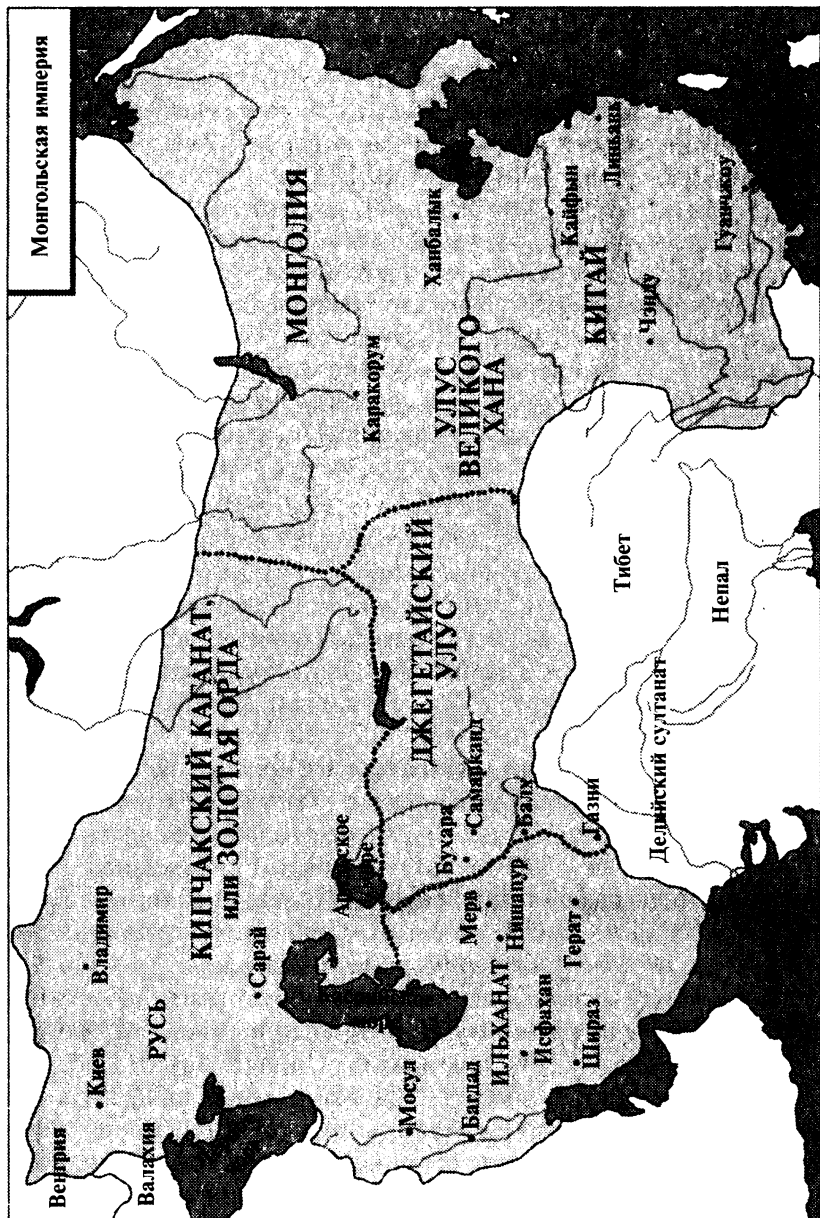
Главная проблема заключалась в том, что первоначально преимущественно персидское (или перенявшее персидские обычаи) население Хорезма изнывало под гнетом туркменской военной касты, составлявшей основу войска. Армия вела себя подобно жестоким оккупантам, а не защитникам, причем такое положение усугублялось тем, что мать Мухаммеда II, туркменка по происхождению, фактически создала из приближенных туркменов параллельное правительство. Кроме того, Хорезм поспорил с Багдадским халифатом, напуганным честолюбивыми устремлениями Мухаммеда II. Эта разобщенность мусульманского мира привела к катастрофическим последствиям. Хорезму пришлось вскоре столкнуться с третьей проблемой: с востока приближалась новая волна степных воинов, самая страшная.

4

МОНГОЛЫ

Монгольские орды, прошедшие через Центральную Азию в тринадцатом веке, оставили после себя жуткий след разрушений, который можно видеть и по сей день. Вдоль реки Гильменд в южном Афганистане находятся остатки десятков, а то и сотен разоренных поселений, о которых сейчас напоминают только зазубренные неровности почвы. Развалины строений из необожженного кирпича, постепенно рассыпающиеся и смешивающиеся с землей, являются немymi свидетельствами ужаса, охватившего тысячи мирных жителей семь столетий назад. Части восточного Ирана и Трансоксианы, которые в свое время являлись центрами молодой, кипучей исламской культуры, так больше и не смогли оправиться от нашествия. Мервский оазис, место действий многих сказок «Тысячи и одной ночи», в настоящее время представляет интерес только для археологов. В Афганистане от «Города вздохов» рядом с Бамианом остались заброшенные руины в центре опустевшей долины, а Балх, «Матерь городов», с самого своего основания игравший важную роль, так и не смог вернуть былое величие.

В 1221 году монгольские полчища обрушились на Афганистан, подобно стихийному бедствию или, словами Дюпре, «словно атомная бомба той эпохи». Однако Дюпре добавил, что в то время как Хиросима и Нагасаки нашли силы подняться из руин, многие города Афганистана так и не смогли оправиться от нашествия степных воинов. То обстоятельство, что в наши дни Афганистан считается страной воинственной, а не мирной, закаленной в боях и не привыкшей безропотно склонять голову перед иноземными захватчиками, объясняется в значительной степени почти полным истреблением в трина-

дцатом веке его оседлого населения. Города и селения с многовековой культурой оказались беззащитны на пути монгольских орд, в то время как значительная часть кочевого населения смогла избежать ужасов нашествия. Основной вес страны переместился в горы. Как заметил Ри Тэлли Стюарт, монголы уничтожили «вместе с людьми оросительные системы, созданные ими. Восстанавливать эти системы было некому. Афганистан страна засушливая; обильные зимние снегопады должны оставлять влагу на весь год. Ирригация означает жизнь... Почвы засолились. Из всех разоренных городов... только одному Герату удалось возродиться в полной степени, потому что он находится в плодородной долине». Никогда до монгольского нашествия оседлое население Афганистана не подвергалось такому целенаправленному истреблению, и лишь в двадцатом веке было повторено такое масштабное уничтожение людей и творений их рук. Монголы пришли в Афганистан, не намереваясь в нем закрепиться. Они думали только о том, чтобы полностью уничтожить страну.

Расцвет монголов неразрывно связан с историей Темучина, человека, чье имя, имеющее отношение к железу, вероятно, лучше всего переводится словом «кузнец». Сын мелкого вождя, он всю свою жизнь провел в непрерывном калейдоскопе войн с другими кочевыми племенами и в конце концов объединил всех монгольских и тюркских кочевников степей к северу от Китая в могучую силу. На совете вождей кочевых племен весной 1206 года Темучин был провозглашен повелителем «всех народов, живущих в юртах». Согласно «Тайной истории монголов», работе китайских авторов, созданной на основе материалов, современных той эпохе, монгольские вожди объявили: «Мы делаем тебя ханом. Под твоим началом мы бросимся на врага, приведем красивых девушек и знатных женщин... Если мы нарушим твой приказ в дни войны, разлучи нас с нашими родственниками и благородными женами и швырни наши черные головы на землю!» Эта вдохновенная речь ознаменовала торжественное присвоение Темучину нового титула «Чингисхан».

Слово «чингис» («ченгиз») означает в переводе что-то вроде «всеобъемлющий» или «полный». Титул оказался очень под-

ходящим, потому что военная сила, собранная Темучином, стала непобедимой в столкновении с остальным миром. Оружием и тактическими приемами монголы мало отличались от своих предшественников, кочевников, приходивших из азиатских степей за тысячу лет до них; и во всех крупных войнах противник, на которого они нападали, превосходил их числом. Однако Чингисхан стал вождем нового плана. Под его началом многолы не просто завоевали господство в степи, но подмяли под себя великие мировые цивилизации. Этот феномен, не являвшийся безусловным, можно объяснить тремя факторами, каждый из которых связан с личным гением Чингисхана.

Во-первых, объединив татаро-монгольских кочевников, Темучин создал самую сильную армию степных воинов со времен гуннов, двинувшихся из Азии в Европу в пятом веке. Кочевники, начиная с парфян в 250 году до н. э. и до турок-сельджуков, доказывали свое тактическое превосходство над тяжелооруженной пехотой и конницей, составляющими основу армий оседлых народов. Разумеется, в стратегическом плане их преимущество по-прежнему заключалось в том, что им было нечего терять, и инициатива всегда оставалась у них в руках. Однако проблема воинов-кочевников заключалась в том, что они приходили из степи относительно малочисленным племенем и быстро развращались благами цивилизации, растворяясь в местном населении. В противном случае речь могла идти только о грабительском набеге. Чингисхан создал настолько могущественное объединение кочевых племен, что оно просто не могло быть поглощено; наоборот, при правлении Чингисхана варварство представляло бóльшую силу и еще бóльшую стабильность, чем цивилизация.

Во-вторых, подобно некоторым другим военным гениям, Чингисхан проявил себя не только на поле боя, но также и в организации войска, в том числе и в проведении социальных реформ. Именно он упорядочил бесформенные законы степи, создав на их основе четкий свод правил, названный «Яссой», запретивший кражу (в особенности разрушительную практику кражи жен) и другие преступления, в то же время упрочив языческие законы. Переняв от племени уйгуров алфавит, Чингисхан дал монгольскому языку письменность. У карaitов он взял

высокоэффективную организацию войска, основанную на десятичной системе. Самое крупное подразделение монгольского войска, имевшее численность десять тысяч воинов, получило название «тумен». Каждый тумен делился на отряды по тысяче человек (минганы), те, в свою очередь, на сотни (джанугы), а сотни, наконец, на десятки (амбаны). Много внимания уделялось воспитанию в воинах чувства долга — говоря современным языком, на уровне от взвода до дивизии. Если один воин из амбана обращался в бегство, всех десятерых ожидала казнь. Монголы считались одними из самых диких степных племен, едва тронутых цивилизацией, однако Чингисхан привил им строжайшую дисциплину, чего не было ни у кого из их предшественников, — в результате получилось страшное сочетание. В двадцатом столетии это бракосочетание крестьянской дисциплины и неприятия городов наиболее близко воспроизвели «красные кхмеры» в Кампучии.

У окружающих племен монголы позаимствовали, хотя и неумышленно, еще одно: название «татары». До взлета Чингисхана татары были одним из самых многочисленных и жестоких кочевых племен севера Китая. Как только Чингисхан получил власть, он перебил почти все племя, мстя за смерть своего отца от рук татар; и все же впоследствии почти весь мир стал называть монголов «татарами», точно так же, как в древности персов часто называли «мидянами».

Третьим фактором, способствующим небывалым военным успехам монголов, было то, что им посчастливилось породить целую плеяду талантливейших полководцев. Чингисхан не в одиночку вел в поход свои многочисленные тумены, повиновавшиеся лично ему; он руководил когортой замечательных военачальников, оказавшихся в одно и то же время у него под рукой. Этот феномен отмечался в истории неоднократно: резкий взлет военного искусства у какого-либо народа, как правило, происходит тогда, когда новая структура власти приходит на смену отжившей, и в этот недолгий период личные качества приобретают преимущество перед старшинством и общественным положением. В истории множество примеров этого, начиная от молодых полководцев Александра Македонского (Пармениона, Гефестиона, Кратера, Пердикки) до революционных

маршалов Наполеона (Массены, Даву, Нея, Мюрата) и генералов германского вермахта 1940—1941 годов (Манштейна, Гудериана, Роммеля, Моделя). В американской истории этот феномен лучше всего прослеживается в армии Северной Вирджинии под командованием генерала Роберта Э. Ли (Джексон, Лонгстрит, Стюарт, А.П. Хилл). Именно с этими именами связаны успехи южан в Гражданской войне. Ли обеспечивал стратегическое руководство; он мгновенно распознавал военные дарования в других и всячески способствовал их развитию. И все же ему благоприятствовали обстоятельства: без резкой замены старого правящего режима на новый, широко распахнувший двери для роста внутренних талантов, Ли не имел бы такого широкого выбора.

И все же трудно назвать войско, обладающее таким же обилием военных дарований, как монгольская армия тринадцатого века. Чингисхан мог полностью положиться не только на своих сыновей Чагатая (Джегета), Угедея, Толуя и Джучи (последний, впрочем, вероятно, не был ему родным сыном), но и на таких блистательных полководцев, как Субэдей, Мукали и Джебе. Эти люди были воспитаны и обучены Чингисханом, и он абсолютно им доверял. Дойдя до Афганистана, Чингисхан просто остался с лагерем и обозом и стал наблюдать за действиями своих подчиненных. Возможно, с сыновьями хану просто повезло; но Субэдей, Джебе и другие — это всецело заслуга Чингисхана. Особенно примечательна история последнего. Джебе был вождем одного из враждующих с монголами племен, он сражался с отрядами Чингисхана и в одном бою подстрелил из лука любимого коня хана, гнедого с белой мордой. Попав в плен и представ перед Чингисханом, вождь смело признался в том, что убил его коня. Молодой воин понравился Чингисхану, и тот дал ему имя Джебе (Стрела). Впоследствии Джебе стал, возможно, одним из лучших командиров конницы за всю историю человечества. Монголы завоевывали государства и цивилизации, чье население численностью многократно превосходило захватчиков, и их стратегия напоминала нападение скорее осьминога, чем акулы. Они обрушивались на противника одновременно многими щупальцами, каждое из которых возглавлял талантливый военачальник.

В молодости Чингисхан, замечательный стратег и хладнокровный, изобретательный тактик, отличался личной храбростью и завоевал этим уважение воинов. Но, поднявшись на вершину власти, — впоследствии он взял себе титул «Повелитель всех народов», — Чингисхан предпочитал руководить сражениями со стороны, не бросаясь с мечом и луком в гущу битвы. Родившийся в 1162 году, он к тому моменту, как объединил под своим началом степные племена и заложил основы огромной империи, уже достиг зрелого возраста. Однако благодаря тому, что еще при жизни Чингисхан развивал военные навыки в своих детях и приближенных, он мог быть уверен, что покорение мира будет продолжено и после его смерти. Его величайшее достижение состояло в утверждении «культы победы», объединившего созданное им татаро-монгольское войско. Никто от полководца до простого воина не мог даже думать о поражении; и действительно, поскольку все войско было настроено на непрерывную череду побед, не было причин сомневаться в успехе. Империя гуннов распалась сразу же после смерти Атиллы; монгольская империя достигла своего апогея спустя много лет после того, как Чингисхан был предан земле.

Существенным нововведением, привнесенным монголами в тактику боевых действий степных всадников, была железная дисциплина, венчавшая гибкость маневра и беспощадную свирепость в бою, традиционные сильные стороны конных кочевников. За тысячу лет оружие практически не изменилось; и тем не менее полезно будет взглянуть внимательнее на то, чем именно были вооружены монгольские всадники. В 1246 году, всего через девятнадцать лет после вторжения полчищ Чингисхана в Афганистан, монах по имени Джованни да Плано дель Карпини по просьбе папы Иннокентия IV посетил Монголию, выдавая себя за миссионера, но в действительности занимаясь сбором разведывательной информации. Он написал:

«Каждый воин должен иметь по крайней мере следующее оружие: два или три лука, или хотя бы один хороший, и три больших колчана, полных стрел, а также боевой топор и веревку для того, чтобы таскать машины. У состоятельных воинов, однако, есть еще меч с острым концом, зато-

ченный только с одной стороны, слегка изогнутый, а также конские доспехи, поножи, закрывающие голени, и шлем, и нагрудник... У некоторых воинов есть копья с железным крюком на конце, с помощью которого они в бою стаскивают из седла вражеских всадников. Стрелы татар имеют в длину два фута... Наконечники стрел очень острые и заточены с обеих сторон, наподобие обоюдоострых мечей... Татарский шлем состоит из чаши, сделанной из железа или стали, но часть, прикрывающая шею и горло, кожаная».

Монголы использовали кривые составные луки, сделанные из дерева, рога и жил, стрелявшие на расстояние до двухсот ярдов, но наиболее эффективные на расстоянии до шестидесяти ярдов. Отправляясь в поход, каждый воин брал с собой от трех до пяти коней, чтобы всегда иметь свежую лошадь. Кочевой народ, монголы обладали врожденным чутьем относительно добычи воды, провизии и фуражного корма. Проведя всю жизнь в суровых азиатских степях, они отличались выносливостью. Историк Эрик Хильденгер отмечает: «Слабые и больные дети просто не доживали до взрослых лет». Джованни да Плано дель Карпини остался очень невысокого мнения о монголах:

«Гордыней татары превосходят остальные народы и презирают всех, кроме себя; инородцев они не ставят ни во что, как простолюдинов, так и людей знатного происхождения... Татары очень нечистоплотные во всем, что относится к одежде, еде и остальному... зло, которое они замышляют в отношении других, они скрывают поразительно хорошо, так что жертвы не могут защититься и найти спасение от их хитростей... Они очень завистливые и жадные, постоянно что-то выпрашивают, цепко держатся за свою собственность, неохотно с ней расстаются и без раздумий убивают чужестранцев. Одним словом, пороки татар столь многочисленны, что перечислить их все невозможно».

После объединения степных племен первой задачей Чингисхана было покорение Китая, в то время разделенного на три царства: Цзинь (Цинь) на севере, Сун на юге и самое слабое Си

Ся (Западное Ся) на северо-западе. Сначала Чингисхан решил напасть на Си Ся, которым управляли осевшие в Китае тибетские племена тангутов. В первых столкновениях монголам, как и всем их предшественникам, армиям конных кочевников, пришлось нелегко, так как из-за отсутствия инженеров они не умели вести осаду городов. Например, подступив к одной из столиц тангутов Нинся (современный Иньчуань), монголы решили запрудить протекающую рядом реку, чтобы затопить город, однако вместо этого река затопила их лагерь. Но монголы быстро отточили до совершенства технику осады городов. Войско Си Ся состояло в значительной части из наемников-кочевников, быстро переметнувшихся на сторону захватчиков. Царство, раздираемое внутренними разногласиями, вскоре пало.

Затем Чингисхан обрушился на значительно более крупное и могущественное царство Цзинь. После почти пяти лет войны, в течение которых монгольские тумены прошли по всей стране, сея опустошение и хаос, наконец пала столица царства, современный Пекин, причем монголы снова воспользовались предательством в рядах неприятеля. Под властью императора Цзинь осталась одна провинция Хунань, и Чингисхан предложил мир при условии, что тот откажется от титула императора и будет называть себя просто «царь Хунаня». Гордый император отказался, но к этому времени монголы уже успели награть несметное количество добра и взять огромное количество рабов. Обогащение монгольских племен было первоочередной задачей Чингисхана как предводителя, и, выполнив ее, в 1215 году он возвратился в Монголию. Историк Лео де Хартог отмечает, что монголы не утруждали себя удержанием завоеванных земель, и гарнизон был оставлен только в Пекине: «Они просто не знали, что делать с покоренными странами, и рассматривали их только как место, где можно захватывать добычу». Чингисхан с основными силами войска вернулся назад в степи. В Китае остался один из военачальников, Мукали, чтобы продолжать войну, обеспечивая неиссякаемый поток награбленных богатств в степь и препятствуя возрождению могущества Цзинь. Впоследствии Чингисхан еще раз наведлся на Цзинь, и в итоге весь Китай достался его наследникам.

Среди монголов крепла вера в то, что их племена предна-

чертано свыше править всеми народами, а Чингисхан взял себе титул «Покоритель вселенной». Однако в то время вселенная для монголов состояла из азиатских степей и Китая. Для Мухаммеда II, шаха Хорезма, вселенная выглядела совершенно иначе, и в ней хозяином был он, а не какой-то вождь варваров-кочевников. Тем не менее, когда до Хорезма дошли поразительные известия о захвате Пекина, Мухаммеду захотелось познакомиться поближе со своим потенциальным противником. Он направил посольство к Чингисхану в Пекин сразу после падения города. Приняв послов, Чингисхан вывел к ним сына императора Цзинь и его главного министра, закованных в цепи. Это произвело на послов желаемое впечатление, но в остальном хан обошелся с ними любезно. Он попросил послов передать Мухаммеду, что он считает его правителем Запада, а себя самого — правителем Востока и что им надо поддерживать между своими империями мир и добрососедские отношения, а также развивать торговлю.

Мухаммед, в свою очередь, принял посла Великого Хана, мусульманина по имени Махмуд Ялавач, родом из Хорезма. Мухаммед долго расспрашивал Ялавача, пытаясь выведать у него намерения Чингисхана. Ялавач заверил хорезмшаха в том, что хан не собирается нападать на Хорезм, а монгольское войско численностью значительно уступает армии Мухаммеда.

Хотя Мухаммед согласился жить в мире с монголами, он относился к торговле между двумя империями с большим подозрением. В каждом посланнике и купце, прибывшем от Великого Хана, он видел шпионов (что было совершенно справедливо в отношении его собственных послов и купцов), да и почему монголов так интересует торговля с Хорезмом, когда теперь в их распоряжении все богатства Китая? В 1218 году, вскоре после посольства Махмуда Ялавача, Чингисхан пропустил на свои земли караван купцов-мусульман из Хивы. В ответ он отправил в Хорезм большой караван из 500 верблюдов, груженных товарами, под управлением 450 купцов-мусульман, монгольских подданных. Когда караван прибыл в пограничный город Отрар на реке Сырдарья, местный правитель Инальчик Каир-хан бросил купцов в тюрьму и отобрал товары. Инальчик послал Мухаммеду письмо, сообщая о том, что все купцы яв-

ляются шпионами, и прося разрешения их казнить. Хорезмшах, или обеспокоенный тем, что купцы действительно являются шпионами, или просто желая прибрать к рукам богатые товары, дал согласие. Спасти удалось только одному из пленников, погонщику верблюдов. Он вернулся к Чингисхану и рассказал ему о случившемся.

Возможно, Чингисхан к тому времени уже положил глаз на Хорезм; определенно у него были планы в отношении Кучлука, властителя каракитаев (киданей), чье государство располагалось между Хорезмом и Монгольской империей. Больше того, если бы Мухаммед позволил монгольским шпионам беспрепятственно проникать в свои владения, этим он только бы расчистил дорогу для неизбежного вторжения. А безжалостная расправа с караваном, жест уверенности и силы, могла запугать монголов. Так или иначе, Чингисхан ответил довольно вяло, направив новое посольство из одного мусульманина и двух монголов с просьбой выдать ему голову Инальчика. Мухаммед казнил мусульманина и, сбрав монголам бороды, отправил их обратно к своему повелителю. В целом в Хорезме не было духа Мюнхенского соглашения, и шах был полон решимости дать отпор потенциальному агрессору. Однако, как теперь уже видно, политика Мухаммеда не увенчалась успехом. Результаты ее сказались на всем пространстве от Дели до Дуная; как следствие Афганистан был опустошен, Русь попала под «татаро-монгольское иго», а на половине мусульманского мира воцарилась «могильная тишина». Летом 1219 года монгольское войско начало собираться в поход.

Для того чтобы расчистить себе дорогу, Чингисхан должен был сначала разгромить государство каракитаев, а также меркитов, кочевое племя, обитавшее к северу от каракитаев по берегам озера Балхаш. И те и другие были его врагами еще со времен межплеменных войн. Против меркитов были отправлены Субэдей и старший сын Чингисхана Джучи, а на каракитаев двинулся Джебе; под началом каждого полководца было по два тумена, то есть по двадцать тысяч человек. Правитель каракитаев Кучлук притеснял в своих владениях мусульман, поэтому Джебе получил строгие указания относиться к местному на-

селению с уважением и не трогать его имущество. Потерпев поражение в бою, преданный ближайшим окружением, Кучлук бежал на юг в Бадахшан, район, расположенный на северо-востоке Афганистана, и Джебе пришлось преследовать его на протяжении трехсот миль. В конце концов Кучлук оказался зажат в горном ущелье между надвигающимися монголами и местными охотниками. Последние схватили его и выдали монголам, и те торжественно провезли голову Кучлука по всему его бывшему царству.

Без труда расправившись с меркитами, Субэдей преследовал оставшихся воинов и наткнулся на превосходящее численностью хорезмское войско под началом самого Мухаммеда II, двигавшееся вдоль границы к северу от Сырдарьи. Сражение, продолжавшееся весь день, не принесло успеха ни одной из сторон, а после наступления темноты монголы отошли. Тем не менее первое столкновение с монголами произвело на Мухаммеда глубокое впечатление. Поскольку его войско, состоявшее из тюркской конницы, имело такое же вооружение, как и монголы, и придерживалось схожей тактики конных кочевников, вероятно, хорезмшах особо отметил железную дисциплину захватчиков и согласованность действий отдельных частей. Европейцы, позднее столкнувшиеся с монголами, были поражены тем, насколько бесшумно они передвигались, подчиняясь сигналам, подаваемым флажками, а в темноте разноцветными фонариками. Но, помимо личной встречи с монголами, еще большее впечатление на Мухаммеда произвели известия о том, насколько легко Джебе расправился с каракитаями, давними врагами Хорезма. Больше того, сам Чингисхан был приятно поражен успехами Джебе и даже направил своему полководцу послание с просьбой не возгордиться. Джебе в ответ прислал Великому Хану подарок: тысячу коней, гнедых с белыми мордами.

Осенью 1219 года главные силы монгольского войска подошли к границам Хорезма у Сырдарьи. По оценкам, у Чингисхана было от 90 тысяч до 200 тысяч человек. Под началом Мухаммеда — более 400 тысяч воинов, но значительная часть его войска была рассеяна по обширной территории в крепостных гарнизонах. Хорезмшах мудро решил не встречать объединен-

ное монгольское войско на самой границе, но он ошибочно предположил, что степняки-конники не смогут вести осаду городов. Вскоре ему предстояло обнаружить, что войско Чингисхана сопровождали тысячи китайских инженеров, умеющих строить тараны, катапульты и плоты.

Подойдя к Сырдарье, Чингисхан отправил отряды вверх и вниз по течению реки, чтобы захватить пограничные крепости. Его сыновьям Чагатаю и Угедею предстояло с крупным отрядом осадить город Отрар на восточном берегу, где состоялась кровавая расправа над торговым караваном, положившая начало войне. Инальчик сражался отчаянно, и осада длилась пять месяцев. После того как город пал, Инальчик продолжал с отрядом из двух тысяч человек удерживать цитадель. В конце концов и она была взята приступом, и затем началась страшная резня. Схваченному Инальчику залили в глаза и уши расплавленное серебро.

Главные силы монгольского войска под командованием самого Чингисхана пошли на юго-запад. Вместо того чтобы двинуться прямо на столицу Хорезма город Самарканд, монголы пересекли Трансоксиану напрямую через пустыню Кызылкум. Проводник-туркмен вывел войско к городу Нур со стороны западной пустыни, что стало полной неожиданностью для его жителей. Этот путь в течение многих столетий был известен как «Ханская дорога». Возможно, первоначально Чингисхан не хотел беспокоить местное население, чтобы оно от безысходности не поднялось на сопротивление, и поэтому монголы пощадили жителей Нура. Впоследствии подобные акты великодушия становились все более редкими.

В феврале 1220 года основные силы войска подошли к Бухаре, не ожидавшей нападения раньше захвата Самарканда. После трех дней осады гарнизон города под покровом темноты попытался просочиться сквозь кольцо монголов. Лишь на время немногим удалось обрести спасение, переправившись через Амударью. Большая часть хорезмийцев была перебита на следующий день монголами, которые организовали преследование. После этого монголам потребовалось еще двадцать дней, чтобы сломить сопротивление четырехсот с лишним самых упорных защитников, укрывшихся в цитадели, затем Бухара

была отдана на разграбление. Жителям города приказали выйти за городские стены, одетыми в одни рубашки, после чего победители вдоволь поиздевались над ними. Тех же, кто попытался укрыться в городе, монголы безжалостно перебили. Согласно персидскому историку Ала-ад-Дину, Чингисхан обратился с речью к группе наиболее зажиточных горожан: «О люди, знайте, что вы совершили великие грехи, и совершили эти грехи самые великие из вас. Если вы спросите у меня, чем я могу подтвердить эти слова, я отвечу: тем, что я являюсь божьей карой. Если бы вы не совершили эти великие грехи, господь бы не наслал на вас такую кару, как я».

Оставив за собой пылающие развалины Бухары, Чингисхан двинулся к Самарканду, где к нему присоединились Чагатай с Угедеем и другие отряды. Вместе с войском шли толпы пленных, захваченных в Бухаре и Отраре. Иногда их заставляли выстраиваться в боевые порядки, чтобы со стороны монгольское войско казалось более многочисленным. Во время штурма городов пленных гнали впереди монгольских отрядов, чтобы основной удар осажденных пришелся на них.

В какой-то момент гарнизон Самарканда сделал вылазку, обратив монголов в бегство. Однако это была лишь видимость отступления. Заманив защитников города подальше от городских стен, монголы окружили их, обрушившись со всех сторон. Погибло более пяти тысяч хорезмийцев. Всего через пять дней после этого Самарканд открыл свои ворота. Как обычно, лишь горстка отчаянных смельчаков продолжала удерживать цитадель. Наградой за их мужество стало то, что они были зверски убиты все до одного.

Как и во многих других городах бывшего государства Мухаммеда II, монголы прочесали Самарканд дом за домом, отделяя ремесленников от остального населения. Ремесленникам сохранили жизнь, оставив их в лагере войска или отослав в Монголию. Многие воины-хорезмийцы пытались перебежать на сторону захватчиков, но впоследствии все они были убиты. Как заметил историк Эрик Хильдингер: «Хотя в прошлом он [Чингисхан] широко пользовался услугами предателей, гарнизон Самарканда, похоже, пробудил в нем какое-то отвраще-

ние». После ухода монголов в городе осталось около четверти жителей, которым предстояло возродить Самарканд.

Объятый ужасом при виде кровавого крушения своего государства, Мухаммед II бежал вместе с женами и близким окружением на юг в Балх, а оттуда на запад в Нишапур. Чингисхан приказал двум своим военачальникам, Джебе и Субэдею, взяв каждому по десять тысяч воинов, преследовать хорезмшаха. Балх не оказал монголам никакого сопротивления и был на время забыт. Монгольские тумены кровавым мечом вспороли Иран, гоняясь за Мухаммедом, который в конце концов умер от болезни, скрываясь на одном из островов Каспийского моря. Заведя монголов далеко в западную часть своих владений, хорезмшах оказал плохую услугу миллионам людей. Возможно, монголы в любом случае рано или поздно устремились бы на запад; однако достоверно известно, что, разорив Персию, Джебе испросил у Чингисхана позволения двигаться дальше вперед, обойти вокруг Каспийского моря и вернуться домой через северные степи. Этому походу, получившему название «Великого набега», предстояло достигнуть кульминации в 1223 году на реке Калке в южной части современной Украины, где Джебе и Субэдей разгромили христианское войско в количестве восьмидесяти тысяч человек. После смерти Чингисхана по пути, проложенному двумя полководцами, двинулись новые, гораздо более многочисленные полчища монголов, направляясь на Ближний Восток и в Европу, неся с собой смерть и разрушения.

Летом 1220 года Чингисхан, дав основным силам своего войска отдохнуть в холмистой местности к югу от Самарканда, отправил своих сыновей Джучи, Чагатая и Угедея на крупный торговый город Гургандж (неподалеку от современного Ургенча) в дельте Амударьи. Длительная осада завершилась помимо обычных грабежей и резни тем, что монголы перегородили плотиной Амударью. Направив воды реки на город, они утопили всех оставшихся в живых жителей и превратили местность в болото, в котором разрушились глинобитные постройки. Младший сын Чингисхана Толуй был отправлен в Хорасан. После недолгой осады правитель Мерва прекратил сопротивление, поверив обещанию монголов пощадить жителей; однако захватчики вероломно нарушили свое слово и перебили насе-

ление города. Каждому воину было приказано обезглавить от трехсот до четырехсот человек; несомненно, значительную часть этой кровавой работы монголы поручили перебежчикам-туркменам.

Затем Толуй двинулся на Нишапур, чьи защитники перед тем убили монгольского полководца Тохучара. После захвата города была устроена такая же резня, и вдове Тохучара предоставили наблюдать за казнями. По ее приказу из отрубленных голов сложили огромные пирамиды, причем головы мужчин, женщин и детей укладывали отдельными слоями. Подойдя к Герату, Толуй обнаружил, что гарнизон хочет сражаться (так было далеко не всегда), но жители города предпочли сдаться и открыли ворота. Поэтому горожан пощадили, но все двенадцать тысяч воинов гарнизона были перебиты. Толуй назначил правителями города монгола и мусульманина.

В начале 1221 года Чингисхан переправился через Амударью и подошел к Балху, открывшему перед ним ворота, как до того перед Джебе и Субэдеем. Тем не менее Великий Хан приказал предать смерти большое количество мирных жителей города. Тут не может не возникнуть вопрос, не свидетельствует ли бессмысленное убийство мирных жителей о том, что монголы были более жестокими, чем остальные воинственные народы. Де Хартог не соглашается с этим предположением, правда, в весьма нелестных выражениях: «Для Чингисхана и его монголов человеческая жизнь не представляла никакой цены, и они не понимали ценностей оседлой цивилизации и населения, занимавшегося сельским хозяйством. Их не интересовало ничто, что нельзя было приспособить под уклад жизни в родных степях. Несомненно, монголы убивали, насиловали и грабили не потому, что были садистами; просто ничего другого они не умели».

Еще одна причина расправы с населением заключалась в том, что монголы хотели устранить потенциальную возможность восстания у себя в тылу. Крупные монгольские отряды обладали достаточной силой, однако небольшими группами и поодиночке в рукопашной схватке степные кочевники уступали своим южноазиатским противникам. Так что для них массовое истребление населения покоренных земель объяснялось чистым прагматизмом. Вдобавок, как замечает Хильденгер:

«Террор стал в руках монголов эффективным оружием — целенаправленный террор мог быть не менее полезным, чем искусство осады крепостей, причем требовал значительно меньше жертв со стороны захватчиков». Вероятно, монголы, увидев, что в исламском мире террор имеет большее воздействие, чем где бы то ни было, прибегали к нему значительно чаще. Во время походов в Китай Чингисхан пролил немало крови. Однако китайцы в течение нескольких столетий сталкивались со степными кочевниками, и обмануть их было непросто. Но в мусульманском мире, а впоследствии и на Руси люди первоначально не имели представления о жестокости монголов. Джованни да Плано дель Карпини писал:

«Подойдя к крепости, они разговаривают с людьми ласково, дают им щедрые обещания, уговаривая не оказывать сопротивление. И если крепость сдается, татары говорят: «Выходите, чтобы мы могли, согласно нашему обычаю, вас пересчитать». А когда жители города выходят, татары спрашивают, кто из них занимается ремеслами, и отводят этих в сторону; однако остальных же, кроме тех, кого хотят оставить в качестве рабов, они убивают боевыми топорами».

Войдя в северный Афганистан, Чингисхан подошел к Талукану, крепости на дороге от Балха к Герату, и начал неторопливую осаду, присматривая за разошедшимися далеко в стороны военачальниками и сыновьями. Вскоре к нему присоединился Толуй, вернувшийся после трехмесячного стремительного рейда по Хорасану. Единственным неприятным известием стало то, что самому способному сыну Мухаммеда II Джелал-ад-Дину удалось бежать из Гурганджа в Афганистан, где он до войны был наместником хорезмшаха.

После того как монгольские полчища разорили Ирак, дойдя до самого Кавказа, единственным убежищем для туркмен и персов, желавших сражаться, остались земли к югу от Гиндукуша, и Чингисхан выставил целый тумен между Амударьей и Хорасаном, чтобы остановить этот поток. После бегства из Гурганджа Джелал-ад-Дин долго не мог оторваться от монгольских отрядов, преследовавших его и братьев. Однажды ему вместе с

тремястами всадниками пришлось прорываться через заслон из семисот монголов. Во время этой стычки братья Джелал-ад-Дина, в том числе наследный принц Хорезма, бросились в другую сторону и были настигнуты и убиты.

Монголы потеряли след Джелал-ад-Дина под Фаррахом в западном Афганистане. Принц добрался до Газни, где собрал беженцев и туркменские войска, в том числе сильный отряд под командованием Тимура-Малика, героя обороны Ходжента, одного из немногих хорезмийских военачальников, показавших себя с лучшей стороны в боях с монголами. Кроме того, был брошен призыв к афганским племенам, и в Газни стеклись многочисленные отряды горцев. Потомки скифов, кушан, белых гуннов, хильджийских тюрков и, быть может, даже греков, решительно настроенные дать отпор иноземным захватчикам, довели численность войска Джелал-ад-Дина до шестидесяти тысяч человек. К этому времени Чингисхан приказал сыновьям Чагатаю и Угедю присоединиться к нему, и главные силы монгольского войска собрались около Кундуза. Чингисхан намеревался пройти через горные перевалы к Бамиану, куда он отправил еще одного своего полководца Шики Хутуху-нойона с тремя туменами, приказав двигаться строго на юг. Этот татарский полководец был еще ребенком приближен Чингисханом и впоследствии женился на одной из его дочерей.

Весной 1221 года наступавшее войско Джелал-ад-Дина наткнулось на передовой отряд Хутуху-нойона у селения Валиан на реке Гори. Монгольский отряд был перебит почти полностью; спастись удалось лишь нескольким воинам. Затем Джелал-ад-Дин направился к Парвану, расположенному приблизительно в пятидесяти милях к северу от современного Кабула, и стал ждать неизбежного сражения. Хутуху, возможно, без приказа Чингисхана, решил отомстить за гибель своего дозорного отряда и двинул вперед все тридцатитысячное войско.

Под Парваном оба войска сошлись в каменистом ущелье, стиснутом крутыми скалами. Для конницы местность была неблагоприятной, так что обе стороны вынуждены были воздержаться от маневрирования. Джелал-ад-Дин перехватил тактическую инициативу, приказав всадникам правого крыла под командованием Тимура-Малика спешиться. Пеший лучник

способен пустить стрелу с большей силой и точностью, чем конный. При этом монголы также не могли применить свою обычную тактику имитации отступления и последующего нападения из засады. И все же войско Хутуху продержалось первый день, даже несмотря на то что афганцы, обнаружив слабое место врага, забрались на скалы и стреляли в захватчиков сверху, призывая на помощь силу тяжести, увеличивающую дальность выстрела и скорость стрелы.

На следующее утро воины Джелал-ад-Дина, окинув взглядом ущелье, увидели, что монгольское войско стало значительно многочисленнее. Однако на самом деле Хутуху пошел на хитрость, приказав посадить на запасных лошадей соломенные чучела, обмотанные тряпьем. Успокоив своих военачальников, Джелал-ад-Дин был полон решимости продолжать сражение. На этот раз он приказал спешиться всей первой линии своего войска.

Монгольская атака на левое крыло туркменского войска захлебнулась под градом стрел; монголы отступили в беспорядке. После этого Хутуху приказал атаковать неприятеля по всему фронту. Пешие всадники стали бы легкой добычей монголов, если бы тем удалось к ним приблизиться. Однако для этого нападающим предстояло преодолеть стену стрел, а неровная местность вынуждала их атаковать в лоб. Постепенно хваленая монгольская дисциплина стала рушиться. Монголы начали сдерживать коней, и Джелал-ад-Дин не упустил свой шанс. Он быстро привел своим воинам лошадей, и спешившиеся конники вернулись в седло. После этого туркмены предприняли контратаку. Застигнутые врасплох, монголы обратились в бегство. Воины Джелал-ад-Дина обрушились на отступающую орду, и Хутуху потерял половину своего войска. Зажатые в узком ущелье, монголы сбивались в беспорядочные кучи, погибая под ударами преследовавших их туркмен и горцев-афганцев.

Парван стал не просто единственным поражением монголов в войне с Хорезмом; это вообще было единственное поражение, которое потерпело монгольское войско за пределами Восточной Азии за восемьдесят лет. Но, возможно, для Афганистана эта победа обернулась пирровой, так как неясно, имелись ли у монголов какие-либо интересы к югу от Гиндукуша

до того, как Джелал-ад-Дин начал собирать свое войско в Газни. Но теперь сам Чингисхан с семидесятитысячным войском двинулся через перевалы на юг.

Великий Хан подошел к Бамиану, крупной буддистской общине в центре Гиндукуша. Трудно представить себе, какие чувства он испытал, глядя на огромные изваяния Будды, высеченные в скалах, самые большие скульптуры, какие ему только довелось увидеть. Однако Бамиан держался, и во время одного объезда вокруг городских стен любимый внук Чингисхана, сын Угедая Моэтукен, был убит стрелой. После недельной осады Бамиан пал. Город был буквально срыт до основания; монголы перебили не только всех жителей, но также всех кошек и собак, и было строжайше запрещено впредь селиться на этом месте. Сегодня Бамиан, как и многие другие города, пережившие нашествие монголов, представляет интерес исключительно для археологов.

В полном соответствии с прошлой и будущей практикой Афганистана в войске Джелал-ад-Дина сразу же после победы начались внутренние разногласия, и оно вскоре распалось. Туркмены погрязли в спорах по поводу дележа добычи (состоявшей, судя по всему, в основном из лошадей и оружия), а афганцы, обрадованные победой, поспешили избежать ее последствий и вернулись в горы. Оставшись с двадцатью тысячами воинов, Джелал-ад-Дин перешел через Сулейманов хребет на территорию современного Пакистана, направляясь к реке Инд.

Чингисхан спустился с Гиндукуша в долину Кабула и сделал крюк к Парвану, чтобы лично осмотреть место сражения. Ущелье было завалено тысячами разлагающихся трупов монгольских воинов, кое-где наваленных большими горами; однако вместо того, чтобы впасть в гнев, Великий Хан обошел место сражения вместе с Шики Хутуху-нойоном, объясняя ему, в чем тот совершил ошибку. Хотя монголы под предводительством Чингисхана не привыкли к неудачам, сам хан в дни молодости, когда он был еще Темучином, вкусил не только сладость побед, но и горечь поражений, и он понимал, какие опасности подстерегают молодого военачальника.

Прибыв в Газни, Чингисхан узнал о бегстве Джелал-ад-Дина и со всем своим войском пустился в погоню. Его воины дви-

гались непрерывно двое суток, не останавливаясь даже на привалы. В горах монголы наткнулись на арьергард из тысячи афганцев и разгромили его. После гонки через весь Пенджаб Чингисхан наконец достиг Джелал-ад-Дина на берегу Инда, как раз тогда, когда принц собирался переправиться через реку. Монгольское войско, уставшее после изнурительного перехода, вероятно, по-прежнему значительно превосходило противника числом. Монголы расположились полумесяцем, концы которого упирались в реку; войско Джелал-ад-Дина оказалось прижатым к реке. На левом его крыле стояли афганцы, упиравшись флангом в горный хребет.

На рассвете следующего дня Чингисхан начал атаку, оставив сильный резерв в центре. Туркмены Тимур-Малика отразили натиск левого крыла монголов, но Чингисхан в это время бросал новые и новые отряды вдоль горного хребта на своем правом фланге. Увидев, что афганцы держатся из последних сил, он приказал своему военачальнику Бела-нойону двинуться вперед основными силами. В этот момент Джелал-ад-Дин предпринял контратаку в центре, угрожая прорвать боевые порядки монгольского войска. Но тут ему в тыл стали заходить отряды Бела-нойона, прошедшие вдоль хребта. На левом фланге сам Чингисхан во главе резерва возглавил контрнаступление, отбив атаку Тимур-Малика. Крылья монгольского войска сомкнулись, и положение стало безвыходным. Джелал-ад-Дин проложил себе дорогу через кольцо вражеских воинов, сбросил доспехи и спрыгнул на коне с двадцатифутового обрыва в Инд. Ему вдогонку полетел дождь стрел — это говорит о том, что он сражался до последней секунды, — но Чингисхан, восхищенный мужеством молодого воина, приказал своим лучникам не стрелять. Вскоре после сражения Тимур-Малик был схвачен в Когате и казнен, но Джелал-ад-Дину удалось спастись, и он продолжил борьбу.

После победы Чингисхан отошел в район современного города Пешавар, выслав разведывательные отряды в Баджаур и долину реки Кунар. Один отряд в составе двух туменов переправился через Инд и разорил город Мультан, но затем повернул обратно. Судя по всему, Чингисхан нашел климат Индии неблагоприятным для всадников северных степей. Вскоре до

него дошли известия о том, что победа Джелал-ад-Дина под Парваном послужила сигналом к восстаниям по всему Афганистану. Возвратившись через Хайберский проход, Чингисхан осенью разбил лагерь поблизости от нынешнего Кабула. Его сын Чагатай получил приказ разгромить Газни, который монголы до того не тронули, торопясь настигнуть Джелал-ад-Дина.

Население Герата восстало и убило монгольского наместника, после чего город осадил монгольское войско. Герат держался шесть месяцев, но в конце концов пал, и его жители были выстроены у разрушенных стен и перебиты все до одного — кровавая бойня продолжалась семь дней. Монголы отошли от города, а затем вернулись, чтобы застигнуть врасплох тех, кому удалось спрятаться. Тела еще двух тысяч жертв добавились к огромным гудам трупов. Балх, уцелевший во время двух предыдущих нашествий, также взбунтовался. На этот раз истребление жителей было настолько полным, что китайский путешественник, проезжавший через эти места несколько лет спустя, слышал на развалинах города только лай собак. Население Афганистана, чтобы выжить, было вынуждено питаться кошками и собаками, но и обратное тоже было верно. Один из биографов Чингисхана К.К. Уолкер утверждает: «Зима 1221 года, наверное, была самым страшным периодом в истории Афганистана. Горцы, сами знающие толк в грабежах, столкнулись с непревзойденными мастерами разбоя: в стратегическом центре страны обосновался человек, разоривший пол-Азии».

Разумеется, как мы уже убедились, больше всего пострадали оседлые народы Афганистана. Нельзя с определенностью сказать, сталкивалась ли монгольская конница с племенами горцев. Спустя девятнадцать лет после смерти Чингисхана Джованни да Плано дель Карпини, расспрашивая монгольских воинов, услышал самые фантастические рассказы о походах, среди которых определенно есть одно место, справедливое в отношении Афганистана. Согласно рассказам, монголы, двигаясь со стороны Каспийских гор, больше месяца шли по безжизненной пустыне и попали на земли, где не было людей. В одном месте им встретились один мужчина и его жена, и их тотчас же отвели к Чингисхану: «И когда он спросил у них, где местные жители, они ответили, что люди живут в горах под землей».

Чингисхан приказал пленникам позвать своих соплеменников, чтобы те вышли из-под земли, и те для виду согласились, но затем, согласно монголам, «эти люди собрались тайными подземными тропами, внезапно напали на татар и убили многих из них».

Услышанное итальянским монахом от монгольских ветеранов поразительно напоминает рассказы советских солдат, воевавших в Афганистане в 1980-е годы. Ирригационная система «канат», состоящая из тысяч подземных каналов с ответвлениями к селам, предоставляла великолепное укрытие для партизан (дополнительно к естественным пещерам, в изобилии имеющимся в горах). Хотя Чингисхан и его преемники не оставили после себя точного описания этого похода, по-видимому, можно предположить, что упадок оросительной системы Афганистана в период монгольского нашествия был неслучайным. Как правило, разрушение ирригационных сооружений приписывают общему запустению, последовавшему за истреблением оседлого населения, занимавшегося земледелием; с другой стороны, возможно, целью завоевателей был именно «канат». И вовсе не обязательно представлять себе монгольского воина, слезающего с низкорослой лохматой лошади и берущего в руки заступ; скорее всего отверстия засыпали под присмотром монголов перепуганные насмерть крестьяне.

Любопытно отметить, что обоз Чингисхана, оставленный к северу от Гиндукуша, когда монгольское войско налегке бросилось в погоню за Джелал-ад-Дином, в его отсутствие неоднократно подвергался нападениям и разграблениям. Оседлое население Афганистана было повержено, но кочевые племена горцев оставались непокоренными и по-прежнему опасными.

В 1222 году Чингисхан перезимовал неподалеку от Самарканда, а весь следующий год провел в безделье, охотясь в западном Туркестане. В 1223 году к нему присоединились Джебе и Субэдей, возвратившиеся после великого похода вокруг Каспийского моря, во время которого ими были разгромлены армии мусульманского и христианского миров. В 1227 году Чингисхан умер вследствие естественных причин, вероятно, усугубленных падением с лошади во время охоты. Он был захоронен в подземном склепе в окружении любимых слуг и жен и, несо-

мненно, неслыханной роскоши. Монголы перебили рабов, копавших склеп, затоптали землю и даже насадили сверху деревья, чтобы никто больше не тревожил покой Великого Хана. До сих пор место успокоения Чингисхана в Монголии не найдено; однако для того, чтобы увидеть незаживающие следы его деятельности, достаточно взглянуть на Афганистан.

Возвратившись в Монголию, захватчики не оставили на покоренных территориях военных гарнизонов — только объятые ужасом остатки местного населения, ютящиеся среди развалин в условиях полной анархии. Особенно больным ударом явилось разрушение Газни, торгового и политического центра восточного Афганистана; караваны из Индии шли на свой страх и риск по обезлюдившим областям, кишашим хищниками и разбойниками, уплачивая непомерно высокую дань местным племенам, удерживающим дороги и перевалы. Племена горцев безраздельно хозяйничали на своих землях. Вернувшись из ссылки в Дели, Джелал-ад-Дин по пути, вероятно, остановился, чтобы посмотреть на разоренный Газни, откуда он в свое время, будучи наместником, правил Афганистаном. Джелал-ад-Дин направился дальше в Персию и оттуда попытался возродить Хорезмское царство.

После смерти Чингисхана созданная им империя была разделена между его сыновьями, причем Угедей, согласно воле отца, стал Великим Ханом, которому подчинялись остальные. Это была последняя великая победа Чингисхана. Все предшествующие государства, образованные кочевыми племенами, распались после смерти объединявшего их вождя; Монгольская империя, к несчастью для многих, оставалась единой. Толуй получил Северо-Восточную Азию; Бату (сын Джучи, умершего в 1227 году) достались Западная Азия и Русь; бывшие Хорезм и государство каракитаев, в том числе и Афганистан, отошли Чагатаю.

Вскоре после смерти Чингисхана китайская империя Цзинь отвоевала почти все утерянные земли, христианство оставалось в наивном неведении к западу от Днепра, а Джелал-ад-Дин успешно ковал новый Хорезм на территории Ирана со столицами в Исфахане и Тебризе. К несчастью, решив, что монголы

больше не вернуться, он совершил смертельную ошибку, возобновив вражду с багдадским халифом, начатую еще его отцом, сохранив раздробленность мусульманского мира. Но в правление Угедея монголы снова нанесли удары во всех направлениях.

В 1230 году три тумена опять вторглись в Персию. Джелал-ад-Дин попытался спастись бегством, монголы гнались за ним по пятам, как в свое время они преследовали его отца Мухаммеда II. Джелал-ад-Дин попытался укрыться в горах северного Ирака, но был убит курдами. Тайна, окружавшая обстоятельства его гибели, привела к тому, что в последующие годы неоднократно появлялись самозванцы, выдававшие себя за наследника последнего хорезмшаха. В это же время Субэдей повел вперед полчища, окончательно разгромившие империю Цзинь. Китайский император и все его родственники по мужской линии были убиты, а женщины царской крови отправлены в Монголию в качестве рабынь. Затем монгольские тумены под началом Субэдея и Бату (Батыя) пересекли обширные степи, отделявшие их от Европы. Надев на Русь иго, продержавшееся без малого двести лет, они практически одновременно провели два сражения с тяжеловооруженными христианскими рыцарями Европы. В апреле 1241 года монгольское войско под началом внука Чингисхана Кайду стерло с лица земли объединенное войско немцев, поляков и тевтонских рыцарей под Легницей (Лейгницем). Всего через несколько дней Субэдей и Бату уничтожили цвет венгерского рыцарства под Мохи¹ неподалеку от Будапешта, оставив на поле боя 65 тысяч убитых христиан. После этих побед монголы возвратились в Азию, поскольку Угедей умер и им надо было присутствовать на «курултае», совете, на котором должны были состояться выборы нового Великого Хана. Монгольский трон недолго занимал Гуюк-хан, на котором его сменил Мункэ (Мунгу), снова обративший внимание на исламский мир.

В 1251 году брат Мункэ Хулагу-хан был отправлен на юг для того, чтобы положить конец воинствующей секте религиозных фанатиков-неоисмаилитов, одурманенных гашишем, вошед-

¹ Сражение произошло 11 апреля 1241 года у местечка Мохы (Муhy) на реке Шайо, поэтому в советских источниках оно чаще называется битвой при Шайо.

ших в историю под названием ассасинов (убийц). Хулагу пошел дальше и потребовал покорности от багдадского халифа, но тот ответил категорическим отказом и пообещал подняться против монголов весь мусульманский мир. Монголы взяли Багдад и расправились с халифом, закатав его в ковер и растоптав ногами (они суеверно боялись проливать царскую кровь). Жена и сестра Хулагу были христиане-несториане, и они убедили его проявить терпимость в отношении их собратьев по вере. После этого монголы захватили Алеппо и Дамаск в союзе с христианскими рыцарями-крестоносцами, обрадовавшимися любой помощью в борьбе с исламом и, вероятно, решившими, что им наконец встретился пресвитер Иоанн, легендарный христианский правитель Востока.

После первого похода в Индию еще при Чингисхане монголы, судя по всему, потеряли к ней всякий интерес из-за ее климата. Лишь в 1240 году был совершен один стремительный набег, во время которого был разграблен город Лахор.

Афганистан оставался разоренным; даже монголы считали его гнездом грабителей. Тем не менее в Афганистане были размещены военные гарнизоны, постепенно стягивающиеся в центр страны в горы Гиндукуша. Этот народ впоследствии получил название хазарейцы (хезарейцы) от персидского слова «хазар», перевода монгольского слова «минг» — «тысяча». Другими словами, нынешние хазарейцы являются потомками монгольских воинов, служивших в мингане, подразделении тумена численностью тысяча человек. В настоящее время они говорят на дари, то есть на персидском, но в речи стариков еще можно найти следы монгольского языка. По-видимому, предки хазарейцев появились в Афганистане в правление Мункэ, но, несомненно, среди них были и ветераны, участвовавшие в походе 1219—1221 годов под предводительством Чингисхана.

В этот период Герат попал под управление таджикского племени куртов, подчиненного монголам. Это способствовало возрождению разоренного города. Присутствие потомков куртов до сих пор ощущается в западных районах Афганистана. В 1281 году было впервые упомянуто название Кандагар. Балх и Газни начали подниматься из руин, а на берегах реки, текущей с южных отрогов Гиндукуша, возник и стал быстро набирать силы новый город — Кабул.

К концу тринадцатого века вступили в действие центробежные силы, неотъемлемо присущие такому обширному государственному образованию, как Монгольская империя. В результате она раскололась на четыре части. Внук Чингисхана Хубилай-хан довольствовался тем, что правил всем Китаем, где он основал династию Юань. Золотая Орда, занимавшая евразийские степи, вобрала в себя в таком большом количестве тюркские племена кипчаков, что стала известна под названием Кипчакского ханства. Завоеванные земли Персии и Ближнего Востока получили название Ильханата, а на северо-востоке лежало ханство Чагатай, объединявшее Трансоксиану и бывшее государство каракитаев. Кроме того, произошли перемены в отношении завоевателей и покоренных народов. Хотя власть по-прежнему принадлежала монголо-татарским кочевникам, теперь они уже были заинтересованы не в опустошении областей, ставших для них новой родиной, а в их стабильности и процветании. Монголы начали перенимать более высокую культуру оседлых народов, развивая с ними торговые отношения. Вскоре обе стороны стали взаимозависимыми. Особенно быстро разложение варварских обычаев степных народов происходило в Южной Азии, где захватчики стали принимать ислам — можно сказать, культура, которую они в свое время стремились уничтожить, взяла своеобразный реванш. Однако в политическом отношении монголы сохраняли почти суеверное почтение к прямым наследникам монгольской царской крови — чингизидам, или «настоящим ханам». Остальные правители именовали себя «эмирами».

Афганистан оказался ничейной территорией, зажатой между Джегетайским улусом и Ильханатом, пока наконец последний, оставив себе Герат, не уступил Балх и полосу от Кабула через Газни до Кандагара наследникам Чагатай. Отношения между соседями никак нельзя было назвать дружескими, но в четырнадцатом веке на смену полномасштабным войнам пришли мелкие стычки удельных вождей, обосновавшихся в своих владениях. Афганистан имел возможность насладиться кратковременной передышкой, нарушаемой лишь непрекращающимися столкновениями племен, при этом направляя непрерывный поток наемников в индийские мусульманские княжества.

Больше того, когда появился следующий великий завоеватель, Афганистан стал источником его силы, а не целью хищных захватнических устремлений.

Тимур-Ленк, Тимур Хромой, прозвище, которое он получил в молодости после серьезной травмы ноги, родился в Трансоксиане в 1336 году. Сын мелкого монгольского или татарского вождя, он одно время называл себя чингизидом, потомком Чингисхана, однако даже тогда к его утверждениям мало кто относился серьезно. Взяв в свои руки власть, Тимур посадил на престолы завоеванных им государств настоящих чингизидов, провозгласив себя Великим эмиром. Последний из великих кочевых завоевателей, он превзошел своих предшественников как размером покоренных территорий, так и своей жестокостью. На Западе Тимур стал известен под именем Тамерлан.

Подобно Чингисхану, Тамерлану пришлось в молодости вести бесконечные мелкие и крупные войны, прежде чем он смог развернуться в масштабах всего мира. Первой его задачей было стать бесспорным вождем своего племени; ее он осуществил в 1361 году. Затем, по мере того как его могущество росло в геометрической прогрессии после очередных побед или насильственного принуждения бывших союзников к покорности, Тамерлан проложил дорогу к тому, чтобы возглавить всю «нацию», Джегетайский улус. В географическом плане ядро его империи приблизительно совпадало с границами Великого Хорезма, уничтоженного Чингисханом. Но теперь монголо-татарские кочевники с самого начала занимали главенствующее положение в империи Тамерлана, сохранив военное мастерство, беспощадность и презрение к чужестранцам, изначально присущие монгольским ордам.

В правление Тамерлана Афганистану почти не пришлось быть ареной сражений, хотя в 1583 году¹ Тамерлан прошел на юг из Герата и уничтожил оросительные системы в нижнем течении реки Гильменд. Эти земли, уже разоренные предыдущими нашествиями, наконец полностью вымерли, и в настоящее

¹ Это, конечно же, описка. На самом деле поход на юг состоялся в 1385 году.

время густая сеть выгоревших на солнце развалин является единственным напоминанием о процветавшем когда-то крае. Тимур пережил своих родственников и преданных сподвижников на женщинах из рода чингизидов, создав правящую элиту, из которой он назначал наместников Балха, Кундуза, Баглана и Герата (откуда он изгнал куртов). Основным источником пополнения армии Тамерлана служили земли, расположенные к северу от Гиндукуша. Дюпре утверждает, что войско Тимура состояло преимущественно из этнических узбеков; однако в дальних походах он наращивал силы, привлекая отряды воинов других национальностей. Современники, по словам Беатрис Форбс Манц, описывали его армию как «огромное скопление различных народов, кочевых и оседлых, мусульман и христиан, турков, таджиков, арабов, грузин и индийцев». Правда, Тимур относился с презрением к кочевникам, упрямо державшимся родовых обычаев, — в эту категорию попадало большинство афганских племен, — и не привлекал их в свое войско. Он вел войны от Москвы до Дамаска, но горные племена южных отрогов Гиндукуша не входили в сферу его интересов.

Единственным исключением стал 1398 год, когда Тамерлан под предлогом «Священной войны» совершил поход на Дели, который в то время находился под властью мусульманского султаната, терпимо относившегося к обширной индуистской прослойке. По пути Тамерлан сразился с афганцами, державшими горные перевалы, предпочтя не выкупать у них право на проход через свои земли, а получить его силой. Дойдя до Дели, Тамерлан разгромил войско султана Махмуда, после чего разграбил и сжег город, насыпав вокруг него горы из отрубленных голов. Зверски расправившись с встретившимися у него на пути индусами, он на обратном пути стер с лица земли крепость Мирут. Хильденгер пишет: «Хотя Тамерлан и заявлял, что ведет «Священную войну», в действительности он нанес невосполнимый урон мусульманскому государству, нисколько не позаботившись о будущем Делийского султаната... На самом деле этот поход был не более чем большим грабительским набегом, который мог бы совершить какой-нибудь мелкий степной хан, если бы у него были на то силы». О том, что афганские племена не входили в войско Тамерлана, говорят многочисленные вылазки в горы, предпринимавшиеся во время этого

похода, — чего не пытался делать даже Чингисхан. На обратном пути в Самарканд Великий эмир завернул в глухие долины Нуристана, где в одном месте его пришлось спускать с крутого склона в корзине.

Необязательно перечислять все свершения Тамерлана; достаточно сказать, что они вот уже несколько столетий ставят историков в тупик своим полным отсутствием стратегической логики. Тамерлан вел войны, просто повинувшись своей прихоти, не считаясь с затратами, иногда дважды проходя по одним и тем же землям и никогда не утруждая себя тем, чтобы оставить после себя инфраструктуру управления. В определенном смысле его образ мышления можно назвать «дочингисхановским». Тамерлан обладал замашками примитивного степного кочевника; тем не менее он вел свои войны на пороге современной эпохи, когда можно было уже ожидать более разумного подхода к обустройству государства и общественной жизни. Разумеется, его бесконечная жестокость стала легендарной. По масштабам зверств Тамерлан по крайней мере сравнивался с Чингисханом; он нередко сооружал пирамиды из голов, скрепленных глиной, и вмуровывал в стены человеческие черепа. Однажды, захватив крепость рыцарей-госпитальеров на побережье Средиземного моря, Тамерлан обстрелял подошедший на выручку флот из катапульт отрубленными головами рыцарей. Однако нельзя не признать, что разорительные походы Тамерлана принесли христианскому миру определенную пользу.

В 1402 году Византия, последний крупный оплот христианства на Востоке, последний осколок Римской империи, была осаждена турецким войском под предводительством блистательного Баязида II¹ и должна была вот-вот пасть. Баязид уже разгромил войско западных рыцарей-крестоносцев под Никополем, и падение Византии устраняло последнюю преграду, отделявшую мусульманскую Азию от христианской Европы. Но Тамерлан внезапно двинулся из Трансоксианы в поход во главе огромного войска и встретился с главными силами турок под Анкарой. Оба войска были многонациональными; армия Баязида состояла не только из турок-оттоманов, но и из яны-

¹ На самом деле здесь и далее речь идет о турецком султানে Баязиде I Молниеносном.

чаров (рабов-христиан, с детства воспитывавшихся солдатами), татар северных степей и сербских рыцарей в черных доспехах. Возможно, самое кровопролитное сражение, которое велось в духе степных конников, Анкарская битва стала апогеем целой эпохи в истории войн. Тамерлан одержал победу и торжественно вернулся домой, везя Баязида в клетке; но, как всегда, после него остались анархия и вакуум власти. Византия получила еще пятьдесят лет жизни; однако, когда турки осадили ее в следующий раз, у них было новое оружие — огромная пушка. Господству на полях сражений татаро-монгольских конных воинов, длившемуся две тысячи лет, положило конец новое техническое изобретение, наконец позволившее оседлым народам получить преимущество перед кочевниками: порох.

Разгромив всех мыслимых врагов, какие только попадались ему на глаза, Тамерлан задумал совершить поход в Китай, но внезапно умер в 1405 году. Какими бы ни были ужасы его правления, то, что он оставил после себя, не может не вызывать восхищения: за целый век до Колумба Тамерлан вновь сделал центром мира перекресток на пути из Китая и Индии на Ближний Восток. В этот период по Великому шелковому пути проходило самое оживленное движение; именно тогда началось возрождение городов Афганистана. Великий эмир умел ценить прекрасное; согнав обращенных в рабство мастеров со всей Южной Азии, он создал великолепные мечети и дворцы, сохранившиеся до наших дней. На его собственной гробнице в Самарканде была надпись, предостерегавшая, что тот, кто ее осквернит, разбудит этим величайшую всемирную катастрофу. В двадцатом столетии группа советских археологов наконец открыла гробницу и взглянула на останки Тамерлана. Произошло это 22 июня 1941 года¹.

¹ Археологическая экспедиция под руководством знаменитого советского антрополога М.М. Герасимова начала работу в мавзолее Гур-Эмир, где захоронены сам Тимур и некоторые его потомки, в мае 1941 года. Собственно гробница Тимура была вскрыта в ночь с 19 на 20 июня (работы проводились ночью, так как днем в Самарканде стояла жара). Поэтому уточненный вариант предания, который переводчик слышал от сотрудника исторического музея Самарканда, филиалом которого является мавзолей Гур-Эмир, гласит, что катастрофа должна была произойти ровно через два дня после вскрытия гробницы Тимура. Однако найти какие-либо свидетельства того, что предание существовало до вскрытия гробницы, не удалось.

К счастью для Афганистана, сыновья Тамерлана унаследовали от него умение ценить красоту, но без кровожадности своего родителя. При одном из них, Шахрухе, Герат, находившийся на стыке Персии и Востока, стал столицей. В период ренессанса Тимуридов в городе были выстроены прекрасные здания, восхваляющие величие ислама. Еще при жизни Великого эмира испанский посол Руй Гонсалес де Клавихо, побывавший при дворе Тамерлана, описал его так:

«Стены завешаны розовыми шелками, в свою очередь, украшенными серебряными с позолотой листьями, в которые вставлены изумруды, жемчуг и другие драгоценные камни. Сверху над этими украшениями висят шелковые занавесы, отделанные схожими узорами... В центре дворца, за дверью, стоят два золотых стола, каждый на четырех ножках, выполненные из одного целого. На каждом из столов стоит по семь позолоченных кувшинов, два из которых украшены крупным жемчугом, изумрудами и бирюзой, и у каждого на горлышке по рубину».

С тех пор и до настоящего времени Средняя Азия не знала периода такого процветания¹. Но как только прекратились завоевательные походы против соседних государств, Афганистан и Трансоксиана снова оказались ввергнуты в пучину междоусобных войн. Знать Чингизов и Тимуридов спорила за обладание Балхом, Бухарой, Хивой и Самаркандом. К югу от Гиндукуша афганские племена начали присматриваться к Индии, и в 1451 году лоды, входящие в племя гильзаев, основали в Дели династию.

С началом шестнадцатого века по обе стороны от Афганистана начали образовываться новые могущественные государства. В Персии военачальник по имени шах Исмаил Сефевид сосредоточил в своих руках власть и основал государство со

¹ Надо сделать уточнение: процветали некоторые области Средней Азии, в частности Самарканд и Бухара. Но вот, например, Хива, разоренная Тимуром, начала возрождаться лишь в девятнадцатом веке, а Мерв так и не смог больше подняться на ноги.

столицей в Исфахане. Хотя сам он принадлежал к какому-то тюркоязычному народу (или, возможно, к курдам)¹, по сути дела произошло возрождение Персидского государства, чья древняя культура поглотила дикие нравы степных жителей.

В Трансоксиане другой честолюбивый воин, Захиреддин Мухаммед, больше известный как Бабур, непрерывно предпринимал попытки основать свое государство. Бабур родился в 1483 году в Фергане на территории современного Узбекистана, в области, известной под названием Моголистан. По отцовской линии он был потомком Чингисхана, а по материнской линии вел свою родословную от Тамерлана, но скоропостижная смерть отца лишила его надежд на престол. Набрав шайку сторонников, Бабур неоднократно пытался покорить Самарканд, но каждый раз или терпел неудачу, или быстро терял власть. В своих подробных мемуарах «Бабур-наме» он так описал один из периодов между попытками захватить власть, проведенный в Ташкенте: «Я терпел нищету и унижения. У меня не было родины, и я даже не смел о ней мечтать. Большинство моих сторонников разбежалось; те же, кто остался со мной, не могли передвигаться, так как обессилели от голода».

Любопытно отметить, что хотя единая Татаро-монгольская империя давно распалась, армии образовавшихся на его территории государств даже по прошествии трехсот лет продолжали строго придерживаться старых порядков. Бабур пишет: «Монголы в точности соблюдают законы, установленные Чингисханом. У каждого воина есть свое место, как было свое место и у его предков: справа, слева, в центре. Самые надежные воины занимали места на крайних флангах». Он описывает один случай, когда два командира туменов выхватили мечи, оспаривая право командовать правым крылом. Соглашение было найдено, когда одному из них было поручено командовать правым крылом во время охоты, а другому — в бою.

В конце концов отказавшись от попыток обосноваться в Трансоксиане, Бабур обратил свой взор к югу от Гиндукуша и без труда захватил Кабул. Он пишет: «Однажды нашим воинам: центру, правому и левому крыльям — было приказано надеть

¹ Советские востоковеды считали Исмаила Сефеви азербайджанцем.

кольчуги и одеть в доспехи лошадей, затем приблизиться к городу, показывая свое снаряжение, чтобы вселить ужас в его жителей». Немногочисленный отряд защитников выехал из Кабула, чтобы дать бой, но быстро отступил, и город пал. Бабур в ту пору шел двадцать первый год. До конца жизни он сохранил свою любовь к этому городу; помимо восторженного описания флоры и фауны этих мест, Бабур оставил также характеристику экономики Кабула:

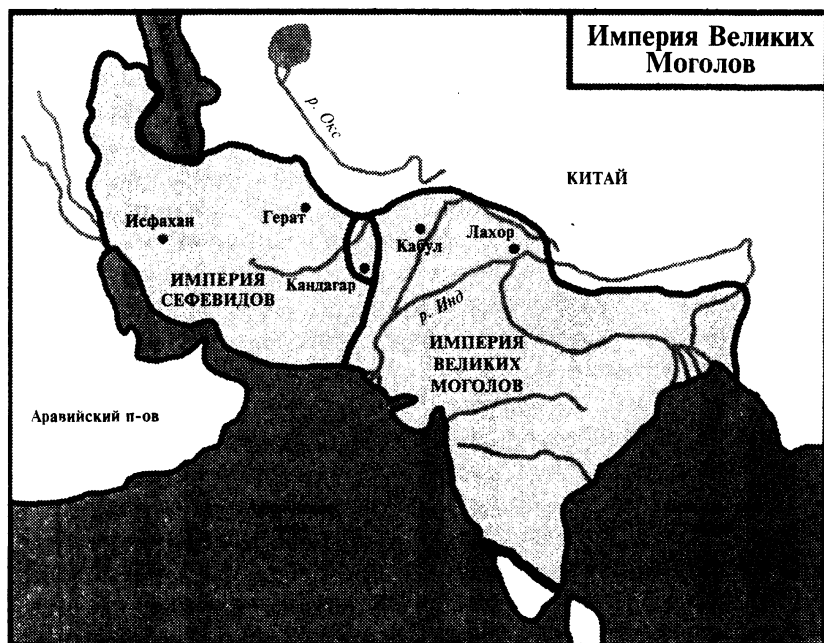
«На сухопутном пути из Индостана в Хорасан лежат два крупных торговых города: один из них Кабул, другой Кандагар. В Кабул приходят караваны из Кашгари, Ферганы, Туркестана, Самарканды, Бухары, Балха, Гиссара и Бадахшана. В Кандагар приходят караваны из Хорасана. Кабул — важный торговый центр... Ежегодно в Кабул приходят с севера семь, восемь или десять тысяч лошадей, а с юга из Индостана приходят караваны в десять, пятнадцать и двадцать тысяч голов лошадей, доставляя рабов, белые ткани, сахарный тростник, различные сладости и ароматические корни... В Кабуле можно купить товары из Хорасана, Румелии [Турции], Ирака и Китая; кроме того, сюда свозятся товары со всего Индостана».

Бабур впервые после греческих историков дал подробнейшее описание Афганистана; как с признательностью замечает Кероу: «Бабур приподнял покрывало с народов Афганистана, назвав такие племена, как гильзаи, юсуфзаи, афридии и другие, существовавшие уже многие столетия, но до тех пор никогда не упоминавшиеся в письменных источниках». Восторженное отношение Бабура к Кабулу было неслучайным; оно объяснялось не только тем, что это был первый завоеванный им город. Бабур попросил похоронить его именно в Кабуле, и его склеп до сих пор стоит в одном из его бывших садов в разоренном городе.

После еще одного, последнего похода на Самарканд в 1512 году, также неуспешного, Бабур окончательно переключил внимание на Индию и после нескольких пробных рейдов двинулся

на Дели. В апреле 1526 года состоялось сражение у города Панипат к северу от Дели, и Бабур одержал впечатляющую победу. По оценкам, численность его войска составляла от двенадцати до двадцати одной тысячи человек, в то время как афганский правитель Делийского султаната Ибрагим II из династии Лоди выставил до ста тысяч человек и пятьсот боевых слонов. У Бабура, однако, были пушки, которые свели на нет эффективность слонов. Бабур пишет, что после того, как его войско обошло неприятеля с флангов, «его правая и левая рука оказались зажаты в такой толчее, что не могли ни двинуться вперед, чтобы сразиться с нами, ни повернуться и бежать». К середине дня сражение было окончено, и были посланы отряды, чтобы схватить Ибрагима. Однако к вечеру тело султана было обнаружено на поле боя под грудой трупов.

В следующем году Бабур одержал победу над раджпутами в северной Индии, находившейся в то время под властью афганских племен. В 1529 году Махмуд Лоди, брат Ибрагима II,

предпринял попытку вернуть трон, но был разгромлен Бабуром в сражении на реке Гогра неподалеку от современного города Патна. Таким образом, еще недавно бездомный принц основал в Индии государство, получившее название империя Великих Моголов, в том или ином виде просуществовавшее до середины девятнадцатого столетия. По иронии судьбы Бабур и его потомки, последние из великих наследников предводителя кочевников Чингисхана, оставили после себя архитектурные памятники непревзойденной красоты, самым известным из которых является построенный в 1632 году мавзолей Тадж-Махал. Те дни, когда степные воины разоряли цивилизации, остались позади; теперь бывшие кочевники сами всемерно содействовали расцвету культуры. Другим свидетельством меняющихся времен стало то, что основателю династии Великих Моголов на пути к власти пришлось вести самые жестокие сражения с афганцами.

РАСЦВЕТ АФГАНИСТАНА

В течение последующих двухсот лет Афганистан играл странную роль в истории войн Южной Азии. Еще не сформировавшееся государство, он даже не считался до сих пор единой территорией, отвечающей современному определению. Тем не менее Афганистан был неиссякаемым источником, поставляющим воинов, менявших соотношение сил в борьбе за власть в соседних державах. Швейцария, если так можно выразиться, европейский двойник Афганистана, в свое время также взяла на себя роль поставщика солдат для армий соседних королей, но на этом исторические параллели двух государств начинают расходиться. В прошлом швейцарцы, воинственный, многонациональный народ, зажатый в горах между великими державами, также буйствовали за пределами своей территории, в основном совершая грабительские набеги, заключая союз с тем чужеземным монархом, с которым это было выгодно на данный момент. Однако в 1515 году Швейцария приняла политику «вооруженного нейтралитета», направленную на сохранение государственной целостности, хотя швейцарские наемники продолжали высоко цениться в армиях всех европейских государств. На этом этапе Афганистан одновременно и отставал от Швейцарии, и опережал ее. Первое заключалось в том, что афганцам так и не удалось (и не удалось до сих пор) решить задачу объединения разрозненных образований, добившись внутренней гармонии, — цель, которую швейцарцы достигли с помощью только зарождавшейся в то время доктрины стихийной народной демократии. С другой стороны, в то время как в Европе шестнадцатого века уже надвигался конец Швейцарии как государства-агрессора, до апогея военных достижений Афганистана на бескрайних просторах Азии было еще далеко.

Из воспоминаний Бабура явствует, что не только он, но и его предшественники Тамерлан и Чингисхан так и не смогли покорить афганские племена. Великие завоеватели брали штурмом и разоряли города — Балх, Герат, Кандагар, Газни, Кабул и другие, — но воинственные афганцы сберегли культуру и обычаи в неприступных горах. Когда последние волны кочевников, пришедшие из азиатских степей, приобщились к цивилизации, смешавшись с оседлым населением покоренных ими городов, возросла относительная сила афганских племен, сохранивших первозданную дикость.

Покинув степи, кочевые народы лишились варварской беспощадности, растаявшей в удобствах и ограничениях цивилизации. Вступив во владение городами, которые требовалось защищать, конные армии больше не могли постоянно держать в своих руках стратегическую инициативу и были вынуждены постигать менее веселую науку обороны жизненно важных точек. Кроме того, в шестнадцатом веке появилось ручное огнестрельное оружие, пригодное для практического применения, затем его развитие пошло по экспоненциальной кривой. В огнестрельном оружии оседлые народы наконец нашли ответ монголо-татарским ордам, к тому времени ставшим (по крайней мере в Южной Азии) их правителями. Военное превосходство снова вернулось от варваров к цивилизации, и великим нашествиям кочевников с севера пришел конец.

И вот в это смешение степных воинов, занявших господствующее положение, и оседлых народов, просто пытающихся выжить, приспособившись к изменившимся условиям, и выплеснулись афганцы, которые сочетали родовые обычаи кочевников с техническими достижениями цивилизации. Анализируя алчность афганцев того времени, нельзя не вспомнить американскую поговорку времен освоения Дикого Запада: «Господь не сотворил людей равными; их уравнил полковник Кольт». В Средние века воины Тамерлана проезжали через Афганистан, облаченные в кольчуги или доспехи, в мастерски выкованных шлемах (призванных своим видом наводить ужас на врага), вооруженные лучшим оружием, какое только могли сделать ремесленники Средней Азии. Кроме того, эти профессиональные солдаты обладали боевым опытом, полученным в бесконечных сражениях, и подчинялись строгой дисциплине,

неведомой воинственным горцам. Но порох кардинальным образом изменил это соотношение. Развитие огнестрельного оружия обесценило доспехи, какими бы дорогими и качественно сработанными они ни были. Пуля или пушечное ядро убивали богатого тюркского вельможу так же быстро и легко, как и простолюдина-пастуха.

Шли годы. Развитие огнестрельного оружия и конец господства неприхотливых и стойких степных воинов породили захватчиков-афганцев. Вооруженные сначала пушкой, а затем мушкетом и кремневым ружьем, афганские горцы покорили оседлые народы по обеим сторонам от Гиндукуша. Укрывшись в своих диких неприступных горах, афганцы переждали нашествие всех предыдущих завоевателей-варваров; но как только последние разнежались среди удобств цивилизации, афганские воины вернулись, верные нравам былых воинствующих грабителей, но вооруженные по последнему слову техники. Хотя процесс освоения новых видов оружия шел постепенно, к концу Средних веков афганцы стали самой могущественной военной силой региона.

Как это ни странно, именно огнестрельное оружие стало решающим фактором, вынудившим в шестнадцатом веке армию швейцарских пикинеров прекратить грабительские походы за пределы границ. Для афганцев же, оказавшихся в самой середине Южной Азии, претерпевающей постоянные нашествия и ввергнутой в пучину полной анархии, эффект распространения пороха был обратным. Огнестрельное оружие положило конец набегам степных всадников, вооруженных луками, и теперь афганские племена, населявшие Гиндукуш, получили свой шанс.

Бабур умер в 1530 году, всего через четыре года после того, как основал династию Великих Моголов, а его сын Хумаюн недолго удерживал престол. Талантливый афганский полководец Шер-шах объединил знать, верную свергнутым Лоди, и другие недовольные силы и захватил трон в Дели. Во время осады одного из укрепленных городов Шер-шах повторил прием с троянским конем, переправив в город отряд отборных воинов, переодетых в женскую одежду и усаженных в паланкины. Перебив стражу, воины открыли ворота крепости. После того

как Хумаюн уступил свои владения в северной Индии афганской коалиции, его брат Камран, полунезависимый правитель Кабула, отказался предоставить ему убежище. Хумаюн был вынужден бежать через Синд и Сеистан в Персию.

Шер-шах спокойно правил в Дели в течение шестнадцати лет и не смог решить лишь единственную задачу: обеспечить продолжение династии, хотя, как можно предположить, он предпринимал все усилия в этом направлении. По мнению Кероу, на примере Шер-шаха наглядно видны сильные и слабые стороны афганского (пуштунского) характера. Кероу пишет: «Появляется талантливый предводитель, способный объединить вокруг себя людей, заставить их забыть личные разногласия ради общего триумфа. Но вот он умирает, и вместе с ним умирает источник вдохновения. В отсутствие человека, пробуждавшего всеобщее повиновение, все, что было достигнуто, рассыпается...» Эти слова можно применить практически к каждому периоду истории Афганистана.

После ухода афганцев, погрязших в междоусобных распрях, Хумаюн вернулся в Индию и восстановил в Дели династию Великих Моголов. Вторым периодом его правления продолжался всего два недолгих года, но принес замечательные плоды: сын Хумаюна Акбар Джелал-ад-Дин, взойдя на престол в 1556 году, правил государством почти полвека и стал величайшим из императоров династии Великих Моголов¹. В 1581 году Акбар проложил первую дорогу через Хайберский проход и во главе большого войска вошел в Кабул. Он провел там неделю — столько времени, сколько потребовалось на то, чтобы отобрать эту часть империи у своего распутного сводного брата, после чего вернулся в Индию. Это был последний раз, когда армия моголов смогла беспрепятственно пройти в Афганистан.

В 1586 году Акбар решил завоевать Кашмир и покорить афганские племена, живущие на территории нынешней Северо-Западной пограничной провинции. В то время как с первой задачей он справился относительно легко, вторая оказалась невыполнимой. Могольский полководец Ман Сингх с боем

¹ Одно время английские историки именовали его Великим, пока кто-то не обратил внимание на то, что имя Акбар в переводе с арабского как раз и означает «Великий».

прошел через Хайберский проход в Кабул, но затем афганцы, объединившись вокруг племени афридиев, восстали у него в тылу и захватили Пешавар. Ман Сингх решил нанести по бунтовщикам одновременный удар своим войском и новой армией, подошедшей из Индии, и разгромить их в Хайберском проходе. Однако афганцы перегородили ущелье и обрушились на войско Ман Сингха сверху. Моголы оказались зажаты в районе горной деревушки Али-Масджид и вынуждены были отбиваться от наседавших афганцев до тех пор, пока подоспевшее подкрепление не ударило последним в тыл. После этого объединившееся войско с боями возвратилось в Пешавар, понеся большие потери.

Еще дальше на севере, в Баджауре, могольское войско под началом Файн-хана попало в засаду, устроенную афганцами из племени юсуфзаев. Акбар отправил на выручку два отряда, но они, заблудившись в горах, оказались под непрерывным обстрелом афганцев, засевших на склонах гор и забрасывающих неприятеля камнями и стрелами. Моголов охватила паника, и после наступления темноты многие погибли, сорвавшись в пропасти, или были перебиты в узких ущельях. Файн-хан, лично возглавивший арьергард, смог вывести остатки своего войска, оставив в горах больше восьми тысяч убитых. Вероятно, поход Акбара и по сей день является самой решительной попыткой покорить восточные племена афганских горцев. Однако она окончилась полной неудачей, и в течение последующих четырехсот лет ни у кого не возникало желания ее повторить. Моголы пришли к выводу, что обеспечивать проход через Хайбер и другие жизненно важные перевалы лучше с помощью денег, а не силой оружия.

В течение шестнадцатого века за территорию Афганистана спорили Великие Моголы на востоке, персидские Сефевиды на западе и молодое узбекское государство, возникшее в Трансоксиане со столицей в Бухаре, на севере. Особенно притягивал захватчиков Герат, роскошная столица потомков Тамерлана. В 1506 году его завоевали узбеки, четыре года спустя снова отбили Сефевиды, после чего город постоянно переходил из рук в руки. Линия, проходившая от Кандагара через Газни в Кабул, являлась местом постоянных столкновений между персами и моголами; последние всеми силами стремились не дать Сефе-

видам получить плацдарм для выхода в долину Инда. Главным очагом военных действий был Кандагар, переживший чехарду сменяющих друг друга правителей. Город попеременно оказывался в руках Великих Моголов и Сефевидов — в зависимости от того, кто в данный момент давил на границу свежими силами.

Моголы пытались сохранить контроль над Балхом, Кундузом и другими городами к северу от Гиндукуша, считая границей своих владений Амударью (где она проходит в настоящее время). Однако крепости постоянно подвергались нападениям и осадам со стороны узбеков. В 1648 году моголы отказались от попыток удержать в своих руках земли к северу от Гиндукуша (территорию древней Бактрии); они пришли к выводу, что горы представляют собой естественный рубеж, отделяющий Индию от конных армий Трансоксианы. Однако Кабул как место упокоения Бабура сохранил свое важное значение, и моголы отчаянно сражались, защищая его от всех захватчиков (для этого им приходилось щедро платить афганским племенам, стерегущим Хайберский проход).

Самым значительным событием этого периода стало усиление афганских народов, проживающих к югу от Гиндукуша. Разделенные на многочисленные племена и кланы, в культурном и языковом отношении они принадлежали к одной этнической группе пуштунов (или патанов, как их называли индийцы). Афганистану постоянно приходилось выдерживать нашествия иноземных захватчиков; при Газневидах и Гуридах на его территории возникали могущественные государства, правда, управляемые пришлыми тюрками; впоследствии, напротив, афганские императоры правили Индией. Но теперь появились первые ростки афганского национализма, что прекрасно выразил поэт-воин Хушхаль-хан из пуштунского племени хаттак. Родившийся в 1613 году, он стал афганским Вильгельмом Телем¹. Хушхаль-хан защищал свои горы от могольских захватчиков, при этом, как это свойственно афганцам, сражаясь с соперничающими племенами. В одном из своих стихов он написал:

¹ В 1668 году Хушхаль-хан поднял восстание афганских племен против Великих Моголов, которое только через два года было с большим трудом подавлено войском падишаха Аурангзеба.

Если могол стоит, убитый падает пуштун;
Время пришло, и если того пожелает господь, мы умрем;
Небесный свод постоянно вращается,
Вот расцветает роза, вот остро жалит шип,
Слава приходит к тем, кто презирает опасность,
О воин, рожденный женщиной!
В самом имени пактун слышится честь и слава,
А что значит без славы Афганистан?
Наше избавление лежит на острие меча.

Пушту (или пакту, более жесткий диалект, на котором в настоящее время в основном говорят в Пакистане) как устный язык существовал больше тысячи лет, но только в семнадцатом веке по-настоящему обрел письменность. Совпадение по времени зарождения афганского национализма и появления пуштунской письменности не было случайным.

Аурангзеб, последний могущественный император из династии Великих Моголов, впервые со времен маурьев объединил под своей властью почти всю Индию¹, но после его смерти в 1707 году империя начала расползаться. К этому времени насчитывалось больше трехсот четко выраженных афганских племенных образований, самыми главными из которых были гильзаи, оседлавшие Сулеймановы горы на востоке, и абдали, жившие на более равнинной местности на западе. Если говорить на языке городов, гильзаи контролировали путь, ведущий из Кабула через Газни на юг до Кандагара, в то время как абдали разбойничали на дороге, идущей от Кандагара на северо-запад к Герату. Гильзаи общались и воевали преимущественно с моголами (именно в это объединение входило племя лоди, одно время правившее Делийским султанатом); абдали были ориентированы больше на Персию, и племенная знать предпочитала говорить на дари², персидском языке, а не на пушту.

Великие Моголы и Сефевиды спорили за обладание южным Афганистаном, а тем временем и гильзаи и абдали все больше

¹ В начале четырнадцатого века, в период своего наивысшего расцвета при Ала-уд-Дине Хилджи (кстати, потомке афганских Гуридов), Делийский султанат простирался от Синда до Бенгалии и от Гималаев почти до самой южной оконечности полуострова Индостан.

² Дари, афганский диалект фарси, персидского языка, является языком королевского двора и государственным языком Афганистана.

поворачивались к Персии. Хотя персы исповедовали ислам шиитского толка в отличие от суннизма, которого придерживались афганцы, они более терпимо относились к иноверцам. Кроме того, древняя культура Персии не утратила окончательно свои позиции в Афганистане. И теперь, когда персидское государство возродилось, хотя и под властью тюркских захватчиков, афганцы испытывали к нему более теплые чувства, чем к моголам, пришедшим с полуострова Индостан. На протяжении веков захватчики являлись в Индию именно со стороны Афганистана, и афганцы не могли допустить обратного вторжения, какими бы могущественными ни казались Великие Моголы, наследники татаро-монгольских орд.

Однако огонь войны вспыхнул, когда новому сефевидскому правителю шаху Султану Хусейну I вздумалось расправиться с инакомыслием в пограничных областях своей державы. Он назначил своим наместником в Кандагаре грузинского фанатика Абдуллу-хана, поручив ему силой насадить среди подвластных ему народов шиизм. Но Абдулла-хан потерпел поражение от войска белуджей, пришедших с юга, после этого персидский шах направил новое войско, состоящее из грузин, под началом Георгия. Племена гильзаев пытались оказать сопротивление жестоким захватчикам, но тщетно, и их предводитель Мир-Вайс был взят в плен и отправлен в столицу Персии Исфахан. Георгию следовало бы убить вождя гильзаев на месте, потому что в Исфахане Мир-Вайс, состоятельный, обходительный человек, быстро завоевал расположение шаха Хусейна. При этом он увидел, в каком упадке находится государственная власть Персии, и укрепился в решимости поднять на родине восстание.

В 1709 году Мир-Вайс, возвратившись в Афганистан, поднял восстание гильзаев и перебил грузинский гарнизон Кандагара. Шах Хусейн отправил на подавление восстания войско, состоящее из отряда кызылбашей¹, отборных телохранителей, грузин и союзных афганских племен абдали. Мир-Вайс вышел навстречу с гильзаями и подошедшими на помощь белуджами. Стороны встретились возле Фарраха, но тут вдруг абдали отказались сражаться. Через какое-то время абдали согласились

¹ Кызылбаш — объединение тюркских кочевых племен в Иране.

вернуться, но персидское войско было разгромлено при попытке осадить Кандагар. После этого гильзаи прошлись по всем окрестным землям, беспощадно расправляясь с грузинами, а в одной стычке одержали победу над абдали и убили их предводителя. В 1715 году Мир-Вайс умер естественной смертью, завещав своим соплеменникам продолжать борьбу; два года спустя и абдали восстали против персидского владычества в Герате. Сефевидам пришлось усвоить урок, что быстро войти в Афганистан довольно просто, но удержать его — это уже совсем другая задача.

Мир-Вайса сменил его брат, однако, как вскоре выяснилось, он был настроен на мир с персами, поэтому его убил сын Мир-Вайса Мир-Махмуд. Теперь гильзаи двинулись уже на Персию. Первым делом им предстояло столкнуться с племенем абдали, занимавшим ведущее место в западном Афганистане. Под Дильбарамом Мир-Махмуд разгромил своих собратьев-афганцев и отправил вождя абдали в Исфахан шаху Хусейну. Шах, встревоженный восстанием абдали в Герате, щедро отблагодарил Мир-Махмуда. Он еще не знал, что гильзаи пойдут дальше.

Гильзаи прошлись по Персии, захватывая города или получая с них выкуп, и наконец встретились под Гульнабадом с войском шаха. У персов было 42 тысячи воинов и двадцать четыре пушки; артиллерией командовал наемный французский офицер Филипп Коломб. У Мир-Махмуда было около 20 тысяч всадников. Однако афганцы разгромили противника, несмотря на его пушки, убив больше пяти тысяч персов и потеряв при этом всего пятьсот человек. Персы отступили и укрылись в столице. Во время осады, продолжавшейся шесть месяцев, в городе умерло около ста тысяч человек, в основном от голода. В конце концов гильзаи ворвались в Исфахан и разорили его. Разгром был таким полным, что Исфахану больше так и не удалось вернуть свое прежнее значение.

Мир-Махмуд почитался бы в Афганистане великим героем, но он оказался сумасшедшим; его правление в бывшем государстве Сефевидов было очень недолгим. Захватив в 1722 году Исфахан, Мир-Махмуд заподозрил персидскую знать в заговоре и пригласил ее на совещание. Как только за собравшимися закрылись двери, воины-гильзаи перебили всех до одного. Затем, испугавшись зреющего неповиновения среди детей Сул-

тана Хусейна, Мир-Махмуд собрал их во дворе и с двумя воинами набросился на них с саблями. Престарелый Хусейн, схвативший на руки двух младших детей, получил удар саблей по лицу, после чего предводитель гильзаев вдруг успокоился. Однажды Мир-Махмуд провел сорок дней в пещере, общаясь с богом, но вышел он оттуда еще более невменяемым, чем прежде. Его безумие не укрылось от воинов, и в 1725 году Мир-Махмуд был убит своими приближенными. В последний период жизни Мир-Махмуд занимался самобичеванием, отрезал части своего тела, так что существует большая вероятность того, что он страдал каким-то заболеванием, возможно, запущенной стадией сифилиса.

Мир-Махмуду унаследовал его двоюродный брат Ашраф, чьего отца убил Мир-Махмуд. Как выяснилось, с рассудком у Ашрафа тоже было не все в порядке. Первым делом он перебил всех бывших советников Мир-Махмуда. Потом расправился с престарелым шахом Хусейном, потому что султан Оттоманской империи не признавал притязания Ашрафа на персидский трон, пока старик был жив. Однако к этому времени терпение персов иссякло; повсюду начались выступления против гильзаев. Воин по имени Надир-хан Кули-бек собрал сторонников и заключил союз с наследниками убитого шаха. Затем он одержал победу над абдали в сражении у Герата (после чего остальные абдали перешли на его сторону), а потом столкнулся с оттоманскими турками на северо-западе. Наконец Надир-хан двинулся на Исфахан, по пути нанеся Ашрафу поражение в нескольких стычках. Запертый в Исфахане, Ашраф убил три тысячи персов из числа жителей города, опасаясь предательства, и в начале 1730 года бежал, но был схвачен и убит.

В результате этих войн за государство Сефевидов о свирепости афганцев, о которой уже давно было известно индийцам, узнали и персы. После нескольких стычек с афганцами (в одном случае ему пришлось иметь дело с объединенными племенами гильзаев и абдали) Надир-шах, как он теперь именовал себя¹, набрал несколько тысяч горцев из племени абдали в свою личную гвардию. В 1739 году Надир-шах прошелся по

¹ Надир — «сын меча» был провозглашен шахом Ирана на собрании иранской знати в Мугане в 1736 году.

всему Афганистану, затем, уже с трудом, двинулся вдоль реки Кабул через Хайберский проход в Индию. Переманив на свою сторону горцев-афганцев, Надир-шах спустился к Дели. Империя Великих Моголов к тому времени ослабла, погрязнув в роскоши и безделье; незадолго до этого то же самое произошло с государством Сефевидов. Во время пребывания Надир-шаха в Дели там распространился слух, что он убит; начались беспорядки, в результате которых погибли его воины. В отместку Надир-шах подверг Дели такому разорению, что слово «надир-шахи» вошло в индийский язык в значении «побоище». Захватив «павлиний трон»¹, алмаз «Кох-и-Нор» и прочие бесчисленные богатства, персидское войско возвращалось из Индии и в Хайберском проходе попало в окружение. Однако отборному отряду телохранителей Надир-шаха из числа воинов абдали удалось пробиться на свободу. На следующий год Надир-шах снова появился в Герате, набрал в свое войско пополнение из числа абдали и двинулся на север, через Амударью к узбекским городам Бухаре, Хиве и Самарканду.

К несчастью, Надир-шах, как и его предшественники, начал выказывать признаки одержимости манией преследования. Он смертельно боялся заговора в своей новой столице Мешхеде и приказал ослепить своего собственного сына.

Можно провести четкую границу между правителями Востока и Запада восемнадцатого столетия. В Европе даже при монархическом правлении грамотное и относительно более образованное население добивалось зачатков свободы личности. Западные народы смогли с помощью печатного слова объединиться во имя общего дела. Идеи справедливости и равенства получили такое широкое распространение, что монархи не осмеливались в открытую выступать против своих подданных. Однако на Востоке по-прежнему главным аргументом оставались сабля и заговор.

Развязка наступила, когда Надир-шах находился в лагере

¹ Символ расцвета империи Великих Моголов, «павлиний трон» был изготовлен в 1629 году по повелению падишаха Шаха Джохана. Представлял собой стилизованное дерево из резного золота, покрытого эмалью, на одной ветке которого сидел павлин, весь в драгоценных камнях и жемчуге. После того как трон был вывезен в Иран, его следы теряются. Согласно одной легенде, он был отправлен в Англию, но корабль затонул у берегов Восточной Африки.

под Кучаном¹. Шах заподозрил, что его военачальники замышляют против него заговор, и приказал преданным телохранителям абдали, которыми в то время командовал молодой воин по имени Ахмад-хан², расправиться с изменниками. Однако основная часть войска, прознав о замыслах Надир-шаха, приняла сторону заговорщиков. Утром шах был обнаружен убитым и обезглавленным. До сих пор неясно, каким образом Ахмад-хану и четырем тысячам его всадников абдали удалось избежать быть втянутыми в стычку; некоторые источники сообщают о том, что Ахмад пытался отважно прийти на помощь своему повелителю. Быть может, кызылбаши и персы испугались афганцев и дали им свободно уйти, а может быть, абдали просто успели уйти прежде чем их враги опомнились³. Так или иначе, кызылбаши гнались за афганцами через весь Хорасан. Ахмад-хану пришлось отправить часть своих воинов в Герат, чтобы те отвлекли преследователей на себя, а он с основными силами вернулся в Кандагар. Как бы то ни было, следующая могущественная держава, возникшая в Южной Азии, была по своему происхождению чисто афганской. Ее основателем стал Ахмад-хан.

В 1747 году⁴ племена абдали собрались под Кандагаром на совет, или «джиргу», чтобы выбрать нового предводителя. Ахмад-хан, которому на тот момент едва исполнилось двадцать пять лет, был самым молодым из кандидатов, и, согласно некоторым источникам, он меньше других добивался высокого положения⁵. Однако суфи (высокопоставленное духовное ли-

¹ Это произошло в июне 1747 года.

² В действительности командиром абдали был Нур-Мухаммед, однако в критический момент он повел себя нерешительно, и командование отрядом взял на себя Ахмад-хан.

³ При этом Ахмад-хан захватил весь артиллерийский парк Надир-шаха и значительную часть шахской казны, в том числе знаменитый бриллиант «Кох-и-Нор». Последнее обстоятельство дало афганцам повод считать бриллиант собственностью Афганистана, и в 1999 году правительство талибов направило в Великобританию официальное требование вернуть «Кох-и-Нор».

⁴ В октябре.

⁵ Многие историки полагают, что за восемь дней, которые длилась джирга, Ахмад-хан, в чьих руках находилась казна персидского шаха, успел подкупить всех главных действующих лиц, при этом сам он сознательно держался в тени.

цо) Сабир-шах назвал Ахмада величайшим воином из присутствующих и возложил ему на голову пучок колосьев. Остальные вожди согласились, отчасти потому что Ахмад принадлежал к небольшому племени саддозаев (седдозаев), входящему в объединение абдали. Это позволило избежать разногласий среди представителей крупных племен. Кроме того, Ахмад уже успел показать себя опытным военачальником. Сабир-хан нарек его Ахмад-шахом «Дурр-и-Дурран», то есть «жемчужиной из жемчужин». После этого абдали стали называть себя дуррани.

Всего через несколько дней после провозглашения вождем Ахмад-шаху улыбнулась судьба: к Кандагару приблизился богатый караван, который шел из Индии и вез крупную денежную сумму в персидскую казну. В караване еще не знали о гибели Надир-шаха. Ахмад-шах захватил сокровища и распределил их среди своих сподвижников, упрочив свое положение. Гильзаи, обескровленные в последний период своей персидской авантюры, с готовностью примкнули к дуррани, признав их ведущую роль. Объединение двух враждовавших прежде крупнейших групп племен ознаменовало собой начало четверти века грабительских походов.

Ахмад-шах заполнил вакуум власти, возникший в регионе, в котором главное место заняли вселяющие ужас афганские племена. Империя Великих Моголов, переживавшая небывалый упадок, не могла справиться с участвовавшими набегами афганских горцев, спускающихся с южных отрогов Гиндукуша. Персия, из последних сил сдерживающая давление оттоманских турок на западе, находилась в состоянии, близком к полной анархии. Она ждала очередного лихого всадника, который восстановил бы ее былое могущество. К северу от Амударьи узбекское государство распалось на несколько мелких деспотических княжеств, которые жили за счет грабежей соседних государств и работорговли. В то время как Европа приблизилась к технической революции, по всей Южной Азии города приходили в упадок, а экономика опускалась до простого выживания. Предместья Герата и местность вокруг него с развитым сельским хозяйством, десятилетиями подвергавшиеся нашествиям грабительских полчищ, были разорены; городские стены частично обвалились. Персия обезлюдела, и еще недавно процветавшие города опустели.

Подобное положение дел в значительной степени объяснялось тем, что в семнадцатом и восемнадцатом веках международная торговля переместилась на море. К этому времени значительную часть коммерческой энергии Старого Света уже оттягивал на себя Новый Свет. Конечно, вслед за расцветом морской торговли наступил золотой век пиратства. Но тем не менее капитан торгового судна, который вел свой корабль через штормовой океан, кишасший пиратами, рисковал меньше купца, пытающегося проскользнуть со своим караваном мимо алчных правителей Трансоксианы. Великий шелковый путь, ведущий из Китая по суше, почти на всем своем протяжении подвергался постоянным набегам разбойников, и вскоре на смену ему пришли процветающие морские порты Макао и Гонконг. Древние города Центральной Азии, в свое время связывавшие великие цивилизации сухопутными дорогами, стали никому не нужны и зачахли. Вдобавок ко всему местные правители, преимущественно враждующие друг с другом деспоты, не могли обеспечивать на подвластных территориях законность или хотя бы стабильность — неотъемлемую составляющую торговли. И вот именно в такой момент афганцы добились небывалых за всю свою историю территориальных приобретений.

Разместив свою столицу в Кандагаре, Ахмад-шах двинул афганские войска на север, чтобы захватить Газни и Кабул. В Кабуле заправлял персидский наместник, попытавшийся после гибели Надир-шаха найти себе нового господина и переметнувшийся к Моголам. Однако, не найдя поддержки с той стороны, он просто сдался приближающимся афганцам. Затем Ахмад-шах двинулся в Перджаб, намереваясь отвоевать территории, которые в свое время уступили Моголы Надир-шаху. Но его войско из 12 тысяч всадников было разгромлено у Манупура к востоку от Инда превосходящими силами моголов под командованием Мир-Манну.

На следующий год афганцы вернулись и захватили Лахор. Не желая вести крупную войну на северных границах, моголы официально отказались от прав на Пенджаб. Ахмад-шах оставил Мир-Манну наместником этой области, обязав его выплатить подати за четыре года. Возвратившись в Афганистан, Ахмад-шах навербовал новых сторонников из восточных племен и, собрав все свои силы у Кандагара, во главе войска числен-

ностью 25 тысяч человек двинулся на Герат. Этот город, находившийся на спорных территориях — на восточной окраине принадлежащего Персии Хорасана и на западной границе области расселения афганских племен, — был в конце концов взят после девятимесячной осады.

Затем Дуррани направился к новой столице Персии Мешхеду, где в то время правил Шахрух, шестнадцатилетний внук Надир-шаха, ослепленный соперником. Возможно, Ахмад-шах знал Шахруха, еще когда тот был ребенком; в любом случае он испытывал к нему какие-то чувства. После непродолжительной осады афганцы взяли Мешхед, однако Ахмад-шах оставил Шахруха на престоле. Афганцы двинулись дальше на запад, но у Нишапура получили жестокий отпор и были вынуждены вернуться в Герат, чтобы восстановить силы.

Следующей весной Ахмад-шах вернулся к Нишапуру, на этот раз с тяжелой артиллерией. Самая большая пушка, отлитая и установленная уже в ходе осады, разорвалась при первом же выстреле, однако выпущенное из нее ядро весом в 500 фунтов произвело в городе такие разрушения, что Нишапур вскоре сдался. Не забывшие недавнее кровавое поражение, афганцы разорили город, убили многих жителей, а оставшихся забрали в рабство. Тем временем ослепленный Шахрух поднял восстание в Хорасане; однако, подавив это восстание, Ахмад-шах снова оставил юношу на троне, взяв с него слово, что тот будет считать свои владения частью Дурранийского государства. На этот раз Ахмад-шах также отправил конное войско в северный Афганистан, чтобы отбить Балх, Мазари-Шариф (ставший к тому времени самым важным городом в регионе), Талукан, Кундуз и другие города у узбеков, таджиков и туркмен, расширивших свое влияние к югу от Амударьи.

Пока Ахмад-шах был занят на западе, Мир-Манну опять поднял восстание в Пенджабе и перешел на сторону Великих Моголов, и в 1752 году афганцы снова перешли через Инд. На этот раз они закрепились в Лахоре и Мультане, а затем с помощью племени юсуфзаев, жившего на границе, завоевали весь Кашмир. Могольский император был вынужден в очередной раз клятвенно отказаться от всех притязаний на свои бывшие западные области и выплатил афганцам огромную сумму задолженности по податям. Эта странная форма могольского управления Пенджабом от имени Дурранийского государства достигла

абсурдной кульминации в 1753 году, когда умер Мир-Манну. Могольский император назначил новым наместником своего трехлетнего сына, приставив к нему визирем (первым советником) двухлетнего сына Мир-Манну. В действительности власть находилась в руках вдовы Мир-Манну, которая испортила все, что только смогла, управляя областью из своей спальни, окруженная постоянно меняющимися любовниками. В 1757 году Ахмад-шах вернулся и на этот раз дошел до самого Дели. Он позволил новому могольскому императору Аламгиру II сохранить свой трон при условии, что тот признает власть Дуррани не только над Пенджабом, но также над Кашмиром и Синдом.

Однако теперь главной проблемой для афганцев в Индии были не угасающие Великие Моголы, которые по крайней мере являлись мусульманами, братьями по вере, а энергичные маратхи¹, сумевшие обуздать дремлющие силы многочисленного индуистского населения и неудержимой волной катившиеся с юга. Переместив свою столицу в Пуна на востоке центральной части Индии², маратхи захватили почти весь Декан³ и стали двигаться дальше на север. Первое столкновение с афганцами произошло в конце 1759 года. Афганцам не удалось остановить продвижение своего могущественного противника, и в следующем году маратхи заняли Дели.

В 1761 году Ахмад-шах вышел с войском из Кандагара и, в пятый раз перейдя через Инд, встретился с армией маратхов под Панипатом, местом, где уже не раз происходили битвы за северную Индию. Обе стороны имели приблизительно по семьдесят—восемьдесят тысяч человек, и исход сражения оставался неопределенным в течение нескольких часов. Но затем Ахмад-шах лично возглавил контратаку и прорвал центр боевых порядков маратхов, после чего последовало массовое истребление обратившихся в бегство солдат противника и обозников⁴. Это сражение имело огромное значение для судьбы Индии.

¹ Маратхи — воинственный народ в центральной Индии.

² Город Пуна, ставший с 1750 года столицей Маратхской империи, находится на западе полуострова Индостан, недалеко от побережья Аравийского моря.

³ Обширное плоскогорье в центральной части Индии, по площади занимает приблизительно половину полуострова Индостан. Этим названием нередко обозначается также вся центральная часть Индии.

⁴ Обоз в средневековой индийской армии состоял из торговцев, погонщиков, носильщиков, жен и детей воинов и так далее и обычно намного превосходил число собственно воинов.

Если бы на полуострове Индостан смогло утвердиться могущественное индуистское государство, то господство европейцев, проникавших через морские порты, оказалось бы значительно затруднено, а то и стало бы вообще невозможным. Однако силы маратхов были подорваны, от Великих Моголов больше не было толку, а афганцы, которые не собирались терпеть жаркий климат территорий к югу от Дели, бросили все свои силы на то, чтобы воевать, а не править. То, что продвижение маратхов было остановлено, имело еще одно следствие: в Пенджабе власть взяла новая сила — сикхи¹.

К 1762 году, в период своего наивысшего расцвета, Дурранийская империя занимала весь Афганистан, а также принадлежавший Ирану Хорасан, почти всю территорию современного Пакистана, часть Индии и провинцию Кашмир. Она простиралась от Амударьи на севере до Аравийского моря на юге. Южные пустынные области были присоединены не силой оружия, а за счет заключения союзов с племенами белуджей и брагуи.

До конца десятилетия Ахмад-шах трижды совершал походы в Пенджаб на своих новых врагов сикхов. Этот народ, исповедующий смесь мусульманских и индуистских верований, распространившуюся в шестнадцатом веке, за долгие годы закалился и превратился в опытных воинов. Дважды Ахмад-шах разорял священный город сикхов Амритсар, но каждый раз после того, как афганцы возвращались на лето в свои горы, сикхи восстанавливали контроль над провинцией. Наконец, в 1769 году Ахмад-шах пришел к выводу, что он не в силах удерживать Пенджаб.

Ахмад-шах умер в 1772 году после тяжелой, страшной болезни, по всей видимости, рака кожи. Один из тех, кто видел его в последний период жизни, сообщил о том, что шах носит вместо носа серебряную накладку, так как его собственный нос или отмер, или был ампутирован в попытке остановить распространение болезни. По всем меркам, Ахмад-шах был не только выдающимся полководцем, но и замечательным правителем, заботившимся о благе своих подданных, хотя в одежде и привычках Ахмад-шах оставался очень скромным. Подобно таким вождям, как Аттила и Чингисхан, объединившим под

¹ Сикхи — последователи религиозно-реформаторского движения, ставшего затем самостоятельной религией, сочетающей многие положения индуизма и мусульманского суфизма.

своим началом различные племена, он обладал врожденной способностью требовать от других.

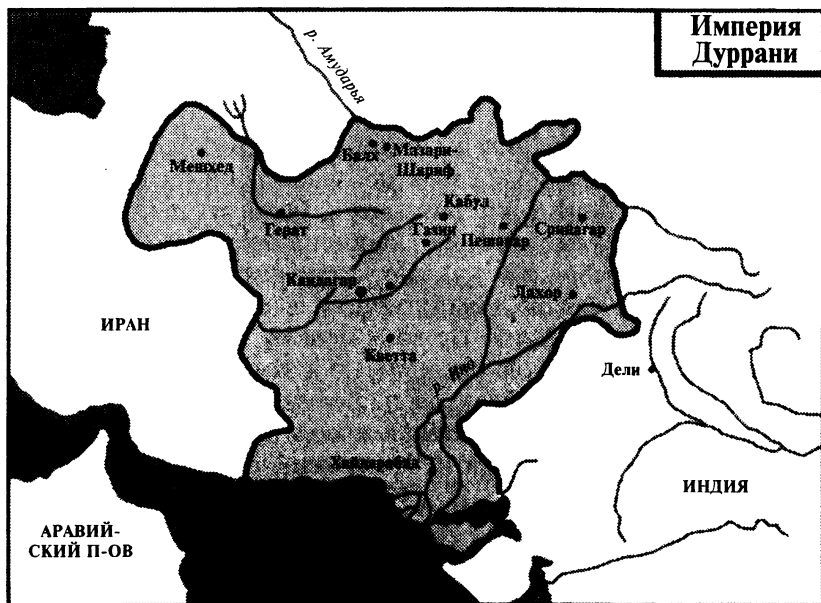
Для многих 1747 год, когда Ахмад-шах возглавил племя абдали, является датой рождения афганского государства. Согласно другой точке зрения, основанное им государственное образование было скорее Дурранийской империей, мало чем отличающейся от бесчисленного количества эфемерных держав, которые создавались кочевыми племенами в прошлом. Обе точки зрения являются обоснованными; и действительно, в Ахмад-шахе можно найти черты как наследника кочевников-скифов, водившего свое племя в грабительские походы, так и афганского государственного деятеля, ставившего интересы своей державы превыше интересов племени — сейчас мы называем такие качества патриотизмом. Собственные слова Ахмад-шаха, взятые из стихотворения, посвященного своей родине, несомненно, подкрепляют второе:

Своей кровью мы обязаны любить тебя.

Ради тебя юноши идут на смерть.

Я прихожу к тебе, и мое сердце обретает покой.

Вдали от тебя тоска стискивает мое сердце, подобно змее.

Я забываю делийский трон,
Когда вспоминаю горные вершины своего Афганистана.
Если мне придется делать выбор между тобой и остальным миром,
Я без колебаний назову своими твои безлюдные пустыни.

Хотя за много столетий до Дуррани Газневиды и Гуриды уже основывали свои государства с центром в Афганистане, правящие династии были выходцами из пришлых тюркоязычных народов, а не из коренных афганских племен. Главное достижение Ахмад-шаха состояло в том, что он поднял значение самих афганцев до таких высот, что в мусульманском мире середины восемнадцатого века сравниться с Афганистаном могли только турки-оттоманы. В целом можно сказать, что Ахмад-шах был не просто вождем своего племени, но и государственным деятелем, превратившим Афганистан из спорной территории, зажатой на задворках соседних держав, в независимую политическую единицу, к которой, как и к самому шаху, надо было относиться уважительно. Прямые потомки Ахмад-шаха правили в Афганистане до 1818 года, после чего их сменила другая ветвь Дуррани, удерживавшая власть в стране до коммунистического переворота 1973 года¹. Однако, хотя Ахмад-шах основал государство и правящую династию, нельзя сказать, что после его смерти созданная им империя продолжала развиваться по восходящей.

Величайшим упущением Ахмад-шаха стало то, что он не смог создать государственную структуру, которая обеспечила бы преемственность власти. Его наследники не смогли удержать его завоевания. С этой древней, как мир, проблемой сталкивались все государственные образования кочевых племен, стремительно возвышающиеся благодаря воле сильного вождя и так же быстро разваливающиеся после его смерти. Афганистан, заявивший во всеуслышание о своих притязаниях на государственность, по-прежнему оставался не более чем коалицией племен, что к концу восемнадцатого столетия уже становилось анахронизмом. Повсюду в мире племенные системы уничтожались, поглощались или колонизировались более развитыми национальными государствами. На Западе государственные

¹ В 1973 году в Афганистане произошел военный переворот, в ходе которого король Захир-шах был свергнут и к власти пришел Мухаммед Дауд, двоюродный брат короля. Этот переворот вряд ли можно считать коммунистическим.

институты, создаваемые грамотным населением, начинали ограничивать абсолютную власть монархов. Следует также отметить, что Дурранийская империя была образованием преимущественно пуштунским, а не многонациональным; и тем не менее Ахмад-шах, чтобы держать открытыми проходы в Индию, все же предпочитал подкупать афридиев и другие племена, а не убеждать их. Но хотя современные границы Афганистана еще не были установлены, Ахмад-шах сделал все для того, чтобы это произошло как можно скорее, несмотря на экспансионистские устремления великих империй Нового времени.

Афганистан выпал из течения мировой истории благодаря уникальному сочетанию трех факторов. Во-первых, географические условия страны позволяли племенам вести независимое существование в недоступных горах, практически в полной изоляции от центральной власти. С другой стороны, при необходимости горцы могли принять участие в коллективной обороне страны от внешнего врага. Во-вторых, расположенный в самом сердце Южной Азии, переживавшей период упадка, Афганистан оказался в стороне от основных путей мировой торговли и, таким образом, был избавлен от посягательств иностранных захватчиков. Не случайно Дурранийская империя возникла именно тогда, когда еще недавно могущественные державы, окружающие Афганистан, стремительно двигались к своему закату. В-третьих, в стране, где крупные населенные пункты столетиями подвергались разорительным нашествиям, основные силы были сосредоточены в руках кочевого населения, и примитивность афганцев являлась их самым грозным оружием. Они оставались воинственными и непокорными, готовыми за неимением внешнего врага сражаться друг с другом; и, как следствие в мире, вставшем на путь экономического прогресса, воин-афганец, пережиток прошлого, внушал все больший ужас цивилизованным народам.

Ахмад-шах Дуррани совершил величайшее достижение, впервые сделав афганцев хозяевами собственной земли. Возможно, его след в истории был бы еще заметнее, если бы он к тому же обеспечил стабильность творения рук своих. Несомненно, на смертном одре Ахмад-шах думал о том, что его сыновья и сыновья его сыновей продолжат его дело, хотя уже начали поступать первые сведения об утрате территорий, захваченных во время походов афганского войска. Как выяснилось,

огромные размеры созданного Ахмад-шахом государства обусловили то, что в первое время наследники Ахмад-шаха чувствовали себя достаточно уютно, даже теряя часть территориальных приобретений. Правда, им приходилось тратить все больше усилий на сохранение единства афганских племен. Но на пороге девятнадцатого века Афганистану пришлось столкнуться с силами, о которых Ахмад-шах даже не подозревал.

Ему наследовал его второй сын Тимур¹, имевший огромный гарем, что отчасти явилось следствием многочисленных политических браков, которые заключил для него Ахмад-шах. В течение всего своего правления Тимур продолжал методически ссориться со своими сторонниками-пуштунами, и первым его шагом в этом направлении стал перенос столицы из Кандагара в Кабул. Кабул, насколько это было возможно в условиях Афганистана, являлся городом-космополитом, не входящим в область влияния какого-то одного племени. Зимней столицей Тимур сделал Пешавар, находящийся на индийской стороне Хайберского прохода. И без того уже заподозренный в симпатиях к Персии, Тимур набрал свою личную гвардию из кызылбашей, отдав им предпочтение перед своими соплеменниками. Кызылбаши (или «красные головы») были тюркским племенем, осевшим в Персии. После гибели Надир-шаха и последовавшей за этим смуты воины-кызылбаши в большом количестве перебрались в соседний Афганистан. Более образованные по сравнению с афганцами, они отличались большей дисциплиной, и Тимур со временем стал назначать их не только на военные, но и на государственные должности. Естественно, пуштуны ненавидели кызылбашей.

Царствование Тимура продолжалось двадцать лет, но этот долгий срок свидетельствует скорее о временном затишье на международной арене, чем о каких-либо выдающихся качествах этого бездеятельного правителя. На севере бухарский эмир отхватил от Дурранийской империи кусок до самого Гиндукуша; в Индии сикхи отрезали еще больший участок афганских земель в Пенджабе. Тимур безмятежно правил до 1793 года, однако при нем рассыпалось хрупкое единство афганской нации,

¹ Образ правления в Афганистане сочетал феодальные и родовые черты. Верховная власть принадлежала определенной фамилии, в пределах которой и выбирался шах; однако джирга могла выбрать не первородного, а младшего сына.

созданное его отцом. Он оставил после себя больше тридцати сыновей, не считая незаконнорожденное потомство гарема, не потрудившись назвать среди них своего преемника. В результате Афганистан оказался ввергнут в пучину кровавого хаоса.

Один из сыновей Тимура, Заман, захватил власть в Кабуле, другой, Махмуд, обосновался в Герате, а третий, Хумаюн, занял Кандагар. Заман заточил в тюрьму остальных своих братьев, и сводных и кровных, добиваясь от них покорности. Потом он схватил старшего брата Хумаюна и ослепил его. Затем Заман-шах попытался восстановить власть Дуррани над Пенджабом, чтобы получить новый источник доходов для своего государства, но потерпел неудачу, а в 1800 году его захватил в плен и ослепил его брат Махмуд. На Махмуда, в свою очередь, обрушился Шах Шуджа, родной брат Замана, бывший наместником в Пешаваре. Первое время Махмуду удавалось отражать натиски двадцатилетнего Шаха Шуджи уль-Мулька, сначала в Кабуле, а потом и в Кандагаре, но затем в Кабуле начались религиозные распри между суннитами и шиитами, и Махмуд не смог удержаться у власти. В 1803 году Шах Шуджа снова двинулся на Кабул и после сражения, длившегося целый день, в течение которого многие воины Махмуда перебежали на сторону противника, захватил престол. Вероятно, Шах Шуджа совершил большую ошибку, сохранив Махмуду жизнь и отпустив его в Герат.

В течение следующих нескольких лет Шах Шуджа пытался восстановить афганское господство в Пенджабе и Синде; однако каждый раз, как только он покидал столицу, там начинались беспорядки, и самые кровопролитные бои Шаху Шудже пришлось вести со своими соплеменниками-афганцами. Гильзай не желали больше признавать главенство дуррани и несколько раз поднимали восстание. В Пенджабе Ранджит Сингх, в детстве своими глазами наблюдавший ужасы нашествий Ахмад-шаха, постепенно консолидировал силы сикхов.

В 1809 году Махмуд вернулся из Герата со своим могущественным сторонником, визирем Фатхом Али-ханом из племени баракзаев, и разгромил Шаха Шуджу в сражении у Нимлы, между Пешаваром и Кабулом. Шах Шуджа, чья мать была из племени юсуфзаев, сохранил поддержку пограничных племен и в течение последующих трех лет пытался собрать новое войско. Но затем Фатх-хан перешел через перевалы, вынудив Шаха Шуджу искать убежища в Кашмире. В конце концов тот нашел

спасение при дворе Ранджита Сингха в Лахоре. Махараджа сикхов отобрал у Шуджи бриллиант «Кох-и-Нор», сверкающий символ Дурранийской империи, и вообще обошелся с ним очень плохо. В 1813 году сикхи разгромили войско Фатх-хана у Аттока, после чего афганцы были вынуждены убраться за горы.

Как правитель Махмуд оказался совершенно никчемным и, что гораздо хуже, сумасшедшим. Вместе со своим сыном Камраном, не уступающим отцу в жестокости, Махмуд первым делом ослепил своего могущественного визиря Фатх-хана и подверг его страшным истязаниям. Но к этому времени афганцы устали терпеть наследников Ахмад-шаха Дуррани. В 1818 году баракзаи подняли восстание и изгнали Махмуда из столицы. Последний был вынужден бежать в Герат, где вскоре умер. После его смерти эта область перешла к его сыну Камрану. Династия Дуррани продолжалась, но теперь за престол боролись не представители линии Ахмад-шаха из племени саддозаев, а семейство Мухамедзаев из племени баракзаев.

В свою бытность визирем Фатх-хан поставил своих братьев (около двадцати человек) на ключевые государственные должности по всей стране. Среди них его любимцем был Дост Мухаммед, рожденный от матери из племени кзылбашей, в возрасте восемнадцати лет сражавшийся при Аттоке. В Кабуле правители сменяли друг друга; кое-кто из братьев Фатх-хана из племени баракзаев пытался основать независимые княжества в Кандагаре, Пешаваре и других областях Афганистана. В 1823 году афганцы вторглись в Пенджаб, пытаясь вернуть себе утраченные владения, но потерпели жестокое поражение от небольшой, но хорошо обученной армии Ранджита Сингха, в которой решающую роль сыграли наемники-гуркхи¹.

В 1826 году Дост Мухаммед захватил власть в Кабуле. Действуя из своей вотчины в Газни, он сначала установил контроль над всем Кохистаном, а затем вошел в столицу, где взорвал часть укреплений внушительной крепости Бала-Гиссар, в которой укрывался его соперник. Среди анархии, господствовавшей в Афганистане, Дост Мухаммед («дост» в переводе зна-

¹ Гуркхи — условное объединяющее название народностей (буквально «горцы»), населяющих центральные и юго-западные районы Непала. Также гуркхами называли непальских горцев на службе армий иностранных государств. Выносливые и смелые, они использовались для выполнения специальных операций.

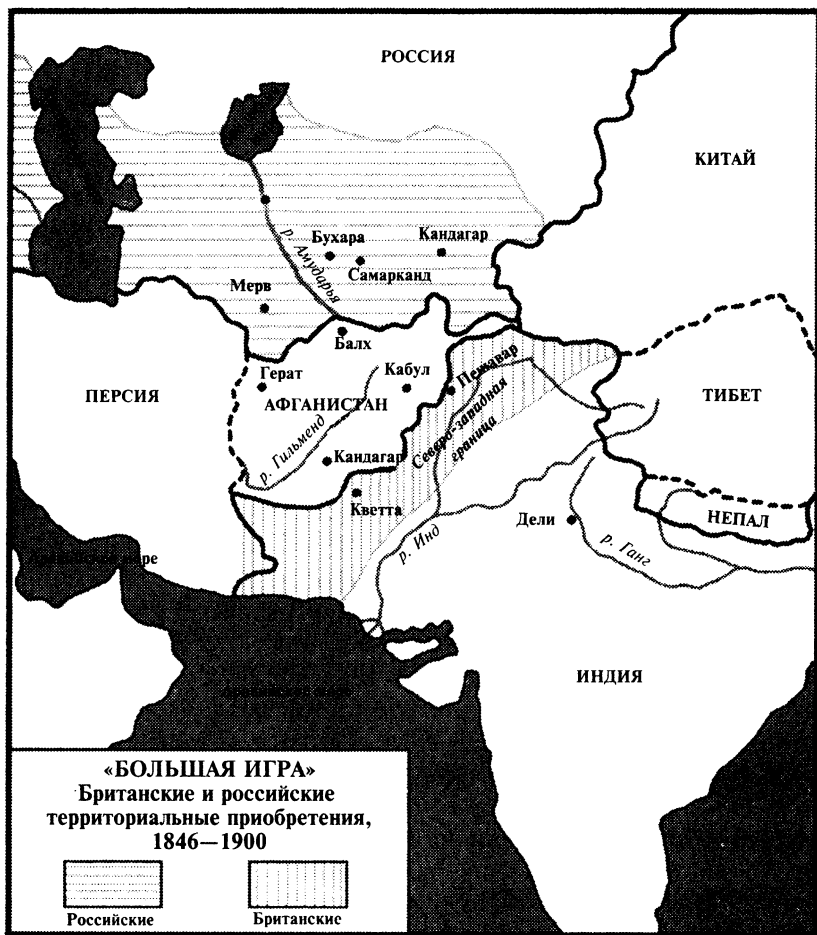
чит «друг»), чтобы удержаться на престоле и подавлять возмущения, вынужден был полагаться как на свое дипломатическое искусство, так и на беспощадную жестокость. Вот только к тому времени, как он взошел на трон Дурранийской империи, тот уже успел сильно обесцениться. Шах Шуджа встречал посланников, украшенный бриллиантами и рубинами; но впоследствии казна была растрочена и разграблена. В период своего наивысшего расцвета Дурранийская империя жила за счет грабительских походов и податей с завоеванных территорий; сами афганские племена относились очень неодобительно к требованиям отдавать часть доходов в Кабул. Воинственная жестокость афганцев наводила ужас на соседние народы, но внутреннее государственное устройство в Афганистане практически отсутствовало. По сути дела, государство существовало лишь в виде постулатов, гласивших, что надо следовать за сильным вождем в походе за добычей, а при нападении извне, особенно со стороны немусульман, необходимо объединиться и дать отпор врагу.

Шах Шуджа, изгнанный из страны, и его ослепленный брат Заман не оставляли надежд на восстановление династии саддозаев, и в 1834 году при молчаливой поддержке Ранджита Сингха двинулись через Синд на Кандагар. Однако не имеющий денег, растерявший военные навыки Шуджа был отброшен назад племенами дуррани. Самым примечательным результатом этого похода стало то, что Ранджит Сингх последовал за Шуджой в Пенджаб и, воспользовавшись междоусобицами афганцев, захватил Пешавар. Дост Мухаммед объявил «джихад», священную войну против неверных сикхов, но беспорядки у него в тылу вынудили его спешно вернуться в Кабул. В следующем году сын Доста Мухаммеда Акбар-хан во главе афганского войска перешел через перевалы и разгромил сикхов у Джамруда. В этом сражении погиб один из лучших сикхских военачальников Хари Сингх Налва. Но плохо организованное войско, состоящее из горцев, не смогло выдержать контрнаступления сикхов и вынуждено было отойти назад. Афганцы навсегда потеряли Пенджаб, а также Кашмир, Синд и Хорасан. Внутри страну раздирали распри противоборствующих племен. Владения Доста Мухаммеда состояли из узкой полоски, тянущейся из Газни в Кохи-

стан со столицей в Кабуле, — жалкого обрывка Дурранийской империи, могущество которой было еще свежо в памяти.

Однако нельзя утверждать, что судороги афганской монархии как-то отрицательно сказывались на жизни простых пуштунов и хазарейцев, населявших горы Гиндукуша, а также узбеков, таджиков и туркменов, живущих в северных областях страны. Хотя афганцы показали, что могут сплотиться вокруг сильного лидера во имя правого дела, они предпочитали жить так, чтобы их не трогали, безучастные к нуждам центральной власти. И, разумеется, соседние народы, познавшие на себе ужасы афганских мечей, с радостью наблюдали за междоусобными войнами по обе стороны от Гиндукуша.

Глубокая неприязнь, которую испытывали простые афганцы к межплеменному правительству, допускала бесконечное продолжение братоубийственной борьбы в Кабуле — лишь бы это никак не сказывалось на их самодостаточной жизни в различных уголках страны. Начиная с пятнадцатого века, Афганистан в геополитическом смысле все больше терял свое значение для окружающего мира. Многие афганские племена, жившие в труднодоступных горных долинах, пребывали в уверенности, что, если их просто оставить в покое, они и дальше смогут жить, как жили раньше, не обращая внимания на споры по поводу престола или амбиции какого-либо честолюбивого лидера, бушующие за пределами их крохотного обособленного мирка. К началу девятнадцатого века афганские племена начисто забыли об идее единого Афганистана, звучавшей так многообещающе при Ахмад-шахе Дуррани. С началом нового столетия народы Афганистана снова вернулись к родоплеменному правлению, оставаясь в блаженном неведении относительно того, что происходило в окружающем мире.

«БОЛЬШАЯ ИГРА»

Империя Ахмад-шаха Дуррани начала распадаться практически сразу же после его смерти в 1772 году. Тем не менее главная его заслуга состояла в том, что Афганистан прекратил играть роль перепутья для завоевателей и перестал быть лоскутным ковром обособленных областей, расположенным на задворках великих держав. Для внешнего мира, очень плохо представляющего себе, насколько слабо были связаны племена внутри страны, Афганистан занял свое место среди независимых государств. Больше того, слово «афганец» приобрело особое, устрашающее значение у соседних народов, которые даже не думали покушаться на земли рядом с Гиндукушем и заботились лишь о том, как защититься от хищных, воинственных афганских племен. Но вскоре перед Афганистаном встала новая проблема: стране пришлось, преодолевая постоянные внутренние раздоры, отстаивать свою квазинациональную независимость от нападков молодых империй, стремительно набравших силу.

В течение первых пятидесяти лет, прошедших после смерти Ахмад-шаха, когда Афганистан оказался ввергнут в пучину полного хаоса, окружающий мир быстро менялся, и к началу тридцатых годов девятнадцатого века со всех четырех сторон света на страну стали давить четыре могущественные державы. На западе возрожденная Персия отхватила Хорасан, восточную область современного Ирана; на востоке нарождающееся государство сикхов под началом Ранджита Сингха завоевало Пенджаб, в том числе Пешавар, зимнюю столицу афганских монархов. Но главная угроза для Афганистана исходила от государств, с которыми афганцы еще не встречались и о которых вряд ли вообще слышали. Этими государствами, неумолимо

наращивающими силы на севере и на юге, были Россия и Великобритания, две самые могущественные империи Европы, решившие теперь расширить свои владения за счет отсталых, слабых государств Азии.

В первом десятилетии девятнадцатого века самым главным событием в мировой политике стал разгром наполеоновской Франции — успех, для достижения которого пришлось объединить свои усилия практически всем остальным европейским державам. Крах Бонапарта принес больше всего выгоды трем государствам: Пруссии, перед которой наконец открылась дорога к объединению всех германских государств Европы; России, на костях Великой Армии построившей могущественную европейскую державу с надежными западными границами; и Великобритании, которая, организовав поражение Наполеона, по сути дела, полностью устранила своего главного соперника за мировое господство и смогла отныне беспрепятственно удовлетворять свои колониальные амбиции. Как показало развитие событий, объединенная Германия появилась на сцене слишком поздно, чтобы принять участие в Веке колонизации, и сосредоточила все свои честолюбивые притязания на Европе. Однако Великобритания и Россия в Азии двигались курсом на столкновение.

В 1783 году Великобритания лишилась своего главного колониального владения — Америки, в значительной степени вследствие военного вмешательства французов. Но взамен она нашла гораздо более богатые и при этом менее строптивные владения в Индии. Пока еще продолжалась борьба с Наполеоном, англичане провели три войны против союза маратхских княжеств, к тому времени все еще господствовавшего на южной половине полуострова Индостан. В 1803 году генерал Артур Уэллсли под Ассайе одержал, на его взгляд, величайшую в своей карьере победу над войском маратхов, вчетверо превосходящим его армию. В 1815 году он уже как герцог Веллингтон разгромил Наполеона при Ватерлоо. Разделавшись с Бонапартом, англичане наконец смогли отвернуться от притихшей Европы, освобожденной от французской агрессии, и обратить все свои усилия на Восток.

После Наполеона русские также получили новые горизон-

ты для бурной деятельности и помимо возобновления векового конфликта с Османской Турцией возродили мечту Петра Великого о продвижении на юг. Захватив Северный Кавказ, Россия к 1825 году вышла в казахские степи, раскинувшиеся между Каспийским и Аральским морями. На острие ударов, пересекающих бывшее Кипчакское ханство, образовавшееся на обломках Золотой Орды, шли казаки. Дальше к югу лежали пришедшие в полный упадок осколки империи Тамерлана, распавшейся на обособленные, враждующие друг с другом государства со столицами в Хиве, Бухаре и Самарканде. Этими государствами вопреки экзотическим преданиям, ходившим на Западе, правили отличавшиеся средневековой жестокостью деспоты. В начале девятнадцатого века та самая Трансоксиана, которая в свое время доставила столько хлопот Александру Македонскому, раздиралась на части кочевыми племенами туркменов, узбеков и таджиков, грабившими торговые караваны и совершавшими набеги друг на друга. В 1828 году Россия, отразив нападение Персии, присоединила к себе Армению, лежащую за Кавказским хребтом, а в следующем году одержала решающую победу над Турцией и поспешно завершила войну, чтобы безудержный крах Османской империи не образовал вакуум власти, которым не преминула бы воспользоваться Великобритания.

Пока Российская империя неумолимо прокладывала себе силой оружия дорогу на юг, через дикие степи Средней Азии, Британская империя, владычица морей, силой денег прокладывала себе путь на север через культурные земли древней Индии. И действительно, главным двигателем британского завоевания были торговые фирмы, принадлежащие частным акционерам. Неповторимый исторический феномен Достопочтенной Ост-Индской компании можно объяснить лишь феноменом самой Британской империи, возникшей как своеобразный мост от великих морских держав прошлого к нынешним глобальным экономическим империям, таким, как Соединенные Штаты и послевоенные Германия и Япония. Предшествующие завоеватели сначала с боями захватывали новые территории, рассчитывая на последующие экономические приобретения, а англичан в первую очередь интересовала торговля, и к военной силе они прибегали только в случае необходимости. И, поскольку первая

агрессивная империя нового времени представляла собой относительно либеральную, действующую демократию, есть определенная логика в том, что Великобритания завоевывала мир совершенно новыми способами — по крайней мере на первом этапе менее кровавыми, чем те, которыми пользовались ее предшественники.

Разумеется, Ост-Индской компании требовалось обеспечивать безопасность своих предприятий и вводить основанное на законе правление на территориях, до того раздираемых междоусобными войнами или изнывающих под гнетом деспотичных тиранов. В Индии из местных жителей были сформированы особые воинские подразделения сипаев, которыми командовали английские офицеры, прошедшие подготовку в учебном центре компании неподалеку от Лондона. Неизбежно вскоре коммерческие интересы Ост-Индской компании стали учитываться при определении внешней политики Великобритании, и для наблюдения за деятельностью компании был создан Контрольный совет, подчиняющийся правительству. Отныне назначение генерал-губернатора компании должно было получить утверждение монарха, и без одобрения короны он не мог принять ни одно важное решение. Взамен правительство выделяло компании регулярные английские войска в тех случаях, когда та попадала в серьезные затруднения или же когда находила какой-нибудь лакомый кусочек, откусить который ей было не по силам.

Но компания и без посторонней помощи действовала весьма успешно. Невероятно, но к 1832 году несколько тысяч англичан смогли установить эффективный контроль над полуостровом с населением почти сто миллионов человек. Индусы не сумели оказать сколько-нибудь действенное сопротивление; мусульмане-моголы распались на мелкие деспотические княжества, которые уже не могли призывать на помощь агрессивную силу афганских воинов, так как Афганистан к тому времени отрезали от Индии сикхи. Англичане двигались на север и остановились только на границе сикхских владений, где армия Ранджита Сингха, обученная и организованная на европейский манер французскими наемниками, наконец дала им отпор, и они были вынуждены предложить сикхам договор на очень выгодных условиях. Ранджит Сингх, прозванный к тому

времени Лахорским львом¹, скрупулезно соблюдал все пункты договора до самой своей смерти в 1839 году, после чего в 1845 году начались жестокие англо-сикхские войны.

Применяющие новейшие достижения науки (не только в военном деле, но и в медицине), обладающие большей дисциплинированностью и, что далеко не самое последнее, стремящиеся к правлению, основанному на главенстве закона, англичане смогли малой численностью осуществить великие завоевания. Второй важный аспект успешного продвижения британского империализма в Азии заключался в том, что впервые в истории стратегические транзитные пути, проходящие через Афганистан, стали рассматриваться скорее как отрицательный, чем как положительный фактор. Мореплаватели-англичане захватили Индию, не ступив ногой на афганскую территорию, и хотя горные перевалы Афганистана сохранили свое важное значение, теперь они в первую очередь рассматривались как препятствие на пути враждебных держав. В девятнадцатом веке «главный перекресток Азии» приобрел совершенно новое значение — стал буферным государством, закрывающим дорогу на полуостров Индостан, и чем больше Афганистан был изолирован от остальной Азии, тем было лучше.

Прочно закрепившись в Индии — жемчужине британской короны и основном источнике процветания империи, — англичане сосредоточили свое внимание на непрекращающейся экспансии Российской империи. Мало того, что царские крепости и укрепленные пункты настойчиво приближались к Центральной Азии; Персия, расставшись со своими пробританскими симпатиями, превратилась чуть ли не в российский протекторат. Отчасти это произошло потому, что Великобритания отказалась поддержать Персию во время войны 1828 года, тем самым разочаровав Мухаммед-шаха и убедив его в том, что он поставил не на ту лошадь. Новый толчок произошел в следующем году, когда российский посол и сопровождавшая его свита казаков были зверски убиты разъяренной толпой в Тегеране, новой столице Персии². Шах поспешил испукнуть свою вину перед

¹ Вообще-то «сингх» на санскрите как раз и значит «лев».

² Это был знаменитый русский драматург А.С. Грибоедов.

Санкт-Петербургом, отправив в российскую столицу своего внука, который предложил в качестве компенсации броситься на свой меч, то есть убить себя. В результате, как это ни парадоксально, отношения между двумя государствами стали как никогда близкими.

Великобритания ничем не могла остановить российскую волну, грозившую рано или поздно разлиться по бескрайним среднеазиатским степям до берегов Амударьи. Кроме того, англичане оголили свой западный фланг, поссорившись с Персией и толкнув ее в объятия русского медведя. И все же оставалась огромная негостеприимная страна, так кстати раскинувшаяся между степями Средней Азии, Аравийским морем, Персией и Пенджабом, которая могла стать бастионом на пути российских притязаний в Индии. До эпохи расцвета морских сверхдержав Афганистан был торной дорогой; теперь ему предстояло стать барьером. Для министра иностранных дел лорда Пальмерстона в Лондоне, генерал-губернатора лорда Окленда в Калькутте и всего русофобного крыла британского парламента установление контроля над Афганистаном стало первоочередной задачей. В парламенте были слышны возражения; некоторые политики считали, что Британская империя напрягла свои силы до предела, но их голоса заглушали сторонники расширения империи, видевшие в этом благо не только для самих островитян, но и для покоренных народов, которым посчастливилось вкусить британскую цивилизацию. В разгар этих споров на высшем уровне, в мае 1837 года, восемнадцатилетняя девушка стала королевой Англии. Ее звали Викторией, и ее восхождение на престол ознаменовало собой начало новой эры.

Дост Мухаммед, устроившись в Кабуле, в крепости Бала-Гиссар, наслаждался всеми атрибутами монаршей власти. Однако принадлежащие ему земли простирались на север не дальше гор Кохистана, а на юг лишь до города Газни. Племена гильзаев, контролировавшие проходы, ведущие из Кабула в Пенджаб, не нуждались в центральном правительстве и сборщиках податей; дуррани, свободно бродившие на юге и западе, также были полностью довольны местной властью. Если бы Досту

Мухаммеду вздумалось подчинить снова своей монархии города Кандагар, Фаррах и Герат, а также всю территорию к северу от Гиндукуша, ему пришлось бы вырывать их из рук удельных князей и вождей.

За несколько лет до этого Афганистан впервые посетила миссия британского правительства. Ее глава Монтстюарт Эльфинстон записал свои впечатления, звучащие актуально по прошествии почти двух столетий: «Внутреннее самоуправление племен настолько хорошо отвечает требованиям афганцев, что на жизни простых людей никак не сказывается полный паралич королевской власти. Многочисленные сплоченные и сильные духом республики готовы защищать свои труднодоступные территории от тиранов; при этом они постоянно находятся в междоусобных войнах друг с другом».

От внимания Эльфинстона не ускользнуло то, что рельеф Афганистана, изобилующий естественными преградами, способствует раздробленности населения, и он сравнил афганские племена с обособленными кланами шотландских горцев. Сравнение можно также распространить на пастухов Швейцарских Альп, города-государства гористой Греции и различные горные племена, живущие на территории Персидской империи, не обращая никакого внимания на шахские эдикты. Эльфинстон, упомянув также, что афганцы непрерывно воюют между собой, и сравнив их систему правления с безмятежным спокойствием под властью сильного монарха, отметил: «Хотя эта система порождает *мелкие* беспорядки, она является надежной защитой от революционных потрясений и переворотов, которые происходят так часто в деспотических монархиях Азии». Однажды Эльфинстон в споре с одним стариком-горцем попытался указать на преимущества стабильности общества при власти сильного правительства. «Мы терпим разногласия, мы терпим лишения, мы терпим кровь, — ответил старик, — но мы никогда не потерпим хозяина».

Первый англичанин, побывавший в Афганистане с официальной миссией, Эльфинстон отметил такие отрицательные черты характера афганцев, как склонность к зависти и неповиновению, скупость и мстительность. Тем не менее он нашел и много достойного восхищения, в том числе «надменный, воинственный дух», гостеприимство и честность, а также свобо-

долюбие. «Кроме того, они обладают в определенной степени любопытством, — писал Эльфинстон, — что отраднее видеть человеку, привыкшему к безразличию индийцев». Заметив страх афганцев перед опасностью культурной ассимиляции со стороны персов, он сказал, что их отношение к более развитым, хотя и более изнеженным цивилизациям «очень напоминает те чувства, которые мы сами несколько десятилетий назад питали в отношении французов». В заключение Эльфинстон отметил: «Я не знаю в Азии народа, у которого было бы меньше пороков и который был бы менее сластолюбивым и развращенным». И в этом первом британском исследовании Афганистана он суммировал извечную проблему страны: «Есть основания опасаться, что отдельные группы, на которые разделен афганский народ, придерживаются таких прочных принципов разобщенности и отвращения друг к другу, что преодолеть их сможет только сила, которая, хотя и объединит части в единое целое, но в процессе этого сокрушит и сотрет характерные особенности всех составляющих».

Когда англичане только впервые появились в Индии, им сразу же рассказали о внушающем страх афганском войске, которое постоянно вторгалось в Пенджаб под началом Ахмадшаха. В последующие годы разобщенный, ввергнутый в хаос Афганистан как нельзя лучше устраивал англичан; к тому же теперь на севере появилось буферное государство сикхов. Однако сейчас, когда с севера неумолимо приближались русские (по крайней мере в этом убедили себя англичане), потребовалось срочно исправить такое положение дел, когда Афганистан оставался враждебным и раздробленным. В Кабул был направлен специальный посланник британского правительства Александр Бернс, которому предстояло оценить режим Доста Мухаммеда. Возможно, Бернс преувеличил влияние афганского правителя на положение дел в своей стране, но по крайней мере он пришел к выводу, что Дост Мухаммед разбирается в международной жизни значительно лучше эмиров Трансоксианы. Те, по заключению Бернса, посетившего их ранее, были настолько изолированы от окружающего мира, что даже не догадывались о том, что стали анахронизмом. Дост Мухаммед, наблюдавший за развитием событий на Индийском субконтин-

ненте, гораздо лучше представлял себе характер новой эпохи. По всей Индии появлялись британские военные гарнизоны. За английскими войсками, непобедимыми на поле боя, следовали суеотящиеся штатские в цилиндрах и смокингах, неумолимо требовавшие порядка. Индийская армия, набранная из числа местных жителей и вооруженная и обученная по западным стандартам, стала силой, которая еще никогда не угрожала Афганистану с юга, и с этой силой теперь приходилось считаться.

Бернс пришел к выводу, что Дост Мухаммед готов заключить союз с Великобританией, но в первую очередь его беспокоит вопрос возвращения Пешавара, захваченного сикхами. Последовало спешное составление проекта договора, но лорд Окленд, генерал-губернатор Индии, несмотря на настойчивые советы Бернса, не захотел ссориться со своим союзником Ранджитом Сингхом. Рассуждения англичан были таковы: каким бы толковым и сговорчивым ни был Дост Мухаммед, до тех пор, пока афганцы и сикхи будут друг с другом на ножах, англичане не могут поддерживать и тех и других. Поскольку Британская империя уже заключила союз с сикхами — к тому же казавшийся более надежным, — Досту Мухаммеду придется отказать, и он, расстроенный, откроет свою страну для российского влияния.

И как раз в этот момент произошли два события, казалось, подкрепившие худшие опасения англичан.

В ноябре 1837 года тридцатитысячная персидская армия под командованием самого Мухаммед-шаха стремительно прошла через Хорасан и осадила Герат. При армии находились посол царского двора в Персии граф И.О. Симонич и целый полк регулярной российской армии (якобы дезертиры) под командованием польского генерала. Афганская конница попыталась было атаковать неприятеля, но вынуждена была отступить, так как персы вместо того чтобы двигаться вперед бесформенной массой, наступали стройными рядами, согласовывая действия пехоты и артиллерии.

В Герате по-прежнему правил Камран, сумасшедший наследник Ахмад-шаха, однако в действительности вся власть принадлежала его визирю Яр-Мухаммеду, человеку, чья хитрость уступала только его же жестокости. Также весьма кстати

подвернулся двадцатилетний английский офицер Эдред Поттингер, под видом торговца выполнявший разведывательную миссию по заданию Ост-Индской компании. Смыв с лица краску, Поттингер явился к визирю и предложил ему свои услуги, как выяснилось, оказавшие решающее значение для обороны города.

Вторым событием, потрясшим стены кабинетов управления Ост-Индской компании в Калькутте, стало появление в Кабуле российского офицера, привезшего Досту Мухаммеду верительные грамоты от царя. Александр Бернс с присущей ему находчивостью пригласил российского посланника на рождественский ужин, на котором они беседовали на фарси. Но все же Бернс не смог помешать русскому отправиться на прием к Досту Мухаммеду в Бала-Гиссар; не смог он также остановить волну паники, прокатившуюся по Британской Индии при известии о присутствии в Кабуле царского эmissара. Бернс по-прежнему считал афганского монарха сильным правителем и потенциальным союзником Великобритании, но в апреле 1838 года ему, чтобы не испортить карьеру, пришлось ввиду русофобных настроений в британском правительстве покинуть Кабул.

По иронии судьбы российский посланник поручик Виткевич, судя по всему, не справился со своим заданием. По возвращении в Санкт-Петербург он, доложив министру иностранных дел о своей работе, вернулся к себе домой и застрелился¹. Неудача Виткевича явилась слабым утешением Бернсу, который, вернувшись в Индию, застал англичан за приготовлениями к вторжению в Афганистан. В течение двух десятилетий Ост-Индская компания как раз на такой случай содержала в относительном достатке бывшего афганского монарха шаха Шуджу, внука Ахмад-шаха, в городе Лудхиане. И вот теперь англичане решили посадить изгнанника на место Доста Мухаммеда, восстановив династию Дуррани. «Большой игре» в

¹ Формально поручик И.В. Виткевич, адъютант оренбургского губернатора В.А. Перовского, действовал как частное лицо, однако по возвращении в Петербург его принял лично министр иностранных дел России К.В. Нессельроде. Это произошло 30 апреля 1839 года, а 8 мая Виткевич был обнаружен мертвым в номере петербургской гостиницы «Париж». Все привезенные им документы и бумаги пропали. Обстоятельства смерти Виткевича остались невыясненными.

Центральной Азии предстояло перерасти в открытую войну; наградой победителю должна была стать Индия, а полем сражения суждено было быть Афганистану.

Для англичан все началось как грандиозное приключение, «настолько изобилующее обещаниями получить награды и добиться продвижения по службе, — писал современник, — что во всей Индии от края до края не нашлось бы ни одного солдата, готового согласиться с тем, чтобы его не взяли в поход». И действительно, Великая индийская армия получилась крайне неуклюжей и малоэффективной, став расточительным, чисто показным мероприятием, превосходившим в этом отношении все то, что когда-либо выставляла Великобритания — как до, так и после нее.

Армия состояла из подразделений, набранных в Бенгалии и Бомбее (третьим административным районом Индии был Мадрас), а также личного войска шаха Шуджи из шести тысяч набранных и обученных в спешке наемников. Бомбейский отряд в составе 5600 человек приплыл морем до города Карачи в устье Инда, а оттуда отправился вверх по реке на лодках. Бомбейская армия состояла из Колдстримского гвардейского полка, 4-го драгунского полка и 17-го пехотного полка регулярной британской армии, а также 19-го туземного пехотного и Пунского конного полков Ост-Индской компании, с рядовым составом из числа местных жителей и под командованием английских офицеров. Бенгальская армия численностью 9600 человек состояла из 16-го уланского полка и 13-го легкого пехотного полка регулярной британской армии и 43-го туземного пехотного полка, Скиннерского конного отряда и 2-го полка легкой кавалерии Ост-Индской компании.

Армию сопровождали 38 тысяч слуг-индийцев, 30 тысяч верблюдов и даже свора гончих, которую взяли с собой уланы 16-го полка. Одному бригадиру понадобилось шестьдесят верблюдов для перевозки его личных вещей; в штате прислуги генерал-лейтенанта Джона Кина, командующего силами вторжения, числилось 260 человек. По два верблюда выделялись на каждый полк только для перевозки сигар. Каждому офицеру

полагалось по десять слуг, но это правило постоянно нарушалось, и у некоторых молодых лейтенантов было по сорок слуг.

Британские политики и военные надеялись, что в предстоящей кампании сикхи возьмут на себя ведущую роль, но после торжественного совместного парада Бенгальской и Пенджабской армий (во время которого сикхи, к недовольству англичан, произвели грозное впечатление), Ранджит Сингх отказался участвовать в походе. Он не питал никаких иллюзий по поводу опасностей, ждавших завоевателей за перевалами, на крутых склонах афганских гор. Ранджит Сингх сражался с афганцами в Пешаваре, но у него не было ни малейшего желания воевать с ними на их негостеприимной родине. Больше того, он не позволил Индийской армии пройти через Пенджаб. Англичане с радостью согласились вторгнуться в Афганистан дальше к югу, через территорию Синда.

Вероятно, существует прямая связь между расточительным энтузиазмом, который демонстрировали англичане в начале войны, и тем обстоятельством, что они совершенно не представляли себе, с чем именно им придется столкнуться. По пути в Индию англичане все до последнего человека обошли Афганистан стороной, прибыв туда морем. И отсутствие достоверных сведений о таинственной стране, лежащей на севере, для многих восполняли легенды об Александре Македонском, Чингисхане и Тамерлане — все думали только о живописных развалинах и базарах, на которых можно купить по дешевке древние монеты. Англичане собирались открыть мир, закрывшийся для Запада со времен Марко Поло, и, увлеченные такой захватывающей перспективой, совершенно не думали про самих афганцев.

Подготовка Индийской армии потребовала таких непомерных расходов, что вскоре поход начал жить собственной жизнью, несмотря на известия о снятии русскими и персами осады с Герата. После этого отступления, последовавшего за неудачей российской дипломатической миссии в Кабуле, рядом с Достом Мухаммедом не осталось ни одного русского, с кем он смог бы заключить соглашение, даже если бы захотел. Впрочем, история не раз была свидетелем подобного: собранную армию

приходилось использовать, хотя бы для того, чтобы не посрамить ее создателей. Англичане двинулись вперед.

Осада Герата получилась жуткой с самого начала, потому что Яр-Мухаммед в целях устрашения неприятеля приказал выставлять на стены отрубленные головы персов. Персы ответили тем, что стали потрошить внутренности всем пленным афганцам. Затем афганский визирь назначил награду за головы персов, после чего начались всевозможные махинации. Так, один раз Яр-Мухаммед заплатил человеку, который принес два уха. Через некоторое время другой человек принес перепачканную в грязи голову, однако при ближайшем рассмотрении этой головы оказалось, что у нее отсутствуют уши. Скандал разразился еще громче, когда выяснилось, что и голова и уши принадлежат убитому воину-афганцу, защитнику Герата.

После пяти месяцев осады Герат оказался на грани голода, и Яр-Мухаммед приказал старикам, женщинам и детям покинуть город. Персы, не желая облегчить положение защитников, погнали толпу палками назад к крепостным стенам. Но визирь, преисполненный решимости осуществить свой замысел, распорядился открыть по беженцам огонь, чтобы не позволить им вернуться в город. В конце концов персы сжалились над несчастными и пропустили их в окрестные деревни.

Осада Герата затянулась, и российский посол граф Симонич, обескураженный топтанием на месте, решил взять дело в свои руки. По его приказу был предпринят массированный артиллерийский обстрел пяти участков крепостных стен, после чего пехота пошла на приступ. В четырех местах отчаянно сражавшимся афганцам удалось отразить штурм, но в пятом персы пробились в пролом. Яр-Мухаммед и Поттингер, молодой английский офицер, бросились туда, но визирь вдруг потерял мужество и в отчаянии рухнул на колени. Защитники-афганцы, увидев такое поведение своего вождя, начали один за другим обращаться в бегство. Грубо отругав визиря, Поттингер схватил его за руку и поднял с земли. По-видимому, это привело Яр-Мухаммеда в чувство: взяв длинный жезл, визирь бросился в самую гущу — но не персов, а своих собственных бегущих воинов. Объятые ужасом афганцы развернулись и выгнали персов из города и даже преследовали их за городскими стенами.

Но помимо мужества афганских защитников и доблести Поттингера Герат спасла длинная рука Великобритании. В самый разгар голода город, возможно, и открыл бы ворота, но вдруг пошли слухи, что англичане везут в Герат продовольствие из Индии. Как выяснилось, слухи оказались ложными, но они способствовали подъему боевого духа защитников города. Более конкретной помощью стала высадка в июне 1838 года Королевским военно-морским флотом десанта на остров Харг в Персидском заливе (в настоящее время на острове построен крупный нефтеналивной порт). Одновременно с этим в лагерь персидского войска под Гератом был направлен английский офицер с посланием: «Британское правительство рассматривает этот поход, предпринятый Вашим Величеством против афганцев, как враждебный шаг в отношении Британской Индии». Шах вынужден был прекратить агрессию против Герата, в противном случае у него в тылу последовали бы новые действия англичан. Осада была снята, а русские, вдохновившие войну, были посрамлены.

В начале 1839 года Великая индийская армия прошла через Боланский проход, узкое ущелье длиной 55 миль. К тому моменту, как передовые части вышли из прохода у деревни Кветта, обочины вдоль всей дороги были усеяны трупами павших верблюдов и брошенными вещами. Запасы продовольствия подошли к концу. Мало того, что огромный обоз устроил нужды армии, предыдущая зима оказалась в этих краях очень суровой, и найти здесь продовольствие и фуражный корм было очень трудно. Александр Бернс отправился впереди армии, чтобы угрозами или подкупом добиться от местных вождей свободного прохода, а также сообщить о возвращении Шаха Шуджи. Однако власть вождей над своими подданными была чисто номинальной. С самого начала растянувшаяся колонна подвергалась нападениям воинов-белуджей и воров, угонявших скот: эти люди, пережившие ту же самую суровую зиму, восприняли как манну небесную неожиданное появление в своих землях богатых англичан с большими стадами скота.

Когда Бомбейская и Бенгальская армии и отряд Шаха Шуджи встретились у Кветты, на грани полного истощения, вдруг появился предприимчивый Бернс со стадом в десять тысяч ба-

ранов, купленных (баснословно дорого) у одного из местных вождей. Запасшись бараниной, армия двинулась дальше через Ходжакский перевал, узкую дорогу, проходящую по краю обрыва, пересекающую современную границу Афганистана. 25 апреля англичане достигли Кандагара, правитель которого, один из менее энергичных братьев Доста Мухаммеда, тотчас же бежал из города.

Было принято решение дать Шаху Шудже первому войти в Кандагар; изгнанник был встречен с восторгом и почестями. Женщины бросали из окон и с крыш цветы ему под ноги, а мужчины, выстроившиеся вдоль улиц, по которым проезжал Шах Шуджа, кричали приветствия. Уильям Макнатен, назначенный посланником при новом правительстве Афганистана, радостно написал лорду Окленду, что вернувшегося из изгнания эмира встречали «с чувствами, граничащими с экстазом». Однако в последующие дни афганцы начали понимать, что войско Шаха Шуджи состоит из индийских наемников, а поддерживают его воинские части Ост-Индской компании, также набранные из индийцев. А главную роль играют вышколенные английские полки, которых афганцы быстро прозвали «феринги» (это слово имеет значение «иностранец», но только с презрительным оттенком).

Тем не менее воодушевление Макнатена не уменьшалось, и через две недели после вступления в Кандагар был устроен торжественный парад, на котором Шаху Шудже предстояло принимать новые почести. В тени двадцати с лишним тысяч солдат регулярной британской армии затерялись несколько сот афганцев, в основном бедняков, наблюдающих за парадом. Макнатен приписал подобный неблагоприятный оборот событий лени и апатии местного населения, но для остальных присутствовавших на параде вид солдат, стоящих плотными рядами на пустой площади, показался нелепым, если не зловещим.

Оставив в Кандагаре гарнизон, армия двинулась дальше на северо-восток к Кабулу, расположенному в 320 милях дальше по тому наиболее естественному пути вторжения в Афганистан, по которому двигались все захватчики, начиная с Кира Великого и до Бабура. Ожидая встретить впереди труднопроходимые горы, генерал Кин приказал оставить в Кандагаре са-

мые тяжелые орудия — четыре восемнадцатидюймовые пушки. Таким образом, англичан ждало разочарование, когда в конце июня они подошли к Газни, большой крепости, обнесенной стеной, — они даже не предполагали, что в Афганистане имеются подобные укрепления. Непрístupный Газни славился по всей Центральной Азии. До англичан должны были доходить слухи о мощи крепости; но все же они были поражены, когда появились под ее стенами.

В начале тринадцатого века Чингисхан прошелся по обломкам султаната Газневидов, сокрушая все вокруг в отместку за непокорность Джелал-ад-Дина. Но затем последовало возрождение при Тимуридах, а впоследствии Великих Моголах, и за несколько столетий окруженный стенами Газни отстроился, превратившись в одну из самых мощных крепостей в Азии. Построенные на склоне горы, цитадель и две башни Победы имели в высоту до 150 футов, а окружающие их стены были в 60 футов толщиной. Англичане имели шестидюймовые и несколько девятидюймовых полевых пушек, которые не могли выбить в стенах и маленькой шербинки. Крепость обороняли три тысячи афганцев под началом одного из сыновей Доста Мухаммеда. Следующей неприятностью стало сравнение характеристик афганского и английского стрелкового оружия. Афганский «джезаил», фитильный мушкет с очень длинным стволом, по дальности боя значительно превосходил стандартное английское кремневое ружье «браун бесс»¹. Из этого гладкоствольного ружья можно было сделать прицельный выстрел на расстоянии до 50 ярдов, эффективным огонь был на дистанции до 150 ярдов, а дальше оставалось только молиться. Пуля из афганского мушкета, хотя перезаряжать его приходилось гораздо дольше, сохраняла убойную силу на расстоянии до пяти-сот футов. Вооружение английской пехоты было предназначено для ведения залпового огня вблизи; афганские стрелки привыкли поражать цель на гораздо больших расстояниях.

К счастью, в свите Александра Бернса был замечательный кашмирец Мухан Лал, владевший, как и сам Бернс и Макна-

¹ Именно пулей из «джезаила», только во вторую англо-афганскую войну, был ранен доктор Ватсон, биограф Шерлока Холмса. Правда, в переводе она превратилась просто в «ружейную» пулю.

тен, несколькими языками и преуспевший в искусстве интриги. Лал подкупил одного афганца, жителя Газни, и тот сообщил, что все ворота крепости изнутри замурованы кирпичом за исключением одних: Кабульских ворот на севере. Именно через эти ворота штурмовой отряд англичан может ворваться в город.

Когда генерал Кин заканчивал составлять план штурма, отряд конных афганцев, собравшихся на гребне окрестного холма, обрушился на лагерь Шаха Шуджи. Атаку поддержал артиллерийский огонь из крепости. Это были «гази», воины ислама, забывшие межплеменную рознь ради великой цели изгнания неверных с афганской земли. Английской кавалерии и пехоте удалось отбить нападение, при этом было захвачено около пятидесяти афганцев, которых передали Шаху Шудже. Когда эмир осматривал пленных, один гази выхватил кинжал и вонзил его в одного из приближенных Шаха Шуджи. После этого все пленные были немедленно преданы смерти, причем казнь получилась весьма кровавой. Английский офицер, проходивший мимо лагеря эмира, доложил, что люди Шаха Шуджи «развлекаются (ибо палачи действительно смеялись и шутили, находя в своей работе удовольствие), рубя и калеча несчастных пленников своими длинными саблями и кинжалами». Макнатен до этого случая превозносил до небес достоинства эмира — он продолжал делать так и дальше, — однако первый пример того, как обращается со своими подданными Шах Шуджа, произвел на английских солдат и офицеров неприятное впечатление.

В предрассветных сумерках утром 23 июля начался штурм Газни. Отряд саперов под командованием офицера инженерной службы лейтенанта Генри Дюранда заложил под Кабульские ворота триста фунтов пороха, а тем временем с противоположной стороны английская артиллерия открыла огонь по укреплениям, чтобы отвлечь внимание защитников города. За спиной у Дюранда стоял наготове штурмовой отряд под командованием полковника Уильяма Денни, состоящий из рот 2, 13-го и 17-го пехотных полков, а за ними сосредоточились основные силы англичан под командованием бригадного генерала Роберта Сейла по прозвищу Воинственный Боб. Офицеры туземных частей были недовольны тем, что штурмовые силы состоя-

ли исключительно из регулярных британских войск, так как им хотелось показать в деле мастерство сипаев.

Сержант Джон Кларк из 17-го пехотного полка так описал напряжение в ожидании штурма: «Перед тем как перейти подъемный мост, всей армии пришлось залечь. [Неприятельская] артиллерия вела огонь с возвышенных мест и из цитадели; пороховые ракеты, пули и ядра пролетали у нас над головами тучей пчел». При порывистом ветре, который дул у Кабульских ворот, лейтенанту Дюранду пришлось долго мучиться, чтобы запалить фитиль, но после неистовых усилий шнур наконец занялся огнем. Дюранд едва успел отбежать в укрытие, как прогремел мощный взрыв. Капитан Генри Хавелок описал это так: «Массивное ограждение разлетелось на куски и обрушилось вниз грудой кирпича и сломанных балок». Не обращая внимания на то, что темноту усугубило облако непроницаемой пыли, штурмовой отряд полковника Денни устремился в пролом.

Люди Денни с боем прокладывали себе дорогу в центр города — «повсюду слышался лязг сабель о штыки». За ними по пятам следовали солдаты генерала Сейла. В общей суматохе горнист, оказавшийся между двумя отрядами, начал трубить отступление, но один из офицеров схватил его за руку и приказал трубить наступление. Пробравшись в пролом, Сейл столкнулся с афганцем, полоснувшим его саблей по лицу. Оглушив генерала, афганец свалил его на землю ударом рукоятки по голове. Воинственному Бобу пришлось бы совсем плохо, если бы подоспевший английский офицер не пронзил нападавшего саблей. Тем не менее раненый афганец продолжал сражаться до тех пор, пока Сейл не поднялся на ноги и своей саблей «раскроил ему череп от темени до бровей». Сержант Кларк вспоминал: «Мы проникли в крепость лучшим из возможных путей. Первым, кого мы увидели, был генерал Сейл со щекой, расцеченной ударом сабли... Наша рота развернулась кругом и дала залп. Когда дым рассеялся, перед нами не осталось ни одного стоящего. Все были убиты или ранены... После того как мы захватили цитадель, нужно было захватить весь город, и на это ушел остаток дня».

Потери англичан составили 17 убитых и 165 раненых, в то время как афганцы только убитыми потеряли более пятисот человек. Дост Мухаммед был потрясен тем, что англичане ре-

шились штурмовать Газни, и тем, что они взяли его так легко. (Шах Шуджа советовал англичанам обойти крепость стороной.) Эмир отправил из Кабула отряд конницы численностью пять тысяч всадников, чтобы напасть на неприятеля, но, узнав о падении Газни, многие афганцы разбежались по домам. Англичане все ближе подходили к столице, и Дост Мухаммед в бессильном отчаянии наблюдал, как ряды его сторонников тают. Наконец эмир бежал из Кабула в Бамиан, и хотя в погоню за ним был выслан кавалерийский отряд под командованием капитана Джеймса Аутрэма, Досту Мухаммеду удалось перебраться через перевалы Гиндукуша.

7 августа Великая индийская армия подошла к Кабулу. «Здесь нам не пришлось особенно сражаться, — пишет Кларк. — Из крепости по нас было сделано несколько выстрелов из крупнокалиберных орудий, но вскоре огонь прекратился. Нашей армии потребовался целый день, чтобы обойти весь Кабул. Это был большой, красивый город». Капитан Хавелок поддерживает его, вспоминая, что «в долине между горами покуда хватало глаз простирались знаменитые сады Кабула». Шах Шуджа возглавил торжественный марш через город верхом на великолепном белом жеребце, облаченный в платье, украшенное сверкающими драгоценными камнями. Но, как писал английский историк сэра Джон Кэй: «Это шествие напоминало скорее похоронную процессию, чем торжественное вступление монарха в свою столицу». Женщины-афганки украдкой глазели на захватчиков из окон и с крыш домов, мужчины спокойно разглядывали незваных гостей.

Нельзя сказать, что афганцы питали особую враждебность по отношению к Шаху Шудже. Если они и помнили его, то только как принца-неудачника, трижды безуспешно пытавшегося вернуть свой трон. И многие слои афганского общества предпочитали слабого правителя сильному, особенно если он обладал к тому же внушительным личным состоянием и не был склонен усиливать налоговое бремя. Поэтому, когда Великая индийская армия вступила в город с населением в 65 тысяч человек, афганцы смотрели в основном не на Шаха Шуджу, а на стройные ряды английской и сипайской пехоты, кавалерии и артиллерии и сопровождавший их многочисленный обоз.

Английское вторжение в Афганистан оказалось успешным, и вскоре, казалось, последовали новые подтверждения целесообразности этого предприятия. В конце месяца¹ поступили сообщения о новом захватническом шаге русских в Средней Азии. Царские войска численностью, по слухам, сто тысяч человек (на самом деле их было всего пять тысяч) двинулись из города-крепости Оренбурга в сторону Хивы, города в низовьях Амударьи на территории современной Туркмении². В Калькутте вздохнули с облегчением, радуясь, что англичане обозначили свое присутствие в Афганистане до того, как эта непреодолимая сила успела пройти через степи Трансоксианы. В дополнение к английским войскам, уже находящимся в Газни и Кандагаре, новые гарнизоны были размещены в Бамиане на западе, в Джелалабаде на востоке и Чарикаре в области Кохистан к северу от Кабула. Это был первый важный шаг в «Большой игре». Захватив древний Великий шелковый путь, англичане не только опередили русских, но и создали предпосылки для новых завоеваний. Для честолюбивых империалистов этот первый успех британского оружия в правление королевы Виктории ознаменовал новые возможности для расширения сферы влияния в сторону Персии, Трансоксианы и Китая.

После завершения военной миссии в Афганистане (возможно, привлеченные для этой цели силы были чрезмерными) в конце 1839 года основная часть английских войск была отозвана обратно в Индию. В конце концов, необходимо было поддерживать порядок на целом субконтиненте, а афганцы, какими бы грозными они ни казались, не смогли оказать организованного сопротивления.

И все же английских офицеров, известных своей подозрительностью, не покидала тревога. Завоевание Афганистана оказалось слишком легким. В отличие от Индии, где население было издавна приучено к автократическому правлению, к тому же усугубленному кастовым неравенством индуистского общества, афганцы оказались народом более крепким, привыкшим ценить личную свободу. Каждый мужчина постоянно

¹ Русский отряд выступил из Эмбенского укрепления, расположенного к югу от Оренбурга, 14 (26) ноября 1839 года.

² Хива находится в Хорезмской области Узбекистана.

носил при себе оружие, как правило, нечто среднее между ятаганом и кинжалом, которое англичане прозвали «хайберским ножом». Уже один внешний вид афганцев говорил о том, что это прирожденные воины. Англичане основали по всей территории страны форпосты, но вскоре стало ясно, что основные силы афганцев находятся в горах, и с ними еще предстояло столкнуться. Генерал Кин, ставший лордом Кином Газнийским, сказал на прощание лейтенанту Дюранду, отбывавшему из Афганистана: «Могу только поздравить вас с тем, что вы покидаете эту страну, ибо помните мое слово, что вскоре здесь произойдет крупная катастрофа».

Кин во главе Бомбейского отряда Индийской армии по дороге обратно в Индию задержался для того, чтобы отомстить хану Келата, которого винил в препятствиях, якобы чинимых английской армии во время предыдущего перехода через Синд. Келат был взят штурмом, молодой хан погиб; однако главным последствием этого предприятия стала лютая ненависть к англичанам, которая поселилась в сердцах белуджей. Командование английским гарнизоном в Кабуле перешло к генерал-майору сэру Уиллогби Коттону, тучному, рыхлому военному, которому посчастливилось насладиться относительно спокойной зимой 1839/40 года. Шах Шуджа и Макнатен провели холодные месяцы в Джелалабаде, в то время как английские войска в Кабуле были размещены в мощной крепости Бала-Гиссар на восточной окраине города и вокруг нее.

Весной англичане узнали, что поход русской армии на Хиву обернулся полным фиаско. Генерал Петровский¹ надеялся, что пересечь пустыню зимой будет гораздо проще, чем летом; однако свирепые бураны, которые обрушились на его войско, отняли жизни у более чем тысячи человек из пяти тысяч, а также погубили почти всех верблюдов и лошадей. Русские войска были вынуждены развернуться на полдороге и вернуться в Оренбург, так и не сделав ни одного выстрела. Таким образом, русским не удалось проникнуть в Трансоксиану, следовательно

¹ В описываемое время губернатором Оренбурга был генерал-адъютант В.О. Перовский.

но, англичане организовали массированное вторжение в Афганистан, отвечая на воображаемую угрозу.

В апреле Шах Шуджа вернулся в Кабул в сопровождении огромного гарема и многочисленных слуг, после чего встал вопрос о том, где разместить десять тысяч английских солдат, оставшихся в столице. Несомненно, самым мощным укреплением была крепость Бала-Гиссар. Однако, поскольку крепость выполняла функции резиденции афганского эмира, то ради приличия ее следовало уступить двору Шаха Шуджи и его собственным войскам. Макнатен с этим согласился. Одно дело, когда свергнутого эмира восстановили на троне силой английского оружия; совершенно другое, когда английские войска и слуги-индусы поселились у него дома.

Поэтому англичанам пришлось устроить военный городок на северной окраине Кабула, на территории царских садов, в полутора милях от города и в двух с лишним милях от Бала-Гиссара. Абсолютно все историки сходятся во мнении, что выбор места для военного городка стал первой решающей неудачей англичан в этой войне. Лейтенант Винсент Эйр из Бенгальского артиллерийского полка писал: «Наш военный городок в Кабуле, как в части его месторасположения, так и в части инженерных сооружений, следует рассматривать исключительно как позор нашей военной науки». Бригадный генерал Джон Шелтон, прибывший в Кабул после окончания строительства, нашел городок «страшно протяженным — а ров и вал афганцы могли перескочить с легкостью кошки».

Военный городок в плане представлял собой прямоугольник со сторонами две трети мили на треть, с артиллерийскими бастионами по углам. Его земляные валы были высотой по пояс, а ров перед ними увеличивал их высоту вдвое. Проблемы состояли в том, что, во-первых, городок был расположен между двумя грядами холмов, господствующих над округой; далее, окружающая местность, плотно засаженная фруктовыми деревьями, затрудняла ведение прицельного огня; и, наконец, вокруг городка были рассеяны с десятков старых фортов, находившихся в зоне действия «джезаилов» (но не английских ружей). И все же главную проблему создали для себя сами англичане, устроившие продовольственный и интендантский склад

в одном из фортов, «старом, полуразвалившемся сооружении, кишасщем крысами», находящемся довольно далеко за пределами военного городка. Больше того, от запасов продовольствия англичан отделял еще один форт, расположенный как раз между городком и складом.

Так или иначе, на месте нового военного городка закипели строительные работы. Спешно возводились дома и бараки для его обитателей. В течение 1840 года англичане возвели рядом с Кабулом, по сути дела, второй город, с собственной таможней, спортивными площадками и прочими социально-бытовыми сооружениями. Больше всего афганцев интересовал английский ипподром, и время от времени они выставляли своих лошадей для участия в скачках. Они с любопытством глазели на игру в поло, раундерс¹ и крикет, а когда вернулись холода, с изумлением увидели, как англичане легко скользят по замерзшим прудам, используя необычное приспособление: коньки.

Вскоре после устройства военного городка английское командование в целях создания удобств для военнослужащих гарнизона разрешило офицерам и солдатам-сипаям вызвать из Индии свои семьи. Семьи благополучно преодолели Хайберский проход и еще более узкие ущелья по пути из Джелалабада в Кабул, не тронутые афганцами из племени гильзаев, получившими 8000 фунтов стерлингов в год от британской короны за право беспрепятственного прохода через свои земли. Рядовым солдатам регулярной британской армии, не имевшим возможности воссоединиться со своими семьями, приходилось прибегать к услугам индийских проституток, сопровождавших армию, а также тайком пробираться к кабульским женщинам. В военном городке устраивались музыкальные концерты и ставились спектакли, и англичанки, к ужасу афганцев, принимали участие в развлечениях своих мужей.

В Кандагаре английские оккупационные силы придерживались более жесткого режима, отчасти вследствие раздражительного характера генерал-майора Уильяма Нотта, командира гарнизона, отчасти потому, что угроза со стороны афганцев была более реальной. В мае 1840 года колонна англичан из

¹ Английская игра, напоминающая лапту.

1200 человек, направлявшаяся в Газни, была атакована двумя тысячами конных гильзаев. Английские пушки проделали в рядах нападавших солидные бреши, но гильзаем все же удалось обрушиться на левый фланг англичан. Картечь и ружейные залпы не смогли сдержать афганцев, и две атаки были отбиты лишь штыками сипаев. Гильзаи отступили, оставив на поле боя двести человек убитыми, но их воинственность произвела впечатление на англичан, и было очевидно, что они вернутся.

Генерал Нотт решил восстановить старую крепость Калати-Гильзаи, расположенную между Кандагаром и Газни, и разместить в ней гарнизон, что вызвало еще большее недовольство местных жителей. Постоянные волнения на землях белуджей существенно затрудняли сообщение с Индией, поэтому Нотт был вынужден снарядить на юго-восток через Кветту карательную экспедицию. Как только экспедиция вернулась назад, белуджи снова восстали, а англичане к тому же выяснили, что вести боевые действия на территории нынешнего Синда летом невозможно. Европейцы гибли не столько от неприятельского огня, сколько от тепловых ударов.

Посланник Макнатен, остававшийся в Кабуле, все больше беспокоился. Несмотря на возлагавшиеся на Шаха Шуджу надежды, тот не смог завоевать любовь своих подданных, при этом среди афганцев росло недовольство «феринги», которым эмир-изгнанник был обязан своим возвращением. И хотя в самом Афганистане сохранялось относительное спокойствие, повсюду вокруг начались сплошные неприятности. Объятый пожаром восстания Белуджистан отрезал англичанам сообщение с югом. В Герате визирь Яр-Мухаммед завел интриги с персами, указывая им на открытую дорогу до Кандагара. Английские деньги текли рекой в карман визиря, но купить его лояльность не удавалось. На севере эмир Бухары схватил английского эмиссара полковника Чарльза Стоддарта и бросил его в тюрьму, где тот содержался в ужасных условиях. Узбеки и туркмены бесчинствовали на землях между Гиндукушем и Амударьей, не признавая никакого правительства. Самым плохим известием стало то, что после смерти Ранджита Сингха в прошлом году сикхи отвернулись от англичан. В Пешаваре

английские офицеры, обеспечивавшие жизненно важный путь снабжения через Пенджаб, подвергались постоянным нападениям и оскорблениям; Кабул кишел агентами сикхов, которые будоражили и без того недовольные народные массы.

Хотя сикхи больше всех выиграли от английской интервенции в Афганистане, которая вывела из игры их извечных врагов, успех операции их испугал. В самом начале вторжения они выступали союзниками англичан, но теперь, когда Афганистан превратился в английскую колонию, сикхи задумались о том, кто станет следующей жертвой британского империализма. После того как английским войскам и обозам снабжения в течение года позволялось беспрепятственно пересекать Пенджаб, наследники Ранджита Сингха вдруг «узрели письмена на стене». В собственных интересах сикхов было подорвать положение Великобритании в Афганистане, пока они сами не очутились еще в викторианских тисках.

Англичане или кричали во всеуслышание о бездарности Шаха Шуджи, или обвиняли его в измене. Неизвестно, о чем думал в то время сам марионеточный правитель Афганистана, но есть смысл порассуждать на эту тему. Прекрасно сознавая, что свой трон он вернул исключительно благодаря английским штыкам, но понимая при этом, что афганцы не потерпят никаких завоевателей (в особенности неверных), Шах Шуджа вынужден был искать себе других союзников. Поскольку англичане не могли оставаться в Афганистане вечно, эмиру, для того чтобы сохранить свою власть после их ухода, требовалось, как в свое время его деду, заручиться поддержкой племен. А единственный способ добиться сочувствия со стороны дуррани, кзылбашей, гильзаев и даже сикхов заключался в том, чтобы делать вид, будто и сам Шах Шуджа втайне ненавидит англичан и думает только о скорейшем их изгнании из Афганистана. Разумеется, эмир не предполагал, что крах наступит так скоро; а пока англичане были отчаянно нужны ему, чтобы удержаться на троне.

Макнатен, полностью преданный Шаху Шудже, выплескивал переполнявший его гнев на правителей Герата и Пенджаба, которые принимали щедрые выплаты в обмен на помощь, но вместо этого подтачивали позиции англичан в Афганистане,

подобно тому как шакалы кусают льва, попавшего в капкан. Макнатен неоднократно писал лорду Окленду о необходимости захватить силой английского оружия как Герат, так и Пешавар. Это, по его мнению, не только позволило бы избавиться от постоянно висящей опасности и в конечном счете сберечь деньги. У афганцев появились бы основания гордиться Шахом Шуджой, вернувшем утраченные области Дурранийской империи.

Однако лорд Окленд считал, что англичане и без того глубоко завязли в Афганистане, и отвечал отказом. Макнатен написал своему заместителю Роулинсону, английскому представителю в Кандагаре:

«Я прихожу к заключению, что отношение Его Светлости как к Герату, так и к Пенджабу является по сути своей миролюбивым. О! как нам сейчас недостает такого человека как Уэллсли или Гастингс¹... По словам Его Светлости, раз мы поднимаем вопрос о покорении Пешавара или Герата, мы не можем требовать честного сотрудничества со стороны местных властей; таким образом, полностью игнорируется тот факт, что если бы не бесчестие вышеозначенных властей, данный вопрос нами даже не рассматривался бы. К подобной несусветной чуши нельзя относиться иначе, как с презрением».

Но худшее было впереди. В сентябре до англичан дошли сведения о том, что Дост Мухаммед вновь появился на землях к северу от Гиндукуша и собирает новое войско. После своего бегства из Кабула в предыдущем году эмир попытался найти убежище в Бухаре, но местный правитель-самодур Насруллахан бросил его в тюрьму вместе с несчастным полковником Стоддартом. Летом Досту Мухаммеду удалось бежать — якобы он изменил внешность, выкрасив бороду, — после чего он нашел верного союзника в лице вали (правителя) города Хулум в

¹Лорд Гастингс, генерал-губернатор Ост-Индской компании в 1813—1823 годах, сторонник решительных мер: за время его правления английские владения в Индии значительно расширились.

северном Афганистане. Под знамена вернувшегося монарха стали стекаться тысячи узбеков. Испугавшись внезапного прилива волны конных воинов, англичане срочно отозвали свои посты, находившиеся к северу от Гиндукуша, в Бамиан; при этом из Кабула туда же было отправлено подкрепление под командованием полковника Уильяма Денни.

Еще до появления Доста Мухаммеда на территории Кохистана зрели волнения. Макнатен написал о центре области: «Бамиан словно охвачен лихорадкой. Торговцы закрывают свои лавки; люди отсылают семьи из города». Первые сообщения из Бамиана не содержали ничего хорошего. Один из недавно сформированных отрядов войска Шаха Шуджи взбунтовался; большинство воинов перебежало к Досту Мухаммеду. Опасаясь новых предательств, полковник Денни был вынужден распустить весь полк Шаха Шуджи. 18 сентября специальный посланник писал Роулинсону: «Я не могу припомнить, чтобы мне приходилось так страдать и телом и душой... Афганцы представляют из себя порох, а Дост Мухаммед — зажженную спичку».

В тот же день полковник Денни выступил из Бамиана во главе отряда в восемьсот человек. Ему донесли, что прошлой ночью конница бунтовщиков захватила дружественную деревню, и он решил выгнать неприятеля. Вместо этого Денни наткнулся на все войско Доста Мухаммеда, состоявшее из семи тысяч узбеков. Две горные пушки Денни открыли огонь по скоплению вражеской конницы, выбивая ядрами из окрестных скал дождь осколков. Не имея возможности ответить должным образом, узбеки отступили в глубь долины. Англичане бесстрашно двинулись следом за ними, держа орудия на передовой позиции. Увидев, что боевой порядок афганской конницы нарушился, Денни двинул вперед свою кавалерию, вынудив узбеков обратиться в бегство. Англичане, их союзники-афганцы и гуркхи преследовали врага на протяжении четырех миль, изрубив при этом многих. Досту Мухаммеду всего с двумя сотнями человек удалось бежать, если верить Денни, исключительно благодаря резвости его коня.

Напряженность несколько ослабла. Вали Хулума перешел на сторону англичан. Но Кохистан, одно из исконных владений Доста Мухаммеда, продолжал пылать пожаром восстания.

Воинственный Боб Сейл повел свою бригаду в горы и в течение октября захватывал укрепления и сражался с отрядами афганцев, которые придерживались тактики стремительных набегов и уходили от прямого столкновения. Макнатен, по-прежнему встревоженный, назвал Доста Мухаммеда «источником всего зла, беспокоящего страну». Он даже всерьез обдумывал, не пойти ли вопреки всем английским традициям и не заключить ли сделку с врагом? «Оправданно ли назначить награду за голову этого человека?» Слухи о Досте Мухаммеде были хуже правды; свергнутый эмир превратился в химеру, обладающую неведомой силой. Наконец, 2 ноября его обнаружили в плоти и крови.

Кавалерийская колонна афганцев под командованием пятерых английских офицеров двигалась по ущелью Пурвандурра и вдруг наткнулась на Доста Мухаммеда во главе небольшого отряда. Согласно сэру Джону Кэю: «Рядом с ним ехал знаменосец, державший в руках голубой штандарт, в бою обозначающий местонахождение эмира. Приказав знаменосцу следовать за собой, Дост Мухаммед осадил коня, сорвал с головы белое лунги¹, встал в стремях с непокрытой головой перед своими воинами и обратился к ним, призывая именем господ бога и Пророка изгнать проклятых кафи́ров с земли истинной веры».

Противоборствующие стороны медленно двинулись навстречу друг другу, и вдруг, когда их разделяло чуть больше длины сабли, верные англичанам афганцы не выдержали и обратились в бегство. Воины эмира бросились вперед и столкнулись лишь с пятью английскими офицерами, которые дали им решительный отпор. Другие афганцы погнались в погоню за своими убегающими соплеменниками. Из пятерых офицеров трое были убиты и двое ранены. Одного из раненых, обливающегося кровью, лошадь вынесла с поля боя. Командир отряда капитан Джеймс Фрейзер пробился через неприятельские ряды и добрался до своих. Он был несколько раз ранен, а его почти отсеченная кисть болталась на запястье. В глубине доли-

¹ Лунги — вид мужской домашней одежды афганцев, представляющий из себя прямоугольный кусок материи, обмотанный вокруг талии.

ны англичане построили пехоту и подкатили пушки, ожидая новой атаки, но Дост Мухаммед и его маленький отряд гордо проскакали со своим знаменем перед их боевыми порядками и скрылись.

Разумеется, Макнатен, возвращаясь на следующий день с ежедневной конной прогулки в окрестностях Кабула, был очень удивлен, когда к нему приблизился афганец, желавший с ним переговорить. Как оказалось, это был Дост Мухаммед, решивший сдаться. Английское золото, уходящее в основном на подкуп вождей племен, и английское оружие отбили у свергнутого эмира охоту продолжать кочевую жизнь, терзая комариными укусами могущественную империю, отнявшую у него его страну. К большому разочарованию Шаха Шуджи (предлагавшего обезглавить своего соперника), Макнатен обошелся с Достом Мухаммедом с должным уважением. На английских офицеров, неодобрительно взиравших на помпезность и показную роскошь окружения Шаха Шуджи, который копировал порядки двора Людовика Четырнадцатого, произвела благоприятное впечатление мужественная скромность Доста Мухаммеда. Макнатен написал в Калькутту письмо с просьбой обращаться с бывшим эмиром хорошо, заметив: «Мы свергли Доста Мухаммеда, ничем не обидевшего нас, ради наших собственных политических интересов, жертвой которых он стал». Бывшего монарха разместили в том же самом особняке в Лудхиане, который до этого занимал Шах Шуджа, и назначили ему щедрое содержание. Единственным членом царской семьи, который отказался последовать за Достом Мухаммедом в ссылку, был его сын Акбар, остававшийся на свободе где-то к северу от Гиндукуша.

Зима 1840/41 года прошла в Афганистане спокойно, если не считать единственного столкновения в начале января между кандагарской дивизией Нотта и отрядом дуррани. Можно было бы ожидать, что дуррани с радостью встретят замену эмира из племени баракзаев на Шаха Шуджу, внука Ахмад-шаха Дуррани. И действительно, сначала они отнеслись к приходу англичан с большим воодушевлением, надеясь на восстановление своих привилегий. Проблемы начались в ноябре, когда Макна-

тен решил, что положение наконец достаточно стабилизировалось и можно приступить к сбору налогов. Его политический эмиссар в Кандагаре Генри Роулинсон написал об этой задаче, одной «из самых первых бед, обрушившихся на нас», так:

«К несчастью, подданные любого восточного государства, какой бы ни была система правления, подвержены слабости, именуемой «неприязнь к процедуре сбора налогов». В период, о котором идет речь, этот недостаток особенно широко был распространен среди афганцев, так как в течение нескольких лет из-за конвульсий, сотрясавших страну, подати практически не собирались. В провинции Кандагар это еще больше усугублялось теми поспешными обещаниями, которыми разбрасывался Шах Шуджа при своем первом вступлении в западную столицу».

Казалось, в Афганистане одновременно существовали два отдельных британских оккупационных режима: одним в Кабуле управлял замечательный дипломат Макнатен, другим вспыльчивый Нотт в Кандагаре. В сентябре посланник Макнатен строго отчитал Нотта за то, что тот приказал подвергнуть порке людей Шаха Шуджи. Эти люди находились под непосредственным началом сына Шаха Шуджи Тимура, который был уличен командующим кандагарским гарнизоном в том, что притеснял местных жителей. Подобная критика не способствовала усилению любви Нотта к английским «политиканам», и он написал своим родным:

«Они пьют кларет, получают огромное жалованье, повсюду появляются в окружении многочисленной толпы прихлебателей — за все это платит Джон Булль (или, точнее, подневольные крестьяне Индостана)... А тем временем здесь все идет наперекосяк. Народ все больше ненавидит нас, и само слово «англичанин», еще два года назад бывшее синонимом справедливости и чести, теперь превратилось в ругательство... Поведение... политиков разрушило наше дело и обнажило глотки всем европейцам, находящимся в этой стране, перед словами и кинжалами мстительных афганцев

и кровожадных белуджей, и если сюда срочно не будет направлено еще несколько полков, вскоре здесь не останется никого, кто смог бы поведать о гибели своих товарищей. Ничего, кроме силы, не заставит афганцев подчиниться ненавистному Шаху Шудже, несомненно, являющемуся одним из величайших негодяев, когда-либо живших на свете».

На равнинах в окрестностях Кандагара Нотт имел тактическое преимущество над неорганизованными отрядами конных афганцев, которые еще не научились прорывать строй английской пехоты в открытом поле и до сих пор не нашли ответа на английскую артиллерию. Однако в более густонаселенном Кабуле, само географическое положение которого вселяло в сердце клаустрофобию, даже английский военный городок был окружен господствующими холмами, а находящиеся неподалеку горы, разрезанные труднодоступными перевалами, позволяли неприятелю скрытно и быстро накапливать силы. Афганцы с презрением взирали на невысокий земляной вал, опоясывающий городок.

Тем не менее зима 1841 года перешла в весну, и англичане, жившие в Кабуле, учились находить маленькие радости в своем положении. Многие офицеры регулярной британской армии и туземных частей обрели уют в обществе жен и семей. Супруга генерала Сейла Флоренция, после получения Воинственным Бобом рыцарства ставшая леди Сейл, обустроила в военном городке дом со штатом из сорока пяти слуг, уступающий обстановкой и общественным престижем только дому четы Макнатенов. На смену ушедшему в отставку сэру Уиллоуби Коттону прибыл новый главнокомандующий генерал-майор Уильям Джордж Кит Эльфинстон. Генерал Эльфинстон, двоюродный брат выдающегося Монтстюарта, происходил из одного из самых знатных семейств Великобритании. Именно он вел в бой 33-й пехотный полк при Ватерлоо. В Индию Эльфинстона отправили отчасти потому, что жаркий южный климат должен был исцелить его от подагры. В отличие, скажем, от Нотта он был человеком мягкосердечным; недаром Эмили Иден, сестра лорда Окленда, которая знала его с детства, прозвала его Эльфи-беем. Принимая командование британскими силами,

Эльфинстон получил от Коттона заверения в том, что «здесь вам ничего делать не придется. Повсюду мир и спокойствие».

Между тем оккупация продолжалась, и семена афганской враждебности прорастали, образуя целые поля недовольства. Налоги, установленные Шахом Шуджой, были плохи уже сами по себе, но еще хуже было то, что сборщиков податей охраняли британские штыки. Вина за жестокости и беззакония, творимые слугами эмира, автоматически переносилась на его английских друзей. Когда англичане из благих побуждений передавали жалобы простых граждан приближенным эмира, те наказывали самих просителей. Кроме того, присутствие иностранной армии, поддерживающей монарха, нарушило хрупкое равновесие, лежавшее в основе предшествовавшей системы управления Афганистана. Вожди племен, которые раньше поддерживали эмира, выделяли воинов и обеспечивали порядок на своих землях, теперь оказались не у дел. Их обязанности перешли отныне к англичанам, сипаям и гуркхам. Едва ступив на землю Афганистана, Макнатен принялся щедрой рукой распределять дары во все стороны: гильзаям, афридиям и всем остальным племенам, занимающим важные в стратегическом отношении территории. И тем не менее непривычное ощущение ненужности, охватившее племена, в сочетании с новыми налогами и тем обстоятельством, что руками Шаха Шуджи и его ближайшего окружения страной, несомненно, управляли неверные христиане и индусы, способствовало нагнетанию обстановки. С каждым днем росло число гази, воинов веры, забывших о межплеменной розни, ведомых муллами на джихад, священную войну против неверных.

Хотя в Кабуле англичанам удалось завести немногочисленных друзей своей открытой натурой и взвешенным поведением, помимо своей воли они приобрели также не меньшее количество врагов. Вследствие растущих потребностей военного городка в городе значительно выросли цены на продовольствие. Начались разговоры, что кабульские купцы единственные, кому оккупация пошла на пользу, так как значение вождей племен упало, а бедняки теперь не могли вообще сводить концы с концами. Торговцы продовольствием, рассчитывая, судя по всему, на безграничные кошельки иностранцев, придерживали

товар, добиваясь взлета цен. Кроме того, существовала проблема холостых английских офицеров, не имевших возможности скрасить свободное время в обществе жен. Бытовало распространённое мнение, что мужчины-афганцы не уделяют должного внимания своим женщинам, и многие англичане поторопились исправить подобное положение дел. Кэй мрачно отмечал: «Наши английские офицеры даже не пытались устоять перед самыми запретными соблазнами. Они не знали, как отказать привлекательным женщинам Кабула». Разумеется, мужчины-афганцы кипели, наблюдая подобное. Говорят, Александр Бернс, кабульский резидент, занимавшийся решением политических вопросов, по своим собственным словам, ведший в то время жизнь «высокооплачиваемого бездельника», был одним из самых любвеобильных донжуанов из числа «феринги».

На юге генерал Нотт продолжал вести войну на оба фронта против гильзаев и дуррани, раз за разом побеждая их в решающих сражениях, но при этом все более убеждаясь в том, что война эта будет бесконечной. В Кабуле к донесениям Роулинсона из Кандагара относились очень неодобрительно, и в конце концов Макнатен написал в ответ: «Нам хватает своих трудностей и своих пессимистов, и незачем увеличивать их число до бесконечности». Он полагал, что выступления воинственных афганских племен являются делом обычным, а военные на юге настроены чересчур пессимистически. И действительно, людям Нотта удавалось сдерживать натиск племен. После серии побед оставался единственный крупный вождь дуррани, в котором Нотт видел своего последнего серьезного противника. Он лично возглавил охоту на этого вождя. Согласно Роулинсону:

«Единственным «непримиримым» оставался Акрумхан, против которого оказались бессильны как посулы, так и угрозы. Поимка этой персоны была признана задачей величайшей важности. Поэтому одного из сородичей Акрумхана удалось уговорить открыть его местонахождение, и несчастный вождь дуррани был застигнут врасплох и схвачен. Нотт доставил его в Кандагар, где после консультаций с посланником и марионеточным монархом Акрумхан был казнен, разорванный выстрелом из орудия».

Наконец в районе Кандагара установилось спокойствие, подтверждающее неослабевающий оптимизм, с которым Макнатен все лето бомбардировал донесениями свое начальство в Калькутте. Он написал: «Полагаю, наши перспективы самые радужные: обладая теми ресурсами, которые есть в нашем распоряжении, управлять страной будет совсем нетрудно. Здешний народ — это идеальные дети, и как с таковыми с ними и следует обращаться. Если поставить одного непослушного ребенка в угол, остальных охватит ужас».

20 августа 1841 года Макнатен написал свое знаменитое письмо, в котором вкратце изложено свое видение успеха, выпавшего в Афганистане на долю Британской империи, а также Шаха Шуджи:

«Дуррани хотят получить еще одну взбучку, после чего они признают бесплодность сопротивления нашим действиям... Все племя гильзаев покорилось практически без единого удара... Те, кто был знаком со страной, когда ею управляли баракзаи, поражены произошедшими метаморфозами, причем бескровными. Предшествующие правители постоянно воевали из года в год со своими подданными... Эмир непопулярен среди ханов дуррани, и это наших рук дело, так как мы решительно отстранили ханов от дел, отобрав у них военную силу, которую они не умели использовать, и взяли ее в свои руки. Среди всех остальных классов населения Его Величество определенно пользуется заслуженной любовью, а ханы настолько омерзительны, что о них не стоит даже и думать... Во всей стране от Дана до Беершебы царит полное спокойствие».

Макнатен был убежден, что его усилия будут вознаграждены миром и спокойствием в Афганистане, даже если достичь этого сможет только его сила воли. Оставалось чуть больше четырех месяцев до того момента, когда его обезглавленное, изуродованное тело будет повешено на крюке у входа на кабульский базар.

ТРИУМФ ПЛЕМЕН

В сентябре 1841 года в Афганистане больше всего активности проявляли честолюбивые британские политики. Уильям Макнатен узнал, что он назначен губернатором Бомбея — это огромное продвижение по служебной лестнице было достойной наградой за его трудную работу посланником при дворе Шаха Шуджи. Александр Бернс, британский резидент в Кабуле, имел все основания быть назначенным следующим посланником. Генерал Эльфинстон добился осуществления своей самой сокровенной мечты — его наконец освободили от командования оккупационными силами. Уже страдавший тяжелой формой артрита, престарелый генерал был разбит ревматизмом с того самого момента, как только вступил на землю Афганистана, поэтому он передвигался с большим трудом. Кроме того, генерал по своей натуре абсолютно не умел самостоятельно принимать решения — этот недостаток заслуживал бы более жесткой критики, если бы Эльфи-бей не был первым, кто признавал его. «Если что-то случится, я окажусь неготов к этому, — признался Эльфинстон одному из офицеров. — Я слаб телом и духом, и я неоднократно предупреждал об этом лорда Окленда».

Общее командование британскими войсками должно было перейти к генералу Нотту. Этот шаг был призван хоть отчасти смягчить недовольство генерала, считавшего, что поскольку он служил Ост-Индской компании, а не британской королеве, его постоянно обходили в чинах и наградах. Вспыльчивый характер Нотта, граничивший с открытым бунтарством, никак не способствовал завоеванию расположения начальства. Бригаде генерала Сейла, в том числе 13-му легкому пехотному полку, предстояло покинуть Афганистан, хотя леди Сейл вряд ли где бы то ни было чувствовала себя так же уютно, как в своем просторном доме с английским садом, разбитым в военном городке.

После ухода Сейла командование кабульским гарнизоном перешло к полковнику Джону Шелтону, резкому, суровому солдату, потерявшему руку в Испании во времена наполеоновских войн. Шелтон прибыл в Афганистан в качестве командира 44-го пехотного полка. Несколькими десятилетиями раньше этот полк печально прославился в Америке под Брайдоком, где он был практически полностью уничтожен французами и индейцами¹. Эдред Поттингер, герой Герата, прибыл в Афганистан после непродолжительного отдыха в Калькутте и был назначен политическим агентом в Кохистан. Он был единственным, кто видел происходящее в стране в черных тонах. После первого месяца пребывания в Афганистане Поттингер счел необходимым доложить Макнатену о признаках крупного восстания, зреющего в горах к северу от Кабула. Но, разумеется, в тот момент посланник не имел желания выслушивать «нытиков» и просто отослал Поттингера назад к месту назначения.

Ввиду отсутствия вооруженных действий в Афганистане главная проблема заключалась в нарастающем давлении со стороны как Калькутты, так и Лондона с требованием урезать расходы на оккупацию, значительно превышающие миллион фунтов в год. Макнатен был уверен в том, что справится с расходами; его больше всего тревожила неизбежность падения правительства вигов в Англии, так как консерваторы всегда очень неодобрительно относились ко всей афганской операции. Он написал своему другу:

«Все больше доходит слухов о том, что намереваются предпринять в отношении Афганистана тори, когда придут к власти. Если они примут решение полностью лишить Шаха Шуджу нашей поддержки, я без колебаний заявлю, что этим будет совершена беспрецедентная грубейшая политическая ошибка... Если бы мы, возведя Шаха Шуджу на трон, предоставили его самому себе, это было бы совершенно иное дело. Он воспользовался бы восточными методами

¹ Брайдок, город на юго-западе штата Пенсильвания, юго-восточный пригород Питтсбурга. В 1755 году английский отряд под командованием полковника Брайдока потерпел здесь поражение от французов и их союзников-индейцев.

укрепления своей власти. Однако мы настояли на том, чтобы он действовал в соответствии с европейскими понятиями о политике, и сохранили жизнь всем его врагам — которые сейчас бессильны лишь вследствие нашего присутствия в стране».

И действительно, англичане не позволяли Шаху Шудже для укрепления своего положения ослеплять соперников в борьбе за престол и тем более совершать политические убийства (последнее особенно хорошо получалось у Доста Мухаммеда). Также он не имел возможности опираться на союзы племен; вместо этого ему приходилось надеяться на британские представления об управлении и силу британского оружия. Проблема, стоявшая перед Великобританией, чем-то напоминала ту, с которой через сто с лишним лет пришлось столкнуться во Вьетнаме Соединенным Штатам, где из самых лучших побуждений также было создано искусственное государственное образование, вырванное из окружающей обстановки. Но вскоре встал вопрос: или продолжать поддерживать новый режим до бесконечности, или бросить Шаха Шуджу на произвол судьбы, предоставив самому себе, причем в этом случае последствия были бы самыми страшными. Макнатен в своем письме от 25 сентября неустанно выступал за дальнейшую поддержку:

«По прошествии нескольких лет, когда нынешнее поколение буйствующих интриганов сойдет со сцены, задача наша станет сравнительно простой. Уже сейчас нельзя не восхищаться нашим прогрессом... на пути к миру. Монархи династии Дуррани ладили с непокорными племенами тем, что водили их в завоевательные походы на соседние державы. Правители династии Барукзаев держали их в повиновении, делясь властью с некоторыми из них и сея семена раздора среди остальных посредством самых грязных и непростительных уловок и приемов... Я тоже прилагаю все силы для сокращения наших расходов; убежден, что в самом ближайшем будущем вышеозначенной суммы [300 000 фунтов в год] будет достаточно для всех наших нужд».

Один из способов сокращения расходов состоял в том, чтобы сократить численность английских оккупационных войск в Афганистане; второй — в том, чтобы урезать дотации, которые выплачивались племенам за их невмешательство. Макнатен пошел на частичное перекрытие денежных потоков, текущих племенам, с тяжелым сердцем, так как спокойствие было еще слишком шатким. Однако он считал своим долгом оставить после себя страну, в которой не только царили бы мир и порядок, но которая была бы также привлекательна для купцов Ост-Индской компании. Макнатен устроил встречу с вождями племен гильзаев, населявших восточные районы Афганистана, и объявил им о сокращении ежегодных выплат вдвое.

Гильзаам уже много столетий платили за аренду их самого главного достояния — перевалов, ведущих в Индию; это началось по крайней мере при Бабуре, а может быть, восходило еще к Дарию I. Именно гильзаи обеспечивали поддержку опального Шаха Шуджи все те годы, пока он находился в изгнании. С началом английского вторжения в Афганистан они, сложив руки на груди, смотрели на нескончаемые караваны с продовольствием, снаряжением, солдатами, семьями английских офицеров и почтой, беспрепятственно идущие через их владения. Выслушав сообщение Макнатена, вожди гильзаев равнодушно кивнули и вернулись в свои горы. Два дня спустя гильзаи напали на английский караван, шедший из Индии, и разграбили его. Таким образом, жизненная артерия, связывавшая английские оккупационные силы в Афганистане с Индией, оказалась перерезана.

Макнатен был очень раздосадован этим инцидентом, случившимся непосредственно перед его отбытием в Бомбей. К счастью, как раз в это время бригаде Сейла предстояло покинуть Кабул и отправиться в Индию, и она могла попутно пробить дорогу через перевалы, вселив в гильзаев надлежащее уважение к закону и центральной власти. Посланник написал:

«Восточные племена гильзаев подняли бучу из-за сокращения выплат, которые мы им производили. Мошенникам удалось полностью отрезать все наши пути сообщения, по крайней мере на какое-то время, и это в настоящий мо-

мент выводит меня из себя; однако им воздастся сполна за их козни... Я оставляю с Бернсом документ с подробным изложением необходимых мер. Уверен, после моего отъезда в стране сохранится спокойствие, если не считать гильзаев, населяющих районы между нами [Кабулом] и Джелалабадом, но я надеюсь усмирить их воинственный пыл по дороге туда, а то и раньше».

9 октября 35-й туземный пехотный полк (сипаи) под командованием полковника Томаса Монтита выступил в качестве авангарда к перевалам. Во время первой же ночной остановки гильзаи совершили нападение на лагерь, убив и ранив двадцать пять человек. За авангардом с главными силами последовал Сейл, и к двенадцатому октября вся бригада вступила в бой за узкий Хурд-Кабульский перевал, находящийся в пятнадцати милях от столицы. Устроившись за скалами на горных склонах, гильзаи вели смертоносный огонь из «джезаилов». «Воинственный Боб», неизменно бросавшийся в самую гущу сражения как простой сержант и поэтому редко выходящий из боя без новой раны, во время первой же атаки получил афганскую пулю в лодыжку. Подразделения 13-го легкого пехотного полка британской армии и 35-го туземного пехотного полка вынуждены были карабкаться по практически отвесным склонам, чтобы сбить нападавших. 35-й полк разбил лагерь сразу после выхода из ущелья и в следующую же ночь снова подвергся нападению гильзаев. По-видимому, кто-то из афганцев из конного отряда, состоявшего на службе у Шаха Шуджи, провел нападавших в лагерь. Англичане потеряли убитыми офицера и нескольких солдат.

Дождавшись возвращения отдельных подразделений, высланных к Джармату, Сейл собрал всю бригаду и с боем продолжил дорогу через Хурд-Кабульский перевал, дойдя до селения Тезин. Там политический посланник капитан Дж. Х. Макгрегор провел новую встречу с вождями гильзаев. Те потребовали восстановления выплат в прежнем объеме; Макгрегор согласился, однако в данный момент смог выплатить лишь часть всей суммы, 10 000 рупий (1000 фунтов). Тем временем события принимали зловещий оборот. Бригада Сейла, которая дви-

нулась дальше, на перевале за селением Джегдалек подверглась новым нападениям афганцев. Или вожди гильзаев вероломно нарушили данное слово, или же они просто не контролировали своих людей.

Этот перевал представляет собой трудный подъем на протяжении трех миль, стиснутый с обеих сторон высокими скалами, а затем более легкий спуск в долину. Замысел Сейла состоял в том, чтобы основными силами очистить перевал и ждать в верхней точке подхода обоза, после чего спускаться вниз. Однако передовой отряд, попав под сильный огонь, в панике поспешил покинуть перевал, поэтому основной удар гильзаев пришелся как раз на появившийся в это время в ущелье обоз. Засевшие на склонах стрелки вели огонь по плотному скоплению англичан, а толпы афганцев, размахивавших кривыми саблями, преследовали отступавших буквально по пятам. Согласно рассказу одного из участников перехода: «Во время этого кошмара всех раненых, которые не могли передвигаться самостоятельно, приходилось бросать; преследовавшие нас враги тотчас же облепляли несчастных со всех сторон». Джордж Бродфут, командовавший саперным батальоном сипаев, замыкал арьергард с небольшим отрядом своих людей. «Нам пришлось изрядно потрудиться, — писал он, — но горстка саперов спасла несколько сот человек, в основном европейцев, от полного уничтожения афганцами!» Бродфут приказал идти в штыковую атаку, но, когда его солдаты обрушились на неприятеля, он обнаружил, что следом за ним идут лишь три офицера и шестеро солдат. Из остальной пехоты «лишь немногие пошли вперед, но и те остановились на полдороге, опасаясь вступить в рукопашную схватку с противником, который добивал наших раненых!» И тем не менее бесстрашной горстке Бродфута удалось предотвратить катастрофу. Бригада Сейла потеряла на этом перевале 120 человек, что довело общую численность потерь с момента выхода из Кабула до 300 человек.

Из Кохистана Поттингер докладывал о неудержимой волне возмущения, поднимающейся в провинции, и высказывал опасения по поводу ожидаемого со дня на день нападения на Чарикар, где располагался его полк. Макнатен как-то заметил, что «стоит убить одного из этих бродяг, как на его место сразу

же приходит другой; и мы должны радоваться этому. Едва мы успеваем подавить одно восстание, как начинается новое». В ответ на донесение Поттингера он написал: «Не сомневаюсь, что буря утихнет, как только станет известно о решении вопроса с гильзаями». Тем временем остававшиеся в Кабуле каждый день видели, как вооруженные всадники, в том числе и из войска Шаха Шуджи, покидают город, чтобы принять участие в сражении с бригадой Сейла, направлявшейся в Джелалабад.

К 1 ноября Сейл вывел свою бригаду к Гандамаку. Это селение, окруженное со всех сторон горами, все же находилось за пределами узких темных ущелий, которые позволяли афганцам вести огонь по английским войскам, оставаясь невидимыми среди скал. Сейл отправил 37-й туземный пехотный полк обратно в Кабул, чтобы сопровождать новую колонну, в составе которой должны были находиться Макнатен, генерал Эльфинстон и леди Сейл. Бригада Сейла не была обременена чрезмерно раздутым обозом, а такие офицеры, как Монтит, Денни, Бродфут и молодой Генри Хавелок, по праву могли считаться героями Викторианской эпохи. Бродфут написал о последнем: «У нас в моде насмеяться над ним», однако, на его личный взгляд, Хавелок был «храбрым до невозможности и при этом невозмутимо хладнокровным. На свое ремесло он смотрел как на науку, и, насколько я могу судить, он был прав в подобном подходе». Такие офицеры оказались бы незаменимыми, если бы остались в Кабуле. Но теперь Сейл со своими войсками был отделен от столицы горными перевалами, занятыми гильзаями.

В тот же день в Кабуле состоялась тайная встреча вождей племен. Предводительствовали на ней Абдулла-хан и Аманулла-хан. На встрече было принято решение изгнать неверных из Афганистана. Уже вечером кашмирский шпион Мухан Лал прибыл в британскую резиденцию, расположенную в центре города, чтобы предупредить Александра Бернса об опасности. Всю ночь с подобными предостережениями приходили афганцы, сочувствовавшие англичанам, в том числе визирь Шаха Шуджи. Бернс высокомерно отмахнулся от всех предупреждений. Он только что поздравил Макнатена с предстоящим отбытием в Бомбей, упомянув при этом про период «полного спокойствия», установившегося усилиями посланника. После таких

славословий было бы глупо бежать из собственной резиденции. Кроме того, если бы Макнатен решил, что до полного спокойствия в Афганистане еще далеко, он мог бы отложить свой отъезд, а это, в свою очередь, отсрочило бы назначение самого Бернса на должность посланника. (Со своей стороны, Макнатен был недоволен беспорядками среди гильзаев, так как опасался, что после его отбытия в Индию Бернс припишет себе все заслуги в разрешении кризиса.)

На рассвете 2 ноября 1841 года толпа афганцев окружила обнесенное стенами здание британской резиденции. По соседству с резиденцией находился дом капитана Джонсона, казначея войск Шаха Шуджи, из соображений удобства хранившего кассу в своем жилище. Первоначально толпа насчитывала человек триста, но за несколько часов разрослась до огромных размеров. Бернс выходил на балкон резиденции и пытался образумить афганцев, но тщетно. В конце концов ему, его младшему брату Чарльзу и Уильяму Бродфуту, младшему брату Джорджа Бродфута, пришлось вместе с охраной из сипаев численностью тринадцать человек взяться за оружие. В соседнем здании тридцать человек капитана Джонсона также были вынуждены вступить в бой с толпой. Сам Джонсон эту ночь провел в военном городке.

В английском военном городке, расположенном в двух милях от города, были слышны выстрелы и виден дым пожаров, разгоравшихся вокруг резиденции. Рано утром Макнатен получил донесение от Бернса, в котором тот выражал уверенность в том, что сможет уладить все своими силами. Растерявшийся Эльфинстон бездействовал, ожидая указаний от посланника.

Как оказалось, единственным, кто предпринял какие-то шаги по усмирению бунта, был Шах Шуджа, отправивший свой лучший полк из крепости Бала-Гиссар по узким улочкам города к британской резиденции. Этот отряд под командованием Уильяма Кэмпбелла, шотландского наемника, долго жившего в Индии, захватил с собой две пушки для того, чтобы прокладывать дорогу через толпы восставших. Однако после кровавых уличных боев полк был вынужден отступить назад в Бала-Гиссар, потеряв двести человек убитыми и ранеными. Пушки были брошены у самых ворот крепости, но яростный артиллерийский огонь с крепостных стен не позволял бунтов-

щикам забрать их. В военном городке не было предпринято никаких мер по оказанию помощи резиденции, но полковник Шелтон получил приказ двинуться к Бала-Гиссару, куда он поспедел как раз, чтобы прикрыть отступление Кэмпбелла. Лейтенант Стерт, зять леди Сейл, был отправлен к Шаху Шудже для координации действий, однако, как только он вошел во дворец, его трижды пырнул ножом какой-то афганец, которому затем удалось ускользнуть.

В резиденции тем временем завязался настоящий бой. Уильям Бродфут был убит выстрелом в грудь после того, как лично расправился с шестерыми нападавшими. Ровно год назад его брат погиб в стычке в долине Пурвандурра, последнем бою Доста Мухаммеда. Большинство источников сходятся в том, что проникший в резиденцию незнакомец, выходец из Кашмира, убедил Александра Бернса и его брата переодеться в восточные одежды и бежать. Однако, как только братья Бернсы оказались на улице, кашмирец завопил: «Вот Искандер Бернс!» Набросившаяся на братьев толпа в буквальном смысле разорвала их на части. Все сипаи, остававшиеся в резиденции, были перебиты, как и охрана, слуги, женщины и дети, находившиеся в доме капитана Джонсона. Нападавшие разграбили казну, в которой насчитывалось 17 000 фунтов наличными.

Поскольку толпе потребовалось пять часов на то, чтобы уничтожить резиденцию, всего в получасе от которой находилась вся британская армия, в последующие годы не было недостатка в полемике по поводу этого. Артиллерийский офицер Винсент Эйр писал: «Первоначально речь шла не более чем о незначительных беспорядках, устроенных несколькими отъявленными смутьянами. Армия должна была незамедлительно дать самый решительный отпор и подавить беспорядки в зародыше».

С другой стороны, узкие улицы Кабула, окруженные домами с плоскими крышами, создавали очень сложные условия для действия британской армии. Англичане не имели бы возможности вести прицельный огонь, так как поле зрения ограничивалось тридцатью ярдами, у них отсутствовало бы пространство для маневра, в то время как им самим приходилось бы постоянно выдерживать нападения с самых неожиданных направлений, в том числе и сверху. Не следует забывать, что

полк Шаха Шуджи под командованием Кэмпбелла потерпел сокрушительное поражение, запутавшись в лабиринте улиц. В поддержку удара в сторону центра Кабула можно сказать лишь то, что сочетанием редкого героизма и свирепости англичанам, возможно, удалось бы устроить афганцев, вынудив их отказаться от продолжения борьбы. Однако скорее всего британские полки, застрявшие в узких улочках, были бы беспощадно перебиты, что лишь способствовало бы дальнейшему разжиганию пожара восстания, при этом многократно возросли бы потери, которых как раз и хотелось бы избежать.

В последующие несколько недель англичанам неоднократно предоставлялась возможность доказать свое военное превосходство на местности вокруг военного городка, более подходящей для открытого сражения, но и здесь они потерпели полное поражение. Утверждение о том, что английским войскам удалось бы проложить дорогу до центра Кабула и усмирить восстание, в лучшем случае остается под большим вопросом. Несомненно, Александр Бернс, неоднократно предупрежденный о готовящихся беспорядках, должен был покинуть резиденцию до нападения, как бы отрицательно это ни отразилось на его карьере. Вместо того чтобы ставить генерала Эльфинстона перед дилеммой, Бернсу следовало бы вселить в него твердую убежденность в том, что англичане должны сражаться с неприятелем там и тогда, где и когда считают нужным. Ну а сожжение брошенной резиденции стало бы неубедительным началом бунта.

Вместо этого разорение британской резиденции ознаменовало для афганцев триумфальное начало общенационального выступления. Остальные английские офицеры, квартировавшиеся в городе, вынуждены были спешно бежать в военный городок. Семейство капитана Тревора сопровождали сипаи, один из которых потерял руку, отражая удар, предназначавшийся супруге его командира. Афганские всадники перекрыли все пути сообщения между городом и военным городком железной рукой сабель и мушкетов. Тысячи повстанцев, прибывших с севера (англичане называли их «кохистанцами»), взяли военный городок в кольцо осады. Генерал Эльфинстон не знал, что делать. Он написал Макнатену:

«Перед нами стоит трудная дилемма. Шелтон, если получит завтра подкрепления, несомненно, сможет двумя колоннами проложить дорогу к Лахорским воротам, захватить их и двигаться дальше. Но даже если это и будет осуществлено, чего мы добьемся? Осуществить это можно только с очень большими потерями, поскольку наши солдаты будут всю дорогу находиться под ружейным огнем с крыш домов... Похоже, войти в город мы сможем только для того, чтобы затем возвращаться назад... Надо подождать, что принесет утро, и лишь затем думать, что делать дальше. Захват всех домов, расположенных рядом с воротами, даст нам контроль над городом, но мы не располагаем силами для подобной обширной операции».

Вскоре после этого глубоко пессимистического признания в положении англичан произошло некоторое улучшение. На следующий день в три часа ночи в военный городок вошел 37-й туземный пехотный полк, отправленный назад Сейлом. Однако с рассветом англичанам пришлось начать платить за собственную величайшую глупость, состоявшую в том, что склады были устроены далеко за пределами военного городка. Мало того, что склады были расположены больше чем в четырехстах ярдах в сторону города; между ними и военным городком находился другой форт, Мухамед-Шариф. Афганцы захватили этот форт, отрезав военный городок от запасов продовольствия. Сами склады обороняли пятьдесят сипаев под командованием лейтенанта Уоррена, которым пришлось отражать непрерывные атаки афганцев. Неся потери и видя, что афганцы готовят лестницы и собираются штурмовать стены, Уоррен прислал полное отчаяния донесение, в котором говорил, что долго не продержится. Четвертого ноября Эльфинстон приказал двум ротам 44-го пехотного полка вывести гарнизон складов. Однако ему напомнили, что осажденным по-прежнему будут нужны запасы продовольствия, и генерал спешно изменил свое приказание, распорядившись, наоборот, усилить защиту складов. Так или иначе, солдаты 44-го полка, попав под перекрестный огонь, в первую очередь, со стороны афганцев, которые засели в форте Мухамед-Шариф и вели огонь через бойницы, вынуждены были отступить обратно в военный городок.

После новых отчаянных донесений лейтенанта Уоррена было принято решение ночью взять приступом форт Мухамед-Шариф, после чего усилить оборону складов. Разведчик доложил, что в форте находится около тридцати афганцев, сидящих у ворот, и нет никаких указаний на то, что внутри есть кто-то еще. Уоррен, чьи люди по одному — по двое под покровом темноты перебежали в военный городок, получил заверения, что к двум часам ночи к нему придет подкрепление. К несчастью, произошла непредвиденная заминка, и в четыре часа утра, когда английский отряд еще только собирался выступить на штурм форта Мухамед-Шариф, в военный городок вошли лейтенант Уоррен со всеми оставшимися людьми. Им удалось незаметно покинуть бастион, в котором были устроены склады, через пролом в стене, пока афганцы подожгли главные ворота. На рассвете англичане увидели огромную толпу афганцев, окруживших склады и растаскивавших охапками продовольствие и медикаменты. По выражению одного очевидца, это напоминало копошащийся муравейник. Шах Шуджа, наблюдавший за происходящим в подзорную трубу с башни Бала-Гиссара, сказал: «Должно быть, англичане сошли с ума». Английским солдатам, на глазах у которых грабили запасы продовольствия на зиму, не терпелось броситься на неприятеля и отбить склады; однако их командиры не могли принять какое-либо решение. Винсент Эйр выносит по этому поводу следующий приговор:

«Не вызывает никакого сомнения, что наши слабые и неэффективные попытки защитить этот форт, приведшие к разграблению жизненно важных запасов, явились первым *смертельным* ударом по позиции англичан в Кабуле, в то же время подтолкнувшим многих афганских вождей — и в первую очередь кызылбашей, — державшихся до этого в стороне, присоединиться к общему восстанию, целью которого было изгнание нас из страны».

За день до этих событий Колин Маккензи был вынужден прекратить оборону складов Шаха Шуджи, расположенных в городе. Не получая подкреплений, он держался покуда хватало сил, до тех пор пока афганцы не стали взбираться на стены. Лишь

после этого Маккензи, сам трижды раненный, оставил склады, забрав всех раненых, женщин и детей. Леди Сейл заметила: «Подумать только, этот офицер обязан своей жизнью тому, что поднял руку на женщину!» Маккензи приказал своим людям бросить все пожитки и спастись самим. Но одна женщина оставила своего ребенка, решив вместо этого спасти кастрюли и сковороды. Маккензи долго убеждал ее, но в конце концов не выдержал и, выхватив саблю, ударил женщину плашмя по спине. «Именно поэтому сабля была у него в руке, когда через мгновение на него набросился афганец».

Военный городок, лишившийся запасов продовольствия, был взят в кольцо осады афганцами, число которых день ото дня росло. Гарнизон перешел к обороне. Солдаты вели огонь из-за земляных стен по вражеским всадникам и снайперам, засевшим в соседних фортах. Артиллерию разместили по углам укрепления; несколько орудий находились в резерве, чтобы их можно было срочно перебросить на самое опасное направление.

Макнатену казалось, что все его тщательно продуманные планы разрушились. Но он не бездействовал. Генералу Нотту был отослан приказ поторопиться с отправкой бригады из Кандагара в Кабул; тем временем Макнатен бомбардировал депешами генерала Сейла, приказывая развернуть бригаду и двинуться назад. Опасаясь, что гонцам не удастся пробраться через горные перевалы, захваченные гильзаями, Макнатен посылал Воинственному Бобу все новые и новые приказы. Он указывал на то, что кабульский гарнизон недостаточно многочисленный для защиты непомерно растянутого военного городка и одновременного проведения наступательных операций. Далее, Макнатен заявлял, что поскольку все гильзай в настоящий момент находятся в Кабуле, бригада Сейла, возвращаясь через перевалы, не встретит серьезного сопротивления. Прошедшие через фильтр чересчур осторожного Эльфинстона, приказы, в конечном счете полученные Сейлом, гласили, что он должен был вернуться в Кабул, если при этом можно было гарантировать безопасность больных и раненых.

В лагере Сейла под Гандамаком завязались споры. Разумеется, нельзя было оставить сотни больных и раненых на растерзание гильзаям; а возвращение в Кабул через перевалы не-

избежно должно было привести к новым потерям. Единственное разумное решение состояло в движении дальше на восток, в Джелалабад, где можно было бы обустроить надежные позиции и склады снабжения. Сейл был храбрейшим воином, и в Кабуле оставались его жена и дочь; однако он выбрал переход в Джелалабад.

Историк Арчибальд Форбс рассуждает: «Дерзкий командующий вернулся бы с боем в Кабул; осторожный командующий остался бы в Гандамаке; отход в Джелалабад мог предложить только слабый командующий». Можно также добавить, что если бы Сейл и его офицеры предполагали, какая судьба уготовлена кабульскому гарнизону, они, не колеблясь ни секунды, тотчас же двинулись бы назад через перевалы. Однако солдаты, находившиеся в открытом поле, ошибочно полагали, что они и так уже подверглись большому риску, чем те, кто остался в укрепленном военном городке. Даже леди Сейл, узнав о приказе, отданном ее мужу, усомнилась в том, что генерал сможет его выполнить. Она записала в своем дневнике:

«Он должен вернуться в Кабул, если сможет оставить больных, раненых и обоз в полной безопасности и при этом не будут подвергнуты опасности люди, находящиеся под его началом. И получается, что если Сейл подчинится приказу такого рода и все будет в порядке, его, несомненно, назовут «отличным парнем»; однако если он столкнется с неудачей, ему скажут: «Ты не должен был возвращаться сюда, раз это было сопряжено с опасностью».

Однако поблизости от военного городка все же находились английские части, которые могли бы прийти на помощь. 9 ноября Шелтон получил приказ вернуться со своими людьми из крепости Бала-Гиссар. Считалось, что этот решительный воин укрепит гарнизон городка как на поле боя, так и на военном совете. Этим надеждам не суждено было сбыться. Шелтон заявился на совещание к генералу Эльфинстону с одеялом и улегся спать на полу, не обращая внимания на жаркие споры. Эльфинстон заметил: «Судя по всему, этим человеком движет в первую очередь неприязнь по отношению ко мне». На таких

военных советах даже младшим офицерам разрешалось высказывать свое мнение, и, согласно леди Сейл, Эльфинстон, не имевший собственного твердого мнения, неизменно склонялся к точке зрения последнего из выступавших.

В одном Шелтон был непреклонен, и это, возможно, стало второй величайшей ошибкой (после решения Сейла не возвращаться в Кабул), которая привела к катастрофе. Разгорелись жаркие споры по поводу того, следует ли перевести на зиму гарнизон в огромную крепость Бала-Гиссар. Шелтон, успевший к тому времени провести в ней неделю, выступал решительно против. Шумный и напористый, он смог провалить все планы отступить в крепость. Сам Шелтон думал только о том, как бы поскорее вернуться в Индию и никогда больше не показывать носа в Афганистан. Его точка зрения быстро стала известна за пределами зала совещаний. Больше того, «подобные пораженческие настроения, к несчастью, оказались очень заразными, — пишет Эйр. — Количество нытиков в гарнизоне стало просто ужасным». Любопытно, что Макнатен тоже отрицательно относился к идее укрепиться в Бала-Гиссаре, хотя им, вероятно, двигали соображения скорее не целесообразности, а внешнего приличия. Посланник считал, что гарнизон сможет перезимовать в военном городке, имея достаточные запасы дров и воды, при этом сохранив свободу действий, продовольствие же можно будет покупать у сочувствующих афганцев; между тем как отступление в крепость будет означать унижительную капитуляцию.

На следующий день на вершинах холмов, окружающих военный городок, собрались тысячи афганских всадников. Затем они ринулись вниз и захватили расположенный к востоку от городка форт Рикабаши, обнесенный стеной. Форт находился меньше чем на расстоянии мушкетного выстрела от дома Макнатена, и афганцы начали вести методичный обстрел. К полудню англичане собрали большие силы и попробовали отбить форт. Штурмовой отряд под командованием капитана Беллоу попытался взорвать ворота, но по ошибке вместо ворот было проделано небольшое отверстие в окне, закрытом ставнями. Солдаты вынуждены были пробираться в брешь пригнувшись, по двое, а внутри их встречали ружейным огнем и саблями защитники форта. В этот момент спустившаяся с холмов лавина аф-

ганской конницы смяла ряды 44-го полка, начавшего в беспорядке отступать. Леди Сейл наблюдала за происходящим, прячась за печной трубой на крыше своего дома, и хотя она относилась к Шелтону без особой любви, тут она была вынуждена признать: «Шелтон оказался нашим козырем. Хладнокровный и храбрый, он с большим трудом собрал бегущих, и они, вернувшись, сражались как львы».

Полковнику Макреллу, лейтенанту Берду и нескольким солдатам наконец удалось проникнуть через пролом в форт Рикабаши, и они побежали к воротам, находящимся напротив. Но в этот момент из-за угла форта выскочили афганские конники, и оставшаяся часть штурмового отряда обратилась в бегство. Англичане, успевшие проникнуть в форт, попытались запереть ворота, но вернувшиеся афганцы саблями проложили себе дорогу, врываясь через ворота и пролом. Спаслись удалось лишь Берду и одному сипаю. Они забаррикадировались на конышне, вокруг которой впоследствии было найдено тридцать убитых афганцев. Полковник Макрелл был обнаружен с многочисленными сабельными ранами. Последними его словами было: «Это не сражение, это избиение». Леди Сейл, присутствовавшая при этом, заметила: «Лучше бы его пристрелили сразу».

Шелтон повел вперед свой отряд, и после короткой кровавой схватки, в которой с обеих сторон погибло около 150 человек, отбил форт. Был момент, когда сипаи 37-го туземного пехотного полка погнались засевших в укреплении афганцев на штыки 44-го британского пехотного полка. Основные силы афганцев отступили на ближайший холм Сиа-Сунг, где их до вечера обстреливала издали артиллерия Эйра.

Тринадцатого числа афганцы установили два орудия, 4-фунтовое и 6-фунтовое, на холме Баймару к западу от военного городка и открыли оттуда прицельный огонь по городку. На них двинулся крупный отряд англичан, однако на него с холма внезапно налетела афганская конница. Леди Сейл, находившаяся на своем наблюдательном пункте на крыше, записала: «Все смешалось; мне казалось, мое сердце подсакивает до зубов, когда я видела, как афганцы прорезают наши боевые порядки. Начало было ужасным». Однако несколько эскадронов английской конницы нанесли ответный удар и отогнали неприятеля. Орудия Эйра поливали огнем равнину, и двинувшаяся вперед

английская пехота захватила афганские пушки. Маленькая была доставлена в военный городок, а большая заклепана.

Однако Шелтон совершил большую ошибку, дождавшись темноты и лишь потом начав отводить свой отряд. Афганцы снова напали на англичан, но теперь гарнизон военного городка уже не мог прикрывать отряд Шелтона огнем, так как в темноте было нельзя отличить своих от чужих. Афганская конница отсекла остававшиеся на равнине войска от стен городка; затем около четырехсот афганцев обрушились на англичан с северо-востока. Солдатам Шелтона удалось проложить себе дорогу назад в городок среди «непрерывных вспышек мушкетных выстрелов, освещавших весь вал». Перестрелка продолжалась всю ночь.

И тем не менее кабульский гарнизон второй раз подряд доказал превосходство над неприятелем в открытом бою. Однако в тот момент никто не знал, что этой победе суждено стать последней. Далее наступила, словами Эйра, «сплошная череда ошибок, неудач и катастроф, которые, следуя непрерывно друг за другом, наполнили отвращением сердца наших офицеров, подорвали боевой дух наших солдат и в конце концов похоронили нас в бездонной пучине, откуда не было возврата. Казалось, сами небеса ради какой-то своей непостижимой цели обрушили на нас сочетание всех мыслимых напастей, предопределив наше падение».

14 ноября, в тот самый день, когда Сейл благополучно дошел до Джелалабада, остававшийся в Кандагаре Нотт получил приказ отправить бригаду на помощь кабульскому гарнизону. После того как отряд численностью сто человек был уничтожен повстанцами в районе Газни, Нотт повернул назад бригаду, направлявшуюся в Индию. Теперь он послал эту бригаду в Кабул, дав полковнику и офицерам весьма невеселое напутствие: «Лично я считаю, что вы отправляетесь на верную смерть».

15 ноября в кабульский военный городок въехали два тяжело раненных всадника. Это были Элдред Поттингер и лейтенант Дж. К. Хотон, единственные, кто остался в живых из гарнизона в Чарикаре. Полк гуркхов, находившийся в Кохистане, был полностью истреблен после предательства артиллеристов,

мусульман из Пенджаба. Гуркхи со своими семьями не смогли пробиться пешком через кольцо афганской конницы. В последующие дни вслед за Поттингером с севера прибыли тысячи кохистанских воинов, которым теперь уже ничто не мешало принять участие в изгнании неверных из Кабула.

На следующий день леди Сейл узнала о том, что ее супруг не придет к ней на выручку, как, судя по всему, она втайне надеялась. Леди Сейл записала в своем дневнике:

«Пришло сообщение из Бала-Гиссара о том, что Сейл дошел до самого Джелалабада. Бригадный генерал Шелтон высказался по этому поводу так: «Посчастливилось выбраться из передраги невредимым — и не думай соваться снова». Все уверены, что это сообщение — провокация, подстроенная неприятелем, призванная лишить нас надежды на приход помощи. Мы, однако, сомневаемся, что Сейл получал приказ возвращаться назад».

В течение следующих дней в военном городке стояло затишье, однако все опасались, что афганцы лишь готовят порох и ядра к новому штурму. Англичане уже успели проникнуться уважением к военному мастерству своих врагов. Эйр считал, что английская пехота должна извлечь ценный урок в части применения стрелкового оружия. По его словам, афганцы «неизменно делают выстрел, только тщательно и спокойно прицелившись, и крайне редко допускают промахи; в то время как наши солдаты, кажется, палят исключительно наобум, совершенно не целясь». В одном случае афганские всадники проскакали в двенадцати ярдах от строя английской пехоты; прогремел залп, и ни один всадник и ни одна лошадь не были задеты. Наблюдатели также отмечали, что афганские конники доставляли к месту боя подкрепления пехотинцев, усадив их позади себя на коня и высаживая именно там, где в этом возникала необходимость. Леди Сейл рассуждает:

«Мне часто приходится слышать, как афганцев называют трусами: на самом деле это сильные, мужественные воины, а подобное отношение, наверное, обусловлено тем, что

англичане, как и все цивилизованные народы, считают убийство трусливым деянием. Афганцы без угрызений совести пользуются для этой цели своими длинными кинжалами, *ergo*¹, они являются трусами; однако они не выказывают никакой трусости, стоя под огнем наших пушек и не имея своих собственных, а также захватывая у нас укрепления, которые нам не удастся отбить назад. Афганцы, живущие в столице, являются чуть более цивилизованными, но провинциальные дворяне и их челядь, полагаю, по сути своей остались теми же людьми, которых здесь встретил Александр Македонский».

Продолжались споры по поводу того, стоит ли эвакуировать гарнизон из военного городка в крепость Бала-Гиссар. Эйр, например, выражает «твердую уверенность в том, что если бы мы тогда перебрались в Бала-Гиссар, Кабул до сих пор оставался бы в наших руках». Макнатен высказывался за оборону военного городка; Эльфинстон колебался; а Шелтон решительно выступал за то, чтобы покинуть Афганистан.

Похоже, эта дилемма не имела очевидного решения; и тот и другой путь вели в неопределенность. Все сходились во мнении, что переход в Бала-Гиссар приведет к колоссальным потерям как живой силы, так и имущества. И лишь сейчас, глядя назад, становится ясно, что для того, чтобы избежать полного уничтожения, можно было заплатить любую цену. Хотя от военного городка до Бала-Гиссара было меньше двух миль, афганцы могли устроить англичанам настоящий кошмар, окружив их на открытом месте. Далее, даже если бы переход увенчался успехом, крепость Шаха Шуджи, как только англичане оказались в ее стенах, превратилась бы для них в тюрьму. Грозной армии, которая привела свергнутого эмира к власти, пришлось бы просить убежище у него во дворце, а непокорные подданные Шаха Шуджи стали бы тюремщиками. По крайней мере Макнатен не был готов идти на подобные унижения. Восемнадцатого числа он написал Эльфинстону, мрачно описывая перспективы:

¹ Следовательно (*лат.*).

«Отступление в направлении Джелалабада приведет к самым катастрофическим последствиям, следует прибегнуть к нему лишь в самом крайнем случае... Я также опасюсь, что во время отступления мы потеряем почти всех гражданских. В последнее время мне постоянно приходят мысли о переговорах, точнее, о капитуляции, ибо именно это нас ожидает, однако при нынешней смуте в Афганистане нет власти, обладающей достаточным весом для обеспечения нашей безопасности на всей территории страны... Другая альтернатива заключается в том, чтобы отступить в крепость Бала-Гиссар; однако, боюсь, и это отступление приведет к катастрофе... Скорее всего нам не удастся переправить наши тяжелые орудия, которые в дальнейшем противник сможет эффективно использовать против цитадели. У нас не будет ни продовольствия, ни дров, чтобы его готовить. Добыча этих жизненно необходимых припасов будет зависеть исключительно от успеха наших вылазок в город; в случае же неудачи нас ждет неминуемая гибель.

В целом я считаю, что нам лучше всего как можно дольше держаться там, где мы находимся, надеясь на какое-либо благоприятное развитие событий... Если бы только нам удалось раздобыть достаточно продовольствия, чтобы продержаться зиму, я бы ни за что не покинул военный городок».

После захвата складов продовольственный рацион обитателей военного городка, насчитывающих больше шестнадцати тысяч человек, был урезан вдвое. Англичане вынуждены были полагаться на ежедневные закупки продуктов у местных жителей, помогавших им из дружеских чувств или из корыстных побуждений. В основном это происходило в селении Баймару, расположенном в полумиле к северо-западу от городка. Однако 22 ноября селение заняли афганские стрелки, а другие афганцы возвели укрепления на окрестных высотах. Английская пехота двинулась было на штурм селения, но после непродолжительной перестрелки отступила назад. Но самое важное событие в тот день, о котором англичане пока не знали, произошло вечером: в Кабул во главе отряда из шести тысяч всадников прибыл Акбар-хан, сын Доста Мухаммеда.

На следующий день рано утром семнадцать рот британской

На Александрийской мозаике, обнаруженной при раскопках Помпей, изображен момент нападения Александра Великого на царя Персии Дария III. В сражении при Гавгамелах Дарий поставил на левом крыле своего войска тяжеловооруженную конницу из Афганистана и соседних областей. Однако Александр расстроил планы своего противника, обрушившись на самого Дария, находившегося в центре своего войска.

Эта статуя предположительно изображает Канишку, могущественного властителя Кушанской империи второго века нашей эры. Обосновавшись в Афганистане, Канишка открыл торговые пути между Римом, Индией и Китаем. Однако самым важным, что он оставил после себя, было распространение буддизма на восток.

В течение почти пятисот лет в Бамиане, в сердце Гиндукуша, процветала буддистская община. Это изваяние Будды высотой 175 метров, высеченное в третьем столетии нашей эры, было в марте 2001 года уничтожено талибами.

Афганистан поглотил в себя несколько волн завоевателей-кочевников из степей Средней Азии, но в начале тринадцатого века страна была разорена монголами, пришедшими только для того, чтобы уничтожить.

После того как монголо-татарские орды приняли ислам, цивилизация Южной Азии испытала небывалый расцвет искусства, архитектуры, поэзии и науки. На этом рисунке изображен Бабур, основавший в начале шестнадцатого века империю Великих Моголов. Бабур был потомком и Чингисхана, и Тamerлана.

В 1757 году Ахмад-шах Дуррани основал первое собственно афганское государство, которое и определило современные границы Афганистана.

В 1838 году англичане вторглись в Афганистан, чтобы свергнуть эмира Доста Мухаммеда из династии Дуррани, которого они подозревали в тайных связях с русскими.

Хотя Дост Мухаммед сдался в плен англичанам, его сын Акбар-хан не прекратил сопротивления. Именно он сыграл главную, хотя и двусмысленную роль в истреблении английской армии, оставившей Кабул.

Мощная крепость Бала-Гиссар в Кабуле. Многие историки утверждают, что английская армия избежала бы истребления, если бы вместо того, чтобы пытаться отступить в Индию, укрылась в этой крепости.

«Последний солдат армии». Из почти семнадцати тысяч человек, оставивших Кабул зимой 1842 года, доктор Уильям Брайдон стал единственным, кому удалось добраться до своих. Впоследствии еще несколько десятков индийцев дошли до Джелалабала пешком.

На этой картине «Спасение орудий под Мейвандом» художник как мог приукрасил самое крупное поражение англичан во второй англо-афганской войне. Под Мейвандом англичане потеряли убитыми почти тысячу человек из двух с половиной тысяч; оставшиеся в живых с трудом добрались до Кандагара под непрерывным огнем снайперов.

Афганское сопротивление оккупации со стороны Советского Союза стало скорее инстинктивным, чем организованным. На этом снимке, сделанном через три недели после вторжения советских войск, изображены моджахеды, вооруженные винтовками времен Первой мировой войны, пользующиеся древними видами транспорта. (Фото АП)

На пресс-конференции в 1987 году последний коммунистический руководитель Афганистана Мохаммед Наджибулла показывает Коран, по его словам, пробитый пулей моджахедов. В 1992 году режим Наджибуллы был свергнут моджахедами, а в 1996 году с ним самим зверски расправились талибы. (Фото АП)

Советские войска ведут боевые действия с моджахедами весной 1988 года. (Фото АП)

Во время советской оккупации Ахмад Шах Масуд удерживал стратегически важное Панджшерское ущелье, отбивая многочисленные наступления. Впоследствии он оборонял Кабул от мятежников во время гражданской войны 1992—1996 годов и возглавлял Северный альянс, оказывавший сопротивление «Талибану». В сентябре 2001 года за два дня до разрушения Всемирного торгового центра Масуд был смертельно ранен агентами Усамы бен Ладена. (Фото АП)

Бойцы-талибы ведут наступление к северу от Кабула в мае 1997 года. Хотя «Талибан» утверждал, что контролирует больше 90 процентов территории Афганистана, режиму так и не удалось захватить последний клочок на северо-востоке страны, который удерживал Масуд. (Фото АП)

Американские морские пехотинцы в аэропорту Кандагара, январь 2002 года. Ко всеобщему удивлению, режим «Талибана» рухнул до того, как американские наземные войска успели вступить в дело. (Фото АП)

Американская авиация наносит удары по укреплениям «Талибана» или «Аль-Каиды» на востоке Афганистана, март 2002 года. (Фото АП)

и туземной пехоты с приданными кавалерией, саперами и одним орудием выдвинулись из военного городка. Штурмовой отряд, наступавший на селение Баймару, был встречен ураганным огнем из «джезаилов». Узнав о попытке вылазки со стороны англичан, из Кабула потекли толпы воинов-афганцев, и вскоре на окрестных высотах их собралось больше десяти тысяч. Английская пушка, которая вела непрерывный огонь по скоплениям неприятеля, вскоре перегрелась, и афганцы понеслись вниз в долину. Шелтон выстроил своих людей в два каре, готовясь отразить атаку конницы, но афганцы просто открыли по англичанам огонь с большого расстояния из своих длинных мушкетов. На поле скопилось несколько тысяч афганских всадников, но они держались в стороне, не мешая снайперам заниматься своим делом.

Пользуясь складками местности, отряд гази начал незаметно для англичан, хотя этот маневр и был виден из военного городка в подзорные трубы, обходить их справа по оврагу. Неожиданно выскочившие на гребень гази застали англичан врасплох, и те в панике обратились в бегство. Лишь несколько офицеров остались на месте, бросая в нападавших камни. Афганцы, увидев успех воинов ислама, хлынули с противоположного холма и захватили пушку. Леди Сейл, как всегда, наблюдавшая из своего укрытия за печной трубой, записала: «Враг был неуправляем: афганцы гнали наших солдат, словно стадо овец, преследуемых по пятам волком». Обезумевший от ярости Шелтон тщетно кричал на своих солдат; лишь когда первое каре налетело на второе, англичанам удалось остановиться. В контратаку на гази был брошен эскадрон туземной кавалерии; за ней со штыками наперевес вверх по склону последовала английская пехота.

В этот момент был смертельно ранен Абдулла-хан, один из предводителей восстания. Это вызвало смятение в рядах афганцев, поспешивших вынести его тело с поля боя. Воспользовавшись этим, англичане захватили высоту и отбили пушку; все это время у нее под колесами прятался раненый артиллерист. Казалось, Шелтон празднует победу, однако его отряд, захватив высоту, не стал развивать наступление и не вернулся в военный городок. В течение дня он оставался на вершине холма, ведя одностороннюю дуэль, в которой «джезаил» по даль-

ности выстрела и точности превосходил английское армейское ружье. Солдаты десятками гибли от смертельного огня, а оставшимся в живых становилось все труднее справиться с паникой. Внезапно группа афганцев, взобравшихся по крутому склону, бросилась на англичан. На этот раз весь отряд дрогнул, солдаты побежали опротягу назад к военному городку. Следом за англичанами по ровному полю неслась афганская конница.

Оставшиеся в военном городке не могли открыть заградительный огонь, поскольку тысячи афганцев и англичан смешались друг с другом. Началась невообразимая толчея. Военный городок пал бы, если бы Осман-хан, афганский вождь, возглавлявший преследование, не отозвал своих людей. Многие английские офицеры свидетельствовали о неожиданном милосердии неприятеля. Так, один из них вспоминал, что во время отступления вождь трижды настигал его, но лишь рассек саблей воздух у него над головой. Капитан Тревор говорил, что афганцы неоднократно могли его убить, но каждый раз сохраняли ему жизнь. И все же, несмотря на то что военный городок уцелел, разгром был полным. «Этот день, — говорит Эйр, — решил судьбу кабульского гарнизона».

На следующий день афганские вожди прислали Макнатену предложение начать переговоры о капитуляции, и посланник, в свою очередь, решил посоветоваться с Эльфинстоном. Генерал наконец высказался определенно:

«Прошу отметить, что после того, как мы больше трех недель держали наши позиции, находясь в осажденном состоянии, учитывая нехватку продовольствия и фуражного корма, убыль личного состава наших войск, большое количество раненых и больных, сложности, связанные с оборонной протяженностью и неудачно расположенного военного городка, занимаемого нами, приближение зимы, прерванное сообщение с внешним миром, отсутствие надежды на помощь и то, что против нас, взявшись за оружие, поднялась вся страна, я прихожу к выводу, что нам невозможно оставаться в Афганистане и, следовательно, вы должны принять предложение начать переговоры».

Макнатен согласился. Сначала афганские вожди предложили англичанам сдать все оружие и имущество и считать себя пленниками. Посланник ответил, что предпочтет смерть подобному бесчестью. В течение следующей недели стороны обменивались встречными предложениями. Все это время Макнатен пытался разобраться в сложной иерархии власти среди афганцев, отчаянно ища союзников. Двоюродный брат Доста Мухаммеда Наваб Заман-шах уже объявил себя новым эмиром. И он, и его племянник Усман-хан относились к англичанам достаточно хорошо, как и кызылбаши, сословие бывших персидских наемников, занимавших один из кварталов Кабула. Однако самой значительной фигурой на переговорах был Акбар-хан, любимый сын Доста Мухаммеда.

Акбар-хан ни в коем случае не мог претендовать на то, чтобы говорить от имени всех афганцев. Принадлежа к роду баракзаев (из племени дуррани), он не мог рассчитывать на преданность гильзаев, хотя его отец Дост Мухаммед и пользовался большим личным уважением, чем Шах Шуджа. Многим вождям свергнутый англичанами эмир запомнился как гораздо более опасная политическая фигура. То обстоятельство, что восстание приняло характер патриотической войны, во многом способствовало временному усмирению взаимной враждебности племен, однако еще большее значение имел аспект джихада, или священной войны, представленный тысячами фанатиков-гази. Неудержимое рвение гази было направлено на уничтожение всех неверных, независимо от того, кто сидел на троне в Бала-Гиссаре. Они не подчинялись ни одному из вождей; с другой стороны, никто из вождей не мог надеяться возглавить восстание, не заручившись их поддержкой. Таким образом, двадцатипятилетний Акбар-хан вынужден был вести себя рассудительно по отношению к англичанам (и так фактически оказавшимся пленниками афганцев), при этом стараясь не задевать чувства святых воинов, требовавших полного уничтожения неверных.

5 декабря афганцы взорвали мост через реку Кабул, протекающую вдоль военного городка, таким образом лишив англичан возможности внезапно выступить в сторону Бала-Гиссара. На следующий день солдаты из 44-го британского и 37-го ин-

дийского полков в беспорядке бежали из форта Мухамед-Шариф, расположенного всего в двухстах ярдах от военного городка, рядом с бывшими складами. Как оказалось, несколько афганцев поднялись по лестницам и просто заглянули в окна, но этого оказалось достаточно для того, чтобы весь отряд в панике обратился в бегство. Леди Сейл записала: «Такого позорного отступления еще не было».

К сожалению, Макнатен все еще продолжал надеяться на то, что вскоре с юга появится с развернутыми знаменами бригада Нотта, после чего англичане наконец смогут не только оборонять свой обширный военный городок, но и осуществлять наступательные операции. Только в середине декабря посланник наконец узнал, что бригада, посланная в подкрепление из Кандагара, еще несколько недель назад вернулась назад, так как горные перевалы завалило снегом.

11 декабря Макнатен составил текст соглашения (на фарси) и вместе с тремя приближенными офицерами встретился с афганскими вождями за стенами военного городка. Во вступительной части посланник признавал, что возвращение Шаха Шуджи оказалось нежелательным, «хотя правительство Великобритании, посылая войска в Афганистан, не имело другой цели, кроме как счастье, благополучие и процветание афганского народа». Далее в восемнадцати пунктах следовало изложение плана, по которому английские войска, в том числе гарнизоны Газни и Кандагара, вместе с гражданскими лицами должны были беспрепятственно покинуть страну. В пункте четырнадцать с некоторым нахальством заявлялось, что, несмотря на последние события, «отношения между Афганистаном и Великобританией навсегда останутся дружескими, и афганцы не будут искать союза с иностранными державами без согласия англичан, к чьей помощи они обратятся в час нужды».

Афганские вожди проявили сговорчивость, и два дня спустя последние английские подразделения, остававшиеся при Шахе Шудже, покинули Бала-Гиссар и переместились в военный городок. Акбар-хан обеспечил им беспрепятственный проход сквозь многотысячные толпы гильзаев и гази, однако это удалось ему с большим трудом. Его воинам пришлось обнажить сабли, сдерживая разъяренных афганцев, жаждущих расправы.

Далее соглашение начало путешествовать от Макнатена к вождям и обратно, причем посланник все это время продолжал искать раскол в единстве афганцев. Влияние Акбар-хана неуклонно росло, и дело дошло до того, что он потребовал оставить всех английских женщин и детей (в отличие от индусов) в качестве заложников. Естественно, английские офицеры не захотели даже обсуждать это требование. Сами они выполняют свой долг, но о том, чтобы оставить в качестве заложников их семьи, не могло быть и речи. Однако, казалось, 22 декабря происки Макнатена принесли первые плоды. Акбар-хан тайно обратился к нему с новым предложением: Шах Шуджа остается во дворце, сам Акбар-хан становится при нем визирем, а англичан не будут трогать до весны, после чего они покинут страну как бы по своей воле. Кроме того, если Макнатен выделит ему войска, Акбар-хан обещал передать в руки англичан Аманулла-хана, самого непримиримого их врага.

Наконец Макнатену представилась возможность спасти все плоды своих рук. До этого он уже преподнес Акбар-хану в дар свой роскошный экипаж с лошадьми; теперь он отправил ему в подарок пару пистолетов, которыми так восхищался молодой принц. Кроме того, для назначенной на следующий день встречи Макнатен купил у одного из офицеров белого арабского жеребца, приглянувшегося Акбар-хану.

Утром 23 декабря Колин Маккензи, Джордж Лоуренс и Роберт Тревор были вызваны домой к Макнатену, и он вкратце рассказал им о предстоящей встрече. Маккензи тотчас же высказался против, предостерегая, что встреча может оказаться ловушкой. Макнатен насмешливо произнес: «Заговор! Предоставьте судить об этом мне. Положитесь на меня!» Посланник договорился с генералом Эльфинстоном о том, чтобы 54-й и 6-й полки были приведены в боевую готовность. В полдень, выезжая с сопровождающими офицерами из военного городка, Макнатен с огорчением увидел, что английские войска до сих пор не готовы, в то время как за воротами собрались сотни афганцев. В этот момент один из офицеров снова упомянул про возможность измены. Лоуренс запомнил ответ Макнатена: «Каким бы опасным это ни было, в случае успеха будет оправдан

любой риск... В любом случае я лучше умру сотней смертей, чем проживу еще раз последние полтора месяца».

Четверо англичан в сопровождении небольшого кавалерийского эскорта, державшегося чуть поодаль, подъехали к Акбар-хану и другим вождям, расстелившим одеяла на склоне холма, не покрытом снегом. Макнатен уселся напротив Акбар-хана; трое офицеров, спешившись, устроились рядом. Лоуренс, которого не покидало чувство тревоги, только опустил на одно колено. Вокруг толпились десятки гази, но, когда англичане заметили, что встреча предполагалась с глазу на глаз, Акбар-хан ответил: «Нет-нет, все эти люди тоже посвящены в тайну». Принц спросил Макнатена, готов ли тот осуществить план, обсуждавшийся прошлой ночью, и Маккензи слышал, как посланник ответил: «А почему бы нет?» Внезапно Акбар-хан крикнул: «Бегир! Бегир! (Хватайте! Хватайте!)» и троих английских офицеров схватили афганцы. Маккензи видел, как сам Акбар-хан «с выражением дьявольской злобы на лице» набросился на Макнатена. Последним, что он успел разглядеть, было то, как Акбар-хан и другой вождь «в согнутом положении» тащили Макнатена вниз по склону, после чего прогремели выстрелы.

Каким бы невероятным это ни казалось, офицеров, сопровождавших посланника, схватили дружественные вожди, начавшие умолять их скорее садиться на своих коней. Как пишет Лоуренс: «Увидев, что я больше ничего не могу поделать, я позволил Магомет-хану оттащить меня... Мы поскакали в окружении нескольких вооруженных воинов, сдерживавших толпу гази, которые напирали на нас со всех сторон и требовали отдать меня на растерзание. Меня пытались поразить саблями и кинжалами, мне в ребра тыкали дулами ружей; но афганцы не стреляли, опасаясь задеть своего вождя». Маккензи тоже окружили разъяренные гази, но он заметил, что они не стреляют, чтобы не задеть случайно его защитника. К сожалению, афганцам удалось стащить с коня Тревора, после чего его растерзали.

Что касается Макнатена, то, как уже было сказано выше, его изуродованное тело было повешено перед входом на кабульский базар, а голову и конечности торжественно пронесли по всему городу. Гази издевались над Лоуренсом и Маккензи, находящимися под стражей, потрясая отрубленной головой

Макнатена. Достоверные сведения о последних минутах посланника отсутствуют, но последние его слова, которые услышал Маккензи, были: «Аз бараэ хода! (Во имя всего святого!)»

После расправы над Макнатеном Акбар-хан как хвалился тем, что лично убил посланника, так и глубоко скорбел по поводу его гибели. Можно предположить, что Акбар-хан намеревался взять Макнатена в заложники, однако, когда последний неожиданно оказал отчаянное сопротивление, молодой принц вышел из себя и выстрелил в него из пистолета, полученного в подарок днем раньше. После этого на убитого набросились с кинжалами озверевшие гази. А может быть, Акбар понял, что, несмотря на все свои усилия, не сможет защитить посланника от гази, и выстрелил в него, принимая участие в убийстве, а не препятствуя ему. Впоследствии Акбар-хан в присутствии англичан неизменно выражал сожаление по поводу трагической кончины посланника; перед гази же принц похвалялся тем, что именно он убил Макнатена. Так или иначе, Акбар-хан показал, что верить ему на переговорах нельзя. Впрочем, возможно, он даже оказал Макнатену услугу, избавив посланника от необходимости быть свидетелем кульминации всей его деятельности в Афганистане — страшной катастрофы, которая еще ждала англичан впереди.

Два дня спустя леди Сейл начала запись в своем дневнике словами: «Печальное Рождество; и наше положение далеко не радостное». Пока слуги наводили порядок в доме, она обнаружила принадлежавший своему зятю томик Кэмпбелла, раскрытый на стихотворении «Гогенлинден». Впоследствии одна строчка из этого стихотворения преследовала ее днем и ночью.

Немногие, немногие из тех, кто выступил в поход,
Возвратятся домой;
Снег станет их погребальным саваном,
А каждый холмик под ногами
Будет могилой воина.

Отступление англичан из Кабула началось 6 января 1842 года. В авангарде двигался 44-й пехотный полк с саперами, двумя эскадронами кавалерии и тремя пушками. В середине находились основные силы в составе трех пехотных полков, конного полка и двух орудий; замыкали колонну 54-й туземный полк и

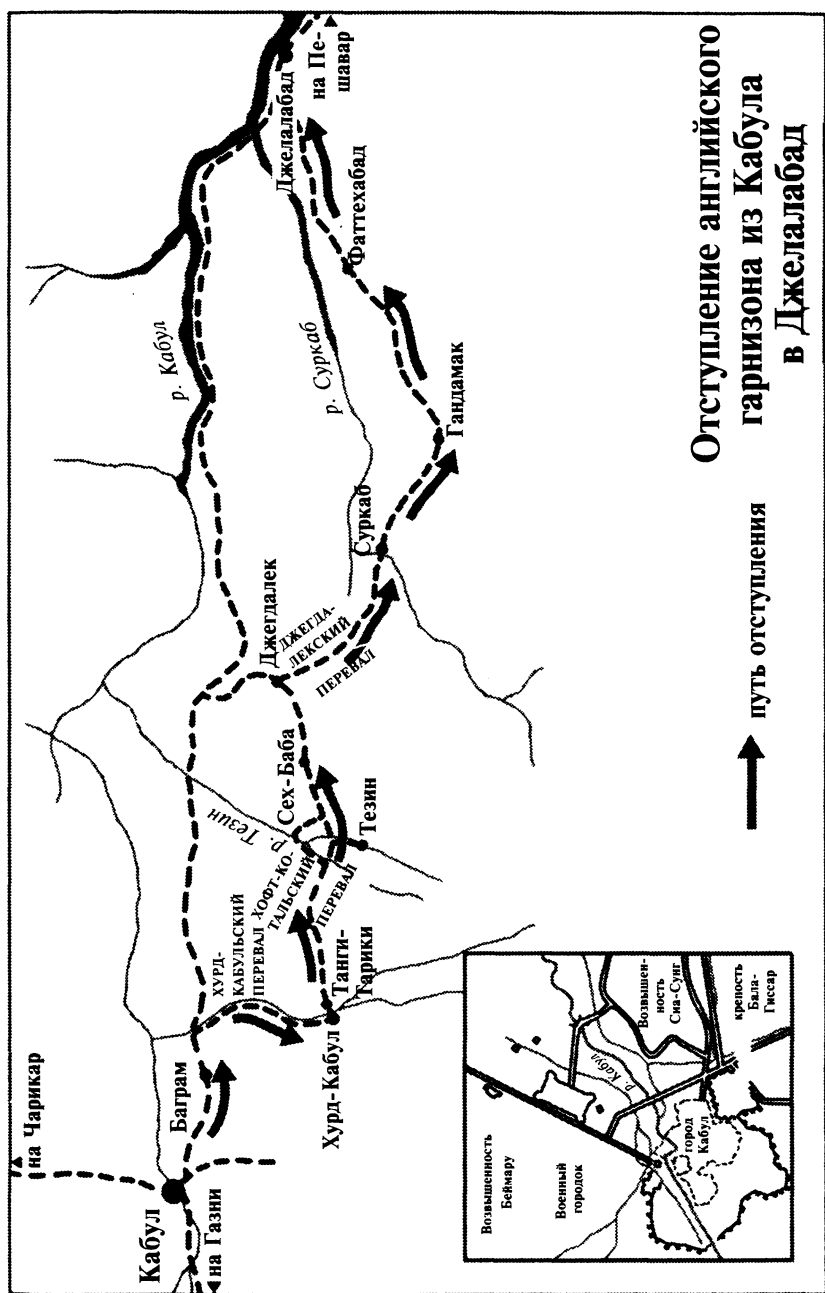
5-й кавалерийский полк с четырьмя оставшимися орудиями. Между воинскими частями, насчитывавшими 4500 человек, шли 12 тысяч индийских слуг с семьями, а также две тысячи лошадей, верблюдов и скота. Элдред Поттингер, оказавшийся после гибели Макнатена самым высокопоставленным дипломатом, по настоянию армейских офицеров добился на переговорах права беспрепятственного прохода к Желалабаду. Англичане вынуждены были оставить почти всю свою артиллерию, всю казну, а также направить приказы гарнизонам в Газни, Кандагаре и Желалабаде покинуть страну. Начиная с 18 декабря непрерывно шел снег, и англичанам предстояло идти вперед, ощущая самые суровые дуновения зимы.

В первые же несколько часов надвигающаяся катастрофа показала свое лицо. Афганцы, столпившиеся вокруг ненавистного военного городка, начали его разграбление еще до ухода англичан. Спины отступающих лизали языки пламени пожаров, давая последнее тепло, которое им предстояло ощутить. Арьергард, подвергшийся обстрелу афганских снайперов, засевших вдоль вала военного городка, вынужден был оставить пятьдесят истекающих кровью раненых и две пушки. Слуги-индийцы, находившиеся сзади, побросали вещи и продовольствие, торопясь скорее покинуть городок. Головная часть колонны остановилась на ночлег в четыре часа дня, пройдя за это время лишь пять миль. Арьергард добрался до лагеря только к двум часам ночи. Вся дорога была завалена брошенными вещами, а вдоль обочин, согласно Эйру, «сидели отчаявшиеся индусы, которых ждала верная гибель среди снега и холода». Переход в девяносто миль через афганские горы, без еды и крова, в разгар зимы, даже без враждебных действий со стороны афганцев отнял бы слишком много жизней. Поэтому неудивительно, что в первые же часы сотни людей отстали от колонны, сраженные если не холодом, то собственным отчаянием.

Колонна провела ночь в полном беспорядке среди глубоких сугробов. Темноту на горизонте озаряли зловещие отсветы горящего военного городка. На рассвете люди зашевелились, мучительно пробуждаясь к жизни, но мороз к этому времени уже успел отнять тысячи конечностей. Колин Маккензи со своим отрядом верных англичанам афганских стрелков были

Отступление английского гарнизона из Кабула в Джелалабад

↑ путь отступления

единственными, кто провел ночь спокойно. Афганцы спали, улегшись кругом, ногами к центру, распределив одеяла между всеми, половину подстелив на землю, а половиной укрывшись. Проснувшись, Маккензи отметил, что «не почувствовал почти никаких неудобств от холода». Но уже рано утром выяснилось, что 6-й полк Шаха Шуджи дезертировал практически в полном составе, а многие индийцы не встали в строй, предпочтя покончить с собой или влачить жалкую жизнь в Кабуле, лишь бы не терпеть непрерывные атаки холодного воздуха, температура которого не поднималась выше нуля.

На следующий день колонна двинулась в обратном порядке, так что части, бывшие в арьергарде, теперь были первыми. Однако дисциплина на марше уже была утрачена. Войска перемешались с гражданскими и скотом, и управление частями сделалось невозможным. Множество слуг-индийцев с рассветом устремились вперед, торопясь вернуться в Индию. Сотни сипаев, бросив оружие и оставив свои части, шли вместе с семьями.

Все утро параллельно колонне двигались пешие и конные отряды афганцев, и сначала казалось, что это и есть обещанное сопровождение. Но затем был атакован шедший в арьергарде 44-й полк. Англичане сдержали нападавших, в значительной степени благодаря огню из трех горных пушек, однако вскоре атаке подвергся центр колонны. Афганцы проложили себе дорогу через беззащитную толпу обозников, обагрив свои сабли кровью как мужчин, так и женщин. Набрав столько добычи, сколько они могли унести, афганцы беспрепятственно скрылись.

Тем временем давление на арьергард непрерывно усиливалось. Когда англичане попытались переменить позиции своей артиллерии, одно орудие опрокинулось, и афганцы стремительным натиском захватили все пушки. Бригадный генерал Акветил, лейтенант Грин и артиллеристы предприняли контратаку, чтобы отбить пушки, но были снова «вынуждены оставить их», согласно леди Сейл, поскольку 44-й полк «очень стремительно *рассеялся в разные стороны*». Усиливая напор на арьергард, афганцы скопились на высотах справа от дороги, и возникла опасность расчленения колонны. Сначала войска, находившиеся в голове колонны, не смогли пробиться через страшное смятение, царящее в центре. Наконец Шелтон повел отряд англи-

чан в атаку и сбил афганцев с высот, дав время 44-му полку и остальному арьергарду беспрепятственно пройти мимо.

В этот момент Поттингер получил послание от Наваба Заман-шаха, в котором тот упрашивал англичан остановиться и подождать до тех пор, пока вожди не доставят продовольствие, дрова, а также не соберут достаточно воинов, чтобы защищать колонну от гази и тех афганцев, кто не признавал никакую власть. Хотя Наваб Заман-шах и был патриотом своей родины, англичане уважали его за глубокую порядочность и доброжелательное отношение. Пока Эльфинстон со своим штабом обдумывали его просьбу, Поттингер заметил недалеко от колонны Акбар-хана во главе отряда в шестьсот всадников. Он отправил к принцу бывшего помощника Макнатена капитана Джеймса Скиннера, чтобы тот спросил, почему англичане в нарушение соглашения подвергаются постоянным нападениям. Акбар-хан ответил, что англичане сами виноваты в этом, так как выступили в поход, не дождавшись, когда будет организовано сопровождение (хотя на самом деле эвакуация военного городка была осуществлена строго в оговоренные сроки). Затем Акбар-хан потребовал еще шесть заложников в качестве гарантии того, что кабульский гарнизон не пойдет дальше селения Тезин до тех пор, пока Сейл не выведет свою бригаду из Джелалабада.

После предостережения Наваба Заман-шаха и обещания Акбар-хана выделить своих людей для сопровождения колонны Поттингер убедил Эльфинстона остановиться у селения Бутак, хотя был еще только полдень и англичане успели в этот день пройти лишь пять миль. Шелтон, который хотел двигаться как можно скорее, был вне себя от ярости. Еще в Кабуле дружественные афганцы предупреждали англичан, что им надо будет в первый же день пройти пятнадцать миль и преодолеть Хурд-Кабульский перевал. Вместо этого за два дня было пройдено лишь десять миль, и колонна устроилась на ночлег у входа в ущелье, за которым начинался перевал. Тем временем на окрестных склонах росло число вооруженных афганцев.

Англичане приготовились провести вторую ночь под открытым небом «в одной чудовишной, неуправляемой, беспорядочной массе», согласно Эйру. «На нас снова опустилась ночь, и вместе с ней пришли нескончаемые жуткие мысли — мысли о

голоде, холоде, усталости, смерти. И из всех смертей я не могу выбрать более мучительную, чем эта, когда лютый мороз терзает все конечности, не потерявшие чувствительности, до тех пор, пока самый стойкий дух не тонет в море доведенных до предела человеческих страданий».

К рассвету третьего дня, 8 января, никаких приказов еще отдано не было, и офицерам пришлось приложить много сил, чтобы просто поднять своих солдат с земли. «Смятение было ужасным, — пишет леди Сейл. — Наше войско было полностью дезорганизовано; почти все люди были настолько парализованы холодом, что с трудом могли держать ружья и двигаться». Что хуже, на дороге, ведущей к перевалу, скопилась толпа афганцев, угрожающих перейти в атаку. К этому времени основную угрозу представляли уже не гази, продолжавшие преследовать колонну, а восточные гильзаи, презиравшие как иностранцев-неверных, так и дуррани. Именно через их земли сейчас предстояло пройти англичанам. Поспешно построившийся в боевые порядки 44-й пехотный полк под командованием майора Уильяма Тейна пошел на афганцев в штыковую атаку и вынудил их рассеяться.

Тут снова появился Акбар-хан, предложивший уговорить гильзаев прекратить огонь в обмен на новых заложников. Особенно он хотел получить Шелтона, но сварливый командир бригады не желал и слышать об этом. Вместо этого афганскому принцу передали Джорджа Лоуренса, Колина Маккензи и Эдварда Поттингера. Сипаи Маккензи почти все погибли в боях или разбежались, поэтому он решил, что от него будет мало толка. Поттингер все еще не поправился полностью после ранений, полученных в Чарикаре. Позднее он написал, что Эльфинстон сказал ему: «От вас там будет пользы больше, чем в строю». Вы скажете, не слишком лестный отзыв, но это была истинная правда, так как я с трудом сидел в седле и не мог передвигаться без посторонней помощи».

Пока колонна стояла на ледяном холоде, дожидаясь окончания переговоров, леди Сейл опрокинула стаканчик хереса, «что в любое другое время я расценила бы как поступок, недостойный леди, однако сейчас мне хотелось лишь согреться». Она также обратила внимание, что артиллеристы добрались до

винных запасов 54-го полка и были уже «полностью заряжены». Больше того, возмущенные положением дел, они решили драться с афганцами самостоятельно и даже стали садиться на коней, ругаясь на офицеров, которые пытались их остановить. Наконец лейтенанту Стерту, зятю леди Сейл, удалось уговорить разошедшихся артиллеристов, назвав их «отличными ребятами» и убедив поберечь боевой пыл для настоящего дела.

После того как Акбар-хан получил заложников, колонна вступила в Хурд-Кабульский проход, имеющий протяженность пять миль. Дно этого темного ущелья прорезано быстрой горной речкой, петляющей из стороны в сторону, так что путнику приходится двадцать восемь раз переправляться с одного обледевшего берега на другой. А вдоль всего ущелья на склонах гор стояли тысячи гильзаев.

Как только англичане вошли в ущелье, люди Акбар-хана выехали в голову колонны, пытаясь уговорить гильзаев разойтись. Их жесты и крики оказались недейственными; тем не менее леди Сейл старалась держаться как можно ближе к афганским вождям, ехавшим впереди. И действительно, для того чтобы надежно захлопнуть ловушку, гильзаи дождались, когда вся колонна полностью войдет в ущелье, и лишь тогда открыли огонь. Пули невидимых убийц попадали в плотные толпы англичан; афганские стрелки стреляли так быстро, как только успевали перезаряжать свои «джезаилы». Попала под огонь и голова колонны; леди Сейл получила одну пулю в запястье, еще три пробили ее шубу. Лошадь, на которой ехала ее дочь, была ранена в ухо и шею.

Но по крайней мере те, кто был впереди, могли двигаться как угодно быстро. В середине колонны объятые ужасом обозники сбились в кучу, шарахаясь то назад, когда огонь по ним открывали спереди, то вперед, когда стрелять начинали сзади. Эта мечущаяся из стороны в сторону толпа не давала немногочисленным английским частям, сохранившим боеспособность, выстроиться в боевые порядки и двигаться вперед. Вскоре гильзаи сосредоточили свой опустошительный огонь на беспорядочной толчее в центре колонны, где находился обоз, и по арьергарду.

Благородному лейтенанту Стерту удалось преодолеть уще-

лье, но, увидев раненого коня майора Тейна, лишившегося седока, он вернулся назад, чтобы разыскать своего друга. Однако теперь сам Стерт получил афганскую пулю в живот. Эйр пишет:

«Этот замечательный молодой офицер уже почти достиг конца ущелья, но был ранен. Он остался бы лежать на земле, где его разрезали бы на куски газа, следовавшие за нами по пятам и довершавшие кровавую бойню, если бы не мужество и благородство лейтенанта Мейна, несколько минут стоявшего рядом с раненым, рискуя собственной жизнью, и тщетно просившего помощи у проходивших мимо. Наконец к нему присоединился сержант Дин из саперного полка, с чьей помощью Мейн дотащил своего друга на одеяле до конца ущелья... Несчастный лейтенант Стерт скончался на следующее утро и стал единственным из всего войска, кому посчастливилось быть похороненным по христианскому обычаю».

Замыкающие колонну во время перехода через ущелье 44-й пехотный полк и 54-й туземный пехотный полк не только находились под постоянным огнем стрелков, засевших на склонах, но и подвергались постоянным нападениям толпы афганцев, двигавшихся следом за ними. Афганцы гнали перед собой отставших обозников, используя их как прикрытие, и в конце концов солдаты 44-го полка вынуждены были стрелять без разбора. Сипаи 54-го полка вообще никуда не стреляли; их руки онемели от холода, а в голове остались только мысли о том, как поскорее выбраться из этого смертельного капкана. Афганцы врезались в толпу сбившихся в кучу сипаев и вырывали у них из рук ружья; солдаты 44-го полка спешили отобрать у замерзших индийцев сумки с патронами.

У выхода из ущелья англичане заняли позицию, установив свое единственное уцелевшее орудие, что позволило обеспечить хоть какое-то огневое прикрытие арьергарда. Начиная темнеть, повалил снег. Английская колонна остановилась лагерем у селения Хурд-Кабул. В ущелье осталось не меньше трех тысяч убитых — 500 солдат и 2500 обозников. Однако к утру жуткое зрелище тысяч трупов скрылось под свежей белизной снега. Пропали также несколько английских детей, в сума-

тохе и толчее отбившихся от своих матерей и попавших в руки к афганцам.

Утром в воскресенье, 9 января, остатки Великой индийской армии оказались на грани катастрофы. Как писал Эйр, «многие из тех, кто проснулся, с завистью смотрели на своих товарищей, застывших рядом в спокойном сне смерти». Толпы гражданских, не дожидаясь приказа, с рассветом тронулись в путь; за ними последовали и войска. Согласно леди Сейл, единственным приказанием было: «Пошли, половина солдат уже ушла, а весь обоз впереди!» Но не успела нестройная масса пройти и милю, как Эльфинстон, получив новое известие от Акбар-хана, вернул всех назад. Еще один день марша позволил бы колонне спуститься ниже линии снегов, а также просто приблизиться к Джелалабаду, и Шелтон был вне себя от ярости. Тем не менее командиром все еще оставался Эльфинстон, и он приказал снова разбить лагерь и весь день простоять на месте.

Помимо обычных обещаний продовольствия и защиты, Акбар-хан на этот раз предложил взять под свою защиту все английские семьи и сопровождать их до самого Пешавара. На такое же предложение, сделанное в Кабуле, английские офицеры в негодовании ответили категорическим отказом; однако сейчас оно пришлось им по душе. Эльфинстон также высказался за то, чтобы мужчины не разлучались со своими семьями, поэтому все женатые офицеры остались в лагере Акбар-хана. Таким образом леди Сейл, леди Макнатен и еще около тридцати женщин и детей оказались избавлены от кошмаров последнего этапа перехода, хотя, как они прекрасно понимали, в действительности их взяли в заложники.

Десятого января остатки армии двинулись дальше. Впереди шла толпа обозников, к которым теперь присоединились сипаи. От индийцев, неготовых к суровым морозам, в военном отношении теперь не было никакого толку. Кэй пишет: «У всех были отморожены пальцы, и они не могли нажимать на курок... сипаи брели вперед в слепом отчаянии, не сознавая, что делают и куда идут; а тем временем кровожадные афганцы, выжидая, набрасывались на беззащитные жертвы со своими длинными кинжалами и расправлялись с ними, словно с баранами». Воинские части Шаха Шуджи к этому моменту уже разбежа-

лись, причем некоторых воинов впоследствии видели среди гильзаев.

Кульминация этого дня наступила в узком ущелье рядом с селением Танги, где афганцы, дождавшись подхода англичан, вскоре буквально завалили проход горой трупов. Голове колонны удалось пробиться вперед, но от остальной части удалось спастись лишь считаным единицам. Все остальные были безжалостно перебиты в ущелье. Туземные войска перестали существовать; боеспособность сохранили около 250 солдат 44-го пехотного полка, 50 артиллеристов и около 150 кавалеристов различных частей. Невероятно, но в колонне осталась толпа из трех или четырех тысяч обозников.

Рано вечером снова появился Акбар-хан, предложивший Эльфинстону приказать всем европейцам сложить оружие и считать себя его пленниками; однако афганский вождь не хотел брать на себя ответственность за индийских слуг. Генерал отверг предложение, и колонна двинулась дальше. Пройдя еще около пяти миль, англичане подошли к следующему узкому ущелью, Хофт-Котальскому проходу, и их глазам открылась жуткая картина. Как оказалось, те обозники, кто двинулся впереди колонны, не дожидаясь приказа, нашли в этом мрачном ущелье свою смерть. Оба склона были завалены трупами, как уже зачоченевшими на морозе, так и еще теплыми, истекающими кровью. А на вершинах англичан ждали гильзаи, с наслаждением разглядывающие работу своих рук и поджидающие новые жертвы.

Колонна прошла через Хофт-Коталь, усеивая сцену кровавого побоища новыми трупами. Англичанам все же удалось пробиться через ущелье. Эйр пишет: «Шелтон командовал арьергардом, который состоял из немногочисленного отряда европейских солдат. Если бы не его неукротимая энергия и непоколебимое мужество, возможно, в жертву было бы принесено все». Впоследствии Шелтон высказался о доблести своих соратников, сражавшихся в арьергарде: «Эти замечательные ребята, благородные и храбрые, сражались плечом к плечу рядом со мной».

К четырем часам вечера колонна дошла до селения Тезин, и Акбар-хан, тенью следовавший за англичанами, олицетворяя собой своеобразную помесь ангелов смерти и спасения, повто-

рил предложение сложить оружие. Англичане снова ответили отказом. Но к этому моменту даже Эльфинстон (которому каким-то чудом удалось остаться в живых под градом пуль), судя по всему, понял безвыходность ситуации. Было принято решение устроить короткий привал, после чего совершить ночной переход к селению Джегдалек, и, если повезет, избежать столкновения со спящими гильзаями.

Заклепав последнее оставшееся орудие, войска под покровом темноты тронулись в путь. Возможно, им удалось бы оторваться от преследователей, но несколько тысяч обозников, поняв, что происходит, тоже поспешили вслед за солдатами. Вместо быстрого, тихого перехода компактного отряда снова получилась неуклюжая, медлительная процессия, с грохотом и криками пробирающаяся по пересеченной местности. Такой шум не мог не разбудить всех гильзаев, находящихся в радиусе нескольких миль. Когда взошла полная луна, афганцы напали на хвост колонны, и толпа обезумевших от ужаса обозников хлынула вперед и смяла авангард. Затем афганские залпы загрели и спереди, и та же самая волна, отхлынув назад, обрушилась на арьергард. Все это время «джезаилские» пули, обрушивавшиеся на плотную человеческую массу, не могли не находить цель. Тем, кто оставался на ногах, приходилось постоянно перешагивать через убитых и раненых. Последних никто и не думал поднимать; их бросали на милость нападавших.

К рассвету колонна находилась еще больше чем в десяти милях от Джегдалека, но упорно продолжала прокладывать путь вперед «с целеустремленной энергией, — замечает Кэй, — которая, если бы ее проявили в начале отступления, возможно, спасла бы англичан от уничтожения». К трем часам дня передовой отряд дошел до селения и укрылся за стенами разрушенного здания на вершине холма. Оттуда было хорошо видно мучительно медленное продвижение арьергарда Шелтона, отбивавшегося от наседавших со всех сторон гильзаев. Для встречи доблестного арьергарда Эльфинстон приказал оставшимся офицерам выстроиться на склоне холма. Один офицер, капитан Грант, тотчас же получил в щеку афганскую пулю; остальные встретили подошедшего Шелтона восторженными крика-

ми. Афганцы, преследовавшие англичан по пятам, засели во-круг на господствующих высотах.

Капитан Скиннер возобновил переговоры с Акбар-ханом, продолжавшим внимательно следить за происходящим. Тот попросил устроить ему встречу с участием Эльфинстона, Шелтона и капитана Джонсона, бывшего казначея Шаха Шуджи. Принц учтиво встретил прибывших офицеров, угостил их едой и чаем, а затем объявил, что они взяты в заложники. Эльфинстон пытался было возразить, что сочтет личным позором то, что не возвратится к своим солдатам, однако Акбар-хан был непреклонен. На следующий день, двенадцатого января, Акбар-хан встречался с вождями гильзаев, но, по-видимому, ему не удалось отговорить их от нападения на англичан. Затем Эльфинстону якобы удалось тайком отправить в лагерь англичан записку. К Акбар-хану направились майор Тейн и капитан Скиннер, желавшие разобраться в происходящем. Скиннер был застрелен в упор афганским воином. Убийца пропустил дородного, внушительного Тейна, чтобы специально расправиться с бывшим посредником Макнатена, знавшим всю подноготную общения Акбар-хана с англичанами.

Вечером в восемь часов оставшиеся английские войска — 120 пехотинцев из 44-го полка, около 25 артиллеристов и несколько кавалеристов — продолжили путь. И снова обозники смяли боевой порядок колонны. Кэй пишет: «Опять беспорядочная толпа захлестнула тех, кто еще держал в руках оружие. Воспользовавшись суматохой, афганцы с кинжалом в руке прокрадывались среди англичан, убивая по пути всех безоружных». Но, подобно тому, как раненое животное становится опасным, англичане пошли на афганцев в штыковую, отчаянно сражаясь за последнюю надежду выжить. Они проложили себе дорогу к Джегдалекскому перевалу, еще одному узкому ущелью, стиснутому крутыми склонами, которые ошетинились «джезаилами». Но здесь их ждала последняя преграда — способная вселить отчаяние даже в самые храбрые сердца: путь перегораживал огромный, тщательно устроенный завал из переплетенных ветвей шток-розы, усеянных длинными, острыми шипами.

Колонна остановилась. Боевой порядок смешался; под ураганным огнем солдаты принялись руками разбирать завал. Аф-

ганцы, несомненно, ждали этого момента; засев на склонах, они беспощадно истребляли англичан. Пали бригадный генерал Акветил, к которому перешло командование отряда после пленения Эльфинстона, полковник Чамберс, командовавший кавалерией, и капитан Николс, командовавший артиллерией. Всего у завала погибло двенадцать офицеров. Точнее, погибла вся армия, уничтоженная огнем из «джезаилов», добитая афганскими клинками.

И все же отдельным солдатам удалось каким-то образом пробиться через завал и в темноте преодолеть Джегдалекский перевал. На рассвете около шестидесяти пяти английских солдат, в основном из 44-го пехотного полка, собрались на высоте у селения Гандамак. Все вокруг кишело гильзаями, собравшимися из окрестных селений, чтобы принять участие в окончательном истреблении захватчиков-неверных. Сначала жалкие остатки армии, казалось, вызывали лишь любопытство афганцев, и они приблизились к англичанам спокойно, словно собираясь поговорить. Но затем афганцы начали выхватывать оружие из рук англичан, те оказали отчаянное сопротивление. Разгорелся последний бой. Пехотинцы 44-го полка израсходовали боеприпасы, отгоняя нападавших, и затем скрестились афганская сабля и английский штык. Наконец последние защитники пали, захлестнутые волной афганцев, нахлынувшей на холм. Лейтенант Т.А. Соутер, обмотавший себя знаменем полка, был взят в плен вместе с несколькими тяжелоранеными солдатами. Впоследствии Соутер говорил: «В рукопашной схватке мой сюртук растянулся, открыв знамя. Афганцы приняли меня за какую-то важную персону». Этот акт милосердия со стороны гильзаев не скрыл главного: кабульский гарнизон был полностью уничтожен.

Остается только сказать, что еще один совсем небольшой отряд англичан продолжал путь к Джелалабаду. Во время ночной стычки у Джегдалекского ущелья капитан Беллью, квартирмейстер кабульского гарнизона, крикнул всем всадникам броситься в прорыв. (Есть неподтвержденные данные, что офицеры топтали конями своих собственных солдат, и по ним стреляли не только гильзаи, но и англичане.) В числе этих всадников был и младший военный врач Ост-Индской компании

Уильям Брайдон, прикрепленный к одному из полков Шаха Шуджи. За день до этого Брайдон, шедший пешком, встретил смертельно раненного кавалериста-сипая, который стал упрашивать его забрать коня, пока тот не попал в руки афганцев. Сначала Брайдон отказывался, но тут сипай, раненный в грудь, замертво свалился с седла.

Утром следующего дня небольшой конный отряд благополучно выехал из Джегдалекского ущелья. Других солдат поблизости не было видно. Начались споры по поводу того, каким путем двигаться дальше. Отряд разделился. Большую его часть, направившуюся по основной дороге от Гандамака к Фаттехабату, с тех пор никто не видел. Десять человек, среди которых был и доктор Брайдон, двинулись напрямую через горы. Наконец, когда голод стал невыносимым, капитан Беллью решил вернуться в небольшое, тихое селение и попытаться купить продовольствие. Возвратившись, он сказал: «Кажется, я нас погубил». Жители селения подняли красный флаг, и англичан со всех сторон обступили конные афганцы. Беллью призывал своих людей сохранять спокойствие и даже направился обратно в селение, куда его пригласили. Там он был немедленно убит. Гильзаи напали на отряд. Доктор Брайдон с трудом отбил выпад саблей. Из кольца афганцев вырваться удалось только ему и еще четверым англичанам.

У троих из них были сильные кони, и они умчались вперед навстречу судьбе, неизвестной до сих пор. Последний оставшийся спутник Брайдона, лейтенант Сир, был ранен, как и лошадь под ним, и, несмотря на уговоры Брайдона, решил попытаться спрятаться в пещере. Врач, продолжив путь в одиночку, наткнулся на отряд из двадцати афганцев, перегородивших ему дорогу. Однако они были безоружны и лишь бросали в него камни. Направив на них коня, Брайдон прорвался, размахивая саблей. Затем он встретил другой отряд. Один афганец выстрелом из мушкета перебил ему саблю и ранил коня. Наконец врач на ковыляющей лошади наткнулся на группу из пятидесяти афганцев, «облаченных во все красное». Один из них взмахнул клинком, и Брайдону с трудом удалось отбить выпад обломком своей сабли. Он кинул бесполезную рукоятку афганцу в лицо, а тот нанес новый удар и рассек врачу руку. Брай-

дон, выронивший поводья, нагнулся, чтобы их подобрать, а его противник, судя по всему, решивший, что он собирается достать пистолет, бросился наутек. В действительности Брайдон к этому моменту уже остался безоружен, а его лошадь была на грани издыхания.

«Внезапно мне показалось, силы оставили меня, — вспоминал Брайдон. — Я стал пугаться теней». Но в конце концов он добрался до Джелалабада, и из крепости ему навстречу выехал капитан из 13-й легкой дивизии Сейла. Раненую лошадь отвели на конюшню, где она легла на землю и больше не встала. Сам Брайдон был четырежды ранен, однако смог поправиться. Встретив первого дошедшего из колонны Эльфинстона, джелалабадский гарнизон зажег сигнальные огни и стал через каждые полчаса подавать сигналы горном, чтобы другие спасшиеся англичане знали, куда направляться. Прошло несколько дней, прежде чем стало ясно, что доктор Брайдон оказался единственным, кому удалось дойти к своим.

ВИКТОРИАНСКОЕ ВОЗМЕЗДИЕ

Зимний снег закрыл бесшумным покрывалом места кровавых побоищ в восточном Афганистане, и обе стороны стали думать, что делать дальше. Если Акбар-хан был искренен в своем желании помочь английскому гарнизону покинуть Кабул (это еще остается под очень большим вопросом), двигало им, вероятно, опасение, что Британский Лев скоро вернется с новыми силами, чтобы отомстить за гибель своих людей. Однако в первые месяцы 1842 года никаких признаков надвигающейся грозной английской армии не было видно. Вместо этого Акбар-хан стал заручаться поддержкой племен, приписывая себе заслуги в истреблении английского гарнизона. Рассчитывая в вихре общенародного возмущения подняться к новым высотам власти, молодой принц лично возглавил осаду Джелалабада. Уверовав в то, что англичане являются жалкими противниками, Акбар-хан вынашивал безумные мечты дойти до Инда и дальше до самого Дели, повторив великие завоевательные походы своих предков.

Даже Шах Шуджа, сохранивший престол вопреки всякому здравому смыслу (если не считать то, что кроется в хитросплетении межплеменных козней, определяющих афганскую политику), пытался приписать себе заслугу в изгнании неверных — по крайней мере он не мешал своим подданным думать, что именно он был душой восстания. Эмир удерживал трон в Кабуле благодаря поддержке Амануллы-хана, не желавшего допустить передачу власти Навабу Заман-шаху или Акбар-хану; при этом все заинтересованные стороны в первую очередь предъявляли претензии на казну Шаха Шуджи.

А англичане все это время просто не могли решить, что де-

лать дальше. В ту эпоху, когда пар все еще считался самым последним скачком технического прогресса, сообщение было очень медленным, и потребовалось несколько недель на то, чтобы известие о катастрофе достигло Лондона, — и еще больше времени, чтобы там в полной мере осознали ее истинные масштабы. До этого случая считалось трагедией, если английским войскам не удавалось поддержать честь Короны; «великой» трагедия объявлялась в том случае, когда это сопровождалось большими потерями. Однако отступление из Кабула оказалось таким полным провалом, что потрясенное викторианское общество в конце концов сошло на эпитете «грандиозная». Прибытие в начале 1842 года в Желалабад доктора Брайдона не столько опровергло, сколько подкрепило мысль об абсолютном разгроме английской армии, поскольку леди Сейл, а также других англичан еще в Кабуле предупреждали о том, что неверные будут уничтожены и лишь одному человеку позволят добраться до своих, чтобы поведать о случившемся.

Таким образом, после позорной катастрофы, увенчавшей интервенцию в Афганистан, перед англичанами встал главный вопрос, рисковать ли отправкой новых войск в страну, где их, возможно, также ждет полное истребление, — в страну, в которой Короне не приходилось ждать ничего, кроме крови и финансовых потерь, — и все ради того, чтобы лишь вернуть уважение к английскому оружию. Пока лорд Элленборо, преемник лорда Окленда, плыл к новому месту назначения, Окленд распорядился направить дополнительные воинские части в Пешавар и Кветту. Командующим главными силами в Пешаваре он назначил генерал-майора Джорджа Поллока, рассудительного, уверенного офицера. Но все же генерал-губернатор, чей срок подошел к концу, пребывал в крайне подавленном состоянии. «На мой взгляд, положение дел в Афганистане является безнадежным, — писал он в одном из своих последних донесений, — но я продолжаю делать все возможное, чтобы его исправить».

Прибыв в Калькутту 28 февраля 1842 года, лорд Элленборо сразу же решительно взялся за работу, пытаясь представить изгнание и истребление кабульского гарнизона обычной операцией, завершившейся относительной неудачей, — задолго до того, как Дизраэли придумал выражение «почетное отступле-

ние», — осуществленной на фоне тактических побед. Он мог утешать себя тем, что все прежние неудачи можно будет списать на своего предшественника, главное, не добавлять к ним новых; при этом заслуга в разрешении кризиса будет всецело принадлежать ему одному. Вскоре тревожным набатом прозвучало послание герцога Веллингтона, распространенное среди членов правительства и представленное королеве. Герцог заканчивал свое послание словами: «Невозможно преувеличить важность восстановления репутации Британской Короны на Востоке. Наши враги во Франции, в Соединенных Штатах и где бы то ни было [понимай: в России] сейчас торжествуют и злорадствуют по поводу наших неудач и позора. Необходимо преподать им хороший урок, показав, что их радость была преждевременной».

Однако перед Элленборо стоял вопрос не о том, как далеко нужно идти, восстанавливая утраченную репутацию, а о том, могут ли английские войска, имеющиеся у него в наличии, вообще ее восстановить. Любая дальнейшая оплошность должна была еще больше подорвать престиж английского оружия. И, к несчастью, в первые месяцы 1842 года список проблем в Афганистане лишь расширился.

После того как стала очевидна гибель кабульского гарнизона, генерал Сейл собрал в Джелалабаде военный совет, чтобы обсудить полученные от Шаха Шуджи приказания покинуть страну. Это предложение поддержали все офицеры за исключением майора Джорджа Бродфута и капитана К. Олдфилда. Жаркие споры продолжались несколько дней. Позиции сторонников оставаться в Джелалабаде еще более ухудшило известие о том, что бригадный генерал Уайлд пытался пройти к осажденному городу через Хайберский проход, но встретил отпор и вынужден был отступить. Союзники-сикхи дезертировали накануне решающего сражения, а сипаи дрогнули после первых же залпов. Мало того, что Уайлду не удалось прийти на помощь; гарнизон единственной английской крепости Али-Масджид, находящейся в Хайберском проходе, в панике бежал. Спустившиеся с гор афганцы из племени афридиев захватили содержавшийся в крепости скот и разграбили склады с припасами. А из Калькутты не поступало никаких известий от-

носительно того, когда будет выслано следующее подкрепление и будет ли оно выслано вообще.

Тем не менее Бродфут на военном совете решительно стоял за то, чтобы бригада оставалась в Джелалабаде, причем в спорах он чуть ли не доходил до рукоприкладства. При моральной поддержке Хавелока (не имевшего права голоса) ему наконец удалось убедить остальных офицеров не покидать Джелалабад. Сейл и политический советник Макгрегор по-прежнему выступали за отход, но в конце концов Сейл согласился принять мнение большинства. У Бродфута были свои причины настаивать на обороне Джелалабада: начиная с прошлого ноября он со своими саперами строил оборонительные сооружения. Город был окружен шестифутовой стеной с бастионами, частоколом и рвом. Однако 19 февраля, незадолго до того, как подошедшая армия Акбар-хана начала осаду Джелалабада, восточные районы Афганистана подверглись разрушительным подземным толчкам, сровнявшим с землей оборонительные сооружения, которые там старательно возводил Бродфут. Воины Акбар-хана сочли землетрясение вмешательством Аллаха.

Нотт, находившийся в Кандагаре, также получил из Кабула приказ об отступлении, однако он и его политический советник Роулинсон даже не подумали его выполнить. Нотт, считавшийся среди высших английских военачальников главным «нытиком», тем не менее готов был выполнять только распоряжения своего правительства, справедливо полагая, что все приказы, поступающие из Кабула, были написаны под давлением. 12 января шесть полков кандагарского гарнизона вышли к реке Аргандаб навстречу войску гильзаев под началом Суфтера Джанга, сына Шаха Шуджи. Обладающие численным превосходством афганцы не смогли устоять перед огнем шестнадцати пушек Нотта, слаженными ружейными залпами и кавалерийской атакой. Обратив противника в бегство, англичане заодно разорили ближайшее селение.

Гарнизон Газни, состоявший из четырехсот человек, находился в осаде с ноября. 16 декабря горожане открыли проходы в городских стенах, позволив афганским воинам тайно проникнуть в город, после чего англичанам пришлось спешно отступить в цитадель. 6 марта полковник Палмер сложил оружие,

получив обещание обеспечить беспрепятственный переход в Пешавар. Однако на следующий день религиозные фанатики гази начали истребление сипаев, продолжавшееся три дня. Десятого марта Палмер снова признал свою капитуляцию, но на этот раз остававшиеся в живых сипаи были предоставлены сами себе. Почти все замерзли или пали в открытом поле под ударами афганских всадников. Палмера и девятых английских офицеров взяли в плен. Газни, место торжества английского оружия в начале войны, пролившегося дождем медалей, теперь стал свидетелем позорного поражения английской армии.

Нотт и Роулинсон, узнав о случившемся в Газни, распорядились очистить Кандагар от местных жителей. Около одной тысячи семей были вынуждены искать кров в окрестных селениях и в пещерах. Подготовив таким образом город к обороне, Нотт 7 марта с основными силами вышел из Кандагара, намереваясь дать сражение войску дуррани, появившемуся поблизости. Дуррани, которыми командовал Мирза Ахмед, донимали англичан стычками, избегая прямого столкновения, и отступали в глубь страны. 9 марта, распусшив слухи о предстоящем ночном нападении на английский лагерь, афганцы обошли армию Нотта и на следующее утро оказались под Кандагаром, в котором оставался малочисленный гарнизон.

Весь день численность афганского войска только увеличивалась, и с наступлением темноты афганцы пошли на приступ крепостных стен, сосредоточив основные усилия на Гератских воротах. Командир гарнизона майор Лейн приказал одной пушке из бастиона вести огонь картечью по плотным массам неприятеля, которые, хотя и были слышны, оставались невидимыми, если не считать огоньков тлеющих фитилей. Гарнизон крепости, сохраняя дисциплину, вел по нападавшим методичный огонь. Но афганцам все же удалось поджечь ворота. Англичане спустили пушку из бастиона, перетащили еще одну из цитадели и собрали за воротами около трехсот человек, дожидаясь, когда противник прорвется в крепость. Через час после начала штурма Гератские ворота рухнули, и в образовавшийся пролом хлынула плотная толпа афганцев. Кэй пишет: «Многие были убиты или смертельно ранены нашим шквальным ружейным огнем. Нападавшие были воодушевлены — защитники тоже. Судьба Кандагара висела на волоске. В течение трех часов

гази раз за разом бросались на приступ ворот; однако им так и не удалось закрепиться в городе, и к полуночи они были вынуждены в отчаянии отступить».

Афганцы потеряли около шестисот человек, и этой же ночью на военном совете Мирза Ахмед подвергся суровым нападкам со стороны других афганских вождей. Но хотя штурм Кандагара окончился неудачей, дело стоило того — в случае успеха для англичан это стало бы последней соломинкой. И, можно сказать с определенностью, Нотт чувствовал себя опозоренным. Вскоре после того, как генерал вернулся после бесплодной охоты за неуловимым противником к дымящимся развалинам Кандагара, поступили известия об окончательном падении Газни. Затем пришло сообщение о новой катастрофе. Вот уже несколько месяцев кандагарский гарнизон, испытывавший острую нехватку денег, фуражного корма, лошадей и боеприпасов, ждал прибытия каравана из Синда через Кветту. 28 марта колонна под командованием бригадного генерала Ингланда, встретив упорное сопротивление афганцев на Ходжакском перевале, была вынуждена в беспорядке отойти назад. Ингланд прислал Нотту письмо, в котором предлагал не ждать подкреплений, а оставить Кандагар и отступить к Кветте.

Тем временем не было никакой возможности вызволить из плена взятых в заложники англичан, и политики приходили в ужас при мысли о том, что Акбар-хан может расправиться с ними. Всего в руках принца оказалось тридцать четыре женщины и ребенка и восемьдесят восемь мужчин (тридцать пять офицеров, пятьдесят один рядовой и двое гражданских). В действительности Акбар-хан обращался с заложниками как только мог заботливо; и все же тем во время странствий по горам восточного Афганистана приходилось постоянно терпеть лишения. Одним из первых страшных ударов, выпавших на их долю, была картина последствий бесславного отступления из Кабула. В середине января леди Сейл записала в своем дневнике:

«Нам приходилось передвигаться по ужасно сложной дороге: на некоторые подъемы и спуски, на первый взгляд казавшиеся непреодолимыми, было страшно даже смотреть.

На протяжении всего ущелья мы встретили человек 200—300 наших жалких индусов... Все они были раздеты и обморожены: раненые и голодные, они жгли костры из кустарника и травы, сбиваясь в кучки... Впоследствии нам сказали, что почти никому из этих несчастных не удалось выйти из ущелья. Также мы слышали, что, доведенные до крайности голодом, они поддерживали свою жизнь, питаясь своими умершими товарищами».

19 февраля землетрясение, разрушившее оборонительные сооружения, возведенные Бродфутом, также обвалило стены горной крепости, в которой содержались заложники. Отдельные толчки продолжались еще в течение нескольких недель; заложникам становилось все сложнее и сложнее найти кров. 3 марта леди Сейл записала в дневнике: «Как всегда, землетрясение. Сегодня из форта выгнали всех обмороженных и непригодных к работе слуг, первоначально отобрав у них все имущество». Эльфинстона окончательно добила болезнь, и его приходилось переносить из одного места в другое в носилках. 23 апреля генерал скончался. До самого своего конца Эльфинстон оставался деликатным; последними его словами, обращенными к ординарцу, были: «Приподнимите мне голову, Мор. Надеюсь, больше я вас не побеспокою».

Однако было бы ошибочным считать, что трудности выпадали лишь на долю англичан. У Акбар-хана хватало своих проблем. После уничтожения кабульского гарнизона тысячи воинов-гильзаев вернулись к своим домам и стадам, таща с собой столько добычи, сколько могли унести. Раздосадованный тем, что гарнизон Джелалабада отказался уйти (если бы Акбар-хан только знал, как близок был к такому решению военный совет), принц с верными войсками и фанатиками-гази начал осаду города. 11 марта полковник Денни во главе отряда из восьмисот человек сделал вылазку. Англичанам удалось без потерь вернуться в город, а в образовавшейся суматохе Акбар-хан был ранен выстрелом одного из своих людей. Возможно, имел место несчастный случай, а может быть, это было делом рук убийцы, нанятого или Шахом Шуджой, или Макгрегором. Так или иначе, в дополнение к незажившей ране на бедре Акбар-хан получил свежие ранения в шею и руку.

Самой серьезной проблемой, с которой столкнулся Акбархан во время осады Джелалабада, было отсутствие помощи из Кабула. Оставшиеся в столице Наваб Заман-шах, Амануллашах и Шах Шуджа вели трехстороннюю игру за власть, а кызылбаши тем временем оставались в полном бездействии. Акбар-хану, ведущему боевые действия против англичан, не хватало людей и боеприпасов. Наконец Шах Шуджа в качестве главы государства взял на себя задачу по мобилизации населения для окончательного удара по неверным. Начиная с 31 марта он стал собирать войско. 5 апреля эмир вышел из крепости Бала-Гиссар, чтобы принять на себя командование, и был тотчас же смертельно ранен выстрелом. Убийцей был Довлах, сын Наваба Заман-шаха, считавшегося наиболее умеренным из влиятельных афганских вождей. После этого Наваб Заман-шах отказался встречаться и разговаривать со своим сыном, однако непоправимое дело уже было сделано. Эмиром был провозглашен сын Шаха Шуджи Фатх Джанг, хотя у него в руках, как и у его отца, практически не было реальной власти. Между тем как раз в день убийства Шаха Шуджи англичане начали действовать.

Генерал Поллок терпеливо накапливал силы в Пешаваре, памятуя о неудаче, выпавшей в Хайберском проходе на долю слишком малочисленного отряда Уайлда. Тем временем извечные хранители Хайбера афридии (которых англичане называли «хайберами») возвели укрепление, перекрывавшее вход в ущелье, а на соседних склонах вырыли окопы для стрелков. В 3.30 утра 5 апреля войско Поллока скрытно подошло к укреплению тремя колоннами. Центру под командованием Уайлда предстояло действовать против стены, выстроенной афридиями, а две другие колонны, состоящие из сипаев с приданными ротами 9-го пехотного полка, начали взбираться на склоны ущелья, чтобы выбить засевших на флангах афганцев. Застигнутые врасплох временем штурма и тактикой англичан, афридии бросили окопы и бежали от карабкающихся на горы английских пехотинцев. Те, кто оставался внизу, увидев скапливающихся наверху солдат в красных мундирах, также обратились в бегство.

Таким образом, захватив без труда укрепление, перегораживающее проход, отряд Поллока двинулся дальше, подавляя разрозненные очаги сопротивления. Впоследствии английские ис-

торики утверждали, что впервые Хайберский проход был преодолен силой оружия; предыдущие завоеватели или покупали себе право пройти через ущелье, или же вообще предпочитали не связываться с ним, обходя его по долине протекающей неподалеку реки Кабул. Трудно согласиться с подобной точкой зрения; по крайней мере необходимо добавить оговорку, что, если Александр Македонский или Чингисхан провели бы о том, какая слава выпадет на долю полководца, совершившего подобное достижение, они бы тоже ни перед чем не остановились.

На следующий день в бригаде Сейла, находившейся в Джелалабаде, пошли слухи о том, что отряд Поллока разгромлен. Затем в войсках Акбар-хана прогремел салют, казалось, подтверждавший худшие опасения английского гарнизона. Однако вскоре выяснилось, что Поллок продолжает двигаться вперед, а салютом было отмечено известие о смерти Шаха Шуджи. Ночью в Джелалабаде состоялся еще один раздираемый противоречиями военный совет, на котором было принято решение (после того как удалось убедить возражавшего Сейла) выйти из крепости и нанести удар по осаждавшей город армии Акбар-хана.

На рассвете 7 апреля английский гарнизон тремя колоннами двинулся на афганский лагерь, расположенный больше чем в двух милях от города. Под началом полковников Денни и Монтита было по пятьсот человек у каждого, а Хавелок, действовавший на правом фланге, имел триста пятьдесят человек; сзади колонны прикрывали две сотни кавалерии и батарея орудий. Афганцы были готовы к нападению и открыли огонь из фортов, расположенных перед линией основных укреплений. Денни, имевший приказ захватить один из фортов, получил смертельное ранение. «Он умер под звуки сражения, — заметил очевидец. — К сожалению, ему не довелось стать свидетелем торжествующего финала». Тем временем конница Акбар-хана атаковала две английские колонны, а сам принц командовал действиями афганской артиллерии. Колонне Денни было приказано вернуться в центр. Сейл пишет:

«Афганцы предпринимали постоянные попытки остановить наше продвижение прицельным ружейным огнем. Дважды они угрожали массированными атаками конницы

пехотным подразделениям под командованием капитана Хавелока и, кроме того, вели по нас огонь из батареи из трех орудий, скрытых за стеной сада... Но вскоре неприятель вынужден был оставить все позиции, его артиллерия была захвачена, а в лагере начался пожар».

Бригада Сейла, потеряв 10 человек убитыми и 53 ранеными, захватила лагерь Акбар-хана и рассеяла его войско. Особенно ценными были для англичан отбитые у противника четыре шестифунтовые пушки, принадлежавшие отряду Эльфинстона. 16 апреля вышедшая из Хайберского прохода армия Поллока подошла к Джелалабаду, где ее встретил оркестр 13-й легкой дивизии, исполнивший «О, но как же долго пришлось тебя ждать!»

В конце марта Нотт, остававшийся в Кандагаре, получил от генерала Ингланда письмо, где тот, напоминая о собственной неудачной попытке пройти через Ходжакский перевал, предлагал ему отступить в Кветту. Нотт в резкой форме приказал Ингланду подойти со своим войском к началу перевала, где его встретит посланная из Кандагара бригада и поможет пройти через Ходжак. Таким образом, офицеры Ингланда из Бомбейской армии, к своему стыду, вынуждены были встречать войска Нотта из Бенгальской армии, с боем прошедшие через Ходжакский перевал, чтобы проводить их до Кандагара. Итак, к началу весны 1842 года две сильные английские армии ступили на афганскую землю. Однако оставался главный вопрос: что делать дальше?

Лорд Элленборо, прибывший в Калькутту, пытался решить, достаточно ли победы под Джелалабадом для восстановления престижа Великобритании на Востоке. Сам он искренне надеялся на это, поскольку слово «Кабул» успело стать синонимом поражения, а за все последующие неудачи должен был отвечать уже он, а не Окленд. Для того чтобы подчеркнуть значение недавней победы, Элленборо приказал дать салюты во всех английских гарнизонах в Индии и произнес речь, восхваляющую «доблестный гарнизон» Джелалабада. В конце апреля он отдал приказ армиям Нотта и Поллока оставить Афганистан.

Получив приказ, Поллок ответил, что у него нет достаточного количества подвод, чтобы эвакуировать гарнизон, и доба-

вил, что, учитывая приближение лета, предпочитает остаться, так как климат Джелалабада благоприятнее климата Пешавара. В Кандагаре к приказу генерал-губернатора также отнеслись крайне отрицательно. Нотт и Роулинсон скрыли его от своих войск. Отговорка Нотта выполнить приказ Элленборо состояла в том, что до наступления осени переход его армии через Синд будет сопряжен с большими трудностями. Началось лето, а обе английские армии находились в состоянии не войны и в то же время не мира. Элленборо колебался, надеясь получить из Лондона подтверждение того, что пришедшая к власти консервативная партия считает честь английского оружия восстановленной. Однако вместо этого доходившие слухи свидетельствовали о том, что и королева и общество считают, что истребление кабульского гарнизона до сих пор не отомщено надлежащим образом.

Наконец Элленборо нашел решение, и в этом ему помогли его генералы. Нотт сообщил, что он готов покинуть Кандагар, но только обходным путем: через Газни и далее через Кабул до Джелалабада. Поллок, чья армия изнывала от желания посетить Кабул, доложил генерал-губернатору, что с радостью встретит Нотта в афганской столице, повторив путь кабульского гарнизона, но только в обратную сторону, под гром орудий. 4 июля Элленборо ответил согласием. Учитывая, каким медленным было сообщение в ту пору, становится ясно, как терзался Поллок, дожидаясь известий о том, что Нотт действительно выступил на Кабул. «Поскольку я предложил встретить его, — писал Поллок, — Нотту будет очень трудно устоять перед таким *восхитительным* соблазном; однако, если он все-таки устоит, значит, он не тот человек, за кого я его принимал». На самом деле 12 августа Нотт выступил из Кандагара, имея под своим началом шесть тысяч человек. Получив сообщение об этом, Поллок с восемью тысячами двинулся на Кабул из Кандагара.

Нотт преодолел 160 миль, или около половины расстояния до Кабула, не встретив серьезного сопротивления, но затем гильзаи стали донимать английскую армию непрерывными нападениями. Двадцать восьмого августа одно из столкновений с афганцами завершилось массовым побоищем. Английские солдаты, осматривающие селение, подверглись обстрелу. Англичане пощадили женщин и детей, но больше ста мужчин из числа жителей деревни были убиты. 5 сентября армия Нотта

подошла к Газни. Город кишел афганскими войсками; на окрестных высотах сосредоточились всадники. Однако ночью афганцы, быстро терявшие боевой дух и, несомненно, опасавшиеся возмездия за мартовское истребление газнийского гарнизона, рассеялись.

Элленборо прислал особое распоряжение, в котором требовал вернуть знаменитые ворота Сомнатха, в одиннадцатом веке захваченные в Катхьяваре Махмудом Газневи и теперь украшавшие гробницу Махмуда. Роулинсон, специалист-востоковед, изучил надписи на воротах и определил, что они не могут быть воротами Сомнатха; тем не менее английские саперы осторожно сняли их. Роулинсон вспоминал: «Хранители гробницы горько плакали; однако отношение к происходящему было не таким, как можно было ожидать». (Разговаривая с муллами, он услышал рассказ о том, что ворота оказались похоронены под развалинами, когда Газни разорил Чингисхан, гнавшийся за Джелал-ад-Дином. Однако через несколько столетий один из могольских падишахов нашел ворота после того, как ему явилось видение.) Армия Нотта двинулась дальше, таща снятые ворота, и 17 сентября 1842 года подошла к Кабулу. Но здесь вспыльчивого Нотта ждал последний удар, который он получил в Афганистане: над крепостью Бала-Гиссар развивался огромный британский флаг. Поллок опередил своего соперника.

Армия Поллока вышла из Джелалабада 20 августа под жарой боевой колонной, оставив почти весь обоз. Англичане задержались у Гандамака, чтобы разобраться с отрядами гильзаев, и обнаружили неподалеку от селения холм, на котором приняли последний бой остатки 44-го пехотного полка. Истлевшие трупы превратились в скелеты, но красные мундиры и светлые волосы неопровержимо свидетельствовали о том, кому они принадлежат. Пока армия стояла под Гандамаком, в английский лагерь прибыл оборванный афганский беглец. Это был Фатх Джанг, сын Шаха Шуджи, недолго бывший афганским эмиром, а затем вынужденный бежать из Кабула, спасая свою жизнь.

Пока английские армии стояли в нерешительности, в Кабуле разгорелась гражданская война между дуррани и кызыл-башами, с одной стороны, и гильзаями и баракзаями — с другой. В ходе междоусобной борьбы Акбар-хан, представлявший

баракзаев, взорвал часть стены Бала-Гиссара, вынуждая Фатха Джанга, эмира из династии Дуррани, поделиться властью. Первоначально предполагалось, что Акбар-хан станет при эмире визирем, но Фатх Джанг, предчувствуя недоброе, бежал из столицы. Наваб Заман-шах собрал свою собственную армию, чтобы бороться с Акбар-ханом и оберегать пленных англичан, больных и калек, оставленных Эльфинстоном в самом начале отступления из Кабула.

8 сентября армия Поллока подошла к Джегдалекскому проходу, занятому многочисленными отрядами гильзаев, знамена которых реяли на склонах ущелья. Впоследствии генерал докладывал: «Горы, на которых расположился неприятель, образовывали своего рода амфитеатр... Наши войска вынуждены были остановиться, а неприятель получил возможность вести огонь по колонне, при этом глубокая расселина не позволяла войти в непосредственное соприкосновение». Саперы Бродфута поднялись на склоны ущелья на одном фланге, 9-й пехотный полк на другом, а 13-я легкая дивизия, спустившись в расселину, взобралась на противоположный край и пошла в штыковую. Кэй пишет: «Гильзаи смотрели на них с изумлением и бессильной яростью. Они сразу же почувствовали боевой настрой наших людей и попятились назад, избегая стычки. Наши передовые отряды неудержимо двигались вперед, и наконец гильзаи опустили знамена. Противник бежал, бросив укрепления, откуда еще совсем недавно надменно взирал на нас, обманутый ложным представлением об их неприступности».

Афганцы в столице снова забыли о внутренних распрях перед лицом внешнего врага, и Акбар-хан выступил к Тезину во главе войска в шестнадцать тысяч человек. Тринадцатого сентября подошедший к афганским позициям Поллок увидел, что склоны ощетинились сверкающими «джезаилами», а в каждой горной ложине толпятся афганские всадники. И снова англичане пошли на приступ вершин. Расстояние между противниками быстро сократилось, так что уже не осталось времени на то, чтобы перезарядить ружья и мушкеты, и исход боя решили сабли и штыки. «Самым впечатляющим зрелищем в тот день, — согласно одному из очевидцев, — были Бродфут и малорослые гуркхи из числа его саперов, гнавшие неприятеля со скалы на скалу, взбиравшиеся на склоны, которые казались неприступ-

ными». Армия Акбар-хана рассеялась, оставив поле боя, после чего почти вся разбежалась по домам. Чтобы понять, почему армия Поллока так рвалась в бой, достаточно услышать описание дороги, по которой ей пришлось идти, — той самой, которой в начале года пыталась воспользоваться колонна Эльфинстона. После перехода через Хурд-Кабульский перевал капитан Джулиус Бэкхауз записал в своем дневнике:

«От видов останков несчастных из кабульского гарнизона разрывалось сердце. Они лежали грудями по пятьдесят—сто трупов, и колеса наших пушек катились по ним, каждый ярд сокрушая черепа и кости наших погибших товарищей на протяжении трех, четырех или даже пяти миль; наверное, можно сказать, что весь переход от Гандамака до Кабула, то есть около семидесяти пяти миль, нам приходилось преодолевать по трупам уничтоженной армии».

Подойдя к Кабулу 15 сентября, Поллок обнаружил, что организованное сопротивление афганцев бесследно испарилось. Акбар-хан с теми, кто хотел сражаться, бежал из города на север и на запад. На следующий день капитан Ричмонд Шейкспир во главе отряда из шестисот всадников-кызылбашей был отправлен в Бамиан, где содержались заложники-англичане. За несколько дней до этого, среди хаоса, вызванного наступлением англичан и отступлением афганцев, Элдред Поттингер переговорил с афганским командиром Салехом Мухаммедом, которому были вверены заложники, и предложил ему крупную сумму за то, чтобы тот привел англичан к свободе. Семнадцатого сентября отряд Шейкспира встретил заложников на дороге, ведущей из Бамиана. Радости спасенных не было предела. Настроение освобожденных заложников поднялось еще больше двадцать второго сентября, когда они встретили бригаду Сейла, направленную из Кабула на помощь Шейкспиру. Леди Сейл записала в дневнике:

«Моей дочери и мне счастье — ждать которое пришлось так долго, что оно явилось чем-то неожиданным, — причинило щемящую боль, которую не могли облегчить слезы.

Когда мы подошли к выстроившейся пехоте, заложников встретили восторженными криками; затем строй нарушился, и солдаты 13-й бригады бросились к нам, тиская в объятиях. У каждого находились свои сердечные поздравления супруге и дочери их командира: и наконец мои натянутые до предела чувства нашли желанный выход. Я с трудом могла говорить, выражая благодарность солдатам за слова сочувствия, а слезы, сдерживаемые так долго, струились по моему лицу».

Имея в запасе еще несколько недель хорошей погоды, объединенная английская армия численностью четырнадцать тысяч человек, именуемая теперь «Армией возмездия», отрядила карательные колонны на север, чтобы отомстить Кохистану. Чарикар и Исталиф подверглись жестокому разорению, отчасти потому, что англичане обнаружили в этих селениях груды имущества, награбленного при разгроме армии Эльфинстона.

Теперь перед Поллоком встала проблема, как оставить в Кабуле красноречивое свидетельство могущества Великобритании, которое напоминало бы афганцам о силе британского оружия и после ухода оккупационной армии. Самым очевидным решением было разрушение крепости Бала-Гиссар, традиционной резиденции афганских эмиров; с другой стороны, англичане по-прежнему сохранили надежду установить хорошие отношения со следующим правителем Афганистана. Поллок остановился на том, чтобы разрушить центральный кабульский базар, торговые ряды на крытой площади, уже несколько столетий известные всей Центральной Азии. Именно здесь совсем недавно было выставлено на всеобщее обозрение обезображенное тело Уильяма Макнатена. Поллок приказал саперам позаботиться о том, чтобы разрушения не затронули соседних построек. Сначала он запретил проводить взрывные работы, но саперы доложили, что одними кирками сооружения на базаре не разрушить, так что пришлось прибегнуть к помощи пороха. В конечном счете взрыв базара ознаменовал собой начало оргии разграбления, в которой участвовали как английские солдаты, так и жители Кабула. В течение двадцати четырех часов город превратился в арену грабежей, убийств и изнасилований. Два дня спустя, 12 октября, английская армия ушла из Кабула.

Когда Армия возмездия, возвращавшаяся в Индию, вошла в Хайберский проход, последнюю точку в войне поставили племена афридиев, которые снова собрались на горных склонах, стиснувших их знаменитое ущелье, и открыли огонь по английскому арьергарду. Шестьдесят человек пали от «джезаилских» пуль, и афридии, спустившись вниз, забрали у убитых оружие и вещи. Основные силы колонны не стали возвращаться, чтобы их наказать.

Как только английская армия прошла через проход, с противоположной стороны в Хайбер вошла другая, небольшая колонна. Ее возглавлял Дост Мухаммед, освобожденный лордом Элленборо и возвращавшийся на родину, чтобы вернуть себе афганский трон.

В качестве «продолжения политики иными средствами» война, отнявшая столько жизней, оказалась совершенно бессмысленной. Сэр Джон Кэй, лично знакомый со многими участниками и имевший доступ к их бумагам, вынес заключение, что предпринятый англичанами поход был «несправедливым», указав далее, что первоначальные успехи, одержанные англичанами, в действительности были лишь фундаментом для их последующего краха. «Наши победы вселили в нас обманчивое чувство безопасности, — писал он, — скрыли от нас надвигающуюся катастрофу». Обращаясь к Книге Иеремии, Кэй завершает свой исторический труд, написанный в 1851 году, «главным уроком», который надлежит вынести из Афганистана: «Господь Бог воздаст за все». Однако он не догадывался, что «Мир по-британски» лишь только зарождается и через несколько лет солдаты королевы Виктории вернутся в Кабул.

После резкого всплеска анархии в Афганистане Дост Мухаммед получил в свои руки государство, существенно сжавшееся в размерах по сравнению с тем, которое английские штыки поддерживали для Шаха Шуджи. Однако в течение следующих десяти лет деятельный эмир безжалостно отнимал земли у своих сводных братьев и местных вождей. Акбар-хан был назначен визирем при троне отца, однако он умер в 1845 году в возрасте двадцати девяти лет. Нет никаких достоверных свидетельств, подтверждающих широко ходившие слухи о том, что

Дост Мухаммед имел какое-то отношение к внезапной болезни и смерти своего чересчур честолюбивого сына.

Дост Мухаммед отвоевал Афганский Туркестан, в древности Бактрию, область к северу от Гиндукуша, а затем и Кандагар и Бамиан.

Герат, в котором по-прежнему правили представители ветви саддозаев династии Дуррани, не желал признавать власть Кабула и обратился за помощью к Персии. Хотя англичане перешли в отношении Афганистана к политике невмешательства, они тем не менее продолжали пристально следить за Гератом, считая его воротами страны. В 1855 году англичане подписали с Достом Мухаммедом договор, в котором были приняты обязательства взаимной помощи перед лицом внешнего врага. В 1856 году персидская армия заняла Герат, и англичане ответили повторением хода, совершенного в 1838 году. В Персидский залив была направлена английская эскадра, после чего персы вынуждены были оставить Герат. Наконец в 1863 году Дост Мухаммед захватил Герат. Эмир умер через несколько недель, в последние дни своей жизни завершив объединение почти всех земель, образующих современный Афганистан.

Тем временем англичане тоже расширяли свои владения. Сразу же после окончания афганской войны, имея на границе большую армию, располагающую всем необходимым, они вырвали провинцию Синд из рук белуджских эмиров. «Мы не имеем права завоевывать Синд, — писал сэр Чарльз Нэпьер, командующий английскими войсками, — однако мы сделаем это, и наши действия станут очень выгодным, полезным и гуманным мошенничеством». В конце 1845 года сикхская армия перешла Сатледж¹ и два месяца спустя была разгромлена в сражении при Собраоне английской армией под началом Хью Гоу. (В числе английских офицеров, погибших в этой битве, были Джордж Бродфут и сэр Роберт Сейл.) Три года спустя сикхи снова взяли за оружие, но лишь для того, чтобы в феврале 1849 года окончательно потерпеть сокрушительное поражение под Гуджратом. Держава, сорок лет назад с таким мучи-

¹ По Амритсарскому договору 1809 года, заключенному англичанами с Ранджитом Сингхом, эта река была признана в качестве границы сикхского государства.

тельным трудом созданная выдающимся Ранджитом Сингхом, превратилась в провинцию Британской Индии. После аннексии Синда и Пенджаба Радж теперь имел протяженную, хотя и очень нечеткую границу с Афганистаном.

В 1854 году «Большая игра» переросла в открытое военное противостояние в Крыму, обширном полуострове, выступающем в Черное море от современной Украины. Против России сложился воистину странный союз: английская и французская армии поддерживали Оттоманскую империю, исходя из постулата, что самой большой угрозой стабильности в мире станет русский контроль над Дарданеллами, проливом, который принадлежал Турции и вел в Средиземное море. «Атака легкой бригады» в ходе Крымской войны явилась одним из самых живописных поражений англичан, заставивших художников викторианской эпохи схватиться за кисти и мольберты. А самой значительной фигурой, появившейся в ходе войны, наверное, стала женщина по имени Флоренс Найтингейл, храбро пытавшаяся побороть самого страшного врага солдат обеих противоборствующих сторон — болезни¹.

Затем, в 1857 году, стал явью кошмар, которого так давно с ужасом ждали англичане, — началось восстание, в зависимости от точки зрения называемое «Великим бунтом» или «Войной за индийскую независимость». Это восстание, основной движущей силой которого стали части сипаев, отняло жизни более чем пятьдесят тысяч военных и несчетного количества гражданских, прежде чем англичанам удалось восстановить свою власть. Последнего падишаха династии Великих Моголов лишили трона, а его сыновей убил английский офицер². Апофеозом войны стала оборона Лакнау, где в качестве командующего английским гарнизоном погиб Генри Хавелок, в то время

¹ Найтингейл, Флоренс (1820—1910) — английская медсестра, основательница профессии ухода за ранеными. Во время Крымской войны она во главе отряда медсестер отправилась в г. Скутари (ныне г. Ушкудар в Турции); благодаря их работе смертность в английских госпиталях сократилась с 42% до 2%.

² Бахадур-шах, не принимавший сколько-нибудь активного участия в подготовке восстания в Дели и руководстве им, тем не менее был арестован и по решению суда приговорен к ссылке. Его двое сыновей и внук были предательски убиты английским офицером Ходсоном.

как одному из его подчиненных, доктору Уильяму Брайдону, ставшему к тому времени старшим военным врачом, в который уже раз удалось остаться в живых — похоже, это начало входить у него в привычку.

Какое-то время все внимание английских войск было сосредоточено на отчаянных сражениях в центральной Индии, и Дост Мухаммед упустил возможность отвоевать Пешавар, исконно афганский город, захваченный сикхами и вместе с их государством вошедший в состав британского доминиона. И действительно, англичане, наверное, уступили бы ему город в обмен лишь на обещание не предпринимать никаких других шагов, поскольку во время восстания сипаев наибольшие опасения вызывало возможное вторжение афганских войск с севера. После завершения войны со своими индийскими подданными у англичан на территории страны оказалось гораздо больше войск, чем было до того, поэтому Пешавар, хотя и населенный пуштунами, и по сей день остается за границей Афганистана.

После смерти Доста Мухаммеда в 1863 году Афганистан снова вступил в полосу междоусобных войн. Против наследника, назначенного эмиром, — младшего сына Доста Мухаммеда Шер Али-хана, — выступили два его старших брата, Азим-хан и Афзал-хан, а также энергичный сын последнего Абдурахман (двоюродный брат Шер Али-хана). В 1866 году молодой Абдурахман одержал подряд несколько побед, которые возвели на афганский престол Афзал-хана; однако вскоре отец умер, и Абдурахман рассорился со своим дядей. Абдурахман бежал на север, и в 1869 году Шер Али-хан силой оружия проложил себе дорогу обратно в Кабул.

Держава, оказавшаяся под властью Шер Али-хана, была обширной в смысле территории, но совершенно нищей, — самое неподходящее сочетание для уготованной ей роли последней преграды между неуклонно разрастающейся Российской империей и британскими владениями в Азии. После Крымской войны Россия снова обратила свое внимание на Трансоксиану, и теперь эмиры Бухары, Ташкента и Хивы уже не смогли устоять перед царскими войсками. Английские дипломаты добились от своих российских коллег заверений в том, что Афганистан останется неприкосновенным и его северная граница

пройдет по Амударье (древнему Оксу). И все же в Великобритании очень боялись того, что русские так и не расстались с мечтами дойти до Индии.

В 1874 году в Лондоне к власти пришла консервативная партия Бенджамина Дизраэли, провозгласившая политику «продвижения вперед», аналогичную тому, что американцы впоследствии назовут «сдерживанием». Новый вице-король Индии лорд Литтон начал оказывать давление на Шер Али-хана, требуя дать разрешение разместить в Афганистане британские миссии, в том числе официальное посольство в Кабуле. Эмир колебался, отчасти потому, что не мог гарантировать безопасность граждан Великобритании, отчасти опасаясь, что русские обязательно обратятся к нему с такими же требованиями. Как и англичан, Шер Али-хана беспокоила угроза российского вторжения, а к северу от Гиндукуша афганцы ничем не смогли бы помешать действиям честолюбивого царского генерала Антонина Кауфмана¹.

Напряженность между Великобританией и Россией достигла нового пика в апреле 1877 года, когда в ответ на массовые погромы христиан в Болгарии, входившей в состав Османской империи, Россия снова объявила войну Турции. Царские войска нанесли два удара через Кавказ и на Балканах. Великий князь Николай разгромил турецкую армию после драматичной осады болгарского города Плевны, после чего его сотысячная армия двинулась на Константинополь. Там русские увидели английский флот, стоящий на якоре в Дарданеллах. Царская армия и флот королевы в течение шести месяцев стояли друг напротив друга, и только договор, составленный в 1878 году на Берлинском конгрессе, положил конец враждебным действиям. Однако еще в то время, когда полномасштабная война казалась неизбежной, русский генерал Кауфман собрал в Туркестане сорокатысячную армию, намереваясь вторгнуться в Индию. Но первым делом он отправил в Кабул миссию в составе двухсот пятидесяти человек под началом генерала Николая Столетова, собираясь заручиться поддержкой афганцев.

Шер Али-хан, испугавшись как возможной английской ре-

¹ Генерал-адъютант Константин (а не Антонин) Петрович фон Кауфман в указанное время являлся губернатором Туркестана.

акции, так и действий царского генерала, в отчаянии попросил русских вернуться назад. Столетов тем не менее продолжил путь, в свою очередь, выслав афганскому эмиру заверения в поддержке России. 22 июля, на следующий день после окончания Берлинского конгресса, Шер Али-хан принял русскую миссию в Кабуле. Узнав о том, что война откладывается, Кауфман срочно отозвал свою делегацию назад, но часть русских офицеров задержалась в Кабуле до августа. Естественно, когда до Калькутты дошли известия о российском присутствии в Кабуле, разъяренный лорд Литтон потребовал от афганцев принять такую же английскую миссию.

По стечению обстоятельств, за несколько дней до этого погиб любимый сын и наследник Шер Али-хана. Англичане сочли объявленный эмиром траур попыткой потянуть время и отправили свою делегацию в Кабул, не дожидаясь официального разрешения. 3 сентября миссия в составе 250 человек под началом сэра Невилля Чемберлена вошла в Хайберский проход, где ее встретили афганские войска, категорически отказавшиеся пропустить англичан. Литтон потребовал немедленно объявить войну, но кабинет Дизраэли провел совещание, на котором было принято решение предъявить Шер Али-хану ультиматум: эмир должен был принести официальные извинения и разрешить открыть постоянное британское представительство в Кабуле, в противном случае его ждала война. Крайним сроком объявили заход солнца 20 ноября. В последний момент Шер Али-хан отправил ответ, в котором соглашался на открытие британской миссии, однако ответ поступил слишком поздно (и в нем отсутствовали извинения). В любом случае, англичане уже были настроены на войну. Утром 21 ноября три английские армии вошли в Афганистан. Началась вторая англо-афганская война.

Как продолжение, вторая англо-афганская война напоминала первую в такой же степени, в какой фильм «Унесенные ветром» Джона Уэйна похож на одноименный роман Маргарет Митчелл. Лишенная идеализма и даже наивности, которые в свое время заставляли обе стороны в течение нескольких лет метаться между требованиями чести, патриотизма и стремле-

нием выжить, вторая война стала расправой великой державы над маленькой, слабой страной.

Вскоре после катастрофы 1842 года Великобритания переступила порог эры технического прогресса, где с каждым новым поколением пропасть в военном отношении между богатыми и бедными странами растет в геометрической прогрессии. Индустриальное могущество Великобритании обусловило то, что к 1878 году железные дороги и телеграфные линии тянулись через всю Индию к границе Афганистана. На море на смену непостоянству ветра пришел пар, и более крупные, более быстроходные корабли могли доставлять войска к берегам субконтинента строго по расписанию. Тем временем Суэцкий канал вдвое сократил расстояние по морю между Англией и Индией. В 1866 году пехотные полки Ее Величества получили на вооружение в качестве стандартного оружия казнозарядную винтовку «мартини-генри», позволяющую вести прицельный огонь на расстоянии до тысячи ярдов; при этом значительно возросли дальность стрельбы орудий и эффективность снарядов. Армия сменила красные мундиры на хаки, а высокие кивера и треуголки на каски¹.

Кроме того, покров тайны, в представлении англичан, окружавший раньше афганцев, почти весь рассеялся. После аннексии Пенджаба и Синда вооруженные силы Раджа совершили не менее сорока карательных экспедиций на территории, населенные пуштунами, получившие название Северо-Западной границы², где им приходилось иметь дело с местными вождями, промышлявшими разбоем. Затем англичане взяли в свои ряды сикхов, воинственный народ, оказавший неоценимую помощь в борьбе с индусами во время восстания 1857 года, уже несколько столетий хорошо знакомый с афганцами. И, наконец, в английской армии до сих пор была жива жажда отмщения за позор 1842 года. Точно так же, как две мировые войны в Европе можно рассматривать как двухходовую схватку с Гер-

¹ Английская армия перешла с красных мундиров на хаки в ходе англо-бурской войны 1899—1902 годов.

² Поэтому правильное название этой территории должно быть «Провинция Северо-Западной границы», однако в русском языке уже укоренилось название «Северо-Западная пограничная провинция».

манией, так и вторая англо-афганская война — по крайней мере в представлении молодых солдат, воспитанных на трагической судьбе армии Эльфинстона, — была лишь вторым этапом действий Армии возмездия.

В распоряжении Шер Али-хана не было практически никаких средств, чтобы отразить вторжение. Эмир попытался собрать армию в пятьдесят тысяч человек, но не смог ни выделить ей денежное довольствие, ни обеспечить оружием и снаряжением. И, несмотря на новую военную форму — для Афганистана это было внове, — большинство солдат в первую очередь хранили верность своим племенам; монарх мог в лучшем случае оказывать на них влияние, но о беспрекословном подчинении не было и речи. Шер Али-хан бежал на север в Мазари-Шариф, откуда стал посылать русским мольбы о помощи. Однако какие бы обещания ни делали русские летом, сейчас они от всего отказались, и Кауфман посоветовал эмиру договариваться с англичанами. Шер Али-хан вознамерился добраться до Санкт-Петербурга и лично изложить свое дело перед царем, однако Кауфман запретил ему переправляться через Амударью. Сломленный иностранной агрессией с одной стороны и вероломством с другой, эмир поселился среди опустевших развалин некогда величественного Балха, где и умер в феврале 1879 года. Шер Али-хан даже не догадывался, что англичане скоро найдут второе вторжение в Афганистан ничуть не более приятным, чем первое, и постараются как можно быстрее убраться из страны.

Первая стадия войны подтвердила истину, которую неоднократно доказывали в течение столетий: завоевать Афганистан совсем нетрудно, поскольку силы, присущие этой стране, как правило, оказываются неспособны проявить себя в заблаговременном планировании и организационной общности, необходимых для обороны границ. Так, пятнадцатитысячная армия генерала Сэма Брауна вышла из Пешавара 21 ноября 1878 года и преодолела Хайберский проход. Англичанам пришлось вести долгую артиллерийскую дуэль с афганскими силами под Али-Масджидам, горной крепостью в пяти милях от входа в ущелье; однако с наступлением темноты афганцы отступили. На следующий день английская кавалерия настигла и взяла в плен около трехсот горцев.

На юге двенадцатитысячная армия генерала Дональда Стюарта, оставив обоз в Кветте, преодолела Боланский проход, затем Ходжакский перевал и двинулась на Кандагар, который был взят так же легко, как это сделала в 1838 году Великая Индийская армия.

Единственное серьезное сражение пришлось вести центральной колонне под командованием генерала Фредерика Робертса, состоявшей приблизительно из шести с половиной тысяч человек и наступавшей через долину Куррама. Робертс, которого нельзя было назвать не то что высокорослым, но и человеком среднего роста, продемонстрировал недюжинную храбрость во время восстания сипаев, получив «Крест Виктории» за переход с боями к осажденному Лакнау. В одном сражении был момент, когда показалось, что он пал под огнем артиллерии сипаев, и среди солдат его полка пробежал слух: «Нашему коротышке Бобсу крышка!» Впоследствии, когда Робертс был произведен в следующий чин, его прозвище трансформировалось в более пристойное Маленький Бобс, хотя всей армии он был известен как командир самого крупного кавалерийского соединения. С английской стороны вторая англо-афганская война заключалась преимущественно в перечне деяний Робертса, приправленных некоторым сожалением по поводу того, что подобного энергичного генерала не оказалось в 1842 году, так как в этом случае во второй войне скорее всего просто не было бы необходимости.

Армия Робертса прошла через долину Куррама, но затем наткнулась на регулярные афганские войска и отряды горцев, которые засели на господствующих высотах вдоль Пейвар-Котала, четырехмильного ущелья у выхода из долины. С наступлением темноты Робертс повел колонну из трех полков в обход афганских позиций. Английским солдатам приходилось двигаться по горам на ощупь, чтобы обойти неприятеля слева. В течение ночи пуштуны из Туземного пехотного полка стреляли из винтовок, пытаясь предупредить афганцев об опасности. Робертс отослал этот полк в тыл, а сам продолжил маневр с оставшимися частями: полком гуркхов и 72-м Олбани-Сифортским полком шотландских горцев.

На рассвете Робертс обрушился на левый фланг афганской армии и захватил два форта, «задерживаясь только для того, что-

бы перебить штыками защитников». Одновременно с этим войска, остававшиеся в долине, атаковали позиции неприятеля в лоб. Афганцы не выдержали стремительного натиска и бежали, бросив все орудия и потеряв более трехсот человек убитыми. Большая часть регулярной афганской армии, насчитывавшей около пятнадцати тысяч человек, после этого перестала существовать, бесследно растворившись, и лишь отдельные бойцы терпеливо ждали более удобного случая, чтобы расправиться с новой волной пришельцев-неверных. Потери англичан составили двадцать один человек убитыми и семьдесят пять ранеными.

Шер Али-хан передал трон в Кабуле Якуб-хану, своему сыну, которого до этого держал в тюрьме. После смерти отца Якуб-хан обменялся посланиями с англичанами, прозрачно намекая на свое желание положить конец войне, тем более что надвигающаяся зима и так вынуждала временно приостановить активные военные действия. Между тем армия Брауна, разместившаяся в Джелалабаде, вела непрерывную, жестокую войну с окрестными племенами. Ричард Гордон Крид, один из офицеров 17-го пехотного полка, так описывает постоянные стычки, бывшие обычным делом:

«Разведывательный отряд в предгорьях неподалеку от Майданака подвергся нападению, в результате которого были убиты один офицер и два сикха и еще один офицер ранен. На следующий день в селение Дех-Сарах был отправлен отряд для закупки продовольствия. [Жители селения] собрались в большом количестве и вынудили отряд вернуться назад ни с чем, к счастью, без потерь. В тот же день караул из солдат 17-го пехотного полка и 10 индийских конников был атакован воинами из племени шинвари. Были убиты двое солдат 17-го полка, и неприятель захватил сорок два верблюда».

Самая крупная трагедия случилась для англичан в ночь на 7 февраля, когда во время переправы вброд через реку Кабул утонули сорок семь человек. Проводник-афганец правильно вывел голову колонны на песчаную отмель посреди реки, но затем два мула сбились с пути, кавалеристы пошли за мулами и в темноте попали в глубокую стремнину.

Партизанская война принимала самые жестокие формы. Англичане не могли наверняка отличить врагов от друзей. Первым делом выяснилось, что могилы всех европейцев, погибших в предыдущую войну, в последующие годы были разрыты и осквернены. Обе стороны не знали пощады. Гордон Крид так описывает совместную атаку 17-го пехотного полка, 5-го стрелкового полка и Бенгальских уланов на племя шинвари:

«Неприятель развернулся и обратился в бегство по глубокому нулле [оврагу] на правом фланге, преследуемый по пятам нашей пехотой, и оставил на поле боя шестьдесят трупов. Наши потери составили трое убитых и двенадцать раненых, а также четыре убитых и несколько раненых лошадей.

В нулле солдаты 17-го полка убили тринадцать врагов и взяли в плен двух раненых... Пройдя дальше по нулле, мы обнаружили изуродованный труп бенгальского улана, а затем, завернув за острый угол, внезапно наткнулись на человек сорок отдохавших горцев. При них были две лошади, принадлежавшие бенгальским уланам. Из них тридцать три человека были тотчас же убиты нашими выстрелами; и мы вернули двух лошадей».

Весной британский резидент Луис Каваньяри пригласил Якуб-хана на совещание в Гандамак. Номинального афганского главу встретили со всеми почестями: он прошел мимо строя английских полков, а оркестр исполнил «Боже, храни королеву». 26 мая 1879 года Якуб-хан подписал Гандамакский договор, по которому Афганистан уступал англичанам долины Писина и Сиби (в районе Кветты) и долину Куррама, а также Хайберский проход. Эти территориальные уступки были осуществлены в соответствии со стремлением Дизраэли провести «строго научную границу» в этом прежде аморфном регионе. Кроме того, Якуб-хан дал согласие разместить в Кабуле постоянное британское представительство. Взамен он получил обещание ежегодных выплат в размере 600 000 рупий (60 000 фунтов) от правительства Ее Величества, а также заверения в том, что Великобритания окажет Афганистану помощь в случае иностранной агрессии.

В Лондоне договор был провозглашен торжеством «политики продвижения вперед». Сэр Генри Роулинсон, ставший к тому времени членом совета по делам Индии, считал, что «честь Великобритании была отомщена со смехотворно маленькими денежными затратами и почти без пролития крови». Не менее важно то, что Россия была унижена, а «англо-индийский престиж восстановлен». Единственным предостережением, прозвучавшим в статье в журнале «Девятнадцатый век», в которой превозносилась победа Великобритании, были слова: «С такими людьми, как афганцы, необходимо всегда быть начеку».

И действительно, английским офицерам, столкнувшимся с неистовым характером афганского сопротивления, быстрое политическое решение казалось в 1879 году ничуть не более обнадеживающим, чем их предшественникам сорок лет назад. В армии начался ропот. После того как войскам пришлось провести суровую афганскую зиму в полевых условиях, теперь, с началом сезона, благоприятного для военных действий, их выводили из страны; при этом афганцы злорадно наблюдали за происходящим со своих гор, уже предвкушая (по крайней мере англичане были уверены в этом), как они возьмутся за лопаты и примутся разрывать свежие английские могилы, оставшиеся на земле Афганистана. Общее ощущение неудовлетворенности исходом кампании усилилось тем, что армии Брауна пришлось отступить в разгар эпидемии холеры, охватившей районы, через которые пролегла дорога в Пешавар. Гордон Крид так описывает борьбу с этим последним врагом:

«Начиная с этого дня солдат хоронили ежедневно, и очень немногие из тех, кто оставался позади, догоняли свои полки... Стрелковая бригада потеряла двух офицеров и больше ста человек рядового состава... Потери 30-го гусарского полка превысили восемьдесят человек. 17-й полк Ее Величества потерял четырех офицеров и шестьдесят восемь рядовых... Из этого числа тридцать шесть смертей были следствием холеры, а остальные в основном вызваны воспалением легких и дизентерией. 2-й дивизии пришлось не лучше, и можно подсчитать, что в целом во время этого «Перехода Смерти» британская армия потеряла умершими от болезней больше двух полков!»

Гораздо важнее для англичан были не территориальные приобретения, а возможность устройства постоянного представительства в Кабуле — цель, которой они добивались в течение многих лет, — что позволило бы следить за действиями русских, подступавших к афганским границам, и влиять на внешнюю политику Афганистана, исходя из британских интересов. Сэр Луис Каваньяри (произведенный в рыцари после успешных переговоров в Гандамаке) прибыл в афганскую столицу в июле 1879 года с несколькими помощниками и семьюдесятью пятью солдатами отборного полка Индийских проводников. Сын наполеоновского офицера и матери-ирландки, Каваньяри обладал блистательным умом и личной храбростью, и он прекрасно сознавал, что может ждать его впереди. На прощание они с генералом Робертсом пожали друг другу руки и развернулись, чтобы идти, но, пройдя несколько шагов, вернулись и снова обменялись рукопожатиями. Не пройдет и полтора месяцев, как Каваньяри и его люди погибнут, и начнется второй этап второй англо-афганской войны.

Якуб-хан выделил место для британской резиденции в величественной крепости Бала-Гиссар, где афганский эмир держал также две тысячи своих солдат. 2 сентября в Кабул прибыли четыре афганских полка, расквартированных в Герате, с требованиями выплатить задержанное за четыре месяца жалование. Каваньяри, предупрежденный о возможных беспорядках осведомителем, отмахнулся от предостережения: «Собаки, которые лают, не кусаются». Осведомитель возразил: «Но эти собаки кусаются, они очень опасны». На следующий день Якуб-хан выплатил недовольным войскам жалование за один месяц, однако те, не удовлетворившись этим, направились к британской резиденции, рассудив, что в ее стенах найдется достаточно денег. По всей видимости, в данном столкновении самоуверенность Каваньяри превзошла его дипломатическое искусство, так как прогремело несколько выстрелов, возможно, в воздух, в то время как неуправляемая толпа была пока что безоружна. Гератские полки сходили за своим оружием и быстро вернулись, и теперь к ним уже присоединились толпы жителей Кабула.

Каваньяри был убит в самом начале столкновения, когда возглавил контратаку своих людей, пытаясь рассеять толпу.

Командование английским отрядом перешло молодому лейтенанту Уильяму Гамильтону. Тем временем афганские стрелки заняли позиции на крышах соседних зданий, господствовавших над резиденцией, и подтащили две пушки, чтобы пробить стены. Гамильтон сделал вылазку, чтобы отбить пушки, но был сражен пулей. Оборону подоженной резиденции возглавил офицер-сикх. В конце концов уцелевшим защитникам пришлось отступить на крышу здания. Пламя разгоралось, и наконец афганцы ворвались на пепелище. Британская миссия была полностью уничтожена. Якуб-хан отправил к восставшим командующего своим гарнизоном, чтобы тот уговорил толпу разойтись. Однако командующего стащили с лошади, избили и вынудили убраться. Больше никто не пытался прийти на помощь резиденции, бой в которой продолжался больше пяти часов.

Генерал Робертс оставил свою армию в долине Куррама, всего в пятидесяти милях от Кабула, в то время как колонны Брауна и Стюарта отошли дальше, на территорию современного Пакистана. Таким образом, Робертс откликнулся на случившееся первым, без труда рассеяв поспешно собранные отряды афганцев, пытавшихся преградить ему дорогу. В нескольких милях от Кабула под Чарасиахом он фланговыми ударами выбил с позиций крупные силы афганцев. Здесь англичане впервые применили в крупном сражении пулеметы Гатлинга. Пулеметы постоянно заклинивало, а темп стрельбы двести выстрелов в минуту прижимистым английским офицерам показался страшно расточительной тратой боеприпасов.

12 октября армия Робертса торжественным маршем под зазывание волюнок прошла по угрюмым улицам Кабула. Подавленный Якуб-хан явился к англичанам со словами: «Я лучше буду косить траву в Индии, чем останусь правителем Афганистана». Реальных наследников, способных сменить его на афганском троне, не было. «Сейчас я, по сути дела, являюсь истинным королем Кабула, — писал Робертс своей жене. — Но это не та держава, которую я бы пожелал себе, и я буду рад как можно скорее выбраться отсюда». Тем временем Робертс терроризировал население, выискивая в городе зачинщиков недавних беспорядков. Виновных вешали на виселицах, установленных на улицах города, и оставляли трупы для всеобщего устраше-

ния. Одними из первых были казнены градоначальник Кабула, распорядившийся свалить трупы защитников британской резиденции в ров, и еще один афганец, расхаживавший по городу с головой Каваньяри. Поскольку гератские полки, на которых лежала основная вина за нападение, давно покинули Кабул, Робертс начал карать тех, кого обвинили в подстрекательстве к бунту против Якуб-хана, бывшего монарха, понуро сидевшего в лагере английской армии. По своим собственным подсчетам, Робертс повесил восемьдесят семь человек, хотя сильны подозрения, что действительное количество казненных было значительно больше. Когда известия об этих «убийствах по суду»¹ дошли до Лондона (в письмах английских офицеров), там поднялась буря возмущения.

Подобно своим предшественникам, Робертс решил разместить свою армию не в крепости Бала-Гиссар, а в укрепленном лагере за пределами Кабула. Такой лагерь начал готовить для своей армии еще Шер Али-хан у местечка Шерпур, чуть севернее бывшего английского военного городка. Новый лагерь частично включал в себя высоты Беймару, и англичанам, занявшим его, достались в наследство семьдесят пять пушек, брошенных афганцами. Однако в отличие от предыдущего английского гарнизона, наслаждавшегося обманчивым спокойствием в течение двух лет до того, как вокруг разгорелся пожар восстания, армии Робертса было отпущено всего два месяца.

В Газни престарелый мулла по имени Мушк-и-Алам объявил джихад неверным захватчикам, и под его знамена начали стекаться тысячи горцев. Воины спускались с северных и восточных гор, горя желанием повторить триумф своих отцов 1842 года. Среди этих людей был выдающийся полководец, вождь племени вардак² Мухаммед Джан.

Робертс, имея крепкую и поджарую армию численностью около шести с половиной тысяч человек, первоначально собирался разгромить подходящие отряды афганцев до того, как они успеют объединиться. 8 декабря английские колонны выступи-

¹ Термин системы британского правосудия, означающий казнь невиновного.

² В провинции Вардак живут хазарейцы, однако они как-то отличаются от хазарейцев Бамиана, поэтому иногда их называют «вардаками».

ли из Кабула на юг и на запад. Обе колонны встретили гораздо более многочисленные отряды афганцев, чем предполагалось, что значительно усложнило запланированную задачу соединения английских сил. Одиннадцатого декабря кавалерийская колонна, состоящая из двух эскадронов 9-го уланского полка, одного эскадрона Бенгальских уланов и конной батареи из четырех легких пушек, на дороге, ведущей на Газни, наткнулась на главные силы Мухаммеда Джана. Растерявшись, англичане открыли огонь. Однако, когда они выдвинули свои орудия вперед, чтобы стрелять прямой наводкой, выяснилось, что толпы афганцев лишь прибывают. Нисколько не смущенные артиллерийским огнем, афганцы пошли в атаку. В этот момент к колонне подошел сам генерал Робертс, немедленно приказавший начать отступление. Для того чтобы защитить свои пушки, английская кавалерия пошла в контратаку — двести уланов против десяти тысяч несущихся вперед горцев. Стороны столкнулись, и поле боя заволочли облака пыли и порохового дыма. Наконец из общей кучи стали вырываться отдельные группы потрепанных уланов. Всего англичане потеряли восемнадцать человек. Одно орудие все же пришлось заклепать; его офицер упрямо стоял рядом с пушкой до тех пор, пока его не изрубили подоспевшие афганцы.

Англичане отступили еще на пятьсот ярдов, и тут оставшиеся три орудия застряли в ручье. Робертс приказал предпринять новую контратаку. Однако на этот раз англичанам не только не удалось отбросить надвигавшегося неприятеля; наоборот, их нерешительность подняла боевой дух афганцев, и те захватили пушки. Теперь афганцы угрожали окружить небольшой английский отряд, зайдя по оврагу ему в тыл и отрезав путь к отходу. К счастью, Робертс выслал 72-й полк шотландских горцев к тому же самому оврагу. «Мы не теряли времени, — вспоминает капитан Лаудер из 72-го полка, — и прибежали к оврагу запыхавшиеся и взмокшие, всего на четыре минуты опередив афганцев... Нам удалось остановить их продвижение вперед». С наступлением темноты другому подразделению шотландских горцев удалось зайти в тыл афганцам и отбить орудия.

В последующие дни Робертс попытался захватить господствующие высоты к западу от Кабула. Но одни из них оказа-

лись слишком хорошо защищены, другие пришлось оставить сразу же после того, как они были взяты. Так, например, на высотах Асмаи солдатам 92-го Гордонского полка шотландских горцев удалось закрепиться на гребне после упорного подъема под шквальным огнем, завершившегося штыковой атакой. Но затем подошли свежие силы афганцев, уничтожившие между делом один из опорных постов 72-го полка, и теперь уже шотландцам пришлось сдерживать волны лезущих вверх афганцев. Тем временем и в долине вокруг военного лагеря под Шерпуром становилось все заметнее усиление афганцев. Дорога, ведущая в Кабул, простреливалась снайперами, а в самой столице начались волнения. Робертс решил оставить все укрепленные позиции за пределами лагеря, в том числе крепость Бала-Гиссар, и собрать все силы в Шерпуре.

Казалось, снова начинается 1842 год. Мухаммед Джан, под чьим началом собралось уже до сорока тысяч человек, даже прислал Робертсу ультиматум, предлагая свободный проход через перевалы, если английская армия оставит страну. Англичанам уже приходилось слышать нечто подобное. Во время осады лагеря, продолжавшейся девять дней, афганцам не позволяли подходить слишком близко. Английская кавалерия хозяйничала в долине за стенами лагеря, а пехота совершала дерзкие вылазки, уничтожая чересчур наглые гнезда снайперов. Между тем афганская армия захватила Кабул, и сельские афганцы принялись грабить своих городских собратьев, карая тех, кто сочувствовал англичанам. 22 декабря Робертс узнал от осведомителя, что на следующий день намечен решающий штурм Шерпура. Он также узнал точный план нападения и то, что начнется оно по сигналу Мушк-и-Алама, который зажжет костер на высотах Асмаи.

В темные, туманные предрассветные часы утра 23 декабря все взоры были сосредоточены на холмах к западу от Шерпура. Внезапно на одной вершине вспыхнуло яркое пламя, озарившее на несколько мгновений темноту и тотчас же исчезнувшее. В этот же момент тишину над долиной разорвал грохот орудий, винтовок и ружей, вскоре потонувший в реве тысяч голосов, кричащих: «Аллах акбар!» Некоторые английские части, не выдержав, начали огонь раньше времени; другие дождались, ко-

гда до нападавших останется восемьдесят ярдов, после чего стена военного лагеря окуталась дымом и пламенем выстрелов, и целые ряды приближавшихся гази были скошены прицельными залпами.

Когда взошло солнце, вся земля вокруг военного лагеря была усеяна убитыми. К полудню атаки прекратились, но примерно через час возобновились опять. В некоторых местах афганцам удавалось приблизиться к завалам, окружавшим стены лагеря, но здесь они гибли под огнем в упор, так и не сойдясь в рукопашной с защитниками. По своему характеру это сражение напоминало другие битвы викторианской эпохи, такие, как Омдурман¹ и Улунди², где прицельным залпам и ураганному артиллерийскому огню англичан удавалось рассеять многочисленные толпы храбрых, но неорганизованных туземцев. К вечеру, когда боевой пыл афганцев начал иссякать, на равнину из-за стен военного лагеря выплеснулась английская кавалерия. Из ворот выкатили четыре полевые пушки, которые засыпали снарядами окрестные высоты. Афганская армия рассеялась, и отдельные отряды, собранные по признаку племенной общности, потянулись домой. На следующий день кавалерия Робертса прочесала все соседние долины, но не нашла ни одного афганца, враждебно настроенного по отношению к англичанам. Всего во время штурма англичане потеряли пять человек убитыми; еще восемнадцать человек было убито за девять дней осады. Потери афганцев составили около трех тысяч человек.

Генерал Робертс возобновил свое пребывание в столице в качестве «короля Кабула», хотя теперь он уже вел себя гораздо более осмотрительно, чем два месяца назад. Сам город теперь представлял собой жалкое зрелище. Согласно Арчибальду Форбсу: «Кабул имел такой вид, словно ему пришлось пережить разорение со стороны вражеской армии; базары были разгромлены и опустели, кварталы индусов и кызылбашей подверг-

¹ Омдурман — город в Судане на берегу Нила, напротив Хартума. В 1898 году англо-египетские войска разгромили здесь армию махдистов, сторонников проповедника Мухаммеда Ахмеда, провозгласившего себя «махди» (мессией).

² Улунди — город в Южной Африке. Здесь 4 июля 1879 года в ходе англо-зулусской войны англичане наголову разбили зулусов.

лись беспощадному разграблению». Робертс созвал совещание с участием двухсот вождей и обещал амнистию всем тем, кто сложит оружие. Но главный вопрос, стоявший перед лордом Литтоном и правительством Дизраэли, был в том, что делать дальше. Афганистан оказался слишком беспокойной страной, чтобы его аннексировать, но в то же время слишком опасной, чтобы не обращать на него внимание. И кому достанется власть после того, как англичане будут вынуждены объявить о своей победе и удалиться?

Получив зимой подкрепление, Робертс направил карательные экспедиции в Кохистан, чтобы наказать недовольных. Однако власть английского правительства простиралась ровно на дальность выстрела из английских винтовок. Как только английские войска уходили, у них за спиной сразу же восстанавливалась власть местных вождей. В представлении лондонской общественности, афганцы стали самыми страшными врагами империи, опередив зулусов и прочих африканцев. В основном это произошло благодаря замечательному писателю Редьярду Киплингу, воспевшему ужасы «афганской долины» в стихах и прозе. Шерлок Холмс, бессмертный герой Артура Конан Дойла, впервые встречая доктора Ватсона, видит у того неподвижно висящую раненую руку и замечает: «Вы были в Афганистане». Между тем английским солдатам, оторванным от дома, приходилось терпеть невзгоды суровой афганской зимы. В феврале полковник Фредерик Роукрофт, находившийся в крепости Бала-Гиссар, писал:

«О господи! Ни о каком недостатке воздуха тут не может быть и речи. От пронизывающего ледяного ветра невозможно укрыться. Здесь до сих пор зима в самом разгаре, стоят лютые морозы и постоянно идет снег. Много солдат умерло от воспаления легких... наши знаменосцы замерзли до смерти».

Робертс струсил из-за воя, поднятого дома по поводу того, что он повесил чересчур много афганцев... По-моему, наше правительство не видит выхода из ужасного тупика, в который мы попали. В этой стране создать приличное правительство практически невозможно».

Тяготясь бездельем, Роукрофт посетил место, где был убит Александр Бернс. К концу марта суровые морозы отступили, но настроение Роукрофта это не подняло. «Повсюду здесь царят мрак и уныние, — написал он своему другу в Англию. — Вся страна, залитая проливными дождями, превратилась в сплошное море непроходимой грязи. О! Как мне хочется расплатиться с этими гнусными проклятыми афганцами, подлой нацией кровожадных и вероломных извергов, за преступления, совершенные ими в 1841—1842 годах!»

Престарелый мулла Мушк-и-Алам перенес центр своей деятельности по подготовке джихада в Газни, где ему удалось склонить на свою сторону гильзаев. В начале февраля Абдулрахман-хан, переправившись через Амударью, оказался на территории Афганистана. Предыдущие десять лет этот деятельный внук Доста Мухаммеда провел в Ташкенте, среди русских. Имея первоначально всего сто человек, вооруженных хорошими винтовками, Абдулрахман начал набирать сторонников в областях, лежащих к северу от Гиндукуша.

В апреле 1880 года генерал Стюарт двинулся с дивизией регулярной английской армии из Кандагара (где все было тихо) в Кабул. Под Газни ему пришлось выдержать решительное сражение с афганским войском, которое насчитывало около семи тысяч человек. Англичанам удалось отбить атаку, но был момент, когда религиозные фанатики — гази вклинились в левый фланг и оказались всего в двадцати ярдах от самого генерала. Стюарту и офицерам его штаба пришлось браться за сабли, однако английские войска быстро опомнились и восстановили боевые порядки. Прибыв в Кабул 2 мая, Стюарт как старший по званию сменил Робертса на посту командующего, к большому недовольству последнего. В этом же месяце пало правительство консерваторов Дизраэли, и премьер-министром стал Гладстон. Таким образом, дни «политики продвижения вперед» оказались сочтены, и лорд Литтон, вице-король Индии, а также генералы, находящиеся в Афганистане, стали лихорадочно искать человека, способного заполнить вакуум власти после ухода английской армии.

Англичане связались с Абдулрахман-ханом, и так набиравшим силу, и в июле пригласили его на совещание в Кабул. Аф-

ганский принц прибыл в российской военной форме, с мешком золотых червонцев, а его люди были вооружены русскими магазинными винтовками. Тем не менее англичане решили рискнуть. Перед ними был человек, не тронутый религиозным фанатизмом, обладающий законным правом унаследовать престол и, самое главное, производивший впечатление политического деятеля, способного прагматично держать бразды правления в своих руках. По иронии судьбы, англичане, готовясь ретироваться из Афганистана и ища того, кто пришел бы на смену военному правлению, остановили свой выбор на «самом русском» кандидате; однако им приходилось действовать в большой спешке. 22 июля при поддержке англичан Абдуррахман-хан взошел на афганский престол, и английские войска приготовились покинуть страну. Однако всего пять дней спустя пришли известия о новой катастрофе на юге. Английская армия под Кандагаром была практически полностью уничтожена.

Аюб-хан, брат Якуб-хана, с момента начала военных действий обосновался в Герате и правил там при моральной и финансовой поддержке Персии. В начале июля Аюб-хан во главе большого войска направился к Кандагару, по пути привлекая на свою сторону местные племена, так что его армия выросла до двадцати тысяч человек. Генерал Берроуз вышел из Кандагара навстречу этой грозной силе, не имея представления ни о численности, ни о боевом духе неприятеля. 13 июля двухтысячный отряд афганцев, находившийся под командованием Берроуза, дезертировал, практически в полном составе перейдя к Аюб-хану. У Берроуза осталось всего около двух с половиной тысяч человек. После двух недель маневрирования и кавалерийских стычек две армии сошлись у селения Мейванд. Берроуз разместил 66-й пехотный полк справа, артиллерию в центре, а сипаев слева, оставив два кавалерийских полка в тылу, чтобы защищать обоз и фланги.

Сражение началось двадцать седьмого июля около полудня с артиллерийской дуэли. Первое потрясение ждало англичан, когда они выяснили, что против их двенадцати орудий афганцы выставили тридцать, с которыми к тому же они прекрасно умели обращаться. Берроуз приказал пехоте залечь под палящим солнцем, чтобы сократить потери. Кавалерия, находившаяся в

тылу, была более уязвима, и вскоре были убиты несколько человек и сто пятьдесят лошадей. Внезапно из окрестных оврагов в атаку пошла афганская пехота, но англичанам удалось остановить ее ружейными залпами. В это время конница Аюб-хана обошла позиции англичан с флангов и напала на обоз, окружив армию Берроуза.

Около двух часов дня неожиданной атакой фанатикам-гази удалось опрокинуть левый фланг английской армии, посеяв панику среди сипаев. Те побежали и смяли строй соседнего полка. Боевые порядки англичан нарушились, и английскую артиллерию, находившуюся в центре, захлестнула бурлящая толпа перемешавшихся гази и сипаев. Англичане потеряли несколько орудий, а волна паники тем временем докатилась до 66-го пехотного полка, стоявшего на правом фланге. Вся английская армия, дрогнув, бежала с поля боя, и лишь солдатам 66-го полка, которые шли в арьергарде, удалось сохранить какое-то подобие порядка.

Афганцы в течение четырех часов преследовали растянувшуюся отступающую колонну, но один раз англичанам удалось отбросить их кавалерийской контратакой. Жители селений, мимо которых приходилось идти разбитой армии, обстреливали англичан из ружей. На следующий день остаткам армии Берроуза удалось добраться до Кандагара, и войско Аюб-хана тотчас же осадило город. Англичане потеряли в сражении у Мейванда 971 человека убитыми и 168 человек ранеными; среди обозников потери были соответственно 331 убитый и 7 раненых. Подобное непривычное соотношение числа убитых и раненых говорит о том, что спастись удалось лишь тем раненым, которые сохранили возможность идти самостоятельно; отставшие были безжалостно убиты. Тому, что армия не была полностью уничтожена, англичане были обязаны открытым равнинам к западу от Кандагара. Если бы армии Берроуза пришлось идти по узким горным ущельям, которыми изобилует восточный Афганистан, она перестала бы существовать.

Получив известия о катастрофе, генерал Робертс, все еще недовольный тем, что Стюарт сменил его на посту главнокомандующего в Кабуле, вызвался возглавить рейд на юг. Собрав десять тысяч человек, он 11 августа вышел из Кабула и за двадцать дней в условиях гористой местности прошел 320 миль,

что многими военными специалистами считается самым эффективным событием второй англо-афганской войны. Внезапно появившись под Кандагаром, Робертс добился снятия осады с города и уже на следующий день, 1 сентября, сразился с армией Аюб-хана в открытом поле. Эта битва характеризуется необычным для поздневикторианской эпохи соотношением сил, поскольку двенадцати тысячам британских солдат противостояло приблизительно такое же количество афганцев. Афганская армия сократилась вследствие боевых потерь, а также из-за ухода воинов местных племен.

В сражении при Кандагаре Робертс опрокинул левый фланг афганцев неудержимым натиском шотландских горцев и гуркхов и уже к часу дня захватил лагерь Аюб-хана и его шатер с роскошными коврами. Афганцы бежали, бросив всю свою артиллерию и потеряв больше тысячи человек убитыми. Английские потери составили 36 убитых и 218 раненых. Сражение венчало славу британского оружия в этой нелегкой войне. Вскоре после него Робертс и кандагарский гарнизон вернулись в Индию. Армия, остававшаяся в Кабуле, покинула Афганистан еще раньше.

Вторая англо-афганская война, начавшаяся исключительно вследствие опасений по поводу планов русских относительно Афганистана, стоила Великобритании больших денег и большой крови, но не дала сколько-нибудь ощутимых результатов. Англичанам еще очень повезло, что Абдурахман-хан, правитель, которого они оставили после своего ухода, — их выбор определялся скорее отчаянием, чем какими-либо иными соображениями, — оказался афганским националистом, а не (как опасались многие) тайным царским агентом. Прожив больше десяти лет среди русских, Абдурахман-хан несколько их не боялся в отличие от Шер Али-хана и сменяющих друг друга британских вице-королей Индии. Генерал Робертс возвратился в Англию и, обнаружив, что политика в отношении Афганистана по-прежнему остается предметом жарких споров, вынес самый разумный вердикт по данному вопросу:

«Нам нечего бояться со стороны Афганистана, и лучше всего будет предоставить его самому себе. Возможно, подобный подход является не слишком лестным для нашего

amoug prorge¹, но, как мне кажется, я совершенно прав в своем суждении, что чем меньше афганцы будут нас видеть, тем больше они будут нас любить. Если России в будущем вздумается покорить Афганистан или двинуться через его территорию на Индию, нам будет проще привлечь афганцев на нашу сторону в том случае, если до тех пор мы будем избегать какого-либо вмешательства в их внутренние дела».

В начале 1885 года русская армия, только что завоевавшая Мервский оазис на территории современной Туркмении, двинулась дальше на юг на Пандждехский (Пендинский) оазис, расположенный всего в ста километрах по прямой к северу от Герата. Малочисленный отряд афганцев оказал отчаянное сопротивление, но вынужден был отойти². Великобритания, по-прежнему контролировавшая внешнюю политику Афганистана, объявила мобилизацию резервистов и стала готовиться к большой войне. Разграничительная комиссия, высланная на спорную территорию, предупредила русских, что их агрессивные действия рассматриваются как «угроза» британским интересам и дальнейшее продвижение к Герату будет иметь «самые катастрофические последствия». Последовали длительные переговоры, и в конце концов англичане и русские сошлись на том, что северо-западная граница Афганистана будет проходить по линии, соединяющей реки Амударья и Гери-Руд.

В 1893 году сэр Мортимер Дюранд начал работу по демаркации восточной границы Афганистана, равнодушно рассекая по-живому территорию пуштунских племен, местами проводя линию прямо через селения, пастбища или так, что крестьяне оказывались по одну сторону границы, а их поля — по другую. В 1895 году англичане буквально настояли на том, чтобы к Афганистану была добавлена долина реки Вахан, — больше того, им пришлось подкупать эмира Абдурахман-хана, — так что Россия нигде не имела общей границы с Индией. Этот вытяну-

¹ Самолюбия (фр.).

² Согласно российским источникам, в марте 1885 года отряд генерала Комарова преследовал афганские войска, вторгшиеся на территорию Туркмении, вошедшей в состав Российской империи.

тый палец, занятый заснеженными вершинами, выпирает из Афганистана на северо-восток и достает до Китая сорокапяти-мильным отрезком. Только в 1964 году Афганистан и Китай в конце концов договорились о демаркации своей общей границы в этих местах.

Тем временем Абдурахман-хан стал известен как Железный эмир, прозванный так за беспощадную жестокость, с которой он ломал феодально-племенные отношения в Афганистане, а также власть духовенства. Для того чтобы создать себе славу поборника ислама, эмир заставил население Кафиристана, области на северо-востоке страны, принять ислам, после чего эта область была переименована в Нуристан. Кроме того, Абдурахман-хан насильно переселил десять тысяч семей гильзаев на земли к северу от Гиндукуша. Этим он достиг двойной цели: ослабил могущество гильзаев на юге и, кроме того, усилил влияние пуштунов на севере. На своей родной земле гильзаи выступали против дуррани, однако, — оказавшись на севере в окружении таджиков и узбеков, они вынуждены были в первую очередь думать о своей пуштунской общности.

Последним крупным деянием Железного эмира, которое Абдурахман-хан совершил перед самой своей кончиной в октябре 1901 года, была передача власти своему сыну Хабибулле. Чуть ли не впервые в истории Афганистана процесс смены правителя прошел гладко и бескровно. Как и его отец, Хабибулла-хан получал щедрые пожертвования от англичан, но его не устраивало то, что Великобритания определяла внешнюю политику Афганистана. Он чувствовал себя не более независимым, чем губернатор английской колонии. Во время Первой мировой войны Хабибулла-хан покровительствовал агентам Турции и Германии, пытавшимся подготовить плацдарм для нападения на Индию, однако эти планы так и остались неосуществленными. В феврале 1919 года Хабибулла-хан был убит на охоте. В этом преступлении, которое так и не было раскрыто, поочередно обвиняли англичан, русских и всевозможных внутренних врагов.

После недолгой борьбы с братом за престолонаследие власть перешла в руки сына Хабибуллы-хана Аманулле-хану, унаследовавшему глубокую враждебность к англичанам. В течение

многих лет в Северо-Западной пограничной провинции не прекращались быстротечные, но жестокие бои: афганские племена, живущие по обе стороны от «линии Дюранда», совершали набеги на территорию современного Пакистана и нападали на английские укрепленные пункты, после чего следовали карательные экспедиции. Во время Великой войны численность английских войск на границе значительно сократилась, а туземные части, такие, как «Разведчики из пограничной провинции» и Хайберский стрелковый полк (набранные из афридивов), не отличались надежностью.

В мае 1919 года Аманулла-хан объявил джихад, впоследствии названный третьей англо-афганской войной. Афганская армия перешла границу, а муллы тем временем попытались поднять племена на всеобщую войну. Сначала англичанам пришлось оставить несколько пограничных укреплений и отступить с большими потерями. Но затем они нанесли контрудар через Хайберский проход и заняли Дакку, а на южном направлении, выйдя из Кветты, захватили афганскую крепость Спинбалдак. Неорганизованное афганское наступление завязло, а последней соломинкой стала бомбардировка Джелалабада и Кабула, предпринятая английской авиацией. Аманулла-хан был настолько потрясен этими налетами, что обратился с протестом к британскому вице-королю Индии лорду Челмсфорду. Эмир жаловался, что после того, как Великобритания осудила варварские налеты германских цеппелинов на Лондон, сами англичане оказались не менее жестокими.

Через месяц обе стороны пришли к заключению, что от продолжения войны не будет никакого толку, и Аманулла-хан согласился встретиться с лордом Челмсфордом в Равалпинди. На переговорах эмира лишили финансовой помощи со стороны Великобритании, отказали в праве получать поставки оружия через территорию Индии и заставили согласиться с «линией Дюранда». Но взамен Аманулла-хан добился от англичан, уставших от войны, того, чего в прошлом был лишен Афганистан. В приложении к договору Афганистан провозглашался «свободным и независимым государством, самостоятельно решающим свои внутренние и внешние проблемы». Великобритания отказалась от контроля за внешней политикой Афгани-

стана. Именно из-за этого договора 1919 год, как правило, считают датой рождения современного афганского государства.

А что касается англичан, то почему бы и нет? Их беспокойство по поводу Афганистана всегда основывалось на страхе перед Российской империей, стремившейся вступить в соперничество за Индию. Однако в разгар Великой войны царское правительство было свергнуто восставшим народом. Революционные наследники Николая Второго погрязли в полномасштабной гражданской войне, и им было не до Средней Азии. Лондонские политики, хотя и встревоженные честолюбивыми устремлениями Владимира Ленина и опечаленные трагической судьбой царской семьи, тем не менее больше не видели для Индии угрозы с севера. Россия вышла из Великой войны в руинах, в то время как победоносной Великобритании в обозримом будущем можно было не опасаться за свое положение мировой империи.

СОВЕТЫ

Ленин с самого начала позаботился о том, чтобы установить хорошие отношения с Афганистаном. В 1919 году Советский Союз¹ стал первым государством, признавшим независимый Афганистан; в свою очередь, Афганистан был первой страной, признавшей большевистский режим Ленина². В 1920 году в Кабул прибыло посольство из Москвы, доставившее пять тысяч винтовок для державы Амануллы-хана и финансовую помощь в размере миллиона золотых рублей. В следующем году два государства подписали договор о дружбе, а в последующие годы советские специалисты проложили в Кабуле телефонные линии и построили телеграфную станцию, оказали содействие в строительстве текстильной фабрики в Герате и начали работы по прокладке транспортной магистрали через перевал Саланг в Гиндукуше. Кроме того, Советы помогли рождению афганской авиации, выделив одиннадцать боевых самолетов, а также инструкторов и авиационных техников.

Хотя англичане по-прежнему влияли на Афганистан дипломатическими методами и выделяемыми время от времени финансовыми средствами, у Советов было больше причин добиваться благосклонности кабульского руководства. Во время

¹ Разумеется, Россия; Союз Советских Социалистических Республик был образован лишь через три года.

² Полезно будет восстановить точную хронологию событий: 2 февраля 1919 года Хабибулла-хан послал британскому вице-королю Индии письмо с требованием предоставления полной независимости Афганистану; 21 февраля Хабибулла-хан был убит; 28 февраля Аманулла-хан в главной мечети страны провозглашает независимость Афганистана; 27 марта Советская Россия первой признает независимое государство Афганистан и предоставляет ему безвозмездную помощь; с 3 мая по 3 июня продолжались боевые действия третьей англо-афганской войны; 8 августа подписывается Равалпиндский договор, по которому Великобритания признала независимость Афганистана.

гражданской войны между белыми и красными (в которой англичане поддерживали белых) большевики обещали автономное управление бывшим мусульманским эмиратам Средней Азии. Однако, как только они одержали верх, Красная Армия во всеоружии появилась в Трансоксиане. Началась беспощадная борьба за установление государственного контроля над экономиками среднеазиатских стран, последовали земельные реформы, сводившиеся к конфискации, и установился порядок, отвергающий традиции ислама. В двадцатые и тридцатые годы тысячи узбеков, таджиков и туркмен, бежав за Амударью, поселились в северном Афганистане.

Как и царям, Советам с большим трудом удалось установить свою власть в регионе. Были опасения, что борцы мусульманского сопротивления, которых русские называли «басмачами» («бандитами»), будут укрываться на территории соседнего Афганистана. И действительно, афганцев беспокоили притеснения собратьев по вере. Однако возможность уравновесить влияние англичан, установив хорошие отношения с другой могущественной державой, была слишком соблазнительной, чтобы от нее отказываться. Так, однажды колонна Красной Армии, преследуя банду басмачей, вторглась на сорок миль на территорию Афганистана. Афганские войска двинулись на север, но не для того, чтобы отразить нападение Советов, а чтобы вынудить басмачей вернуться за Амударью, где их предводитель Ибрагим-бек был схвачен и убит. Большевики строили сторожевые вышки на своем берегу Амударьи, а тем временем афганское правительство с готовностью принимало финансовую и материальную помощь и укрепляло экономические связи с северным соседом.

В 1927 году Аманулла-хан, принявший титул падишаха, отправился в мировое турне, посетив Калькутту, Каир, Стамбул, Лондон, Париж, Берлин, Москву и многие другие столицы. Европейцы были очарованы возможностью впервые взглянуть на афганского монарха; в честь падишаха и его красавицы жены, царицы Сорейи, устраивались пышные приемы. Аманулла-хан возвратился в Афганистан со сверкающим «Роллс-Ройсом» и решимостью как можно быстрее загнать свою страну в современную эпоху. На следующей лойе-джирге (большом со-

вете) эмир попытался заставить вождей племен сбрить бороды и надеть цилиндры и фраки. Затем он еще больше настроил против себя население, объявив, что планирует ввести обязательное образование для женщин.

В 1928 году к северу от Кабула началось восстание, возглавленное человеком по прозвищу Бачаи-Сакао (Сын водоноса). Бачаи, таджик по национальности, был скорее грабителем, выбившимся в цари, чем вождем племени, однако под его знамена стеклись тысячи воинов со всей страны. Восставших отбросили от Кабула после сражения на территории британского посольства, однако затем они разгромили отряд правительственных войск, который их преследовал. В январе 1929 года Бачаи захватил Кабул, не обращая внимания на поспешные обещания Амануллы-хана отказаться от реформ. Эмир бежал в своем «Роллс-Ройсе», с трудом оторвавшись от конницы Бачаи на заснеженной дороге¹.

После девятимесячной вакханалии, напоминавшей пребывание вестготов в Риме, Бачаи и его по преимуществу неграмотных сторонников выгнал из столицы Мухаммед Надир-хан, член династии Дуррани (дядя Амануллы-хана), собравший остатки афганской армии и отряды племен в Северо-Западной пограничной провинции. Затем Надир-хан пригласил вождей восставших на переговоры. Бачаи и семнадцать его ближайших сподвижников были схвачены и повешены. После этого Надир-хан, не желавший возвращения Амануллы-шаха (впоследствии много лет жившего в изгнании и умершего в Италии в 1960 году²), с некоторой неохотой взошел на престол, взяв себе

¹ Мало кому известно, что весной 1929 года И.В. Сталин предпринял попытку вооруженным вмешательством во внутренние дела Афганистана спасти Аманулла-хана. С этой целью в Афганистан был направлен специальный отряд из тысячи красноармейцев, переодетых в афганскую форму, под командованием военного атташе в Афганистане Примакова (того самого, который впоследствии был осужден по делу Тухачевского). Отряд переправился через Амударью в районе Термеза, уничтожил афганский пограничный пост Патта-Гисар, разгромил подоспевшие подкрепления и с ходу захватил город Мазари-Шариф. Затем красноармейцы двинулись на Кабул, но тут Сталин, получив известие о том, что Аманулла-хан бежал из Кандагара в Индию, распорядился немедленно вернуться назад.

² Аманулла-хан действительно длительное время жил в Италии, однако умер он в Цюрихе (Швейцария).

имя Надир-шах. Новый правитель Афганистана также хотел приблизить свою державу к современной эпохе, хотя и не такими решительными мерами и не такими быстрыми темпами, как его предшественник. После убийства Надир-шаха в 1933 году трон перешел его девятнадцатилетнему сыну Мухаммеду Захир-шаху, хотя в действительности страной правили братья Надир-шаха и другие члены семьи.

В 1934 году Афганистан вступил в Лигу Наций, и вскоре Соединенные Штаты в одном из порывов любви к исламу установили с Кабулом дипломатические отношения через американского посла в Иране. Однако более важным было установление тесных связей с Германией и Японией. Японцы, подобно афганцам, успешно отражавшие колониальные притязания европейских государств, поразили весь мир своей решительной победой над царской Россией в 1905 году. Германия завоевала симпатии Афганистана во время Великой войны, когда выступила против колониальных держав Европы, объединившись с Османской Турцией, султан которой по-прежнему оставался духовным лидером ислама.

С приходом к власти в Германии Третьего рейха эмиссары Гитлера зачастили в Кабул, хотя им приходилось лавировать, чтобы не вызвать раздражение грозных соседей, англичан и русских. Тем не менее Афганистан очень интересовал Берлин, в первую очередь как средство давления и на Британскую Индию, и на Советский Союз. В то же время германские псевдочлены, отправленные Гиммлером, занимались исследованиями проблемы расовой чистоты, которой были так одержимы нацисты. Естественно, прибыв в Афганистан, они направлялись прямиком в Нуристан, где в уединенных горных долинах жили светловолосые, голубоглазые люди, судя по всему, далекие потомки исконного населения страны. Кроме того, немецкие инженеры помогали возводить дамбы и другие ирригационные сооружения, а также построили первую в Афганистане железную дорогу протяженностью две с половиной мили от Кабула до нового дворцового комплекса в пригороде Дар-уль-аман, где разместилось правительство.

Когда началась Вторая мировая война, афганцы, как и остальные жители Южной Азии и Ближнего Востока, с изумле-

нием следили за тем, как немцы разгромили английские и французские армии, а сама родина англичан оказалась в осаде. Затем, в июне 1941 года, Советский Союз, казалось, начал рушиться под таранными ударами немецких танковых клиньев. В декабре того же года начался еще более поразительный спектакль: английские, французские, американские и голландские войска побежали от японцев, которые, создав современные военно-воздушные силы и военно-морской флот, погнали бывшие колониальные империи из Азии.

В сентябре 1941 года Великобритания и Советский Союз сообщают потребовали, чтобы из Афганистана были высланы 210 граждан Германии — все, за исключением минимального необходимого штата дипломатической миссии. Увидев, как советские и британские войска вторглись в соседний Иран, отказавшийся выполнить подобные требования, афганцы согласились. В любом случае к концу 1942 года фортуна отвернулась от японцев и немцев, и вторая половина войны, по сути дела, состояла из упорных, но тщетных попыток оттянуть полную победу союзников. Афганистан сохранил нейтралитет, но на него очень повлияло изменение международной обстановки после окончания войны.

Одним из главных последствий Второй мировой войны явилось усиление могущества Соединенных Штатов, Советского Союза, а затем и Китая. Япония и Германия, расставшись с милитаризмом, превратились в чисто экономические сверхдержавы и теперь в этом качестве они занимают соответственно второе и третье места в мире. Можно сказать, что единственным участником войны, потерпевшим полное и безоговорочное поражение, стала Британская империя, над которой раньше «никогда не заходило солнце», после Второй мировой войны съезжившаяся до маленького туманного острова у берегов Европы.

Великобритания, пошатнувшаяся во время первой войны с Германией, после второй упала и больше уже не смогла подняться. Корабли английского торгового флота, когда-то превосходившего численностью все остальные флота мира вместе взятые, теперь сотнями лежали на морском дне. Одновременно с этим стремительный технический прогресс в годы войны значи-

тельно повысил роль авиации, и реактивные самолеты, обладающие большим радиусом действия, а также ракеты отодвинули корабли с первых позиций как в торговом, так и в военном отношении. С момента создания Ост-Индской компании Британия, «правившая морями», получила контроль над странами с населением, в двадцать раз превосходящим население метрополии; но после 1945 года подобное неестественно растянутое образование уже не могло существовать. Государство, построившее мировую империю за счет власти на морях, вдруг обнаружило, что его дни сочтены. По иронии судьбы, в то время как распад большинства великих держав становился следствием их военных поражений, конец Британской империи, наоборот, был отмечен «звездным часом»: англичане в одиночку выстояли против Гитлера, когда нарождающиеся сверхдержавы бездействовали. За четыре предшествовавших столетия мир не видел таких свидетельств мужества и несгибаемости духа, какие были продемонстрированы в 1939—1945 годах, ознаменовавших окончательное крушение мира «по-британски».

Вторая мировая война имела еще одно важное последствие: Германия превратила Европу в пепел, а Япония разожгла пожар в Восточной Азии, после чего исчезли материальные и моральные предпосылки колониализма. Одна из двух сверхдержав, появившихся после войны, Соединенные Штаты Америки, с самого своего рождения была антиколониальной по своей сути; Советский Союз, хотя и унаследовавший царскую империю, также из-за революционных концепций коммунизма выглядел очень привлекательно в глазах народов, угнетавшихся европейцами. Американцы с самого начала освоения богатого ресурсами и относительно бесклассового Нового Света поддерживали силу отдельной личности; Советы, с врожденной памятью о монголо-татарском иге и крепостной зависимости, выступали за усиление коллективизма. Послевоенная идеологическая борьба между Востоком и Западом — наследие религиозных войн, раздиравших Европу, — подняла международный конфликт на качественно новый уровень, заодно многократно повысив ставки. Две молодые сверхдержавы не только имели громадное население и трансконтинентальные интересы, но и обладали ядерным оружием — оружием такой

разрушительной силы, что исключалась сама возможность новых вооруженных конфликтов между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Коммунистическая Россия и демократическая Америка, встав во главе своих коалиций, могли вести лишь холодную войну, что было только на руку таким государствам, как Афганистан, рассчитывавшим получить от этого противостояния финансовые и моральные дивиденды.

Тем временем Афганистан обзавелся новым соседом. В 1947 году Индия получила независимость от Великобритании в результате блистательной бескровной революции, осуществленной под руководством Муханандаса Ганди. Затем было решено разделить полуостров на два государства: мусульманский Пакистан расстался с индуистской Индией, что стало завершающей кульминацией распространения ислама в Индии, начатого в одиннадцатом веке из Афганистана Махмудом Газневи. Процесс разделения сопровождался обилием крови и беспорядков. Несколько миллионов индусов бежали на юг, и примерно такое же количество мусульман бежало на север и восток. Сам Ганди был застрелен во время этого хаоса (к счастью, это преступление совершил индус, так как, если бы Ганди убил мусульманин, пожар войны охватил бы, наверное, весь субконтинент).

Афганистан тотчас же потребовал от новорожденного государства Пакистан пересмотра «линии Дюранда», навязанной англичанами и разделившей единый пуштунский народ. Пакистан, которому в наследство от англичан достались разветвленная шпионская сеть и опыт наведения порядков в беспокойной Северо-Западной пограничной провинции, отказался менять границы. Эти противоречия по поводу «Пуштунистана» в течение последующих десятилетий портили отношения между двумя соседними мусульманскими государствами¹. Воспользовавшись исчезновением британского господства в регионе и взаимной неприязнью Афганистана и Пакистана, Советы после войны поспешили шагнуть в образовавшийся вакуум, усиливая свое собственное влияние.

¹ «Линию Дюранда» не признавало ни одно из правительств Афганистана, в том числе и просоветские.

В пятидесятые годы Советский Союз вкладывал в Афганистан, строя плотины, дороги, аэродромы, школы и ирригационные системы, а также осуществляя разведку природных ископаемых. В послевоенном мире подобное сотрудничество имело для афганцев дополнительные плюсы, которые заключались в том, что американцы стремились не отстать от русских. Если советская помощь сосредотачивалась в основном к северу от Гиндукуша, американцы направляли свои силы и знания на юг. Главным их проектом было воскрешение долины реки Гильменд, превращение ее в районы процветания с помощью плотин и ирригационных сооружений в соответствии с методами, опробованными «Управлением ресурсов бассейна Теннесси»¹. Однако работы были поручены частной фирме, и проблемы с финансированием не позволили добиться сколько-нибудь существенных результатов. Американские инженеры нисколько не учитывали местные особенности и, после того как им не удалось получить обещанные выплаты, начали относиться к проектированию и строительству спустя рукава. Кроме того, американцы также финансировали строительство крупного аэродрома в Кандагаре, рассудив, что это будет важный перевалочный пункт на пути с Ближнего Востока в Индию. Однако появление реактивных самолетов, пришедших на смену поршневым, привело к тому, что надобность в этом аэродроме отпала еще до завершения его строительства. (Есть подозрения, что этот аэродром с самого начала строился, исходя из интересов военных. И действительно, в 2001 году Кандагар стал основными воротами снабжения американских войск в Афганистане.)

Тем временем Соединенные Штаты решили остановить расползание коммунизма по всему земному шару, создавая такие региональные альянсы, как НАТО, объединивший Европу в антикоммунистический блок. В 1955 году Пакистан вступил в СЕАТО (Организацию стран договора Юго-Восточной Азии), в следующий год присоединился к СЕНТО (Организация стран Центрального договора), куда помимо США и Великобритании входили Иран, Ирак и Турция. Афганистан вследствие вражды

¹ Управление ресурсами бассейна Теннесси — независимая государственная корпорация для охраны и разработки водных ресурсов бассейна Теннесси.

с Пакистаном и близких связей с Советским Союзом не был включен в договор взаимопомощи СЕНТО. Больше того, американские военные деятели ответили отказом на просьбу Афганистана о поставках оружия, считая страну придатком Советов, слишком нестабильной, незащищенной перед возможной оккупацией Красной армией¹ и вообще просто не имеющей никакого стратегического значения.

Афганский премьер-министр Мухаммед Дауд, двоюродный брат короля Захир-шаха, обратился за военной помощью к Москве. Его просьбы были очень настойчивыми, так как Соединенные Штаты начали вооружать армии Ирана и Пакистана, соседей Афганистана. Новый советский режим Хрущева, более интернационалистический по сравнению с режимом Сталина, с радостью удовлетворил просьбы афганского руководства. Афганская армия, реорганизованная на манер Красной армии, получила советские и чехословацкие орудия, танки и самолеты. Русский язык стал языком специалистов афганских вооруженных сил. Кроме того, в последующие два десятилетия около 3700 афганских офицеров и курсантов прошли подготовку в военных училищах и академиях Советского Союза. Также свыше шести тысяч афганских инженеров и специалистов получили образование в СССР. В период до 1979 года Советский Союз предоставил Афганистану военной помощи на общую сумму свыше одного миллиарда долларов, помимо экономической помощи в размере 1,25 миллиарда долларов. За это же время американцы, в конце шестидесятых возобновившие программы экономической помощи Афганистану, выделили чуть больше полумиллиарда долларов. Впрочем, Советы имели возможность в значительной части вернуть свои вложения, качая природный газ по трубопроводу, проложенному из провинции Бадахшан; американцам же приходилось полагаться на займы и программы финансовой помощи зарубежным государствам, которые с трудом удавалось протаскивать через неуступчивый Конгресс.

Любопытно, что в то время, как в течение шестидесятых

¹ После Великой Отечественной войны вооруженные силы Советского Союза стали называться Советской армией.

годов Советский Союз и Соединенные Штаты были друг с другом на ножах, афганское правительство вынуждало сверхдержавы к определенному сотрудничеству. Так, например, дороги, которые американцы строили на юге, неминуемо встречались с дорогами, построенными советскими специалистами на севере. Инженеры обменивались картами и данными геодезических съемок, а по вечерам мирно общались в фойе гостиниц Кабула и Герата, отдыхая от идеологии фильма «Доктор Стренджлав»¹, надоевшей им на родине. Одним из самых впечатляющих достижений советских строителей стало шоссе через Гиндукуш, проходящее по перевалу Саланг и оборудованное тоннелем протяженностью почти две мили, расположенным на высоте одиннадцать тысяч футов. Впоследствии эта дорога имела очень важное значение для вторжения советских войск.

В 1961 году, после настойчивых выступлений афганского премьер-министра Дауда по поводу «Пуштунистана», Пакистан закрыл свою северо-западную границу для кочевников-пуштунов, веками перегонявших свои стада по горам. Дауд, хотя и считавшийся на Западе советским лакеем, в действительности был ярким афганским националистом, сочетавшим жестокость Абдурахман-хана и Ахмад-шаха Дуррани с чуткой реакцией на самые насущные нужды своего народа. Так, однажды он подверг испытанию положения парды², заставив всех женщин королевской семьи показаться на публике с открытыми лицами. Когда провинциальные муллы подняли недовольный шум, Дауд распорядился их арестовать. Он был достаточно тонким политиком и не запрещал ношение бурки³, но в то же время двигал свою страну в современную эпоху, искореняя экстремистов.

Тем не менее железная рука Дауда привела к тому, что к 1963 году тюрьмы страны были переполнены, экономический прогресс топтался на месте и недовольство зрело как среди афганских племен, так и среди зарождающейся образованной

¹ Знаменитый фильм режиссера Стенли Кубрика, политическая сатира в жанре «черной комедии», в которой мастерски высмеиваются обе стороны «железного занавеса».

² Парда — в исламе практика укрытия лица женщины.

³ Бурка — покрывало, закрывающее женскую фигуру с головы до ног.

элиты Афганистана. Король Захир-шах и члены королевской семьи попросили Дауда оставить свой пост, чтобы открыть возможности для принятия новой, более либеральной конституции. Захир-шах надеялся децентрализовать власть — в Афганистане, сосредоточенная в одних руках, она неизбежно влекла беспощадное насилие — и передать ее народу, который, если станет слышен его голос, окажется прочной опорой правительства. Дальше произошло одно из самых поразительных событий в истории Афганистана: Дауд просто подчинился просьбе королевской семьи. Хотя и сохранив в своих руках полный контроль над армией, он ушел с поста премьер-министра, чтобы Конституция 1964 года предоставила больше свобод афганскому народу, безраздельно повелевать которым в течение нескольких десятилетий стремился Дауд.

Однако этот урок преподала наглядно еще Великая французская революция: когда государство внезапно переходит от жестокой автократии к либеральным свободам, возникает опасность резкого прорыва долго сдерживаемых обид, сопровождаемого энергией и фанатизмом, невозможными в обществе с долгими демократическими традициями. Джинна свободы необходимо выпускать из бутылки постепенно, чтобы его первые пары не одурманили всех вокруг. В Афганистане, где больше 90 процентов населения были неграмотны, Конституция 1964 года совершенно ничего не значила для живущей патриархальным укладом провинции, не признающей центральную власть, однако была восторженно принята студентами Кабульского университета и образованными жителями городов, многие из которых учились за границей.

1 января 1965 года в Кабуле на Учредительном съезде, тайно состоявшемся в доме Нура Мухаммеда Тараки, была основана Народно-демократическая партия Афганистана. Партия была коммунистической по сути, если не по названию, и с самого начала поддерживала тесные связи с Москвой и финансировалась КГБ. Однако, как это свойственно всем партиям левацкого толка (к тому же в данном случае положение усугублялось национальными особенностями афганцев), партия вскоре раскололась на два крыла, получившие известность как «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя») по названиям своих главных

печатных органов. Более интеллектуальная группировка «Парчам», возглавляемая Бабраком Кармалем, была готова работать в условиях существующей политической системы, в то время как Тараки и его последователи, преимущественно пуштуны, выступали за более радикальные методы борьбы.

Между тем Афганистан, оставаясь сторонним наблюдателем, стал свидетелем стремительных событий, меняющих лицо мира. В 1965 году Пакистан и Индия начали войну из-за Кашмира, северной провинции, которая при разделе Британской Индии по логике вещей должна была бы отойти к Пакистану¹, однако ее магараджа присоединил свои владения к индуистскому государству. Затем Индии бросил вызов Китай, и споры из-за границы вылились в вооруженный конфликт в восточных Гималаях. В 1965 году Соединенные Штаты начали полномасштабную войну, пытаясь изгнать коммунистов из Вьетнама, вследствие чего Афганистан еще больше удалился от зоны главных стратегических интересов Америки. В 1967 году Израиль совершил внезапное предупредительное нападение, разгромив всех своих мусульманских соседей в войне, продолжавшейся всего шесть дней. В ходе этого Израиль вчетверо увеличил свою территорию и завладел библейскими местами, с которыми не собирался расставаться. В следующем году Советский Союз и его восточноевропейские союзники вторглись в Чехословакию, растоптав демократическое движение, родившееся в Праге. В 1971 году Советы и Китай, к огромному изумлению Запада, столкнулись в быстротечных, но кровопролитных пограничных конфликтах². В том же году Индия и Пакистан снова воевали друг с другом, и на этот раз Пакистан потерял свою обособленную восточную провинцию, ставшую

¹ Так как Кашмир был населен преимущественно мусульманами.

² Непонятно, что имеет в виду автор. Инцидент на острове Даманском, крупнейший вооруженный конфликт между Советским Союзом и Китаем, а также столкновения на казахстанском участке советско-китайской границы произошли в 1969 году. В ночь на 13 сентября 1971 года бывший министр обороны Китая маршал Линь Бяо захватил самолет и вылетел на север. Самолет был сбит над Монголией, все находящиеся на борту погибли. Китай обвинял в случившемся советские ПВО, однако самолет был сбит китайской ракетой. Других вооруженных столкновений между Советским Союзом и Китаем в 1971 году не было.

независимым государством Бангладеш. Наверное, это событие по большому счету имело для Пакистана позитивное значение, ибо единственный смысл в обладании этой провинцией, оторванной от метрополии, заключался в том, чтобы оказывать большее давление на Индию. После катастрофического урагана Бангладеш требовалась внушительная иностранная помощь только для того, чтобы выжить. Несколько лет спустя этот регион стал еще более взрывоопасным вследствие испытания ядерного устройства, произведенного Индией.

В конце шестидесятых годов во всем мире начался период культурного бурления, и Афганистану не удалось остаться в стороне от общего течения. После попыток приблизить страну к реалиям современной эпохи в Кабуле сложилась прослойка студентов и интеллигенции, приверженных идее решительных, а то и революционных перемен. Противостояние между Востоком и Западом сосредоточилось в основном на Вьетнаме, потоки финансовой помощи странам Третьего мира иссякли, и Афганистан в экономическом отношении покотился под откос. Продолжительная засуха, случившаяся в начале семидесятых годов, привела к значительному ухудшению жизни афганского села, а тем временем стойкие приверженцы ислама, подогреваемые муллами, начали поднимать голову, выступая против тенденций либерализации в городах. Афганские феминистки, хотя и не жгли публично свои лифчики, появлялись на людях без бурок и подвергались яростным нападкам исламских фундаменталистов; затем следовали демонстрации женщин, закутанных с ног до головы в традиционные одежды. Правительство Захир-шаха действовало крайне неэффективно. За этот период сменились пять премьер-министров, но ни одному из них не удалось добиться стабильности.

В 1973 году, в то время как Захир-шах путешествовал в Италии, Мухаммед Дауд возвратился на политическую сцену и в результате бескровного переворота¹ вернул себе главную роль в правительстве. Радостно встреченный армией, на создание которой он потратил столько сил, Дауд провозгласил Афганистан республикой. Хотя НДПА поддержала переворот, Дауд пришел

¹ Во время переворота погибло четверо военных и четверо полицейских.

к выводу, что Афганистан чересчур сблизился с Советами. Вскоре он выгнал из своего правительства министров — членов НДПА и сократил число советских военных советников. Своими диктаторскими методами правления Дауд настроил против себя верующих мусульман, хотя он и пытался заверить их в том, что Афганистан не скатывается к западной анархии и не марширует в Восточный блок. Основную оппозицию Дауду, особенно после того, как он прижал свободную прессу, составили студенты и левые, проживающие в городах. Как и в первый период своего правления, Дауд отвечал тем, что бросал инакомыслящих в тюрьмы, а то и физически расправлялся с ними.

Соединенные Штаты больше не участвовали в афганской игре; даже американская экономическая помощь Афганистану высохла до совершенно незначительных сумм. Кроме того, после бесславного завершения вьетнамской авантюры американской общественности становилось дурно при одном только упоминании слова «Азия». Армия была деморализована, и страна больше не хотела соперничать с Советским Союзом за отдаленные регионы, не имеющие видимого экономического или стратегического значения. Ричард Никсон, архитектор разрядки, в 1974 году после скандала был вынужден покинуть свой пост. В следующем году его преемник Джеральд Форд был побежден на выборах Джимми Картером, блестящим интеллигентом и добрым христианином, однако не имевшим мощной поддержки политического истеблишмента. Картеру досталось в наследство пошатнувшееся государственное устройство. Положение усугубил контрудар исламского мира по Израилю, случившийся в октябре 1973 года. Затем арабские государства, не сумев одержать победу на поле сражения, создали объединение стран — экспортеров нефти, ОПЕК, которое, взвинтив цены на нефть, ввергло в штопор американскую экономику. Между тем Советский Союз, радуясь всему, что доставляло неприятности Америке, осторожно выжидал удобного случая, чтобы еще глубже вонзить нож в спину Запада.

В 1977 году Дауда вызвал к себе для объяснений Леонид Брежнев, посетовавший на то, что афганский лидер пытается установить связи с Египтом, Саудовской Аравией и другими государствами. Дауд гневно возразил, что афганцы вольны са-

ми принимать любые решения и один раз даже стукнул кулаком по столу, подчеркивая свои слова. Говорят, Брежнев молча уставился на него, с трудом сдерживая ярость. Многие считают, что эта встреча стала началом падения Дауда. В том же году под нажимом Советов и Коммунистической партии Индии фракции НДПА «Хальк» и «Парчам» объединились. Все чувствовали, что Дауд, к этому времени уже довольно пожилой человек, стал как никогда уязвимым. Заговорщики лишь выжидали удобного момента. Весь офицерский состав афганской армии прошел через советские центры подготовки, и хотя рядовые призывались из племен, офицеры в своей массе были сторонниками НДПА.

В апреле 1978 года был убит видный коммунистический деятель Афганистана Мир Акбар Хайбер. Ходили слухи, что к этому преступлению была причастна тайная полиция Дауда. Сам Дауд был очень встревожен, когда похороны вылились в пятнадцатитысячную демонстрацию. Он отреагировал, повинувшись инстинкту, и приказал арестовать марксистских лидеров. Его жестокие ответные меры вызвали еще более бурный отклик, и утром 27 апреля 1978 года отборные бронетанковые части афганской армии окружили дворец Дауда в Кабуле. Другая восставшая бригада захватила аэропорт, и в полдень несколько истребителей-штурмовиков «МиГ-21» афганских ВВС нанесли ракетно-бомбовый удар по дворцу. 7-я дивизия, оставшаяся верной Дауду, попыталась прорваться с боем к столице, но была рассеяна воздушными атаками мятежников. Дауд вместе с личной охраной численностью 1800 человек продержался всю ночь, однако в конце концов восставшим удалось ворваться во дворец. К рассвету Дауд и вся его семья были убиты. Всего в вооруженных столкновениях в Кабуле погибло около двух тысяч человек.

Офицеры-марксисты немедленно передали власть в руки НДПА, провозгласившей создание Демократической Республики Афганистан (ДРА). Тараки (лидер «Халька») стал президентом, а Кармаль (глава «Парчама») получил пост его первого заместителя. Успех переворота, названного Апрельской (Саурской) революцией, ознаменовал собой конец единства между «Хальком» и «Парчамом». Вскоре Тараки очистил правитель-

ство от сторонников «Парчама» и избавился от Кармаля, отправив его послом в Чехословакию. Вторым человеком в Афганистане стал Хафизулла Амин. И все же внутривластные распри не смогли затмить звездный час НДПА: в Афганистане победила коммунистическая революция.

Лето 1978 года прошло относительно спокойно. Руководство НДПА не торопилось с проведением решительных преобразований. Вначале было объявлено, что деятельность нового правительства будет основана на «защите принципов ислама, демократии, свободы и неприкосновенности личности», а во внешней политике Афганистан будет «придерживаться позитивного и активного нейтралитета». Единственные выступления против нового режима произошли в Нуристане, Хазараджате и на севере, населенном таджикским меньшинством, однако вызваны они были не столько марксистским мировоззрением НДПА, сколько тем, что заправляли в партии пуштуны. В Афганистан хлынул новый поток советских советников.

НДПА сняла маску в октябре, на торжественном празднике в Кабуле, организованном правительством, на котором был продемонстрирован новый афганский флаг. На смену традиционному зеленому цвету пришел новый: красный. Одновременно было объявлено о первоочередных мерах правительства: равные права и обязательное образование для женщин, статусы внутренней автономии для узбеков, туркмен, белуджей и нуристанцев, денежная реформа и перераспределение земли. Лэрри П. Гудсон замечает: «Эти реформы поразили в самое сердце социально-экономическую структуру преимущественно сельского Афганистана. Их внезапное введение на всей территории страны, без предварительных опытных программ, позволяет предположить, что истинной задачей нового правительства было коренное преобразование уклада жизни афганского народа».

Повсюду начались волнения. Пуштуны, населяющие горы на востоке страны, взяли за оружие. Центрами антиправительственных выступлений стали долина Кунар, центральный Гиндукуш и Бадахшан. НДПА ответила массовыми арестами и расправами с лидерами недовольных. Афганская армия начала таять на глазах; солдаты дезертировали тысячами, прихватывая

с собой оружие. Однако у правительства была одна надежная точка опоры. В декабре был подписан договор о дружбе и добрососедстве между Демократической Республикой Афганистан и Советским Союзом. В Вашингтоне администрация Картера упорно не желала видеть в происходящем ничего плохого и даже отказывалась признавать публично, что Афганистан перешел в коммунистический лагерь.

Но в 1979 году дела пошли еще хуже. В феврале был взят в заложники американский посол Адольф Даббс. Вопреки пожеланиям Соединенных Штатов, афганские войска, выученные КГБ, ворвались в кабульский отель, где содержался Даббс, и не только перебили всех террористов, но и смертельно ранили самого посла. В следующем месяце начались бурные акции протеста в Герате, а 17-я дивизия афганской армии, которой было приказано усмирить возмущения, вместо этого взбунтовалась в полном составе. В течение трех дней мятежники удерживали город, грабили военные склады и охотились за правительственными чиновниками. Тараки приказал верным частям, подошедшим из Кандагара, окружить Герат, и направил к городу две бронетанковые дивизии из Кабула. Затем по кварталам Герата и штабу 17-й дивизии нанесли удары бомбардировщики «Ил-28», поднявшиеся с аэродрома Шинданда. В конце концов мятеж был подавлен, при этом погибло не меньше пяти тысяч человек, в том числе около ста советских советников и членов их семей¹. Восставшие таскали по городу отрубленные головы советских специалистов, насаженные на пики.

Известия о событиях в Герате послужили толчком для роста дезертирства и мятежей в афганских вооруженных силах. В мае в провинции Пактия на сторону восставших перешла моторизованная колонна 7-й дивизии. В следующем месяце правительственные войска открыли огонь по демонстрации в Кабуле, убив и ранив много народу. В августе 5-я бригада 9-й пехотной дивизии присоединилась к восстанию в долине Кунар, а в Кабуле мятежные части ненадолго захватили крепость Бала-Гиссар. Советы увеличили военную помощь, поставив Афганистану двести танков «Т-55», сто танков «Т-62», двадцать боевых вертолетов «Ми-24» «Хайнд» («Олениха») и много дру-

¹ По советским данным, погибли два гражданина СССР.

гого оружия. Число советских военных советников в афганской армии теперь уже измерялось тысячами, а советские военные летчики летали на боевые задания. Для подавления мятежа в долине Кунар Тараки направил свои новые вертолеты. Верные правительству войска разоряли селения, убивая мирных жителей (в частности, только в городе Керала было убито больше тысячи ста человек). Гудсон пишет: «Этот акт жестокости стал одним из первых в войне, изобиловавшей жестокостями, и ознаменовал собой отход от традиционной межплеменной вражды».

В середине лета 1979 года Збигнев Бжезинский, советник по национальной безопасности Картера, почувствовав открывающиеся возможности, уговорил президента выделить помощь афганским повстанцам. Мятежники получили несколько сотен старых английских винтовок «ли-энфилд» калибра .303; однако, какой бы мизерной ни была эта поставка, в Кремле прозвучал тревожный сигнал, предупреждающий о том, что Соединенные Штаты начинают принимать участие в конфликте. В сентябре Тараки был вызван в Москву для консультаций, а по возвращении в Кабул главу Афганистана арестовал его собственный заместитель Амин. Истинные обстоятельства дела до сих пор окутаны тайной; существует вероятность, что Амин действовал на свой страх и риск. Вскоре после возвращения Тараки в столицу на самого Амина было совершено покушение, погиб его телохранитель. Так или иначе, победу одержал Амин. 14 сентября он стал генеральным секретарем НДПА и председателем Революционного совета. Через несколько недель по приказу Амина был убит Тараки, человек, которого он называл «великим учителем», — его задушили подушкой¹.

В течение следующих двух месяцев советскому руководству становилось все более очевидно, что афганская революция выдохлась. Не в силах остановить новые выступления, Амин метался из стороны в сторону, сворачивал правительственные программы, давал взаимно противоречивые обещания и даже

¹ Амин не сообщал советскому руководству про убийство Тараки и пытался использовать жизнь низложенного руководителя как козырную карту. Только 26 декабря один из афганских офицеров проговорился советским разведчиком о том, что Тараки уже нет в живых.

обратился за помощью к Пакистану. Он распустил службу безопасности Тараки и публично объявил, что со времени Апрельской революции от рук правительственных войск погибло больше двенадцати тысяч афганцев. Режим Амина держался за счет поддержки армии, однако вооруженные силы Афганистана вследствие дезертирства и мятежей сократились вдвое.

Советский генеральный штаб начал составлять план вооруженного вторжения в Афганистан, параллельно наращивая силы Красной армии в Туркмении¹. Основу плана составлял новый переворот, в ходе которого Амина должен был сменить Бабрак Кармаль, лидер фракции «Парчам» в НДПА. Юрий Андропов, возглавлявший советский КГБ, всегда недолюбливавший Амина, разделял широко распространенные подозрения, что тот был агентом ЦРУ. Амин действительно учился в Колумбийском университете в Нью-Йорке и свободно говорил по-английски. По мере того как осенью 1979 года Амин своими неумелыми действиями лишь еще больше ухудшал положение дел, советское руководство все чаще задумывалось об его истинных мотивах. Кроме того, Амина так ненавидели и презирали в Афганистане, что нужно было спешить воспользоваться этой возможностью: любой его преемник получил бы поддержку афганского общества. После устранения Амина все прошлые эксцессы можно будет списать на него и фракцию «Хальк», расчистив поле деятельности для нового режима «Парчама».

12 декабря престарелый Брежнев, которому в то время было уже восемьдесят лет², собрал в Кремле узкий круг своих советников³. Не обращая внимания на возражения некоторых военачальников, советские политические лидеры решили на-

¹ После Апрельской революции правительство НДПА больше двадцати раз обращалось к Советскому Союзу с просьбой ввести в Афганистан свои войска, причем последние семь раз это делал уже Амин после устранения Тараки.

² 19 декабря 1979 года Л.И. Брежневу исполнилось 73 года.

³ 8 декабря состоялось совещание с участием Л. Брежнева, Ю. Андропова, А. Громыко, М. Сулова и Д. Устинова, на котором было решено проработать вопрос о вводе войск в Афганистан. Вечером 10 декабря на коллегии Министерства обороны Д. Устинов отдал указания начать формирование новой общевойсковой армии в Туркестанском округе. 12 декабря состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, на котором было окончательно принято решение вводить войска.

править в Афганистан части Красной армии, рассчитывая, что вторжение пройдет так же гладко, как интервенции в Венгрии в 1956 году и в Чехословакии в 1968 году. Хотя вступление советских войск в Будапешт сопровождалось ожесточенными боями, в обоих случаях удалось, подавив общественные волнения, восстановить прокоммунистические режимы, а также предотвратить дальнейшие выступления и не допустить цепной реакции в соседних государствах. Сущность доктрины Брежнев-ва (своеобразного советского аналога доктрины Монро)¹ состояла в том, что Красная армия должна защищать братские коммунистические режимы.

Однако ключевым моментом, определившим решение советского руководства, была не интернациональная марксистская солидарность, а стратегические требования холодной войны. И главным противником были не афганские пастухи, а Соединенные Штаты. В начале 1979 года США потеряли Иран в результате исламской революции, которую возглавил аятолла Хомейни. Вместе с правительством шаха Пехлеви американцы лишились всех станций прослушивания, аэродромов, военных складов и баз, расположенных в непосредственной близости от южных границ Советского Союза. Следовательно, неизмеримо возросла роль Афганистана, еще недавно считавшегося американцами тихой заводью. Ситуация усугублялась тем, что за месяц до этого иранское правительство захватило в заложники американских граждан. (Так же было разорено американское посольство в пакистанском Равалпинди.) Внимание американских военных оказалось сосредоточено на Центральной Азии: предстояло или начать войну в Иране, или искать другое место, чтобы восстановить в регионе утраченные позиции.

Революция в Иране также имела последствия и для южных республик Советского Союза с преимущественно мусульманским населением. Если воинственный ислам становился новой угрозой, предпочтительнее было отодвинуть линию фронта за

¹ Декларация принципов внешней политики США, провозглашенная 2 декабря 1823 года президентом Дж. Монро в ежегодном послании Конгрессу. В послании отмечалось, что любая попытка европейских держав вмешаться в дела своих бывших колоний в Западном полушарии будет расцениваться как нарушение жизненных интересов США; при этом сами США брали на себя обязательство не вмешиваться в европейские дела.

Гиндукуш, чем ждатель, когда он одержит новый триумф в Афганистане и подойдет вплотную к советским границам. Посрамление социалистических принципов на противоположном берегу Амударьи отразилось бы тревожным эхом по всей Советской Трансоксиане. Соединенные Штаты, схватившиеся с разъяренными толпами фанатиков-мусульман, прекрасно сознавали, что Советы в этом отношении еще более уязвимы, так как на их собственной территории проживают десятки миллионов мусульман, покоренных с таким трудом.

В данном контексте советским лидерам общенародная война против режима НДПА в Афганистане казалась не более чем простым выступлением диких племен. Естественно, ЦРУ только подливало масла в огонь, а у американской военщины теперь был Иран, предлог, оправдывающий ее появление в регионе в полной силе. Последним доводом было то, что, если НДПА падет в результате кровопролитной гражданской войны, все усилия, потраченные Советами начиная с 1919 года ради того, чтобы установить свое влияние в Афганистане, пропадут впустую. Новое правительство страны, составленное на основе более традиционных родоплеменных устоев, вряд ли будет оставаться нейтральным и обратится за помощью уже не к Советам, а к американцам. При самом страшном варианте развития событий в горах Гиндукуша появятся шахты американских ядерных ракет, создающих смертельную угрозу Советскому Союзу.

Пытаясь оценить возможную реакцию Соединенных Штатов, Брежнев и его когорта престарелых солдат холодной войны исходили из того, что им придется иметь дело не с Эйзенхауэром, Никсоном и даже не с Кеннеди, которые на пике экономического подъема были полны решимости «заплатить любую цену». Вместо этого перед ними был Картер, казалось, бывший не в том положении, чтобы развязывать новую войну, даже если бы это ему хотелось, особенно в стране, считавшейся после крушения Британской империи в советской сфере влияния. Возможно, на совещании 12 декабря в Кремле кто-то с тоской рассуждал о том, что было бы лучше, если бы Апрельская революция в Афганистане вообще не случилась. Однако сейчас у Советского Союза оставался только один выход: спасение оказавшегося в критической ситуации братского режима военными средствами или, как это назвал остальной мир, вторжение.

В ночь на Рождество 1979 года в Кабульский аэропорт и на военную базу в Баграме, расположенную к северу от столицы, начали прибывать элитные советские подразделения. Оба эти пункта охранялись афганскими правительственными войсками, сцементированными сотнями советских военных советников, уже находящихся в стране. Афганцы мрачно встречали выгружающихся из самолетов советских десантников и бойцов спецназа, держа руки на оружии, однако до вооруженных стычек дело не дошло.

Первая за последние двадцать лет боевая операция советских войск за пределами своей страны прошла гладко (если не считать катастрофы вертолета, во время которой погибли тридцать семь человек)¹. Она была осуществлена быстро, решительно и не без определенной изобретательности. Для нейтрализации ненадежных частей афганской армии советские войска использовали военную хитрость. Так, например, командованию афганского бронетанкового подразделения, охранявшего кабульскую радиостанцию, советские советники сообщили о предстоящем переходе на новые танки. А между тем было приказано слить из имеющихся танков горючее, чтобы заполнить им баки новых танков, которые, разумеется, так и не прибыли. Подобными хитрыми методами были нейтрализованы также 7-я и 8-я афганские дивизии. В одном случае советские советники попросили произвести инвентаризацию испорченных боеприпасов, для чего потребовалось достать из танков боекомплект снарядов; в другом две сотни боевых машин оказались прикованы к месту после того, как с них сняли аккумуляторные батареи под предлогом «подготовки к зиме».

В Рождество части 357-й и 66-й мотострелковых дивизий (мсд) Красной армии вошли в Афганистан из Кушки на территории Туркмении и начали продвигаться на юг по главной магистрали. 380-я и 201-я мсд переправились через Амударью по понтонному мосту из Термеза на территории Узбекистана. Через день 380-я дивизия вошла в Кабул, попутно захватив жизненно важный перевал Саланг и тоннель, а 201-я дивизия за-

¹ Вечером 25 декабря при заходе на посадку в Кабульский аэропорт врезался в горы и взорвался транспортный «Ил-76». Погибли находившиеся на борту тридцать семь десантников и экипаж самолета.

няла Кундуз и повернула на восток к Бадахшану и Баглану. Воздушно-десантные части начали высаживаться на военно-воздушной базе в Шинданде (к югу от Герата), в Кандагаре и Джелалабате. К 27 декабря в Афганистане уже находилось до пятидесяти тысяч советских войск; пять тысяч солдат и группы спецназа заняли позиции вокруг Кабула¹.

Один из советских десантников Юрий Тиньков вспоминает, что в Самарканде бойцам его части сказали, что Афганистан собираются захватить американские «зеленые береты». Он так описывает тревожный перелет в афганскую столицу в ночь с 26 на 27 декабря:

«Когда наш самолет начал снижаться над Кабулом, все бросились к иллюминаторам, чтобы посмотреть, будут ли янки стрелять по нам из зенитных орудий. Наш самолет продолжал снижаться. У всех под ложечкой сосал страх. Все дослали патрон в патронник. Как только мы приземлились, по периметру аэродрома было выставлено охранение. Стояла темная ночь, и мы ничего не видели... Как только один самолет поднимался в воздух, на взлетно-посадочную полосу садился другой».

Первые дни Советы убеждали Амина в том, что советские войска введены в Афганистан для того, чтобы спасти его революцию. Афганскому лидеру уже удалось избежать нескольких покушений на свою жизнь (говорили, однажды его попытался отравить личный повар, агент КГБ)², и он заперся в своем

¹ В соответствии с директивой номер 312/12/001, подписанной министром обороны Д.Ф. Устиновым и начальником Генерального штаба Н.В. Огарковым, группировка войск определялась в следующем составе: 40-я армия (108-я и 5-я мсд и 860-й отдельный мотострелковый полк Среднеазиатского военного округа, 56-я отдельная десантно-штурмовая бригада и 2-я зенитная ракетная бригада Туркестанского военного округа); 103-я воздушно-десантная дивизия и 345-й отдельный парашютно-десантный полк ВДВ; 34-й смешанный авиакорпус; резерв (58-я мсд ТуркВО, 68-я и 201-я мсд САВО, 106-я вдд ВДВ). Первыми входили 5-я мсд через Кушку и 108-я мсд через Термез; 103-я вдд и 345-й оплп высаживались на аэродромы Кабула и Баграма.

² Х. Амин действительно был отравлен во время приема днем 27 декабря, однако его спасли советские военные врачи, не поставленные в известность относительно готовящейся операции.

дворце Дар-уль-аман¹ в пригороде Кабула, окруженный личной охраной. Тем временем советский спецназ рассредоточился по городу, заняв места у всех стратегически важных объектов, а механизированные части Красной армии подошли к аэропорту, центрам связи и правительственным учреждениям.

27 декабря началось советское вторжение в Афганистан. В этот судьбоносный день в Кабуле были быстро уничтожены телефонные линии, захвачены здания радиостанции и Министерства внутренних дел. Десантники заняли центральный телеграф, склады вооружения и другие правительственные здания. Тиньков вспоминает, что с наступлением темноты интенсивность перестрелок возрастала. Ночью «по всему городу гремели выстрелы и взрывы... Как только начало светать, огонь несколько утих. Впоследствии то же самое повторялось каждую ночь до самого мая».

Вечером того же дня начался штурм дворца Амина. Советские десантники завязали бой с афганскими войсками, охранявшими резиденцию по периметру; одновременно с этим бойцы спецназа, переодетые в афганскую форму, ворвались во дворец. Охрана Амина оказывала сопротивление в течение четырех часов, ведя бой за каждое помещение дворца, но в конце концов была перебита². Ходили слухи, что Амин, смирившись со своей судьбой, был убит в баре, где пил водку. Советские войска также имели потери. Были убиты генерал-лейтенант Виктор С. Папутин, первый заместитель министра внутренних дел³, а также полковник КГБ Бояринов, вышедший из дворца,

¹ В бывшей королевской резиденции — дворце Тадж-бек, расположенном в пригороде Кабула Дар-уль-аман.

² Генерал-майор В.В. Колесник, в 1979 году командовавший отрядом специального назначения ГРУ ГШ и руководивший штурмом дворца Амина, пишет, что сопротивление личной охраны Амина, состоявшей в основном из его родственников, было сломлено за двадцать минут.

³ Первый заместитель министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант внутренней службы Виктор Семенович Папутин неоднократно бывал в Афганистане, с его помощью создавались внутренние войска («царандой»), сыгравшие важную роль в будущей войне. Последний раз он прилетал в Кабул в ноябре 1979 года. Папутин даже не подозревал о том, что КГБ готовит устранение Амина. 28 декабря Папутин, возвратившийся к тому времени в Москву, покончил с собой. По отзывам знавших его людей, для него стало страшным ударом развитие событий в Афганистане и убийство Амина.

чтобы отдать приказания, и убитый своими же, поскольку он был переодет в афганскую форму. Операция получилась кровавой, но в конце концов Амин был устранен. Кармалья провезли из аэропорта в здание правительства в бронетранспортере. Через советский передатчик, настроенный на частоту «Радио Кабула», он обратился к народу:

«Сегодня... была сломана машина пыток, созданная Амином и его подручными, жестокими палачами, узурпаторами и убийцами десятков тысяч наших сограждан... Великая Апрельская революция, осуществленная несокрушимой волей афганского народа... вошла в новую стадию. Оплоты деспотического правления кровавого диктатора Амина и его приспешников, сторожевых псов, лизавших ноги Надир-шаху, Захир-шаху и Дауду, наемников мирового империализма, возглавляемого Соединенными Штатами, пали. От них не осталось и следа».

На следующий день Кармалья снова выступил по радио, объяснив, что он обратился к СССР с просьбой «срочно оказать политическую, моральную и экономическую поддержку, в том числе военную помощь». Упомянув договор о дружбе и добрососедстве 1978 года, он закончил свою речь словами: «Правительство Советского Союза удовлетворило просьбу афганской стороны».

План вторжения был достаточно прямолинейным: переброска по воздуху в Кабул десантных частей, устранение главы государства с последующим захватом главных городов страны, аэродромов и важнейших дорог. Мотострелковые части, вошедшие в Афганистан через Кушку и Термез, заняли основные дороги, окружающие Гиндукуш, попутно взяв под контроль города, через которые они проходили. Западная группа войск вошла в Герат, Шинданд, Фаррах и Кандагар. Вторая советская группа, вышедшая из Термеза, двинулась по дороге на восток, а затем свернула на юг к Кабулу. Одновременно с этим советские воздушно-десантные части захватили авиационные базы в Баграме, Джелалабаде, Кандагаре, Шинданде и Герате.

В целом это была впечатляющая демонстрация современной военной мощи. Транспортная авиация в считанные часы доставила отборные войска в стратегически важные пункты. За ними последовали мотострелковые дивизии, которые подготавливали базы снабжения и расчищали путь войскам второго эшелона. Под контроль были взяты все главные города Афганистана. В течение первой недели вторжения по меньшей мере 750 танков и 210 боевых машин пехоты опугали всю страну, а всего к концу месяца в Афганистан вошло до восьмидесяти тысяч советских солдат.

Единственная проблема заключалась в том, что Красная армия, десятилетиями готовившаяся к войне с НАТО или Китаем, прибыла в Афганистан с «чересчур мощным» оружием, в том числе самоходными артиллерийскими установками и зенитными системами. Пехотные подразделения передвигались или на незащищенных грузовиках, уязвимых перед огнем стрелкового оружия, или укрываясь за внушительной броней тяжелой техники, которая не могла двигаться по горным дорогам. Такой подход советских военных говорит об их чрезмерном оптимизме и косвенно подтверждает то, что они первоначально собирались лишь укрепить режим НДПА, а не воевать с афганским народом на его неприступной территории. А может быть, советские генералы не усвоили первый урок, который был преподан американцам во Вьетнаме, где основной проблемой стали не города, а сельская местность. Так или иначе, население афганских городов и сел, расположенных по соседству с «кольцевой дорогой», несколько дней с благоговейным восхищением тарашилось на старательно возвращенную военную мощь сверхдержавы. Но вскоре был объявлен джихад, и Афганистан показал свою истинную силу.

Перед советским вторжением Афганистан имел население почти семнадцать миллионов человек. Из них до 90 процентов были неграмотны, а около 85 процентов жили в селах, обрабатывали землю, пасли скот и занимались кустарными ремеслами. Несмотря на все усилия афганских лидеров двадцатого столетия, от Хабибуллы-хана до Дауда, страна оставалась в ос-

нове своей сельской, а также беспокойной. Простой афганец прислушивался не столько к вердиктам кабульского правительства, сколько к словам местного муллы или вождя племени. После многих столетий, проведенных на торном пути империй, сила Афганистана лежала не в оседлом населении его городов, которые так легко завоевать армиям, пришедшим по главным дорогам, а в народах, живущих в его горах, испокон веку привыкших ценить личную свободу и не признающих иноземных захватчиков.

До начала войны, по оценкам советских идеологов, Афганистан считался одной из наименее подходящих стран для осуществления пролетарской революции. Но в 1979 году советские лидеры отмахнулись от осторожных предупреждений, решив усмирить волнения в Кабуле и Герате и защитить революцию. Вся человеческая история учит, что агрессивные военные операции, в том числе и те, которым суждено будет обернуться катастрофой, неизменно начинаются на волне уверенности в собственных силах, позволяющей руководству не обращать внимания на голоса пессимистов в своих рядах. Кремлевские политики рассматривали только благоприятный сценарий развития событий вокруг Гиндукуша, согласно которому социалистическое правительство Афганистана быстро набиралось сил, после чего войска с лаврами и славой возвращались домой. Остальной мир, не имея ни малейшего желания воевать ради Афганистана, своим бездействием согласился с таким развитием событий.

Президента Джими Картера советское вторжение возмутило гораздо больше, чем среднего американца. В то время общественность Соединенных Штатов затаив дыхание следила за захватом американского посольства в Иране, и те, кто обратил внимание на события в Афганистане, быстро пришли к выводу, что страна уже безвозвратно попала в руки красных. Американская экономика находилась в ужасном положении; в ушах американского народа все еще звучали отголоски вьетнамской катастрофы; окончилась полным провалом попытка достойно ответить Ирану. Неудивительно, что Картер не мог рассчитывать на широкую поддержку своих действий. Он отменил поставки зерна в Советский Союз, приостановил разрешение со-

ветским судам ловить рыбу в американских водах и не передал в Конгресс на ратификацию договор о сокращении стратегических вооружений ОСВ-2. Кроме того, Картер запретил американским спортсменам участвовать в летних Олимпийских играх 1980 года, проходивших в Москве¹.

Картер, человек высоких моральных принципов, воспринял советское вторжение в Афганистан как личную боль, так как все отговорки, которые он слышал от советского руководства и дипломатов, оказались ложью, призванной скрыть истинные жестокие замыслы. (Циники могут также заметить, что советская агрессия развеяла по ветру его надежды на переизбрание в 1980 году.) Если говорить более конкретно, самая главная линия внешней политики, доставшаяся Картеру в наследство — разрядка в отношениях между сверхдержавами, — при нем зашла в тупик. А для Бжезинского и прочих стратегов возродились многовековые страхи того, что Российская империя получит выход к портам в теплых морях. Положение в Иране было дестабилизировано, в Пакистане к власти пришел военный диктатор, Афганистан оказался завоеван, и теперь уже почти ничто не отделяло Советы от Аравийского моря и, следовательно, от Персидского залива. Однако Картер почти ничего не мог поделать.

Советы, хотя искренне расстроенные (как и многие американские спортсмены) тем, что Олимпийские игры получатся не такими зрелищными, как ожидалось, тем не менее считали свое вторжение в Афганистан успешным — или, по мнению западных наблюдателей, свершившимся фактом. У Картера просто не было необходимых средств, чтобы ответить должным образом. Кремлевское руководство пошло на смелый шаг, и Афганистан, казалось, уже был у него в руках. В статье в «Правде» от 31 декабря 1979 года страна, подвергшаяся советской оккупации, описывалась так:

¹ Порой последствия ввода советских войск в Афганистан получались совсем причудливыми. Так, в частности, подвергся советской цензуре писатель Конан Дойл. В сериале о Шерлоке Холмсе с участием В. Ливанова и В. Соломина, вышедшем в начале восьмидесятых годов, знаменитый детектив, спрашивая у доктора Ватсона про его ранение, упоминает не Афганистан, а «восточные колонии».

«Одна из древних стран Центральной Азии оставалась до последнего времени одной из самых отсталых. Казалось, жизнь застыла здесь на средневековой отметке и народ обречен влачить жалкое существование. Феодалы вершили суд и расправу над людьми, и, чтобы так было вечно, они насаждали мракобесие, опутывали массы кабальной зависимостью, подавляли любую попытку принести искру света во тьму бесправия и произвола».

Совершенно справедливо. Между тем операция советских войск в Афганистане развивалась не совсем так, как в Будапеште и в Праге. Всего через несколько недель после прихода Красной армии, которая должна была, по мысли руководства Советского Союза, усмирить сопротивление, советские солдаты стали ловить на себе те же самые зловещие взгляды, которые в свое время встречали Великую индийскую армию. Вместо того чтобы помогать афганской армии, Советы оказались втянуты в открытую войну¹. В огромной горной стране разгоралось пламя сопротивления. Военные колонны уже подвергались нападению на узких дорогах, лагеря обстреливались неизвестными. Советы, собираясь защитить революцию, больше всего опасались американского ответа, который так и не материализовался. Однако теперь они столкнулись в Афганистане с другим врагом, с таким, истинную силу которого им еще предстояло узнать.

¹ Первоначально советское руководство действительно намеревалось лишь помочь правительству Афганистана и быстро вывести войска. В частности, этим объяснялось то обстоятельство, что на первом этапе части ограниченного контингента были доукомплектованы резервистами, призванными из запаса (более 50 тысяч человек), а вместо специальной военной техники использовалось около 8 тысяч автомобилей, поданных из народного хозяйства.

МОДЖАХЕДЫ

Советское вторжение в Афганистан позволило добиться той редкой для страны ситуации, когда все население объединилось, забыв о племенных, национальных, географических и экономических противоречиях. В первую очередь надо было изгнать Советы. В первый день нового, 1980 года в Кандагаре восстала 15-я афганская дивизия. В Герате и Кабуле начались уличные беспорядки. 8-я пехотная дивизия в период до 5 января потеряла в боях с захватчиками около двух тысяч человек, затем, когда в Джелалабад вошли части советской 201-й мотострелковой дивизии, три батальона 11-й дивизии просто дезертировали. В феврале антисоветская демонстрация в Кабуле переросла в массовые беспорядки, в ходе которых погибли триста человек. Кабульские магазины закрылись на целую неделю до тех пор, пока шаткое спокойствие не было сцементировано устрашающим пролетом над столицей советских реактивных истребителей и боевых вертолетов. И все же Красная армия справлялась с выступлениями в городах и с мятежами афганских вооруженных сил. Главные проблемы крылись в сельских районах Афганистана, где проживало большинство населения страны. Советы их не понимали и не контролировали.

Тысячи исламских проповедников откликнулись на иностранное вторжение объявлением джихада, воззвав к многовековым традициям воинов-горцев. Даже те афганцы, кто еще не выступал против режима Амина, присоединились к борьбе с советской 40-й армией. Повсюду, от затерянных горных ущелий Нуристана до засушливых равнин в долине Гильменда, народ взялся за оружие. В дело пошли и мушкеты девятнадцатого века, и английские винтовки «энфилд» времен Первой мировой войны, и советские «АК-47», в больших количествах захваченные у правительственных войск. Бабрак Кармаль, марione-

точный правитель, посаженный Советами, делал все возможное для умирения нации. Он взывал к муллам и объявлял о создании коалиционного правительства «народного единства», однако его голос не разносился за пределы столицы. Между тем фракция НДПА «Парчам», возглавляемая Кармалем, наконец захватила власть и воспользовалась этой возможностью в первую очередь для того, чтобы очистить правительство от соперников из «Халька». В провинции стихийно возникали отряды сопротивления, составленные по национальному и племенному принципу, но объединенные общей целью — борьбой с советским вторжением и общей идеологией — исламом. На Западе участников афганского сопротивления называли «борцами за свободу», но сами они именовали себя «моджахедами». Это слово, производная от слова джихад, означает «воины господ»¹.

Вместо того чтобы стабилизировать положение в стране, Советы лишь еще больше обострили кризис. Афганская армия, которую они должны были поддерживать, отнеслась к вторжению отрицательно и начала таять на глазах. К середине восьмидесятых годов ее численность сократилась с девяноста до тридцати тысяч человек, из которых многие только ждали возможности дезертировать. В то же время советская военная помощь, в течение двух десятилетий поступающая в Афганистан, вместе с мятежниками попала в руки сопротивления. Возможно, поверив собственной пропаганде, утверждавшей, что в ухудшении ситуации в стране повинен Амин, советское руководство не отдавало себе отчета в том, какую незначительную поддержку имеет в действительности НДПА и как присутствие оккупационных сил может испортить то немногое, что имелось.

Еще одна ошибка Советов состояла в том, что первоначально части, которым предстояло участвовать во вторжении,

¹ Утверждение о том, что мятежное движение в Афганистане возникло после свержения режима Дауда в апреле 1978 года, является упрощенным и ошибочным. Организации исламских фундаменталистов как реакция на активизацию леводемократического движения были созданы в середине шестидесятых годов. Так, в 1969 году была образована организация «Мусульманская молодежь», в высший совет которой вошли, в частности, Б. Раббани и Г. Хекматияр. В июне 1975 года боевые отряды организации при поддержке Пакистана развернули повстанческую деятельность в восточных провинциях Афганистана.

набирались из числа резервистов из южных мусульманских республик. Легко понять мотивы советского руководства, желавшего хоть как-то сгладить воздействие оккупации; однако, как выяснилось, подобный подход имел три серьезных недостатка. Во-первых, пуштуны, доминирующая национальность Афганистана, испокон веку враждовали с народами бывшей Трансоксианы. Введение солдат из этой области на территорию пуштунов было подобно тушению огня керосином. Во-вторых, таджикское, узбекское и туркменское население северных областей Афганистана состояло в значительной степени из потомков тех, кто в двадцатые и тридцатые годы бежал от кровавых чисток Ленина и Сталина. Сыновья и внуки этих людей были такими же яркими антикоммунистами, как и пуштуны.

В третьих, доминирование солдат-мусульман в советских силах привело к образованию опасных трещин в частях Красной армии. Солдат из среднеазиатских республик Советского Союза часто подозревали в симпатиях к местному населению, хотя основания для этого были далеко не всегда. Так, в измене могли заподозрить солдата, призвавшегося из Таджикистана, за обычный вопрос о погоде, заданный на дари, на который афганец ответил кивком. Впоследствии этого солдата могли избить русские, требовавшие от него признания в том, какую он выдал информацию. Впрочем, многие советские солдаты-мусульмане действительно оказались меж двух огней, и вскоре были отмечены первые случаи покупки томиков Корана у афганских торговцев. После этого солдаты-мусульмане стали подвергаться в своих частях жестокому обращению; то же самое, в свою очередь, происходило и с призывниками русской национальности, оказавшимися в подразделениях с преобладанием солдат из республик Средней Азии. В марте 1980 года командование советской 40-й армии разрешило эту проблему, вернув на родину всех призывников-мусульман, оставив только переводчиков и специалистов, доказавших свою преданность¹. Красная

¹ Когда стало очевидным, что Советская армия остается в Афганистане надолго, началась замена всех военнообязанных, призванных из запаса, кадровыми офицерами и военнослужащими срочной службы. К марту 1980 года было заменено 31,3 тысячи солдат и сержантов, к ноябрю — 2,2 тысячи офицеров.

армия стала преимущественно славянской, тем самым превратившись в более чужеродную для афганцев, но по крайней мере восстановив взаимное доверие в своих собственных рядах.

И все же, несмотря на некоторые проблемы, скрытное вторжение прошло, как и было запланировано. Бронированные колонны прогрохотали по основным магистралям, отвечая на комариные укусы стрелкового оружия снарядами 105-мм орудий. Реактивные истребители «МиГ-23» носились в небе, высисывая цели для 500-фунтовых бомб и ракет. В городах захватчики не ходили «гусиным шагом» вдоль главных улиц. Как правило, советские войска размещались в лагерях вокруг аэродромов или возводили военные городки вдали от населенных пунктов. Журналист Эдвард Жирарде, посетивший через несколько недель после советского вторжения Кандагар, считавшийся оплотом сопротивления, с удивлением отметил: «Дым из печных труб висел ленивым сизым маревом над совершенно мирным и спокойным городом».

Советские войска, недавно вошедшие в Афганистан, были зачарованы незнакомой страной и сохраняли оптимизм. Так, один солдат, чьи воспоминания приводятся в сборнике «Рассказ солдата», говорит, что «после учебки Афганистан явился большим облегчением». Другой, прилетевший в Кабул в феврале 1980 года, вспоминает: «Город с первого же взгляда произвел на нас сильное впечатление. Все вокруг были одеты непривычно. Мужчины были похожи на басмачей, а женщины укрывали лицо паранджой. Дети были невероятно красивы. Казалось, мы совершили путешествие во времени и вернулись в средневековую Азию». Юрий Тиньков, прилетевший в Кабул в первые дни вторжения, был заморожен видом афганских сел:

«Афганцы — народ очень трудолюбивый. Они мешками натаскивают чернозем на горные склоны и устраивают поля... Крестьяне так заботливо ухаживают за своей землей, что она везде очень сочная и плодородная. Мы никак не могли понять, где они берут такую землю, потому что повсюду вокруг не было ничего, кроме камней и глины».

Первые крупные вооруженные столкновения между захватчиками и моджахедами произошли в горных районах на востоке Афганистана, населенных племенами гильзаев. В марте советская 201-я мотострелковая дивизия двинулась в долину Кунара на помощь остаткам 9-й дивизии афганской армии, еще державшимся в Асадабаде. Подвергаясь непрерывным обстрелам с горных склонов, бронированная колонна тем не менее двигалась вперед, по дороге разоряя селения в долинах. Два месяца спустя части 201-й дивизии снова вышли из Джелалабада. Попав под сильный огонь, колонна остановилась, и солдаты Красной армии стали взбираться на склоны, но понесли серьезные потери от огня повстанцев, укрывавшихся среди скал. Советские войска навели на моджахедов свою артиллерию, однако те рассеялись, переместившись на новые позиции в глубине ущелья, и затаились, выжидая удобного случая. Один из командиров афганских повстанцев впоследствии рассказывал Лестеру Грау и Али-Ахмаду Джалали: «Шурави (советские) потеряли двух убитых. Мы устроили засаду выше того места. Вскоре появилось подразделение советских, вернувшееся за телами убитых. Мы открыли огонь, и советские потеряли еще семерых. Однако затем они отомстили, разгромив село и расправившись с мирными жителями и даже с домашними животными».

Части Советской армии находились в районе в течение двенадцати дней и, по оценкам командиров повстанцев, оставили после себя 1800 убитых мирных жителей. «Это была первая операция советских в провинции, — замечает Асеф. — Они пришли сюда, ожидая встретить американских и китайских наемников, а вместо этого понесли тяжелые потери и дали выход своей злобе, грабя и убивая местных жителей». В июне моджахедам представился случай отомстить 201-й мсд, когда один ее полк выдвигался по дороге из Гардеза в Хост, город в провинции Пактия у границы с Пакистаном. Согласно историку Марку Урбану: «По-видимому, советские солдаты оставались в бронетранспортерах и вели неэффективный огонь до тех пор, пока не израсходовали все боеприпасы, после чего партизаны их уничтожили». Судя по всему, потеря целого батальона потрясла командование 40-й армии; тем не менее Советы, строго

контролировавшие средства массовой информации, не допустили широкой огласки сведений о зверствах и потерях своих войск. В следующем месяце советским частям удалось уничтожить к северу от Джелалабада лагерь моджахедов. Повстанцев предупредили о предстоящей операции предатели из числа командования афганской армии, однако двадцать пять моджахедов предпочли бегству мученическую смерть.

Подобно своим предшественникам, Советы обнаружили, что горы восточного Афганистана являются осиным гнездом сопротивления. Эта область, исконная вотчина гильзаев, первой получила современное оружие из Пакистана. В разгар лета Советы также обнаружили, что жизненно важной для них дороге через перевал Саланг угрожают моджахеды, действующие из Панджшерского ущелья, расположенного к северу от Кабула. Осенью советская армия предприняла два крупных наступления в ущелье, но так и не смогла поймать неуловимого врага. В остальных районах страны партизанская война разгоралась медленнее, так как моджахеды увидели, что пули, выпущенные из винтовки «энфилд», отскакивают от брони советских боевых машин, а пулеметы не могут достать советские самолеты и вертолеты. Кроме того, первоначальные попытки действовать в бою крупными соединениями окончились полным провалом вследствие подавляющего превосходства советской армии в огневой мощи. Советы имели значительно более эффективное оружие, которое обладало большей дальностью действия, а их авиация могла уничтожить любую обнаруженную наземную цель.

Ученый Расул Бахш Раис пишет, что первые попытки сопротивления, основанные на «принципах восстания племен», заключались преимущественно в неорганизованных прямых нападениях на советские части, что приводило к большим потерям. «Личный героизм и беззаветная отвага горцев» продемонстрировали решимость афганского народа, но оказались недостаточными для достойного отпора Советам. Осознав, что в прямом бою с использованием тяжелой техники им не одержать победу, моджахеды вскоре перешли к действиям мелкими группами, насчитывающими, как правило, от десяти до тридцати человек. В исследовании советского Генерального штаба, прове-

денном после окончания войны, говорится: «Советские войска столкнулись с проблемой, как использовать свои силы и ресурсы в борьбе с небольшими, чрезвычайно мобильными группами моджахедов, которые придерживались тактики засад и внезапных нападений».

В 1980 и 1981 годах захватчики сосредоточили свои усилия на обеспечении безопасности основных дорог и обустройстве военных лагерей рядом с аэродромами. Кроме того, вдоль путей снабжения были построены укрепленные посты, как правило, охранявшиеся частями афганской армии. Эти посты были окружены минными полями, простиравшимися за пределы дальности выстрела из 82-мм миномета, заменявшего повстанцам артиллерию. Внутри лагерей гарнизоны пребывали в полной безопасности, однако любая попытка покинуть укрепления была сопряжена с риском.

В своих действиях моджахеды полагались на два древнейших тактических приема ведения войны: набег и засаду. Поскольку большую часть территории Афганистана занимают горы, дороги на значительном протяжении соседствуют с господствующими горными склонами, а местами оказываются зажаты в узкие ущелья. Таким образом, советские боевые машины вынуждены были держаться этих дорог, в то время как моджахеды обладали полной свободой маневра, имея возможность пересекать горы по тропам, известным им одним. Нападения происходили преимущественно в сельской или горной местности, но в первые годы войны сопротивление действовало и в городах, прибегая к самым разнообразным подрывным методам. Вожди сопротивления пытались организовывать демонстрации и забастовки, а также расправляться с правительственными чиновниками. Однако, по мере того как Советы ужесточали контроль над основными городами, подобная деятельность прекращалась.

Саботаж и диверсии не были сильной стороной моджахедов, предпочитавших открытую демонстрацию личной храбрости. Тем не менее были попытки нанести удары по правительственным зданиям, общественным учреждениям и газопроводам. Чаще всего взрывались мосты, поскольку колонна, вынужденная остановиться, становится идеальной жертвой засады. Обеспечение безопасности транспортных путей являлось главной за-

дачей советских военачальников. Засады не только увеличивали стоимость и риск любой военной операции, но и позволяли неприятелю захватить оружие, а также подрывали боевой дух советских солдат.

Поскольку советскую оккупацию Афганистана часто сравнивают с американской войной во Вьетнаме, наверное, будет полезно провести основное различие между задачами, стоявшими в обоих случаях перед армиями сверхдержав. Прибыв во Вьетнам, американская армия столкнулась с многочисленным, дисциплинированным противником, ведущим войну уже на протяжении нескольких десятилетий, хорошо вооруженным и обученным. Даже партизаны Вьетконга¹ прошли специальное обучение и получали оружие и боеприпасы; Северный Вьетнам вообще задействовал регулярную армию, ведущую партизанскую войну, но тем не менее при желании способную провести крупную операцию. Что более существенно, вьетнамские коммунисты были объединены центральными командными структурами, в которых главную роль играли такие блистательные генералы, как Нгуен Зиап² и Ван Тьен Зунг³.

Напротив, афганское сопротивление возникло стихийно, опередив создание координирующих организаций и появление лидеров. Кроме того, в действительности оно так никогда и не объединилось под общим командованием. Сельское население откликнулось на советское вторжение инстинктивно, повинуясь глубоко укоренившимся в сердце каждого афганца традициям решать политические проблемы путем насилия, и этот стихийный характер сопротивления сохранился в течение всей войны. Двумя объединяющими факторами были чувство национального самосознания и верность исламу, и политикам и генералам не требовалось подкреплять ни первое, ни второе.

¹ Американское название коммунистического партизанского движения в Южном Вьетнаме в конце 1950-х — 1975 годах.

² Во Нгуен Зиап — политический и военный деятель Демократической Республики Вьетнам. С 1946 года — министр национальной обороны ДРВ, с 1947 года — главнокомандующий Вьетнамской народной армией и одновременно заместитель премьер-министра ДРВ.

³ Ван Тьен Зунг — главнокомандующий сухопутными войсками Северного Вьетнама во время войны с США. Именно он разработал план знаменитой операции «Хо Ши Мин», наступления северян, закончившегося взятием Сайгона.

Однако готовность сражаться необязательно выливается в успех, когда приходится иметь дело с современной, значительно более мощной армией. Раис так определил три главные цели моджахедов:

«1. Не признавать легитимность кабульского режима и поддерживать оппозиционные настроения среди населения.

2. Организовать координирующий центр партизанского движения и создавать альтернативные органы власти в освобожденных районах.

3. Поддерживать постоянную напряженность, ведя войну на истощение, чтобы Советам приходилось платить за оккупацию все дороже».

Советы, прекрасно знакомые со спецификой партизанского движения, после первого же года войны ответили кардинальной реорганизацией структуры своих вооруженных сил. Хотя общая численность оккупационных войск оставалась постоянной на уровне 85 тысяч человек, было резко увеличено количество боевых вертолетов и реактивных истребителей. Количество вертолетов возросло с шестидесяти в середине 1980 года до трехсот с лишним к концу следующего года. Мощность истребительной авиации достигла 130 боевых машин, а тяжелые бомбардировщики были переброшены на авиабазы в Туркмении, откуда они могли наносить удары по Афганистану. Как выяснилось, авиация без труда справлялась с исконным союзником афганцев — непроходимыми горами. Удовлетворенные созданием сети военных баз по всей территории страны, Советы получили возможность наносить удары по сельским районам, хотя о том, чтобы закрепиться в них, речь не шла.

В 1981 году Красная армия предприняла еще два наступления в Панджшерское ущелье, откуда полевой командир моджахедов Ахмад Шах Масуд наносил удары по Баграму, Чарикару и перевалу Саланг. Оба раза советские войска по прошествии двух недель уходили, оставляя десятки единиц сожженной бронетехники и разоренные селения. Советская 5-я гвардейская мотострелковая дивизия охотилась в районе Фарраха за отрядом моджахедов под командованием Мухаммеда Шаха.

После тяжелых боев дивизия двинулась на север и razорила окрестности Герата. 106-я мсд Красной армии при поддержке воздушно-десантных частей и авиационных ударов уничтожила несколько баз повстанцев на территории меду Кабулом и Желалабадом.

Но с обеих сторон воюющие еще искали наиболее эффективную тактику. Али-Ахмад Джалали и Лестер Грау беседовали с командиром моджахедов, рассказавшим про оборонительные операции на дороге рядом с Желалабадом, проходившие летом 1981 года. Повстанцы решили встретить приближающуюся колонну советских войск минами и засадой. «Нам нравились мощные мины, — вспоминал полевой командир, — поэтому обычно мы доставали взрывчатку из двух египетских пластиковых мин и помещали ее в большую жестяную консервную банку из-под масла. Также для производства бомб мы использовали взрывчатое вещество из неразорвавшихся советских снарядов». Установив бомбу под мостом, моджахеды вставили в нее дистанционный взрыватель и протянули провода до находившейся в ста ярдах засады. Осторожно приблизившись к мосту, советские солдаты обнаружили бомбу, но вместо того, чтобы перерезать провода, они просто встали вокруг, разглядывая ее. Поняв, что засада обнаружена, повстанцы просто взорвали бомбу, уничтожив советских солдат.

Через несколько дней этот же отряд моджахедов попытался организовать подобную засаду, но, поскольку запас дистанционных взрывателей кончился, на этот раз мины с взрывателем нажимного действия были установлены на дороге и прикрыты сверху коровьими лепешками. Однако советские войска пустили вперед собак, вынюхавших одну из мин. И снова солдаты столпились вокруг мины, а моджахеды открыли по ним огонь из пулемета».

К 1982 году моджахеды начали получать регулярные поставки оружия. Особо ценился реактивный ручной гранатомет «РПГ-7», способный пробивать броню советских танков. Также в большом количестве поступали пулеметы «ДШК» калибра 12,7 мм чехословацкого производства¹, прозванные моджахе-

¹ Вероятно, ошибка. В основном к моджахедам поступали пулеметы «ДШК» китайского производства.

дами «двадцатизарядкой», и большинство повстанцев смогло сменить свои старые винтовки на «калашниковы» «АК-47». В том же году некоторые повстанческие отряды получили зенитные пулеметы «тип 75» калибра 14,5 мм китайского производства. За это, а также за более эффективное вооружение, которое им еще предстояло получить, моджахеды должны были благодарить своего давнего врага, Пакистан.

В то время как американская помощь афганскому сопротивлению началась с мизерной суммы в 30 миллионов долларов в 1980 году и в первый президентский срок Рейгана выросла совсем незначительно, пакистанский президент Мухаммад Зия-уль-Хак с самого начала занял решительную позицию в отношении советского вторжения. Имея по одну сторону от себя враждебную Индию, а по другую Афганистан, оккупированный советскими войсками, Пакистан очутился перед угрозой физической изоляции. Кроме того, пустынная и малонаселенная пакистанская провинция Белуджистан осталась последней преградой на пути Советского Союза к Аравийскому морю. В Исламабаде решили, что если в Афганистане Советы не встретят никакого сопротивления, их следующей целью, возможно, станет Пакистан.

Сам Зия-уль-Хак, захвативший власть в результате военного переворота и повесивший своего предшественника Зульф리카ра Али Бхутто, считался в мире изгоем. Его презирали американцы, знавшие о секретной ядерной программе Пакистана. При этом сама страна оставалась крайне бедной и политически нестабильной. Таким образом, советское вторжение в Афганистан предоставило Зия-уль-Хаку возможность одновременно стать героем в глазах и ислама, и Запада, возглавив джихад против неверных и крестовый поход против коммунизма.

Однако риск был значительным, и действовать можно было только в случае уверенности в военном успехе. Генерал Ахтар-Абдул Рахман-хан, глава пакистанского разведывательного ведомства, Межведомственной разведывательной службы (Ай-Эс-Ай), убедил Зия-уль-Хака в том, что Советы действительно можно будет остановить в Афганистане, оказав моджахедам помощь по тайным каналам Ай-Эс-Ай, при этом официальный Исламабад оставался бы в стороне. Афганцы будут вое-

вать, а Пакистан будет поставлять им оружие и помогать военными советниками. Согласно генералу Ай-Эс-Ай Мухаммаду Юсафу, считалось очень важным «не допустить того, чтобы вода стала чересчур горячей, то есть не вывести Советы из себя, вступив с ними в открытую конфронтацию». Вторая проблема, стоявшая перед Зия-уль-Хаком, заключалась в том, что Пакистану предстояло фактически уступить суверенитет над своей Северо-Западной пограничной провинцией моджахедам, которые разместили бы здесь свои лагеря. Тогда еще никто не догадывался, что за бойцами сопротивления последуют миллионы беженцев.

Первым значительным союзником, поддержавшим усилия Пакистана, стал Китай, страна, также не ладившая и с Индией, и с Советским Союзом. Китайцы сразу же стали поставлять афганскому сопротивлению то самое вооружение, которое еще совсем недавно текло во Вьетнам. Затем стало поступать оружие из Египта (изготовленное в государствах Советского блока) и деньги из Саудовской Аравии. В 1980 году Зия-уль-Хак отказался от помощи в размере 400 миллионов долларов, предложенной президентом Картером, заявив, что ее «хватит только на орехи». Пакистан, оказавшись в буквальном смысле на передовой войны с Советским Союзом, был вправе рассчитывать на большее. В следующем году Зия-уль-Хак получил 3,2 миллиарда долларов от новой администрации Рейгана (помимо средств, выделенных из бюджета ЦРУ на закупку оружия для моджахедов.)

Иран в обычной обстановке поспорил бы с Пакистаном в готовности помочь моджахедам. Но, рассорившись в 1979 году с Западом, в 1980 году Иран был атакован Ираком, получавшим вооружение из Советского Союза, и оказался таким образом втянут в затяжную изнурительную войну. Тем не менее Иран все же оказывал помощь шиитам-хазарейцам, поднявшимся против Советов в древней вотчине Гуридов в самом сердце Гиндукуша, территории, куда Красная армия не смела соваться, ограничиваясь лишь ударами с воздуха.

1982 год начался с установления жесткого контроля Советов над городами Герат и Кандагар, где успела набрать силу оппозиция. Только в январе 1982 года в одном Герате было убито

около шестидесяти правительственных чиновников. В город вошли 5-я гвардейская мсд и 17-я афганская дивизия. Были убиты тысячи мирных граждан. Тем временем Советы завершили работы по строительству моста Дружбы, перекинувшегося через реку Амударья в районе узбекского города Термеза. Этот мост позволил значительно упростить переброску подкреплений в Афганистан по земле. В мае Советы начали в Панджшерском ущелье самое крупное наступление с момента ввода своих войск, отвечая на нападение отряда Ахмада Шаха Масуда на авиабазу в Баграме. В этой операции впервые были задействованы несколько дивизий; общая численность участвовавших войск составила пятнадцать тысяч человек. Масуд собрал около трех тысяч моджахедов, но из соседних долин устремились отряды других полевых командиров, чтобы принять участие в сражении.

Советское наступление началось с авиационных бомбардировок ущелья и окрестных склонов, продолжавшихся неделю. Затем вертолеты доставили в стратегические точки подразделения отборных воздушно-десантных частей. Пока транспортные вертолеты «Ми-6» высаживали десантников, вертолеты огневой поддержки «Ми-24» висели в небе эскадрильями по шесть машин, образуя, по меткому выражению советских летчиков, «кольцо смерти». Каждый «Хайнд» был вооружен четырехствольным скорострельным пулеметом и шестьюдесятью четырьмя 57-мм реактивными снарядами на внешних пилонах. Этот вертолет, внешне напоминающий грозную хищную птицу,* считался моджахедами самым страшным оружием. Пока повстанцы пытались воевать с десантом, высаженным у них в тылу, с юга в ущелье вошли главные силы советско-афганских войск. Первыми двигались части афганской армии, но Масуд позволил им беспрепятственно войти в ущелье. Однако, когда у узкого входа в Панджшер появились советские части, моджахеды взорвали скалы, перегородив дорогу. Бойцам сопротивления удалось захватить девять танков, которые затем использовались для борьбы с продвигавшимися дальше советскими солдатами. После двухнедельных боев советские десантники были вынуждены оставить горы. Эдвард Жирарде, находившийся в тот момент среди моджахедов, пишет:

«С отбитых моджахедами наблюдательных пунктов, угнездившихся среди остроконечных скал, до сих пор усеянных окурками советских сигарет и пустыми консервными банками из-под болгарского горошка, мне открылась повергающая в трепет картина сражения. Нескончаемая вереница ревущих над головой боевых вертолетов наносила удары в глубине Панджшера, в то время как плотная колонна бронетранспортеров и грузовиков, в голове которой двигались танки с противоминными катками, упорно ползла по единственной грунтовой дороге, проходящей по дну ущелья. На противоположных склонах время от времени вспыхивали оживленные перестрелки, и вертолеты, сделав круг, заходили на позиции укрывавшихся в горах повстанцев».

В этом сражении Советы впервые применили штурмовики «Су-25» «Фрогфут» («Лягушачья лапа»). Похожий по своим характеристикам на американский «А-10» «Уортхог», этот самолет поразил моджахедов своей способностью круто пикировать в узкие горные ущелья. Кульминацией наступления стала неожиданная атака советского полка с севера, со стороны выхода из ущелья. Этому полку удалось соединиться с основными силами, и Советы впервые смогли установить контроль над всем ущельем. Через несколько недель советские войска ушли из Панджшера, унося с собой от трехсот до четырехсот убитых. В августе 1982 года советские войска предприняли новое наступление и опять захватили дно ущелья, в то время как десантники вели ожесточенные бои с моджахедами на склонах гор. Масуду удалось сохранить свои главные силы. 10 сентября советские войска снова покинули Панджшерское ущелье, предварительно разорив селения и поля и разрушив ирригационную систему.

Два месяца спустя умер Леонид Брежнев, и на посту руководителя Советского Союза его сменил Юрий Андропов, бывший глава КГБ, считавшийся на Западе зловещей фигурой, хотя в действительности он был настроен на проведение реформ. В 1979 году Андропов выступал против вторжения в Афганистан, и в 1983 году война перешла в вялотекущую фазу. В январе Масуд заключил соглашение о прекращении огня, и Советы

больше не предпринимали операций в Панджшере. В Соединенных Штатах, несмотря на периодические бесполезные резолюции ООН, осуждающие вторжение¹, война не вызвала интереса; общественность не желала материальных и эмоциональных вложений в очередное проигрышное предприятие. Военный дух США отчасти поднялся в 1983 году после успешного захвата острова Гренада в Карибском море; однако у всех в памяти еще были провал операции по спасению заложников в Иране в 1980 году и вьетнамская катастрофа. Хотя администрация Рейгана была настроена более антикоммунистически, чем администрация Картера, американское руководство все еще сомневалось, что моджахеды — это именно та лошадь, на которую следует делать ставку.

Больше того, та же самая мысль начала приходить в голову и пакистанской разведке Ай-Эс-Ай. После четырех лет войны оружие, поставляемое афганскому сопротивлению, стало все чаще появляться на базарах, где его перепродавали любому, кто готов был выложить деньги. Отряды моджахедов, накопив собственные арсеналы, вспомнили былые распри и начали воевать друг с другом. Полевые командиры ссорились по поводу территории, сельскохозяйственной продукции, пополнения в свои отряды. Исконный афганский обычай требовать дань за проход через перевалы и ущелья воскрес, обретя второе дыхание. Конвой с оружием, следовавшие из Пакистана, нередко подвергались нападениям со стороны других отрядов моджахедов, которые считали себя несправедливо обойденными при распределении военной помощи или просто решили заняться грабежом. В середине 1983 года Ай-Эс-Ай обнаружила, что ее собственные офицеры в Кветте обменивают у моджахедов оружие на наркотики — это уже не шло ни в какое сравнение с коррупцией, открыто процветающей в порте Карачи.

В начале 1984 года Зия-уль-Хак усадил в Пешаваре за стол переговоров главарей семи партий афганского сопротивления, заставив их заключить соглашение. Четверо представляли

¹ «Афганский вопрос» постоянно поднимался в Организации Объединенных Наций. причем число противников советского военного присутствия в Афганистане хотя и колебалось, но ниже 100 (из 140 стран) никогда не опускалось.

группировки исламских фундаменталистов, самой крупной из которых была Исламская партия Афганистана (ИПА) Гульбедин Хекматияра. Пакистанский генерал Юсаф высказался о Хекматияре так: «Я пришел к выводу, что он не только самый молодой, но и самый упорный и самый решительный из лидеров Альянса. Хекматияр — рьяный сторонник создания в Афганистане исламского правительства. Он является замечательным администратором и, насколько я мог понять, отличается скрупулезной честностью». Второй значительной группировкой было Исламское общество Афганистана (ИОА) Бурхануддина Раббани, в которое входили Масуд и Исмаил-хан, полевой командир, действовавший в районе Герата. Раббани, таджик по национальности, был очень образованным человеком и прекрасно знал несколько иностранных языков. Остальные группировки фундаменталистов возглавляли Абдул Расул Саяф, имевший тесные связи с Саудовской Аравией, и Юнус Халес, пожилой пуштун, отделившийся от группировки Хекматияра, который пользовался большим уважением. В числе полевых командиров, входивших в Исламский союз за освобождение Афганистана (ИСОА), был Абдул Хак, который, сражаясь в окрестностях Кабула, проводил дерзкие операции под самым носом у Советов.

Более умеренное сопротивление было представлено Мухаммедом Наби Мухаммади, Пир-Саидом Ахмадом Гилани и хазратом¹ Себхатуллою Моджаддади, которые выступали за конституционное правительство, а Гилани при этом также стремился к восстановлению монархии.

Тем временем набирал силу спор между Ай-Эс-Ай и ЦРУ: американцы хотели поставлять оружие непосредственно полевым командирам, в то время как Пакистан настаивал на том, чтобы потоки военной помощи распределялись между партиями, каждая из которых имела свои склады под Пешаваром. Пакистанская система, более практичная по сравнению с американской, предполагавшей прямые контакты с сотнями различных соперничающих и враждующих отрядов, также позволяла Ай-Эс-Ай оказывать предпочтение какому-либо одному лидеру сопротивления.

¹ Потомственные хазраты (наследники пророка) — выходцы из самого влиятельного семейно-родового клана Афганистана.

Между тем у поставок вооружения были свои проблемы. Генерал Юсаф, которому в октябре 1983 года Ай-Эс-Ай поручила заниматься этим вопросом, обнаружил, что многие страны предпочитают сбывать моджахедам запасы старого оружия. Американцы, стремившиеся скрыть свое участие в помощи афганскому сопротивлению, закупили у Израиля огромное количество вооружения советского производства, которое было захвачено у арабов (что, в свою очередь, позволило также скрыть участие Израиля). Египет, осуществлявший перевооружение своей армии с американской помощью, направил несколько кораблей, груженных старыми автоматами «АК-47», в основном ржавыми и неисправными. Турция совершила выгодную сделку, избавившись от бесполезных запасов оружия времен Второй мировой войны, а англичане, приняв на вооружение новую усовершенствованную переносную зенитную систему, поставили в Афганистан в большом количестве неэффективные «блоупайпы». Швейцария предложила афганскому сопротивлению зенитные орудия «эрликон», слишком тяжелые и громоздкие для использования в полевых условиях; моджахеда устанавливали их для престижа рядом со своими базами. Похоже, только китайцы вели доскональный учет поставок оружия, и только они знали, что именно требуется партизанской армии.

Режим Бабрака Кармаля медленно, но неуклонно вставал на ноги. Армия Демократической Республики Афганистан снова начала расти в численности и к 1984 году насчитывала около сорока тысяч человек. Отчасти это было следствием ужесточения набора призывников в армию, но во многом было обусловлено изменением отношения населения к моджахедам, которые не брали пленных и совершали кровавые террористические акты в городах. Многие семьи потеряли своих родных не от рук советских солдат, а от рук бойцов сопротивления, что возродило древний афганский обычай кровной мести. Еще быстрее росла численность афганской тайной полиции ХАД, которую возглавлял высокорослый, широкоплечий, деятельный офицер Мухаммед Наджибулла. Эта полиция, насчитывавшая восемнадцать тысяч человек, отвечала за безопасность в городах, а также занималась сбором разведывательной информации в провинции.

Однако наиболее впечатляющим достижением режима, поддерживаемого Советами, было освобождение женщин. Теперь им предоставлялась возможность продолжать образование и устраиваться на работу, в том числе в правительственные учреждения. Фотографии того времени, на которых изображены женщины в элегантных мундирах ХАД, выполняющие ответственные задания в столице, позволяют увидеть этап истории Афганистана, с тех пор не повторявшийся ни разу. Советы также открывали школы и детские сады. На той незначительной территории, которая находилась под их контролем, они помогали крестьянам, правда, тем самым вынуждая остальную часть населения покупать сельскохозяйственную продукцию по завышенным ценам. Через Кармаля Советы попытались помириться с исламом, стараясь достичь стабильности и процветания в обществе.

Темная сторона советской оккупации заключалась в том, что, удерживая в 1983 году численность ограниченного контингента на постоянном уровне и воздерживаясь от крупных наземных операций, Советы решили вместо этого воздушными ударами изгнать население из сельской местности. Эти операции по «поиску и уничтожению» обычно заключались в том, что боевые вертолеты «Хайнд» стирали с лица земли селение, после чего высаженный десант обшаривал развалины в поисках оружия. Штурмовики бомбили ущелья, сжигая напалмом поля и сады. Стада овец расстреливались из пулеметов «Хайндов», ведущих огонь со скоростью 3900 выстрелов в минуту, а для того, чтобы поля не засеивали снова, их засыпали минами. К середине 1984 года три с половиной миллиона афганцев бежали в Пакистан и еще около миллиона в Иран. Сотни тысяч стали беженцами в своей стране; население Кабула быстро увеличилось с предвоенных 750 тысяч до двух миллионов. Приблизительно треть населения Афганистана вынуждена была покинуть родные места. Французские медицинские специалисты, работавшие в рамках программы «Врачи без границ» на территориях, находящихся под контролем отрядов сопротивления, сообщали, что больше 80 процентов раненых, которым они оказывали помощь, были из числа мирных жителей.

Следует отметить, что Соединенные Штаты использовали в Индокитае гораздо больше взрывчатых веществ, чем Советский Союз в Афганистане. Правда, надо сделать поправку на то, что

в отличие от бесконечного покрывала джунглей Юго-Восточной Азии в Афганистане населенные пункты и обрабатываемые поля четко выделяются на фоне окружающей местности. Дюпри, описывая деятельность Советов, придумал хлесткий оборот «миграционный геноцид». Инфраструктура афганского сельского хозяйства была разрушена, и те, кто оставался на земле, с трудом могли прокормить себя и свои семьи. В этой войне, которая велась без пристального внимания средств массовой информации — и без какого-либо интереса со стороны общественности западных стран, — Советы смогли повторить методы, в тридцатые годы вырвавшие с корнем украинскую деревню. Они предпочитали создать новое общество заново, вместо того чтобы идти на соглашательство с реакционными слоями населения, в случае Афганистана жившими по древним родоплеменным обычаям.

По иронии судьбы, Советам, до того поддерживавшим повстанческие движения во многих странах, в Афганистане самим пришлось столкнуться с партизанской войной. Марк Урбан отмечает, что, знакомые со знаменитым утверждением Мао Цзедуна, назвавшего партизан «рыбой, плавающей в воде народа», Советы решили просто осушить водоем. В этом случае моджахеды больше не смогли бы пользоваться поддержкой местного населения.

В отношении Пакистана Советы придерживались стратегии, которую условно можно назвать «пассивно-агрессивной». После прихода к власти президента Никсона американская армия, действовавшая во Вьетнаме, стала наносить воздушно-бомбовые удары по территории Камбоджи и Лаоса, а также проводить наземные операции по уничтожению баз противника, находящихся в этих странах. Израиль начиная с 1967 года неоднократно наносил удары по лагерям палестинских беженцев, находящихся за его пределами. Однако Советы воздерживались от действий против баз и лагерей моджахедов в Пакистане, хотя ни у кого не вызывало сомнений, что именно Пакистан является основным источником подпитки афганского сопротивления. (Их сдержанность в чем-то является отражением той небрежности, с которой подошли к проблеме оказания помощи моджахедам Соединенные Штаты.) В определенном смысле советскую программу, направленную на вытеснение аф-

ганского населения в соседний Пакистан, можно считать своеобразной формой возмездия. Не было никакого смысла бомбить лагерь беженцев, даже несмотря на то что именно в них вербовали себе пополнение моджахеды, поскольку в интересах Советов было как раз то, чтобы беженцы оставались именно в Пакистане и, таким образом, были заботой Исламабада, а не Кабула.

Многочисленные сообщения о жестокостях советских войск в Афганистане не позволяют получить представление о беспощадной стратегии, воплощавшейся на государственном уровне воздушными ударами по сельским районам. Эти же рассказы свидетельствуют скорее о деморализации советских войск, называвших моджахедов «душманами» («бандитами») и «дүхами», а не об официальной политике. За американскими войсками во Вьетнаме и за французскими в Алжире тоже числится достаточно зверств, и если Советы в Афганистане и побили их мрачные рекорды, то объясняется это, несомненно, отсутствием надлежащего освещения войны в средствах массовой информации. Трагедия заключалась в том, что именно мирному населению, не имевшему возможности укрыться и беззащитному, приходилось принимать на себя всю тяжесть озлобленного отчаяния 40-й армии. Поймать моджахедов было нелегко, они оказывали сопротивление, и они выросли в обществе, испокон веку ставившем месть на первое место.

Менее чем полтора года пребывал на посту руководителя Советского Союза Юрий Андропов, умерший от почечной недостаточности. На смену ему пришел один из ближайших сподвижников Брежнева Константин Черненко. Новый лидер СССР в сравнении со зловещим Андроповым показался Западу добродушным дедушкой, однако его здоровье также оставляло желать лучшего, и он не разделял реформаторских устремлений своего предшественника. Во многих отношениях короткое правление Черненко знаменовало собой возврат к застою эпохи Брежнева. И именно Черненко, больше чем кто-либо из преемников Брежнева, стремился одержать в Афганистане военную победу.

В 1984 году при Черненко началась новая эскалация вооруженного конфликта. Ковровые бомбардировки с большой высоты ускорили процесс бегства населения из сельских районов, оставшихся вне зоны контроля Советов. Использование мин

приобрело дьявольские масштабы. Советские самолеты разбрасывали сотни тысяч мин-«бабочек», оснащенных крылышками и плавно опускающихся на землю. Такие мины предназначались не для того, чтобы убить человека, а чтобы оторвать ему ногу, ступню или, чего больше всего боялись мужчины, половые органы. Это делалось, исходя из теории, что искалеченный моджахед доставит своему отряду больше хлопот, чем мертвый. Но еще страшнее были мины, замаскированные под игрушки, куклы или пестро раскрашенные птицы, которые хватали дети.

При Черненко также возросла частота крупных наземных наступательных операций, хотя общая численность ограниченного контингента советских войск в Афганистане оставалась приблизительно неизменной. Самым известным наступлением эры Черненко стал «Панджшер-7», в ходе которого Советы в седьмой раз попытались выбить Ахмада Шаха Масуда и его группировку из Панджшерского ущелья. Сражение, начавшееся в апреле 1984 года, по своим масштабам превзошло все предыдущие. Всего в нем было задействовано около пятнадцати тысяч советских и пять тысяч афганских солдат. Общее командование осуществлялось из штаба 108-й мотострелковой дивизии, размещенной в Кабуле.

Панджшерское ущелье стало своего рода дельтой Меконга¹ советско-афганской войны. К стратегическому значению этого географического объекта добавился еще существенный психологический момент. От выхода из Панджшера всего один дневной переход по мало пересеченной местности до авиабазы в Баграме и около сорока пяти миль до Кабула. Имеющее девять миль в длину, ущелье прорезает с юго-запада на северо-восток Гиндукуш, сужаясь к северному выходу, так что крупными силами в него можно входить только с юга. В течение многих столетий это была основная транспортная артерия, соединявшая южную и северную половины Афганистана, и лишь в самое последнее время ее значение упало в связи с открытием тоннеля через перевал Саланг. Близость ущелья к этой магистрали делало его идеальной базой для нанесения ударов по главному пути снабжения советской армии, а также по аэро-

¹ Во время войны во Вьетнаме самые ожесточенные бои американская армия вела в джунглях дельты реки Меконг в Южном Вьетнаме.

дрому в Баграме и столице. Многочисленные боковые ответвления облегчали оборону Панджшера, обеспечивали моджахедам пути отхода и переброски подкреплений.

К несчастью для Советов, сопротивление в Панджшерском ущелье возглавил Ахмад Шах Масуд, самый искусный и изобретательный из полевых командиров моджахедов. Во время войны за Масудом закрепилось прозвище Панджшерский лев. Таджик по национальности, Масуд, которому на момент начала советского вторжения было двадцать семь лет, получил образование в кабульском лицее «Истикляль» и военной академии, которую он окончил в 1973 году¹. Затем Масуд поступил на инженерный факультет Кабульского университета, но вскоре бросил учебу, посвятив себя революционной борьбе. Вступив в бурные семидесятые в Исламское общество Афганистана Раббани, Масуд еще в 1975 году возглавил нападение на правительственные войска Дауда в Панджшерском ущелье. Во время советской оккупации Масуд использовал современную тактику ведения партизанской войны. Свою группировку он делил на ударные части, отряды, ведущие позиционную оборону, и мобильные резервы. Кроме того, Масуд один из немногих полевых командиров уделял большое внимание дисциплине своих людей, учил их обращаться с современными видами вооружения и даже пробовал создавать гражданскую администрацию на территории, находящейся под его контролем². Хорошо владеющий французским языком, Масуд также притягивал к

¹ В 1973 году Ахмад Шах окончил столичный теологический лицей «Абу-Ханифия», после чего действительно некоторое время учился в Кабульском университете.

² Ахмад Шах в 1974—1975 годах принимал активное участие в подготовке и проведении восстания в Панджшере, которое было быстро подавлено. Ахмад Шах вынужден был эмигрировать в Египет, а затем в Ливан, где принимал участие в террористических актах в составе палестинских боевых групп. В 1978 году вернулся в Афганистан и возглавил группу повстанцев численностью около 20 человек. Быстро избавившись от остальных главарей мятежников (в том числе устранив некоторых из них физически), он установил свое единоличное господство в районе, вследствие чего получил прозвище Масуд (на дари «Счастливчик»). Независимая политика, проводимая Масудом, базировалась на экономической основе, так как в Панджшерском ущелье зарабатываются богатейшие месторождения драгоценных камней, дающие больше половины афганских изумрудов и лазурита (ежегодно в Пакистан реализовывалось изумрудов на сумму более 5 миллионов долларов).

себе средства массовой информации, и во многом благодаря ему весь мир узнал о борьбе моджахедов. Хотя его группировка, состоящая преимущественно из таджиков, не пользовалась благосклонным отношением Пакистана и Саудовской Аравии, предпочитавших партии пуштунских фундаменталистов (в особенности Исламскую партию Хекматияра), Масуд благодаря стратегическому значению Панджшерского ущелья смог добиться непрерывных поставок оружия. Панджшер кинжалом бил с северо-востока в самое сердце территории, подконтрольной Советам, и находился совсем рядом с основной артерией снабжения советских войск, магистралью через перевал Саланг. К несчастью для Масуда, его вотчина таким образом являлась одной из немногих областей за пределами крупных городов, где Советы считали необходимым установить свой контроль. Масуду удавалось выйти живым и невредимым из новых и новых сражений, и Советы, наблюдая за тем, как пристально следят за его подвигами средства массовой информации, все больше укреплялись в решимости уничтожить этого упорного врага, тем самым доказав всему миру свое полное господство над Афганистаном.

В течение трех первых лет войны в Панджшерском ущелье советскими войсками были предприняты шесть наступательных операций. Масуд, обескровленный, но не сломленный, продолжал огрызаться. Как это ни странно, в январе 1983 года Советы и Масуд договорились о прекращении огня¹. Советским войскам было жизненно необходимо спокойствие на магистрали в Кабул; к тому же Андропов вообще не был настроен воевать в Афганистане. Главным требованием, предъявляемым Масуду, был отказ от нападений на перевал Саланг. Взамен Масуд получил передышку, в которой отчаянно нуждался. Ему пришлось принять на себя основную тяжесть советских ударов, и хотя он не был побежден, мирному населению, жившему в ущелье, от которого зависели моджахеды (и наоборот), пришлось очень нелегко. Были уничтожены многие селения и

¹ Ахмад Шах Масуд начиная с конца 1980 года неоднократно заключал с командованием советских войск негласные соглашения о перемирии, причем обе стороны в основном выполняли взятые на себя обязательства. Длительное время в резиденции Масуда находился представитель советской военной разведки.

поля, половина жителей Панджшера покинула родные места. Масуду нужно было время, чтобы привести в порядок свои войска, пополнить запасы и отстроиться.

Это соглашение о прекращении огня вызвало большое беспокойство среди различных группировок моджахедов. Кое-кто даже стал презрительно именовать Масуда «царем Панджшера», намекая на то, что он продался Советам в обмен на неприкосновенность своего «таджикского княжества». Его критиковали за то, что высвобожденные благодаря перемирию советские войска получили возможность действовать в других местах. И действительно, в течение 1983 года советская 108-я мотострелковая дивизия вместе с Центральной группировкой афганской армии разгромила Шомали и другие оплоты сопротивления в окрестностях Кабула. Но Масуд не собирался сдаваться. Целый год он набирал и обучал людей, накапливал запасы оружия и готовил ущелье к войне. В марте 1984 года он отверг предложение продлить соглашение о прекращении огня и с 1 апреля возобновил нападения на магистраль через перевал Саланг.

К этому времени власть в Москве перешла в руки Черненко, а новый советский лидер обладал принципиально иным взглядом на то, как победить в войне. Вскоре после того, как Масуд отказался продлить перемирие, Советы начали подготовку к самой крупномасштабной операции в Панджшере.

Передышка позволила Масуду собрать группировку численностью до 5000 моджахедов, имевшую на вооружении около двухсот крупнокалиберных зенитных пулеметов, несколько захваченных в боях танков, 122-мм гаубицы и изобилие стрелкового оружия и мин. Отказываясь продлить соглашение о прекращении огня, Масуд сознавал то, что вскоре неизбежно последует советское наступление. Это подтверждали его разведывательные источники, а также два неудавшихся покушения на его жизнь, предпринятые в конце марта. В одном случае убийца, нанятый Советами, оказался предателем и, в свою очередь, выдал бойцам сопротивления более двадцати участников заговора.

Готовясь к наступлению, Советы разместили три эскадрильи бомбардировщиков «Ту-16» «Бэджер» («Барсук») на аэродромах на своей территории у самой границы. Этот двухмоторный реактивный бомбардировщик со стреловидным крылом, более тяжелый по сравнению с американским «Б-17», был спо-

собен нести до десяти тонн бомб. Тем временем 108-я мотострелковая дивизия под командованием генерал-майора Саравова заняла позиции у входа в ущелье. Несколько батальонов из 66-й мотострелковой дивизии и 191-й отдельный мотострелковый полк были переброшены из-под Джелалабада и Газни, а от Хаир-Ханы подошел 180-й мотострелковый полк. Для участия в наступлении были также сосредоточены пять тысяч солдат афганской армии, а на авиабазу в Баграме перебазировались десантные части и вертолеты.

Масуд нанес удар первым, намереваясь упреждающими действиями нарушить подготовку советских войск к наступлению. 16 апреля моджахеды взорвали три моста на магистрали через перевал Саланг, в результате чего Советам пришлось потерять три дня на восстановительные работы, что сказалось на сроках развертывания войск. На следующий день попал в засаду и был уничтожен конвой, перевозивший горючее, вследствие чего возникли перебои с топливом в Кабуле. На третий день боев Масуд атаковал советско-афганский гарнизон в Анаве у входа в ущелье. 21 апреля моджахеды совершили рейд на авиабазу в Баграме, окончившийся неудачей, так как к тому времени там уже было много войск. В этот же день Советы наконец начали свое наступление¹.

Операция началась с ковровой бомбардировки долины ущелья, осуществленной советскими «Ту-16». Эти удары высотные бомбардировщики нанесли без предупреждения, если не считать услышанный в последнюю минуту свист бомб. Значительное число жителей Панджшера было захвачено врасплох. Масуд приказал местному населению покинуть ущелье и заминировал дорогу перед советскими наземными частями. Мины замедлили продвижение противника, однако в голове колонны

¹ Автор путает две операции, осуществлявшиеся советскими и афганскими частями в Панджшерском ущелье в 1982-м и в 1984 годах. Операция 1982 года была проведена очень успешно; именно в ходе нее было десантировано двадцать советских и афганских батальонов общей численностью 4200 человек. Силам моджахедов был нанесен серьезный урон. Операция 1984 года действительно началась с массированных бомбардировок и артобстрелов, однако Масуд, заранее получивший информацию о наступлении, вывел из Панджшера почти все местное население и большинство своих боевых отрядов. Советско-афганские войска заняли ущелье сравнительно легко, однако Масуду удалось сохранить свои главные силы.

двигались танки с навесным оборудованием для разминирования. К 24 апреля советские войска достигли селения Руха, расположенного примерно в трети пути от входа в ущелье, а к концу недели массированный артиллерийский огонь позволил им дойти до селения Хенч приблизительно в середине Панджшера.

В течение первого этапа наступления советские войска не преследовали моджахедов, отступающих в боковые ущелья, отходящие от Панджшера. Казалось, Советы слепо повторяют тактику предыдущих операций, выгоняя боевиков из долины ущелья мощным тараном и нанося удары по моджахедам, укрывшимся на склонах гор, десантными группами и авиацией огневой поддержки. Пока Масуд как мог боролся с наступающей бронированной колонной, его мобильные ударные группы отходили в боковые ущелья, выжидая удобного случая для засад и набегов. Однако внезапно Советы, наученные предыдущими ошибками, преподнесли Масуду сюрприз, применив совершенно новые методы борьбы.

В первую неделю мая на аэродроме в Баграме закрутились лопасти многочисленных вертолетов. Тысячи солдат из отборных советских частей отправились блокировать ответвления Панджшерского ущелья. Целые батальоны десантников были высажены в намеченные точки, и еще один крупный десант занял позицию за Хенчем у выхода из Панджшера. Дополнительные воздушно-десантные части, вылетевшие из Джелалабада, блокировали ущелье Алисанг, отходящее от Панджшера на юго-восток. После того как десантные батальоны закупили моджахедам пути отхода, главные силы, вошедшие в долину Панджшера, разделились и двинулись в боковые ущелья, чтобы расплющить неприятеля о многочисленные наковальни. Над советскими десантниками висели вертолеты «Хайнд», обрушивавшие на землю убийственный огонь всякий раз, когда бойцам сопротивления под напором неприятеля приходилось покидать свои позиции.

Застигнутые врасплох, моджахеды были вынуждены отходить еще выше в горы, спасаясь от объединенных ударов различных родов войск. Неся большие потери, отряды повстанцев разделялись и взбирались на неприступные вершины, куда за ними не осмеливались последовать даже самые закаленные со-

ветские спецназовцы и десантники. Тем временем Советы завалили долину Панджшерского ущелья бомбами и снарядами, очищая ее от моджахедов. Казалось, теперь Масуду настал конец. Кабульское радио торжествующе объявило: «Мы хотим сообщить вам радостное известие: преступная банда Ахмада Шаха больше не существует». Демонстрируя, насколько полный контроль установлен над Панджшером, ущелье даже посетил Бабрак Кармаль. Советские войска захватили в плен несколько высокопоставленных деятелей сопротивления, в том числе Абдула Вахеда, считавшегося одним из рупоров афганского сопротивления и часто появлявшегося в западных средствах массовой информации. Советы были настолько уверены в успехе операции «Панджшер-7», что впервые оставили в долине гарнизоны. Единственная проблема заключалась в том, что моджахеды по-прежнему не собирались сдаваться.

В конце лета 1984 года Жирарде взял у Масуда интервью. «Мы не спеша пили чай в его укреплении в горах, — пишет журналист, — и Масуд почти не обращал внимания на глухой гул артиллерии и минометов, ведущих огонь по горным склонам. Встрепенулся он лишь тогда, когда штурмовик «МиГ-27» вошел в пике, собираясь сбросить бомбу на позиции партизан». Масуд заявил Жирарде, что Советы не смогли выполнить стоявшие перед ними военные задачи. Их десантные части, высаживаемые вертолетами, набрались опыта, но и моджахеды научились бороться с ними в высокогорьях Гиндукуша. Согласно Жирарде, больше всего Масуда беспокоило то, что «к сожалению, мы теряем людей. В этом Советы могут преуспеть. Не сокрушив нас военной силой, как они обещали перед каждым следующим наступлением, они обратили свой гнев на беззащитных мирных жителей. Они убивают стариков, женщин и детей, разрушают дома, сжигают посевы. Они делают все, чтобы заставить население покинуть Панджшер».

В сентябре, после того как советские гарнизоны в Панджшере подверглись нападениям, в ущелье была предпринята новая операция. Кроме того, были совершены авиационные налеты на провинцию Пактия, а затем нанесен массированный удар по базам мятежников в долине Кунара рядом с пакистанской границей. Моджахедам, оказавшимся в советской мясо-

рубке, пришлось очень несладко. На западе существенно ухудшилось положение группировки Исмаил-хана, действовавшей в районе Герата. Значительная часть мирного населения бежала в соседний Иран, и моджахедам, испытывающим нехватку продовольствия, пришлось затаиться, спасаясь от воздушных ударов советской авиации и внезапных рейдов наземных частей. Советы отказались от громоздких бронированных колонн, которыми начинали войну, и за исключением крупномасштабных операций перешли на действия небольших мобильных групп. Тактика борьбы с повстанческими формированиями неуклонно совершенствовалась. Советы научились сочетать воздушные бомбардировки, атаки наземных частей и высадку десанта в тылу моджахедов, отрезающего пути отхода.

Кроме того, Советы усовершенствовали свое вооружение. На смену боевой машине пехоты «БМП-1» пришла «БМП-2», оснащенная более мощной бортовой броней и 30-мм автоматической пушкой, способной вести огонь с большим углом возвышения, чем старая 73-мм пушка. Также были увеличены углы возвышения танковых орудий, чтобы можно было обстреливать горные склоны. Усовершенствовалось бронирование бронетранспортера «БТР-60»; на новых модификациях устранялись слабые места, быстро становившиеся известными моджахедам. Советская пехота получила на вооружение автоматы «АК-74», стреляющие пулями калибра 5,45 мм, обладающими более высокими точностью, начальной скоростью и убойной силой по сравнению с «АК-47». (Новые автоматы не поставлялись афганской армии, поэтому моджахеды очень ценили оружие, захваченное в боях.)

В конце 1984 года погиб, подорвавшись на mine на своем джипе, Забиулла, один из самых влиятельных полевых командиров, действующих на севере Афганистана. Руководство партии Раббани, к которой принадлежал Забиулла, тотчас же обвинило людей Хекматияра в том, что это они установили мину. Среди всех суннитских группировок в Пешаваре фундаменталисты Хекматияра казались ксенофобами даже своим собратьям-афганцам. Тем временем в Хазараджате шиитские группировки, поддерживаемые Ираном, вместо того чтобы сражаться с Советами, в открытую воевали друг с другом. Алексей Алек-

сеев в исследовании, осуществленном корпорацией «Рэнд» по заказу Сената Соединенных Штатов, написал: «Похоже, многие политические группировки, погрязшие в коррупции и кумовстве, тратят свои силы в основном на междоусобные распри. По мнению большинства полевых командиров моджахедов, в настоящий момент политические партии являются скорее препятствием, чем положительным фактором афганского сопротивления».

По прошествии пяти лет войны Советский Союз мог не опасаться ни «Новогоднего наступления» 1968 года, в ходе которого войска Вьетконга нанесли одновременный удар по центрам тридцати шести провинций, ни «Пасхального наступления», в ходе которого армия Северного Вьетнама широко применила самое современное обычное вооружение. Вместо этого афганское сопротивление по-прежнему оставалось разрозненным, ютящимся по укрытиям, неспособным устоять перед огневой мощью Советов. Оно перешло исключительно к оборонительным действиям. Главной проблемой, с которой столкнулось в этот период командование советской армии, было заметное падение боевого духа войск, наиболее красноречиво проявлявшееся в широком распространении наркотиков. Кроме того, затянувшийся на неопределенное время конфликт уже начинал раздражать и армию и общественность. Анализируя ситуацию в конце 1984 года, Алексеев писал: «Афганские моджахеды, на первом этапе войны вооруженные лишь храбростью, казалось, были обречены потерпеть поражение, подобно всем тем, кто осмеливался выступить против Советов с оружием в руках. Однако в данном случае главным оружием оказались мужество и решимость, и сопротивление не выдохлось, а наоборот, непрерывно набирает силы».

Следующий год явился решающим для развития конфликта, причем на это оказали огромное влияние два события, произошедшие за пределами Афганистана. В марте 1985 года к власти в Советском Союзе пришел Михаил Горбачев, четвертый глава государства на протяжении меньше чем четырех лет. Молодой, по меркам Политбюро, человек, Горбачев собирался осуществить обширную программу социальных преобразований, однако при этом не хотел ссориться с советской армией, в которой видел опору своей власти. В течение следующего го-

да армии была предоставлена свобода воевать в Афганистане как ей хотелось.

В апреле президент Рональд Рейган, получивший ошеломляющую поддержку на вторых выборах, подписал директиву о национальной безопасности, в которой заявлялось о намерениях Соединенных Штатов помогать афганскому сопротивлению «всеми доступными способами». Этот шаг был сделан под давлением американского Конгресса, поскольку администрацию Рейгана в первую очередь заботило развитие событий в Никарагуа и Сальвадоре. Решающим фактором стало то, что американская общественность, смирившаяся с бесконечными оборонительными войнами против различных повстанческих движений, поддерживаемых коммунистическим блоком, вдруг обнаружила, что в Афганистане сами Советы столкнулись с народным сопротивлением, выступающим против коммунистического режима. Афганская ситуация была тем более удивительной, что в арабо-израильских войнах мусульманские государства полагались исключительно на помощь Советов. По мере того как события в Афганистане все шире освещались американскими средствами массовой информации, общественность Соединенных Штатов начинала все больше восторгаться до этого никому не известными «воинами господ», в открытую сражающимися с Советским Союзом за свою веру и за родину. Казалось, Запад нашел в холодной войне своего первого настоящего союзника. В 1985 году американская помощь моджахедам составила полмиллиарда долларов — больше, чем за все предыдущие годы, вместе взятые.

Начиная с 1985 года Советы нанесли несколько массированных ударов по моджахедам, пытаясь выбить их с контролируемой ими территории. К этому времени окрепшая афганская армия уже могла принимать существенное, а то и решающее участие в операциях. После того как весной стали проходимы горные перевалы, Советы предприняли наступление в долине Майдан к югу от Кабула, впервые применив в боевой обстановке новое оружие «фрэг-7»¹, доставляющее боеголовки с кассетными бомбами. В мае было начато советско-афганское наступле-

¹ Так по классификации НАТО называется «луна-М», советская неуправляемая тактическая ракета класса «земля — земля».

ние в долине Кунара к северу от Джалалабада, с целью освободить город Барикот, в котором моджахеды осадили афганский гарнизон. Осада была снята, гарнизон получил подкрепление, после чего ударная группировка с боем вернулась назад через ущелье.

В Панджшерском ущелье Советы, уходя в прошлом году, оставили укрепленный пункт Печгур, который оборонял целый батальон афганской армии. В середине июня Масуд стремительно спустился с гор и захватил крепость. Сначала саперы моджахедов с наступлением темноты проделали проходы в минных полях, а затем были взорваны стены, и бойцы сопротивления ворвались внутрь. В этот момент в Печгуре находилась делегация высокопоставленных офицеров. В ходе боя были убиты генерал и полковник афганской армии, еще пять полковников попали в плен. Из пятисот человек, захваченных в плен, Масуд отправил 130 человек, в основном офицеров, в глубь ущелья. Это событие подтолкнуло Советы провести операцию «Панджшер-9», целью которой на этот раз был не захват Масуда, а освобождение пленных. За спиной отходящих моджахедов был высажен крупный десант с вертолетов. Попав в мешок, бойцы сопротивления рассеялись в горах. Поисковый отряд вскоре нашел пленных, но все они были убиты. Моджахеды поспешили заявить, что пленные погибли во время советской бомбардировки, однако это утверждение вызывает большие сомнения.

В конце лета 1985 года Советы начали самую крупную в этом году наступательную операцию в направлении Хоста к юго-востоку от Кабула. Ожесточенные бои происходили в тех самых горах, которым впоследствии предстояло подвергнуться массированным бомбардировкам американской авиации. В ходе этой операции имел место редчайший для сопротивления случай взаимопомощи: четыреста бойцов Хекматияра пришли на выручку отряду Саяфа, окруженному правительственными войсками. Советские войска дошли до Хоста и двинулись дальше на юг в сторону Джавары, где, как стало известно, моджахеды оборудовали огромный подземный лагерь. Однако сопротивление повстанцев становилось все более упорным, и к середине сентября наступление выдохлось.

Моджахеды продолжали действовать мелкими группами в сельских районах. Они совершали налеты на посты правительственных войск или устраивали засады, выжидая случая напасть на отдельную советскую колонну. Подобные способы военных действий тысячелетиями были распространены в Афганистане и к настоящему времени стали чуть ли не образом жизни бойцов сопротивления. Джан Гудвин, совершившая две поездки в зону боевых действий, была восхищена мужеством повстанцев. «К дисциплине борцы за свободу относятся пренебрежительно, — пишет она. — Направляясь на задание, они часто распевают песни и громко смеются, и по мере приближения к неприятельской базе эта какофония начинает резать слух. Впервые оказавшись в боевом походе, я сначала решила, что моджахеды просто ведут себя беспечно, но вскоре поняла, что это чистейшей воды бравада».

Зимой этого года отряды моджахедов начали получать новое вооружение и снаряжение, в том числе ручные гранатометы «СА-7» и 107-мм и 122-мм реактивные снаряды китайского производства. Последние использовались для обстрела Кабула и постов правительственных войск, поскольку имели значительно бóльшую дальность действия, чем минометы. Кроме того, повстанцам поступало в большом количестве продовольствие, а также обувь, одеяла, бинокли, топографические карты и радиостанции. Моджахеды уже не могли жить за счет местного населения, но вместо этого все необходимое в изобилии хлынуло из-за границы. Боевой настрой сопротивления подняла не только щедрость, снова проснувшаяся у американцев. Не менее важным для поднятия боевого духа стало появление добровольцев. Призыв к джихаду разнесся по исламскому миру, и потоки молодых мусульман из всех стран, начиная от Туниса и кончая Индонезией, жаждущих влиться в ряды «воинов господ», устремились в Афганистан.

Весной 1986 года части советской и афганской армий захватили Джавару, показательную базу моджахедов, неоднократно принимавшую зарубежных журналистов и политических деятелей, в том числе одного американского конгрессмена. Более четырех тысяч десантников высадились в Хосте и начали наступление; одновременно с этим восемь тысяч мотострелков

двинулись по ущельям со стороны Гардеза¹. Джавара находится меньше чем в двух километрах от границы, поэтому советские реактивные штурмовики то и дело вторгались в воздушное пространство Пакистана, делая развороты для захода на цель². В огромном комплексе, устроенном в соединенных между собой пещерах, Советы обнаружили несчетное количество вооружения, в том числе восемнадцать тысяч мин, а также захватили или уничтожили четыре танка моджахедов. Отчаянно защищая свою базу, сражаясь сначала за каждый горный склон, а затем за каждый подземный тоннель, повстанцы потеряли убитыми около тысячи человек.

Летом Масуд вывел часть своих штурмовых отрядов из Панджшерского ущелья на север. Советские десантники преследовали его в Бадахшан. Один раз моджахеды, неожиданно развернувшись, напали на своих преследователей, полностью уничтожив отряд десантников, только что высадившийся из двух вертолетов «Ми-17». Возвращаясь назад на юг, Масуд разгромил пост правительственных войск у селения Ферхар, убив и взяв в плен триста человек.

Придя к власти, Горбачев дал своим генералам год на то, чтобы те завершили войну, однако она лишь разгорелась еще сильнее, и конца по-прежнему не было видно. На съезде Коммунистической партии в феврале 1986 года Горбачев заявил, что «контрреволюция и империализм превратили Афганистан в кровоточащую рану». В мае Бабрак Кармаль был вынужден уйти со своего поста. На смену ему пришел Мухаммед Наджибулла, глава службы безопасности ХАД, созданной по примеру советского КГБ. Наджибулла принялся энергично укреплять позиции афганского правительства, однако, как выяснилось, после такой продолжительной и кровопролитной войны режим НДПА практически полностью лишился поддержки в народе.

¹ Операцию по захвату базы Джавара («Волчье ущелье») в феврале — апреле 1986 года осуществляли в основном подразделения афганской армии при поддержке советской авиации и советских десантников. Общая численность объединенной группировки войск составляла свыше 6600 человек. Руководство операцией взял на себя генерал армии В.И. Варенников.

² 17 апреля 1986 года под Джаварой был сбит самолет командира полка подполковника А. Руцкого. Летчик катапультировался, и его подобрал бронетранспортер из оперативной группы 40-й армии.

В этом же месяце при поддержке Организации Объединенных Наций в Женеве начались мирные переговоры, на которых Советы предложили план вывода своих войск, рассчитанный на четыре года. Первоначально переговоры зашли в тупик. Но вскоре Горбачев удивил мир, объявив об одностороннем сокращении на шесть тысяч человек численности ограниченного контингента советских войск в Афганистане, насчитывающего к тому времени 115 тысяч человек. Этот ход был направлен в основном на улучшение отношений Советского Союза с Китаем. Однако американская разведка донесла, что хотя из Афганистана действительно были выведены части с тяжелым вооружением, в том числе три простаивавших без дела зенитно-ракетных полка, вскоре Советы втихую увеличили свою группировку на девять тысяч человек.

Поворотной точкой войны стало 25 сентября 1986 года. В этот день эскадрилья из восьми советских штурмовых вертолетов «Хайнд» направлялась в сторону Джелалабада с обычным боевым заданием. Когда эскадрилья приблизилась к заданной точке, головной вертолет внезапно взорвался прямо в воздухе. Тотчас же загорелась следующая машина. Советские летчики принялись лихорадочно бросать вертолеты из стороны в сторону, уворачиваясь от летящих к ним ракет. Не выполнив задание, эскадрилья развернулась назад, по дороге потеряв еще одну машину, упавшую на землю грудой обломков.

Наблюдавшие за этим с земли моджахеды воскликнули: «Аллах акбар!» Советскому господству в воздухе наконец настал конец. Подобрав отстрелянные установки зенитных ракет, повстанцы быстро отступили, прежде чем из Джелалабада успели подойти советские танки. Это был первый отряд афганского сопротивления, получивший новое оружие: переносной американский зенитный комплекс «стингер» с головкой теплового наведения. Америка в открытую вступила в бой.

Вопрос о том, поставлять ли «стингеры» афганским моджахедам, вызвал бурные, продолжительные споры. В первые годы войны Соединенные Штаты довольствовались поставками оружия из стран Советского блока, получаемого через своих союзников. Поскольку кремлевская пропаганда трубила, что Советская армия сражается в Афганистане с американским

империализмом, считалось неразумным вооружать повстанцев оружием американского производства. Однако, по мере того как война затягивалась, пропаганда отступала на второе место, а главной задачей становилась победа любой ценой. Затем встал вопрос, не опасно ли доверять моджахедам самое современное зенитное оружие. В восьмидесятые годы террористы неоднократно взрывали, сбивали и захватывали гражданские самолеты. И американское и пакистанское правительства колебались, не решаясь дать такое оружие в руки исламским фундаменталистам в Афганистане. Кроме того, были опасения, что новые технологии попадут в руки Советов и ХАД.

Наконец, чашу весов в споре перевесили ожесточенные сражения последних двух лет. Стало очевидно, что моджахеда, как бы отважно они ни сражались, практически бессильны перед безраздельным господством в воздухе советской авиации. Генерал Юсаф из пакистанской разведки Ай-Эс-Ай, выступавший за передачу «стингеров» моджахедам, считает, что последней каплей стало падение Джавары. «Именно тяжелые бои в апреле 1986 года на границе с Пакистаном, — пишет он, — напугали всех и позволили нам наконец получить то, что мы хотели». Специалисты Ай-Эс-Ай, обучавшие моджахедов использованию «стингеров», оснащали пусковые установки специальными предохранителями и не выдавали повстанцам новые ракеты до тех пор, пока те не предъявляли доказательства использования старых. Кроме того, «стингеры» поставлялись только самым опытным и надежным полевым командирам. Впрочем, как вскоре выяснилось, «стингеры» все же попадали в чужие руки. Советские спецназовцы, устроив засаду под Кандагаром, захватили три пусковые установки¹. Другой отряд моджахедов потерял четыре пусковые установки и шестнадцать ракет, захваченных иранцами, когда — предположительно по ошибке — перешел границу и оказался на территории Ирана.

Тем не менее «стингеры» имели огромный успех, оказавший последствия на весь дальнейший ход войны. В следующем

¹ Министр обороны обещал представить командира, который первым захватил «стингеры», к званию Героя Советского Союза. Однако поскольку майор Белов, командир разведгруппы 16-й бригады спецназа, захватившей зенитные комплексы, злоупотреблял спиртным и был резок с начальством, было решено ограничиться орденом Боевого Красного Знамени.

году силы сопротивления сбили 270 советских самолетов и вертолетов. Моджахеды утверждали, что эффективность «стингеров» составляет 75 процентов. (По оценкам американских специалистов, в действительности эффективность была от 30 до 40 процентов, что все равно можно было считать замечательным результатом.) Советской авиации, и в первую очередь грозным штурмовым вертолетам «Хайнд», пришлось отказаться от предыдущей тактики непосредственного взаимодействия с наземными частями. Реактивные бомбардировщики стали наносить удары с большой высоты, что не могло не сказаться на эффективности. Советским летчикам пришлось применять сложные процедуры захода на посадку; заходя на цель, вертолеты вынуждены были петлять зигзагами, постоянно отстреливая тепловые патроны. Транспортная авиация стала действовать исключительно ночью, и летчикам приходилось учиться совершать взлет и посадку с погашенными огнями¹.

Падение духа советских войск, лишившихся своего главного превосходства, сопровождалось эйфорией среди моджахедов. Казалось, они впервые поверили, что смогут одержать в этой войне победу, а не просто измотать своего противника. Гудсон отмечает, что до 1985 года включительно в месяц происходило не больше двухсот боевых столкновений; но уже в 1987 году в месяц их в среднем было больше четырехсот. Лишившись зонтика авиационного прикрытия, советские и афганские войска все чаще подвергались нападениям моджахедов, заново поверивших в свои силы. В этом году размер американской помощи афганскому сопротивлению достиг рекордной суммы 670 миллионов долларов.

На встрече с Рональдом Рейганом Горбачев ясно дал понять, что хочет выйти из войны. Любопытно, что, так же как и при Никсоне во время войны во Вьетнаме, отношения между сверхдержавами стали улучшаться как раз в это время, несмотря на то что одна чужими руками усиленно портила кровь дру-

¹ Конечно, появление на вооружении моджахедов «стингеров» привело к снижению эффективности действия советской авиации, однако ошибочно было считать, что именно эти переносные зенитно-ракетные комплексы стали переломным моментом в ходе войны. Согласно статистике, боевые потери советской авиации, достигнув пика в 1984 году (17 самолетов и 49 вертолетов), оставались практически на одном уровне до 1988 года. Боевые потери афганской авиации максимальными (60 единиц) были в 1985 году.

гой. Горбачев, практически не упоминающий об Афганистане в своих мемуарах, в первую очередь добивался «гласности», открытия советского общества, чему никак не способствовало непрекращающееся кровопролитие в Афганистане. Согласно исследованию, проведенному советским Генеральным штабом после войны: «Начиная с января 1987 года советские войска сознательно отказались от любых наступательных операций и вступали в бой только тогда, когда на них нападали моджахеды».

Исключением стала операция «Магистраль», самая крупная за все время войны, в которой были задействованы пять афганских и советских дивизий. Целью операции была расчистка дороги к осажденному отрядами сопротивления городу Хост у границы с Пакистаном. Наступление началось в ноябре и продолжалось до конца декабря¹. В этот период активность моджахедов, как правило, снижалась вследствие холодов. «Советские войска установили контроль над жизненно важными участками дороги, — говорится в исследовании Генерального штаба, — одновременно набираясь боевого опыта и готовясь к выводу из Афганистана».

В конце 1987 года Горбачев поставил Наджибуллу в известность относительно предстоящего вывода советских войск из Афганистана. После этого советский лидер через Организацию Объединенных Наций обратился к Пакистану, предлагая договориться о конкретных сроках. Не получив ответа, Горбачев просто объявил, что вывод начнется 15 мая, тем самым вынуждая противную сторону подписать предварительное соглашение. 14 апреля 1988 года были подписаны Женевские соглашения, оговаривающие полный вывод советских войск в девятимесячный срок.

По странному стечению обстоятельств, как раз за несколько дней до подписания соглашений произошел мощнейший взрыв на центральном складе боеприпасов Ай-Эс-Ай в местечке Одджири неподалеку от Равалпинди². Свыше десяти тысяч

¹ Решающий вклад в достижение успеха операции внесли десантники 103-й влд под командованием полковника П. Грачева.

² Причины взрыва официально так и не были объявлены. Одно время ходили слухи, что это дело рук нашей авиации, однако скорее всего взрыв организовали сами пакистанцы, поскольку они разбазарили оружие, а ожидалась проверка.

тонн ракет, мин, снарядов, «стингеров», патронов и гранат, предназначенных моджахедам, взлетели на воздух, образовав гигантское грибовидное облако. После этого до самого окончания вывода советских войск из Афганистана — а последние двенадцать тысяч солдат перешли Амударью ровно 15 мая 1989 года — боевые действия сводились к патрулированию и борьбе с засадами моджахедов, устраиваемыми на дорогах, по которым осуществлялось снабжение гарнизонов Газни, Кандагара и других городов.

В августе 1988 года пакистанский президент Зия-уль-Хак, генерал Ахтар, в течение всей советской войны возглавлявший Ай-Эс-Ай, посол Соединенных Штатов в Пакистане Арнольд Рейфл, военный атташе США и восемь пакистанских генералов погибли в авиакатастрофе под Исламабадом. Очевидцы видели, как в ясном небе самолет вдруг резко клюнул вниз, выровнялся на несколько мгновений и снова вошел в крутое пикирование, врезавшись в землю. В последние секунды полета экипаж самолета молчал, не отвечая на запросы по радио. Впоследствии специалисты выдвинули предположение, что летчики были усыплены отравляющим газом.

Советские солдаты, дожидаясь возвращения на родину, закупают на кабульском базаре телевизоры и другую электронную технику и драгоценности в таких количествах, в каких только могли забрать с собой. Напряженность в отношениях между моджахедами и оккупационной армией значительно спала. Один рядовой свидетельствует в «Рассказе солдата»:

«В последние месяцы перед выводом из Афганистана наши отношения с партизанами приобрели странную форму. Так, например, в Самангане, где стояла наша часть, воцарился мир. Мы спокойно сидели на броне бронетранспортеров, а партизаны подходили к нам, выменивая сигареты. Они нас не трогали, при этом постоянно совершая нападения на части афганской армии».

Вывод первой половины советского контингента был закончен к 15 октября 1988 года. Сначала Афганистан покинули тыловые части. Затем встал скользкий вопрос, попытаются ли моджахеды ударить по уходящим боевым частям, чтобы напос-

ледок сквитаться с ними. Как всегда, афганское сопротивление было очень неоднородным; кто-то выступал за то, чтобы воспользоваться моментом, но большинство думало только о том, как бы поскорее отделаться от Советов. Зимой уходящим советским частям приходилось изредка вступать в бой, преодолевая засады; однако к тому времени советская армия научилась проводить разведку и обеспечивать охрану конвоев. Когда моджахеды чересчур поспешили и ворвались в город Кундуз сразу же по следам ушедших советских войск, те развернулись и при содействии частей афганской армии и массовой поддержке авиации, действовавшей с аэродромов на противоположном берегу Амударьи, отбили город.

15 февраля 1989 года, точно в срок, последние части советской армии прошли по мосту Дружбы, возвращаясь на родину. Генерал Борис Громов, командующий 40-й армией, задержался и стал последним, кто покинул Афганистан. На противоположном берегу Громова встретил его подросток-сын, бросившийся к нему в объятия, а также громадная толпа журналистов. Однако в Афганистане остались сотни советских военных советников. Кроме того, по непроверенным сведениям, к мосту направлялась еще целая колонна бронетранспортеров. Впоследствии один советский солдат грубо заметил, что «Громов позаботился о том, чтобы прикрыть свой тыл». Так или иначе, благородный жест генерала достаточно красноречиво обозначил позиции Советского Союза. После десятилетия кровавой войны Советы не считали себя побежденными. Они просто не хотели больше воевать.

Согласно официальной статистике, советская 40-я армия потеряла за все время войны 13 883 человека убитыми; кроме того, погибло около 650 человек из вспомогательных частей. Возможно, в будущем российским исследователям удастся проверить эти цифры, считающиеся заниженными. Но какими бы ни были потери советских войск, страдания Афганистана были неизмеримо больше. Вместо того чтобы построить новое общество, Советы оставили после себя дымящиеся развалины того, что было. Оставалось только надеяться, что режим Наджибуллы устоит, лишившись поддерживающего его хребта в виде советской армии. Кто бы мог предположить в то время, что коммунистический режим в Афганистане переживет сам породивший его Советский Союз?

СТАНОВЛЕНИЕ «ТАЛИБАНА»

Всему миру казалось, что афганское сопротивление в войне с Советским Союзом одержало победу. В штаб-квартире ЦРУ в штате Вирджиния окончание вывода советских войск было отмечено пышным банкетом с шампанским; моджахеды же подготовились к этому событию, организовав переходное правительство Афганистана, в состав которого вошли лидеры семи суннитских партий, базирующихся в Пешаваре. Единственным оставшимся препятствием была правительственная армия Наджибуллы. Но если афганскому сопротивлению удалось одержать верх над Советами, неужели оно не сможет справиться и с их марионетками? Вдохновляемое Пакистаном, которому не терпелось очистить свою территорию от баз моджахедов и лагерей беженцев, переходное правительство решило захватить Желалабад, временно разместив в нем столицу, а затем организовать наступление на Кабул. В марте 1989 года тысячи моджахедов собрались вокруг этого превращенного в крепость города, расположенного у границы с Пакистаном.

Штурм Желалабада окончился полным провалом. Правительственные войска, предвидя неминуемое наступление мятежников, подготовили город к обороне, построили укрепления и окружили Желалабад кольцом колючей проволоки, минных полей и дотов шириной до двенадцати миль. После ухода советских войск части ДРА¹ покинули несколько слабо

¹ После прихода к власти Наджибуллы в ноябре 1987 года была проведена лояль-джирга, утвердившая новую Конституцию страны, согласно которой изменилось название государства: слово «демократическая» исчезло, и осталось «Республика Афганистан».

укрепленных постов, это позволило значительно усилить оборону оставшихся позиций. Советы, уходя, оставили всю артиллерию, склады боеприпасов, а также бронетехнику, которая не требовалась для непосредственного прикрытия отходящих войск. Кроме того, ДРА достались в наследство около двухсот реактивных истребителей-бомбардировщиков и вертолетов.

Вначале моджахедам, атаковавшим под прикрытием огня реактивных установок и минометов с использованием трофейных танков, удалось потеснить правительственные войска на востоке. Отряды сопротивления захватили аэродром, расположенный меньше чем в двух милях от города, и, опьяненные успехом, двинулись дальше. Но тут части ДРА нанесли ответный удар, используя свои танки. Вскоре сражение перешло в затяжную осаду. Главная проблема моджахедов заключалась в том, что они еще никогда не проводили такую масштабную боевую операцию и не имели командных структур, обеспечивающих управление войсками. В одном месте отряды повстанцев бежали в атаку, в то время как рядом другие части моджахедов бездействовали. Полевые командиры крайне неохотно шли на переговоры с представителями соперничающих группировок, не желая никому подчиняться. Всего в штурме Джелалабада принимало участие около пятнадцати тысяч человек, но многие моджахеды сражались как им заблагорассудится, приходя на позиции и оставляя их по собственной прихоти.

Правительство ДРА смогло организовать переброску по воздуху подкреплений джелалабадскому гарнизону и даже проводить наземные конвои из Кабула по легендарному пути отступления английской армии в 1842 году. Летом правительственные войска стали совершать вылазки из города, громя застигнутых врасплох моджахедов. Кроме того, осаждающим доставляло много хлопот новое оружие, поставляемое Советами. Четыре батареи ракет «скад-Б»¹ вели огонь из-под Кабула, расположенного в восьмидесяти милях от места боев. Эти ракеты, наследницы немецких «Фау-2» времен Второй мировой войны, отличались невысокой точностью, что еще больше увеличивало внушаемый ими ужас. Стремительно уносившиеся в

¹ Так по классификации НАТО обозначается пусковая установка «Р-300».

стратосферу, ракеты затем устремлялись к земле со сверхзвуковой скоростью, и никто не мог сказать наперед, когда и где они взорвутся. Первый звонок звенел только тогда, когда боеголовка, несущая 2000 фунтов взрывчатки, внезапно уничтожала все в окружности нескольких сотен ярдов.

Потеряв до трех тысяч человек, моджахеды сняли осаду с Джелалабада. Это сражение подняло боевой дух частей ДРА, деморализовав повстанцев. Но самое главное, единство переходного правительства Афганистана, и прежде весьма хрупкое, расколосось, и группировки оппозиции вновь перегрызлись между собой. В июле Саяд Джамаль, один из полевых командиров Хекматияра, устроил в окрестностях Талукана засаду на отряд Масуда. Были убиты тридцать шесть человек, в том числе семь ближайших помощников Масуда. Панджшерский лев, взревев, нанес ответный удар. Его штурмовые отряды прочесали местность, разыскивая организаторов нападения. В конце концов Джамаль был обнаружен скрывающимся в подвале одного дома, и по приговору исламского суда он, его брат и еще два полевых командира Хекматияра были повешены. В августе Хекматияр вышел из переходного правительства. Его Исламская партия Афганистана, придерживавшаяся ортодоксальных фундаменталистских взглядов, состоявшая преимущественно из пуштунов, была самой крупной группировкой моджахедов, и пакистанская разведка Ай-Эс-Ай, снабжавшая сопротивление оружием, всегда отдавала ей предпочтение. Честолюбивый Хекматияр, не желая идти ни на какие компромиссы, решил действовать самостоятельно.

Вскоре после вывода советских войск стало очевидно, что Советы не потеряли интереса к своему южному соседу. В первые шесть месяцев после февраля 1989 года советская транспортная авиация совершила почти четыре тысячи самолетовылетов в Афганистан, доставляя оружие и боеприпасы. Советская помощь правительству ДРА выросла до 300 миллионов долларов в месяц, при этом американская помощь моджахедам сократилась до уровня 40—50 миллионов в месяц. Пакистанский генерал Юсаф замечает, что после того, как под Равалпинди был взорван крупный склад боеприпасов, ЦРУ отказалось возместить потери. Сначала американцы отговаривались

тем, что предпочитают ничем не осложнять вывод советских войск, но низкие объемы поставок вооружения сохранились и после ухода Советов. Юсаф пишет:

«Пописание Женевских соглашений вскрыло всю правду о стратегии сверхдержав в этой войне. Каким бы невероятным это ни казалось, после ухода советских войск из Афганистана, когда военная победа моджахедов виделась неизбежной всем, в том числе и Советам, и правительству ДРА, Соединенные Штаты сознательно изменили свою политику в отношении афганского сопротивления. Обе сверхдержавы были заинтересованы в поддержании вялотекущего конфликта».

И действительно, Соединенные Штаты в значительной степени потеряли интерес к событиям в Афганистане. Агрессия Советов была успешно отражена; и правящие круги, и широкая общественность ликовали, получив возможность отомстить Советскому Союзу за Вьетнам. Но гражданская война в Афганистане перестала волновать американское общество, и ЦРУ кардинально изменило свой подход к моджахедам.

В большинстве своем афганское сопротивление состояло из исламских фундаменталистов. Это направление в исламе после падения монархии в Иране становилось все более грозной и опасной силой. Исламский терроризм, заявив о себе во всеуслышание в 1988 году взрывом авиалайнера компании «Пан-Американ» над шотландской деревушкой Локерби, быстро распространился по всей Европе и Азии и угрожал перекинуться в Америку. Мусульманских террористов поставляли преимущественно страны Ближнего Востока, где масла в огонь подливал непрекращающийся израильско-палестинский конфликт, но в ЦРУ было известно, что самые свирепые террористы брали себе прозвища «афганец». Речь шла об арабах, примкнувших к священной войне с неверными в Афганистане, в ходе которой они обзавелись оружием и приобрели боевой опыт. В основном арабские добровольцы вливались в группировки Саяфа и Хекматияра, но один молодой аристократ из Саудовской Аравии по имени Усама бен Ладен основал свою собственную организацию.

Впервые бен Ладен посетил Афганистан в 1980 году в возрасте двадцати трех лет по приглашению принца Турки бен-Фейзала, главы саудовской разведки. В 1982 году он основал базу в Пакистане и стал помогать моджахедам, используя возможности знаменитой строительной компании, принадлежащей его семье и имеющей рыночную стоимость несколько миллионов долларов. На деньги, полученные от правительства Саудовской Аравии, от членов своей семьи и от других состоятельных «благотворителей», бен Ладен построил подземные комплексы, состоящие из множества пещер, соединенных тоннелями, в восточных районах Афганистана, в основном неподалеку от Хоста и к югу от Джелалабада. В 1990 году бен-Ладен, разочарованный междоусобной грызней предводителей моджахедов, возвратился в Саудовскую Аравию и занялся семейным бизнесом. Кроме того, он создал организацию помощи и поддержки 35 тысяч арабов — ветеранов войны в Афганистане, которые считались на тот момент одними из самых самоотверженных и опытных бойцов в мире. Эта организация получила название «Аль-Каида» («База»), но вместо заботы о ветеранах стала заниматься распространением пламени джихада на весь мир.

Специалистов ЦРУ уже беспокоило то, что Соединенные Штаты породили чудовище. Администрация президента Буша выступила за мирное решение затянувшегося афганского конфликта, отказавшись от помощи моджахедам. Государственный секретарь США Джеймс Бейкер встретился с советским министром иностранных дел Эдуардом Шеварднадзе. Была достигнута договоренность, согласно которой коммунистическое правительство Наджибуллы оставалось у власти до выборов под контролем международных наблюдателей, по итогам которых должно быть сформировано новое коалиционное правительство Афганистана.

В 1989 году в результате террористического акта погибли президент Зия-уль-Хак и руководитель разведки Ай-Эс-Ай Ахтар, главные архитекторы стратегии тайной войны, которую вел Пакистан. Юсаф, возглавлявший отдел Ай-Эс-Ай, который осуществлял руководство операциями моджахедов, подготовкой бойцов и поставкой вооружения, не получил продвижения по служебной лестнице и подал в отставку. При новом

главе Ай-Эс-Ай Хамиде Гуле ЦРУ наконец одержало победу в длительной борьбе за право распределять потоки оружия между конкретными полевыми командирами — прерогативу, которую ревностно оберегали Зия-уль-Хак и Ахтар, оба истовые мусульмане. Однако, несмотря на контроль ЦРУ над поставками американского оружия, Ай-Эс-Ай сохранила возможность помогать избранным группировкам сопротивления из собственных средств. То же самое можно было сказать и про Саудовскую Аравию, вложившую в афганскую войну почти столько же денег, сколько и американцы.

В марте 1990 года Наджибулла раскрыл заговор с целью совершения государственного переворота, который возглавил генерал правительственной армии ДРА, член фракции «Хальк» Шах Наваз Танай¹. Поняв, что его дело проиграно, Танай бежал на самолете в Пакистан и примкнул к группировке Хекматияра. Ученый и дипломат Мартин Эдван выдвигает предположение, что корни этого на вид немыслимого союза между коммунистом и радикальным исламистом заключаются в том, что в первую очередь оба они были из племени гильзаев.

В течение этого года моджахеды предприняли наступления на города Хост, Герат и Кандагар, удерживаемые правительственными войсками; в то же время конвой армии ДРА с большим трудом пробивались по дорогам к осажденным гарнизонам, доставляя боеприпасы и подкрепления. Сопротивление снова вернулось к тактике партизанской войны, где ему не было равных. Единственным исключением стал фронтальный штурм Кабула, предпринятый в конце года Хекматияром. Его войска были отбиты с большими потерями.

Армия ДРА, выросшая до шестидесяти тысяч человек, прочно удерживала крупные города. С правительством оставались служба безопасности ХАД и внутренние войска «царандой», а также местные вооруженные формирования. В этот период один из

¹ Генерал-полковник Шах Наваз Танай занимал пост министра обороны РА. После ухода из Афганистана советских войск обострилась борьба между фракциями «Парчам» и «Хальк». 5 марта 1990 года Наджибулла, стремясь укрепить свои позиции, начал судебный процесс над группой арестованных халькистов, и 6 марта Танай с группой своих сторонников предпринял попытку вооруженного мятежа. Мятеж был спонтанным, плохо подготовленным, вследствие чего быстро был подавлен верными Наджибулле войсками.

генералов правительственных войск Абдул-Рашид Дустум, узбек по национальности, создал в северном Афганистане в провинциях, населенных преимущественно узбеками, по сути дела, свое независимое государство. Среди моджахедов ходили слухи, что советские войска по-прежнему вмешиваются в войну, помогая авиацией и пуская со своего берега Амударьи ракеты «сканд».

Самым значительным событием 1990 года стала агрессия Ирака против Кувейта, на которую откликнулся весь мир, но главную роль сыграли американцы. В течение осени президент Джордж Буш создавал самую впечатляющую военную коалицию в истории, объединив страны от Саудовской Аравии до России, от Японии до Бразилии. После нескольких месяцев бомбардировок трехсоттысячная армия, состоящая в основном из американских солдат, в ходе военной кампании, длившейся всего сто часов, сокрушила иракскую армию, оккупировавшую Кувейт. Хекматияр и другие фундаменталисты среди руководителей афганского сопротивления выступили в поддержку Саддама Хусейна.

В марте следующего года, пока американцы пытались потушить пожары на нефтяных скважинах Кувейта, подожженных иракцами, моджахеды захватили город Хост на востоке Афганистана, в течение десяти лет державшийся в окружении баз повстанцев. Затем они двинулись на Гардез, а Наджибулла тем временем переименовал свою Народно-демократическую партию в «Ватан» («Отечество»), отчаянно пытаясь расстаться со всякими намеками на коммунистическое прошлое¹. И действительно, международные события красноречиво свидетельствовали о приближающемся неизбежном конце. Советский Союз поддержал Соединенные Штаты во время войны в Персидском заливе. В мае ООН разработала план мирного урегулирования, с которым согласились правительство ДРА, Иран, Пакистан, Советский Союз и Америка. Однако фундаменталистские партии афганского сопротивления этот план отвергли.

В августе 1991 года Горбачеву с трудом удалось сохранить свой пост после попытки военного переворота в Москве. Затем

¹ В 1990 году правительством Наджибуллы был предложен проект новой Конституции, в которой Афганистан впервые назывался «Исламским государством Афганистан».

американцы и Советы приняли совместное решение к концу года прекратить оказание помощи всем сторонам, участвующим в афганском конфликте. Но Горбачеву не суждено было воплотить в жизнь это решение. В октябре 1991 года рухнула Берлинская стена, а в Рождество Горбачев ушел в отставку с поста президента. Его уход ознаменовал собой конец Советского Союза. Республики, образовывавшие СССР, стали независимыми государствами и получили возможность выбирать свое собственное правительство. Демократическая Республика Афганистан оказалась предоставлена сама себе.

В феврале 1992 года могущественный удельный князь Дустум, узбек по национальности, повернул свою армию против правительства Афганистана, до этого снабжавшего его оружием. Его войска, объединившись с отрядами Масуда, захватили город Мазари-Шариф. Власть ДРА зашаталась в Герате и Кандагаре; моджахеды со всех сторон обступали Кабул. Международные посредники прилагали все силы к тому, чтобы обеспечить плавный переход власти. Русские советовали Наджибулле оставить свой пост. Важную роль играла Организация Объединенных Наций; генеральный секретарь ООН Бутрос Гали предложил план, согласно которому из нейтральных вождей афганских племен составлялся переходный совет для наблюдения за бескровной передачей власти от правительства ДРА к моджахедам.

Наджибулла, резонно опасаясь за свою жизнь, расстроил его карты, исчезнув 15 апреля¹. Генерал Сарвари, руководивший службой безопасности ХАД, покончил с собой². К этому

¹ Наджибулла вместе со своей семьей и братом Джафсаром укрылся в миссии ООН, пользующейся дипломатической неприкосновенностью. Моджахеды соблюдали нормы международного права и не тронули миссию. Впоследствии семье Наджибуллы было разрешено покинуть Афганистан, и она переехала в Индию, которая, принимая бывших руководителей ДРА, тем самым бросала своеобразный вызов своему заклятому врагу Пакистану. Однако Наджибулла и его брат вынуждены были оставаться в миссии.

² Невероятно, но Асадулло Сарвари, чьей смерти хотели бы многие, жив до сих пор. Его захватил Ахмад Шах Масуд, а затем при приближении талибов к Кабулу переправил в Панджшер. В начале 2002 года Е. Пахомов, побывавший в Афганистане на территориях, контролируемых Северным альянсом, встретился с Сарвари, который до сих пор находится в Панджшере в качестве привилегированного пленника.

времени Масуд и Дустум подошли к Кабулу с севера, а Хекматияр с юга. Обе группировки были усилены хорошо вооруженными и оснащенными частями армии ДРА, оставшимися без правительства. Моджахеды остановились у предместий Кабула, и лидеры партий сопротивления под нажимом Организации Объединенных Наций начали переговоры по поводу методов передачи власти и состава нового правительства. Руководители моджахедов создали комитет, получивший название Совета исламского джихада, но было уже слишком поздно. Предотвратить сражение за столицу не удалось.

Бойцы Хекматияра уже шли по улицам Кабула, направляясь к стратегическим объектам. В ответ Масуд двинул вперед свои отряды. Хотя на стороне Хекматияра было численное превосходство, Масуд, практически единственный среди полевых командиров моджахедов, имел прекрасно подготовленные войска, обученные слаженным действиям. К нему на помощь пришли части Дустума, и к 28 апреля моджахеды Хекматияра, выброшенные из города, вынуждены были отойти к югу. Подоспевший Совет исламского джихада назвал президентом Моджаддади, лидера одной из умеренных группировок сопротивления; Масуд стал министром обороны; Гилани (также умеренный) получил пост министра иностранных дел; а Саяф, имевший тесные связи с Саудовской Аравией, был назначен министром внутренних дел. Пост премьер-министра был предложен Хекматияру, но тот отказался возглавить правительство, пока военное ведомство в нем было в руках Масуда. Оглядываясь назад, видно, что распределение портфелей в новом правительстве было хорошо продумано; следует признать, что Совет исламского джихада в теории создал стабильное правительство с участием всех значительных фигур афганского сопротивления. Однако действительность лучше всего описал историк Ахмад Рашид:

«Гражданская война, разгоревшаяся в Афганистане, была в значительной степени предопределена тем обстоятельством, что Кабул взяли не прекрасно вооруженные, но грызущиеся между собой группировки пуштунов... а более организованные и сплоченные таджикские... и узбекские отряды с севера... Для пуштунов это явилось сокручитель-

ным психологическим ударом, потому что впервые за триста лет они потеряли контроль над столицей. Междоусобная война началась практически сразу же вслед за этим».

Последующие годы смуты, охватившей Афганистан, казалось, подтвердили точку зрения Советского Союза: приход к власти моджахедов обернулся для страны настоящей катастрофой, и вместо движения вперед Афганистан был отброшен назад в мрачное Средневековье, с которым он только-только начал расставаться в конце двадцатого столетия¹.

Вскоре Моджададди, начавший забирать всю власть в свои руки, был заменен на Раббани, таджика по национальности, главу Исламского общества Афганистана, в которое среди прочих входили Масуд и Исмаил-хан, полевой командир моджахедов, прославившийся под Гератом². Это означало установление полного контроля над столицей силами севера, которые представляли Раббани, Масуд и Дустум; Хекматияр немедленно откликнулся яростными обстрелами Кабула с юга, где располагались его отряды. В августе во время одного из таких обстрелов с применением реактивной артиллерии было убито до тысячи восьмисот человек.

Характер междоусобной войны между противоборствующими группировками менялся, как в калейдоскопе. На это в

¹ Полезно будет вспомнить, что в 1989 году, к моменту окончания вывода советских войск, в Афганистане насчитывалось свыше 1200 действующих предприятий, построенных или модернизированных при участии Советского Союза, — почти вся промышленность страны. К 1996 году, когда на большей территории Афганистана установился режим талибов, работающих предприятий осталось всего несколько десятков.

² Под давлением Пакистана руководители группировок сопротивления в спешке 25 апреля 1992 года подписали так называемые Пешаварские соглашения. Согласно этим соглашениям, все лидеры моджахедов должны были побывать на посту главы государства. По сути дела, страны, поддерживавшие оппозицию в борьбе с коммунистическим режимом, умыли руки, отдав Афганистан на разграбление победителям. Моджададди предстояло стать президентом с 28 апреля до 28 июня. Когда его срок подошел к концу, Моджададди не захотел оставлять свой пост, однако его вынудил уйти Масуд, располагавший реальной военной властью в столице. На смену Моджададди пришел Раббани, которому предстояло находиться у власти до 28 октября. Когда подошел его срок, Раббани также отказался уйти с поста, однако теперь Масуд его поддержал.

значительной мере повлияло вооружение бывшей правительственной армии, в огромном количестве доставшееся сопротивлению. Во время советской оккупации предпринимались большие усилия для обеспечения безопасности городов, ставших спокойными гаванями, где люди могли жить и работать в некоем подобии нормальной обстановки. Настоящая война происходила в сельской местности, где Советы пытались уничтожить саму среду, поддерживающую сопротивление. Однако во время «гражданской войны моджахедов» основными полями сражений стали города, за контроль над которыми воевали противоборствующие группировки из сельской местности.

Кабул, несмотря на многие годы террористических актов и ракетных обстрелов, подобно Сайгону образца 1972 года, при Советах оставался более или менее нетронутым. Теперь же, когда бывшие группировки моджахедов начали выяснять отношения друг с другом, город разрушался квартал за кварталом. Эванс подводит итог следующим утверждением: «В течение первого года, последовавшего за захватом Кабула моджахедами, в столице было убито около 30 тысяч мирных жителей, ранено не меньше 100 тысяч, и еще многие тысячи бежали из города, в том числе и за пределы Афганистана». Беженцы, еще недавно стекавшиеся из сельской местности в Кабул, теперь стремились покинуть столицу. Процесс разорения, в свое время осуществленный Советами в афганском селе, теперь повторялся в городах Афганистана.

В 1993 году сражения за Кабул продолжались, а тем временем бóльшая часть страны вернулась в состояние, которое застал в 1757 году Ахмад-шах Дуррани. Пуштуны хозяйничали в Кандагаре, таджикский полевой командир Исмаил-хан с помощью Ирана установил свою власть в Герате. Иранцы оценили его усилия по возвращению полутора миллионов беженцев, прибывших на территорию страны во время войны с Советами. Дустум создал собственную независимую администрацию в Мазари-Шарифе, предварительно повоевав с Масудом за контроль над городом Кундуз на севере страны. Местные вожди охотились за караванами, взимая плату за право беспрепятственного прохода через свои земли или просто занимаясь грабежами; соперничающие группировки сражались за контроль над территориями и полями опиумного мака.

Коллапс власти и экономики в сочетании с тем обстоятельством, что население, практически поголовно имеющее оружие, приобрело за годы партизанской войны опыт в скрытной транспортировке самых разнообразных грузов, позволили Афганистану стать центром мировой торговли опиумом. «Священные воины ислама» превратились в наркокурьеров — единственным оправданием этого можно было считать то, что конечным потребителем дурмана были неверные. Очищенный в лабораториях на территории Пакистана и бывших советских республик, афганский опиум превращался в героин. Вскоре афганский героин захватил более семидесяти процентов мирового рынка. Торговля наркотиками обогащала группировки моджахедов или по крайней мере компенсировала прекращение международной помощи; с другой стороны, выращивание опийного мака для многих жителей сельских районов стало единственным средством к существованию.

Суннитские группировки моджахедов грызлись между собой, но не надо сбрасывать со счетов и хазарейцев-шиитов, еще в восьмидесятые годы расколовшихся на враждующие друг с другом течения. Поскольку Советы почти не обращали внимания на этих потомков монголо-татарских завоевателей, обитающих в центре Гиндукуша, хазарейцы, предоставленные сами себе, погрязли в ожесточенных междоусобных схватках. Пешаварские партии, получавшие деньги и вооружение от Ай-Эс-Ай, ЦРУ, Китая и Саудовской Аравии, полностью игнорировали их. После вывода советских войск шиитский Иран, покровитель хазарейцев, потребовал от них объединения, как того же самого добились от суннитских группировок ООН. Хазарейцы подчинились, образовав «партию единства», некий зонтик, прикрывшись которым они мощной силой влились в гражданскую войну. Поколебавшись, хазарейцы в конце концов примкнули к Хекматияру, штурмовавшему Кабул, вынудив Масуда сражаться на два фронта.

В начале 1994 года на сторону Хекматияра перешел Дустум со своими узбеками, и их совместное наступление на столицу, сопровождавшееся закрытием воздушного коридора, по которому в Кабул перебрасывалось продовольствие и предметы

первой необходимости, вызвало новые потоки беженцев. Масуд нанес ответный удар, отбив у Дустума город Кундуз на севере Афганистана, а затем начал контрнаступление, в ходе которого войска узбекско-пуштунского альянса были отброшены от Кабула. Дустум отступил на север, но хазарейцы, спустившись с Гиндукуша, снова примкнули к Хекматияру и возобновили атаки на столицу с запада. К концу 1994 года Масуд удерживал узкий коридор от Кабула через Панджшерское ущелье до Кундуза, где формально сохранялась власть правительства Афганистана. При этом в его распоряжении находилась значительная часть бывшей сети снабжения ДРА. Однако в конце лета к Масуду поступили сведения, что со стороны Кандагара движется еще один вооруженный отряд. Но это были не моджахеды, а совершенно новая группировка, называющая себя «Талибан». Это слово в переводе означает «студенты» или, учитывая религиозную окраску, «искатели». Каким-то образом новому движению уже удалось покорить вождей племен на юге, и теперь оно направлялось на север, в сторону Герата, Газни и столицы.

Движение «Талибан» родилось среди анархии, царившей в южном Афганистане, после того как летом 1994 года один местный вождь изнасиловал нескольких девушек. Местные жители обратились за помощью к мулле по имени Мухаммед Омар, а тот, в свою очередь, позвал своих учеников. Эти люди казнили преступника, вселив страх в его последователей. Затем студенты откликнулись на призывы о помощи со стороны других жертв разбойников, не признающих никакого закона. Численность «Талибана» увеличивалась прямо пропорционально отчаянному стремлению к порядку, охватившему афганское общество.

В становлении «Талибана» можно увидеть также тайную руку Исламабада. При премьер-министре Беназир Бхутто Пакистан решил открыть дорогу в Среднюю Азию через Кандагар и Герат. Бхутто лично провела переговоры с Исмаил-ханом и Дустумом о проблемах обеспечения нового пути (в обход осажденного в Кабуле правительства Раббани). В октябре 1994 года пакистанцы решили провести по этой дороге пробный караван

из тридцати машин. Однако караван был захвачен афганским полевым командиром Мансуром.

Ранее один из отрядов «Талибана» завладел крупным складом оружия в Спинбалдаке, на котором хранились восемнадцать тысяч автоматов «АК-47» и несколько тонн боеприпасов, запасенных Хекматияром. Теперь пакистанцы обратились к талибам с просьбой выволить караван, и те с готовностью согласились. Мансур был расстрелян, и его труп протащили по улицам, подвешенный к стволу танковой пушки. После этого бойцы «Талибана» двинулись на Кандагар и взяли город после двух дней незначительных боев. Гарнизон правительственных войск сложил оружие; ходили слухи, его командир был подкуплен. Талибы захватили огромное количество вооружения, в том числе танки, бронетранспортеры и артиллерийские орудия. На аэродроме рядом с городом «Талибан» обнаружил с десятков реактивных истребителей «МиГ-21» и транспортных вертолетов.

В течение последующих трех месяцев отряды «Талибана» захватили двенадцать южных провинций. В ряды движения вливались тысячи добровольцев, в первую очередь из числа беженцев, а также пуштунов, получивших образование в религиозных учебных заведениях Пакистана. На территориях, находящихся под контролем «Талибана», на смену анархии пришел строгий порядок, осуществляемый в соответствии с самыми консервативными принципами ислама. Теперь у Пакистана наконец были развязаны руки. Общественность в Соединенных Штатах, лишь краем глаза следившая за происходящим в Афганистане, к появлению талибов отнеслась благосклонно. Американцам, и самим в значительной степени сохранившим пуританскую жилку, было отрадно видеть этих таинственных бородачей с автоматом в одной руке и Кораном в другой, которые неудержимой волной катились по стране, оставляя порядок на месте хаоса. Ахмед Рашид имел возможность близко познакомиться с талибами в самом начале их движения:

«Этих мальчишек отделял целый мир от тех моджахедов, с которыми я встречался в восьмидесятые годы, — взрослых мужчин, перечислявших родословную своего племени

и клана, с тоской вспоминая свои покинутые селения и поля, рассказывавших народные афганские легенды... Сейчас же я столкнулся с настоящими сиротами войны, лишившимися своих корней, не находящими выхода внутренней энергии, обездоленными и не имеющими возможности найти себе работу. Они получали от войны настоящее наслаждение, потому что это было единственное доступное им занятие. Их опорой была вера, примитивный, мессианский, пуританский ислам, вдолбленный в них простыми деревенскими муллами. Только она и поддерживала этих подростков, наполняя смыслом их жизнь».

Пока продолжала бушевать гражданская война в Афганистане, Соединенные Штаты столкнулись в начале девяностых со своими проблемами. Президент Буш попытался повторить в Сомали успех, достигнутый в Ираке коалицией во главе с Америкой, мобилизовав международные силы, чтобы накормить миллионы голодающих. В этой операции в числе прочих принимали участие и пакистанские части. Однако отряд американских сил специального назначения потерял восемнадцать человек убитыми, осуществляя плохо подготовленную операцию по захвату помощников одного из главарей вооруженных мятежников в центре столицы страны Могадишу. На состоявшихся вскоре после этого президентских выборах Буш потерпел поражение, и его преемник Билл Клинтон поспешно вывел все американские войска из Сомали.

В том же году мощная бомба, заложенная в автомобиль, взорвалась во Всемирном торговом центре на Манхэттене. Шесть человек погибли, а всего пострадало около тысячи человек, в основном от отравления дымом. Этот террористический акт потряс всю страну, потому что башни Всемирного торгового центра стали символами финансовой мощи не только Нью-Йорка, но и всей Америки и даже Западного мира. К счастью, северная башня без труда выдержала бомбу, взорвавшуюся на подземной автостоянке, а ФБР быстро установило виновных в теракте. Как оказалось, взрыв был делом рук исламской группировки, действовавшей в штате Нью-Джерси, которую

возглавлял слепой мулла. Террористы работали настолько непрофессионально, что один из них даже попытался забрать залог в агентстве по найму автомобилей, где была взята напрокат взорванная машина. Однако суд над исламистами из Нью-Джерси отступил на второй план. Внимание американской общественности было приковано к процессу Оу Джей Симпсона¹, затем к взрыву федерального здания в Оклахоме², потом к делу Моники Левински, причем все это происходило в десятилетие экономического процветания. Однако следователи, разбиравшие взрыв во Всемирном торговом центре, установили, что террористы имели связи с Афганистаном и ими рассматривался план нового преступления: атаки с помощью угнанного самолета здания штаб-квартиры ЦРУ.

А между тем в Афганистане «Талибан» упорно продвигался на север. В январе 1995 года Хекматияр попытался остановить талибов у Газни, но после ожесточенных боев на окраинах город пал. Затем «Талибан» прошелся по горам на востоке страны. Отряды моджахедов практически не оказывали сопротивления, нередко в полном составе переходя на сторону талибов. Отрезав дорогу на Джелалабад, по которой Хекматияр получал подкрепления, «Талибан» нанес удар по его главной базе, крепости Чакорасияб к югу от Кабула. После отчаянной попытки сдержать натиск студентов-богословов Хекматияр был вынужден бежать. Лидеру одной из крупнейших группировок моджахедов, еще недавно наводившей ужас на Советы и войска ДРА, пришлось покинуть страну, а его отряды рассеялись или влились в «Талибан».

Воспользовавшись разгромом своего главного соперника, Ахмад Шах Масуд нанес удар по хазарейцам, выступавшим на стороне Хекматияра и надвигавшимся на Кабул с запада. Хаза-

¹ Симпсон, Ориентал Джеймс — звезда американского футбола, впоследствии актер телевидения и спортивный комментатор. В 1994 году был обвинен в убийстве жены и ее любовника. Судебный процесс над ним стал национальным событием как по продолжительности, так и по рекордным средствам, затраченным на гонорары адвокатам и экспертам.

² В 1996 году Тимоти Маквей, ветеран войны в Персидском заливе, взорвал в подземном гараже административного здания в Оклахоме начиненный взрывчаткой грузовик. При взрыве погибло больше полутора сотен человек.

рейцы обратились за помощью к «Талибану», но затем две группировки рассорились, талибы захватили предводителя хазарейцев и казнили его, по некоторым сведениям, выбросив из вертолета. Теперь остались всего два главных игрока: «Талибан» против Масуда. Отряды талибов подступили к Кабулу с трех сторон и начали обстреливать город реактивными снарядами и из орудий. 19 марта Масуд предпринял контрнаступление, и религиозные студенты, впервые познав вкус поражения, вынуждены были отступить к Газни. Угроза артиллерийского обстрела столицы была снята.

Тогда «Талибан» перенес свои основные усилия на запад страны. По пыльным равнинам западного Афганистана потянулись длинные колонны грузовиков с редкими вкраплениями бронетранспортеров, по которым наносили удары истребители правительственной авиации, базировавшейся в Шинданде. Отряд Исмаил-хана, командовавшего моджахедами в районе Герата, получил подкрепление в лице тысячи отборных бойцов Масуда, переброшенных по воздуху из Кабула. Приблизительно двадцати тысячам талибов противостояли двенадцать тысяч бойцов правительственных войск. Стороны сошлись в ожесточенном сражении к югу от Шинданда, и в очередной раз проявилась неопытность бывших студентов в военном деле. Отряды «Талибана» были остановлены, а в мае Исмаил-хан нанес ответный удар, отбросив их до Дильарама, города в двухстах милях к югу от Герата. Пустынные равнины оказались усеяны сотнями раненых молодых бойцов, ползущих за водой к ближайшему колодцу. Как выяснилось, вера в победу не смогла заменить армии талибов санитарно-медицинское оснащение. Решающим фактором поражения «Талибана» явилось то, что бывшие студенты теперь действовали не рядом с Пакистаном, а у границы с Ираном. Иранцы, встревоженные ростом чисто суннитского движения непосредственно у своего порога, поддерживали войска Исмаил-хана горючим и боеприпасами, а иранские пограничные войска вступали в стычки с отрядами талибов в провинции Нимруз.

Сразу же после отступления лидеры «Талибана» обратились с призывом к исламским училищам Пакистана — во многих

случаях единственным общественным заведениям, доступным афганским беженцам, — и под их знамена устремились тысячи новых молодых борцов за истинную веру. Этим потоком умело управляла пакистанская разведка Ай-Эс-Ай; она заботилась о том, чтобы все новобранцы были хорошо вооружены и обладали основами боевой подготовки. В августе Исмаил-хан начал новое отступление, отбросив отряды «Талибана» до самой долины Гильменда. Но затем талибы, набравшиеся сил, нанесли ответный удар, заставший Исмаил-хана врасплох. Правительственные войска в беспорядке бежали, их преследовали набитые бойцами грузовики с установленными на крыше пулеметами, которые опережали отступающих по параллельным дорогам и устраивали засады. Стремительным броском отряды «Талибана» захватили авиабазу в Шинданде, где им в наследство достались пятьдесят два истребителя-бомбардировщика «МиГ-21», несколько вертолетов и шестьдесят орудий. Отсюда было рукой подать до Герата, и древняя столица Тимуридов, бывшая когда-то жемчужиной искусств средневековой Персии, в начале сентября 1995 года без сопротивления перешла в руки талибов. Местное население, услышав об успехах «Талибана» в деле наведения порядка в Кандагаре, с радостью приветствовало новую власть. Исмаил-хан бежал в Иран.

В следующем месяце талибы вернулись к Кабулу. Все лето Масуд воевал с Дустумом на севере Афганистана, но сейчас он понял, что настоящая угроза приближается с юга. После падения Герата напряжение в столице нарастало. Афганское правительство открыто обвинило Пакистан в поддержке движения «Талибан», после чего разъяренная толпа разгромила пакистанское посольство. Один человек был убит, посла и других сотрудников подвергли избиениям. Однако это никак не повлияло на подход Ай-Эс-Ай к «Талибану». Масуд попробовал предпринять контрнаступление, но ему не удалось отбросить талибов от Кабула. На столицу снова обрушился шквал ракет, снарядов и авиационных бомб.

Всю зиму и весну следующего, 1996 года продолжались позиционные бои, сопровождавшиеся обстрелами города. Число жертв среди мирного населения составило несколько тысяч.

В середине зимы ООН предприняла экстренные меры по переброске в Кабул продовольствия и медикаментов. В июне в Афганистан вернулся Хекматияр, согласившийся принять пост премьер-министра, от которого он в свое время отказался. Его прибытие в Кабул было встречено обстрелом, в ходе которого талибы выпустили по столице 220 ракет. Теперь уже Масуд (в качестве министра обороны правительства Раббани), Дустум и Хекматияр забыли о своих разногласиях. После упорных боев в Хазараджате, в ходе которых верх одержал «Талибан», Карим Халили, новый лидер шиитской партии «Единство», также примкнул к правительственной коалиции.

В конце августа мулла Омар двинул отряды «Талибана» в новое наступление на восток от столицы. Под мощным натиском бывших студентов укрепленные пункты падали один за другим, словно костяшки домино, и к началу сентября талибы, преодолев горные перевалы, захватили Джелалабад. Затем отряды «Талибана» повернули на север, на Баграм. В конце концов Масуду пришлось оставить Кабул. Заняв Джелалабад, талибы лишили столицу сообщения с Пакистаном. Если бы они захватили Баграм, они отрезали бы пути на север и подошли бы вплотную ко входу в Панджшерское ущелье и перевалу Саланг. Кабул в преддверии приближающейся зимы оказался бы в полной изоляции, и в городе быстро иссякли бы запасы не только продовольствия и топлива (дров для печей); но и боеприпасов. Масуд видел перед собой столицу, кишашую пуштунскими фундаменталистами Хекматияра, остатками других группировок моджахедов и мрачными осколками ХАД и партийных функционеров НДПА. В ночь на 26 сентября 1996 года Масуд вывел свои отряды из Кабула. Захватив с собой столько оружия, сколько только могли взять верные ему таджики, Панджшерский лев вернулся в свое ущелье.

На следующий день талибы беспрепятственно вошли в столицу. Не испытывая никакого уважения к нормам международного права, они ворвались в миссию Организации Объединенных Наций, где укрывался бывший глава коммунистического правительства Наджибулла. Наджибулла и его брат

Джафсар были убиты, и их кастрированные трупы вывесили в городе на всеобщее обозрение.

Осенью 1996 года отряды «Талибана» предприняли наступление на север от Кабула, однако Масуду при поддержке узбекских отрядов Дустума удалось отбросить их назад к столице. Когда талибы подошли к перевалу Саланг, Масуд устроил засаду и уничтожил сто пятьдесят человек. Дустум перегородил тоннель и сдерживал атаки талибов у Саланга, а Масуд тем временем организовал контрнаступление через Чарикар и Баграм. Был момент, когда его передовые отряды оказались всего в нескольких милях от столицы.

После затишья в боевых действиях, вызванных зимой, весной 1997 года «Талибан» предпринял новое наступление, отбил Баграм и, что было гораздо более опасно, одновременно двинулся на север из Герата. Дустум развернул свои войска на запад, готовясь остановить талибов под Мазари-Шарифом, но тут один из его командиров Абдул Малик неожиданно перешел на сторону «Талибана», и в мае воинствующие студенты вошли в город. Впервые в руках талибов оказался современный, по афганским меркам, город, населенный узбеками, таджиками, туркменами и хазарейцами. Как всегда, ничтоже сумняшеся, пуштунские радикалы начали насаждать порядки «Талибана»; к тому же, допустив большую ошибку, они попытались разрушить хазарейцев. Снова начались вооруженные столкновения, и в тылу талибов Абдул Малик опять перешел на сторону Дустума. Для «Талибана» это стало настоящей катастрофой; больше трех тысяч человек из головного отряда оказались отрезаны от основных сил и были перебиты. Впоследствии талибы демонстрировали братские могилы, куда сбрасывали убитых, многие из которых, судя по всему, сдались в плен и были расстреляны.

Масуд созвал совещание руководителей всех группировок, сражающихся с «Талибаном», и в результате был создан Объединенный фронт освобождения Афганистана, более известный как Северный альянс. По сути дела, фронт вобрал в себя все основные этнические группы Афганистана за исключением пуштунов; военное руководство взял на себя Ахмад Шах Ма-

суд. К этому времени идеология «Талибана» больше не вызывала сомнений. Женщина становилась безликой, лишалась права на работу и на образование. Правосудие осуществлялось отрубанием уха, руки или головы, в зависимости от тяжести проступка. Наказанием за супружескую измену было публичное избиение камнями. Телевидение, музыка, фотографии, свист и запуск воздушных змеев запрещались. Женщина подвергалась наказанию палками в том случае, если показывала обнаженную руку или надевала белые чулки; окна жилых помещений на женской стороне должны были быть закрашены черной краской. «Талибан» действительно установил порядок на большей части Афганистана, но это был устрашающий средневековый порядок. Больше всего недовольства вызвала деятельность нового Министерства пропаганды добродетели и наказания пороков в афганских городах. Перемены почти не тронули преимущественно сельское пуштунское население. До советского вторжения грамотность среди женщин все равно не превышала десять процентов по сравнению с почти пятьюдесятью процентами среди мужчин.

В июле 1998 года отряды «Талибана» предприняли новые крупные наступления на севере страны, отбив Талукан у Масуда и Мазари-Шариф у Дустума. Во втором городе талибы отомстили за свою предыдущую катастрофу, зверски расправившись со всеми хазарейцами, попавшими им в руки, — всего было убито больше шести тысяч человек. Кроме того, талибы убили девять сотрудников иранского консульства; в ответ на это Иран сконцентрировал на границе с Афганистаном семидесятитысячную армию. В конце года Масуд снова захватил Талукан, так как расположенный неподалеку аэродром имел очень большое значение для поставок оружия из Таджикистана и России, однако вскоре ему пришлось опять оставить город после нового наступления талибов со стороны Кундуза.

В течение 1999 года города на севере Афганистана по несколько раз переходили из рук в руки. Самые ожесточенные бои велись летом, когда Масуд отбил наступление «Талибана» к северу от Баграма; талибы потеряли больше тысячи человек убитыми. В Хазараджате вооруженные столкновения продол-

жались в течение двух лет, пока наконец «Талибану» не удалось захватить Бамиан. Остальной мир, вздрогнув, снова стал следить за ходом событий в Афганистане, когда весной 2001 года талибы взорвали два огромных изваяния Будды, высеченных в скалах в окрестностях Бамиана в третьем и пятом веках нашей эры. Первоначально сторонние наблюдатели на Западе смотрели на крепнувший «Талибан» с надеждой; однако уничтожение изваяний Будды показало истинное лицо идеологии религиозных студентов.

После очередного захвата Талукана в руках талибов оказалось больше девяноста процентов территории страны. Северный альянс оказался прижат к границе с Таджикистаном; единственным значимым районом оставалось Панджшерское ущелье, нацеленное на Кабул, родина Масуда. Масуд по-прежнему упрямо не позволял «Талибану» утверждать о контроле над всей территорией Афганистана. Мулла Омар, правивший из своего дома в окрестностях Кандагара, не мог добиться признания международного сообщества; законным правителем он не считался до тех пор, пока в игре оставался Северный альянс. С теми силами, которые были у него в распоряжении, Масуд без посторонней помощи не мог справиться с «Талибаном». Ему оставалось только надеяться, что окружающий мир наконец осознает угрозу, исходящую от талибов, и вмешается в происходящее в Афганистане. Надеждам Масуда суждено было сбыться; однако сам он не дожил до этого.

Усама бен Ладен покинул Афганистан в 1990 году. Затем, после бурной ссоры с королевской семьей Саудовской Аравии по поводу исхода войны в Персидском заливе, в 1992 году он перебрался в столицу Судана Хартум. Бен Ладен решительно выступал против того, чтобы решать проблему Кувейта с помощью американского оружия. Он пришел в ужас, когда Соединенные Штаты, одержав победу, разместили на территории Саудовской Аравии постоянные военные базы. Находясь в Судане — в тот период очаге исламского фанатизма, направленного в основном против черных национальных меньшинств на юге страны, — бен Ладен посвятил себя строительству своей организации «Аль-Каида». Ее ядро составили бойцы джихада,

прошедшие сквозь кузницу войны с Советами в Афганистане. Имея в своем составе граждан сорока трех государств, «Аль-Каида» занялась подготовкой всемирного джихада, целью которого должно было стать распространение истинного ислама, а методы напоминали методы средневековой секты ассасинов, уничтоженной монголами в 1251 году.

ЦРУ пыталось пристально наблюдать за бен Ладеном, вспоминая сопротивление, с которым столкнулись Соединенные Штаты в Сомали, взрыв бомбы в здании Всемирного торгового центра и другие операции террористов, получающих щедрое финансирование. В 1995 году пять американских солдат погибли при взрыве бомбы в Саудовской Аравии, а через несколько месяцев еще девятнадцать человек были убиты, когда начиненный взрывчаткой грузовик ворвался в военный городок под Дахраном. В 1994 году власти Саудовской Аравии, опасаясь, что у них на руках оказалась непредсказуемая карта, лишили Усаму бен Ладена гражданства. После террористического акта под Дахраном суданские власти также попросили его покинуть страну. Однако эти официальные шаги, предпринятые под нажимом Соединенных Штатов, не отражали истинное положение дел. Бен Ладен продолжал пользоваться на Ближнем Востоке всесторонней поддержкой. И все же ему требовалось найти какую-нибудь безопасную географическую точку, откуда можно было бы руководить своей организацией. В мае 1996 года бен Ладен вернулся в Афганистан и устроился в подземном комплексе, который сам же построил в безлюдных горах на востоке страны. Эта область, одна из самых неприступных на всем земном шаре, после установления в Афганистане режима талибов, одержимых чистым исламом и не обращающих никакого внимания на то, что думал о них остальной мир, стала еще более ксенофобной.

В августе 1998 года практически одновременно были взорваны посольства Соединенных Штатов в столицах Кении и Танзании. Погибли двенадцать американских граждан и 212 африканцев; больше двух тысяч человек были ранены. ЦРУ установило, что за этими нападениями стоит «Аль-Каида», и две недели спустя семьдесят две крылатые ракеты нанесли упреж-

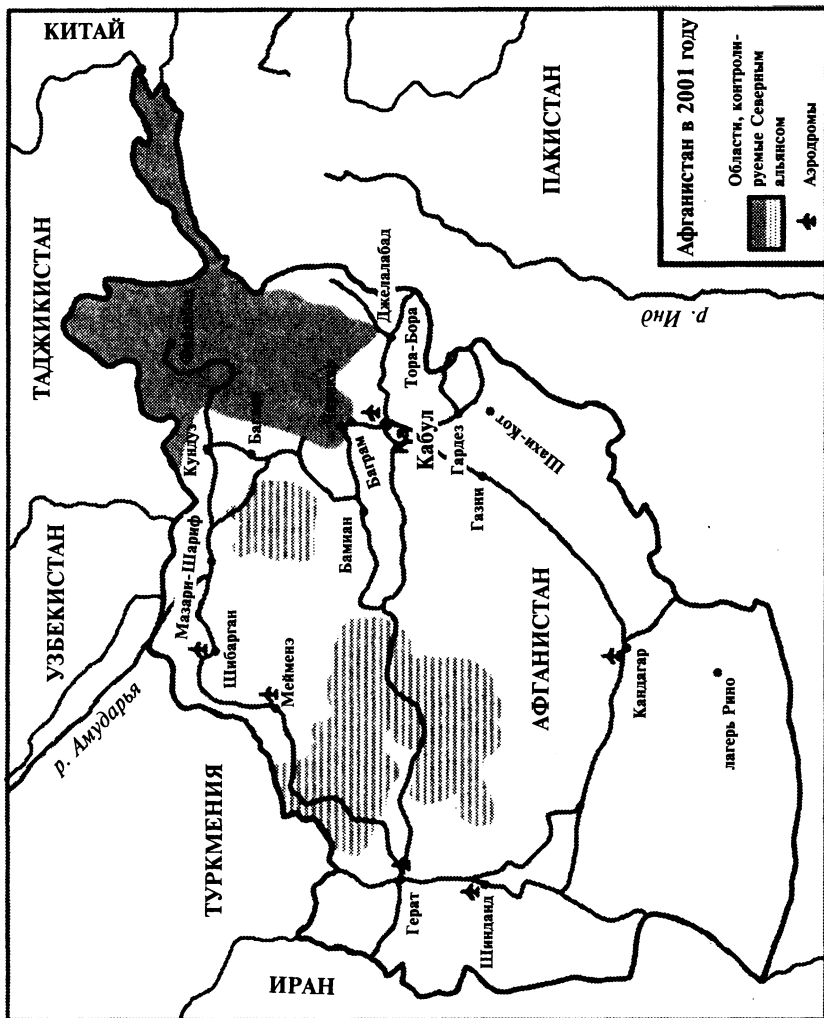
дающий удар по базам бен Ладена в районах Хоста и Джелалабада. Другие ракеты уничтожили завод под Хартумом, который, по заявлению Судана, занимался выпуском лекарств. В октябре 2000 года эсминец ВМФ США «Коул», заправлявшийся горючим в йеменском порту Аден, подвергся нападению террористов-смертников. При взрыве бомбы корабль получил огромную пробоину; семнадцать американских моряков погибли, тридцать девять были ранены. Оба йеменских террориста, как выяснилось, воевали в Афганистане. Приближались президентские выборы, и Соединенные Штаты воздержались от решительного ответа, правда, пообещав пристальнее следить за бен Ладеном. В 2001 году завершился второй президентский срок Клинтона, и в Белый дом пришел сын президента Буша Джордж У. Буш, с трудом обошедший Альберта Гора, вице-президента Клинтона, в ходе выборов, вызвавших много споров. Основными приоритетами Буша-младшего были снижение налогов, реформа образования и создание высокотехнологичного ракетного щита над Америкой.

В 2000—2001 годах власть «Талибана» упрочнилась на всей территории Афганистана, за исключением узкой полоски на севере, которую удерживал упрямый Ахмад Шах Масуд. Тем временем Усама бен Ладен и мулла Омар сблизились друг с другом. Изгой в мировом сообществе, лидер «Талибана» нашел в лице бен Ладена щедро финансируемую международную сеть бойцов, преданных идеалам джихада. В свою очередь, бен Ладен через талибов вербовал в религиозных училищах Афганистана и Пакистана самых серьезных учеников, которых можно было бы использовать для вооруженной борьбы и проведения террористических акций. Продолжающийся израильско-палестинский конфликт, а также война Индии и Пакистана за Кашмир обеспечивали устойчивый приток молодых людей, горящих желанием сразиться на передовой борьбы за ислам. Сам бен Ладен, похоже, имел более широкие планы: однако основной частью его рекрутов двигало непрекращающееся кровопролитие в Палестине и Кашмире.

В самом Афганистане боевые действия затихли. Северному альянсу отступать дальше было некуда, но «Талибан» так и не

мог захватить последний клочок земли, удерживаемый Масудом. И тут Усама бен Ладен щедро отплатил за гостеприимство своим хозяевам-талибам. В конце лета 2001 года Масуд согласился дать интервью двум алжирским журналистам, работавшим на бельгийскую телекомпанию. Панджшерский лев несколько раз откладывал встречу, но наконец принял журналистов. Во время интервью взорвалась бомба, спрятанная в телекамере, и Масуд получил смертельное ранение. Как выяснилось, алжирцы были членами «Аль-Каиды».

Масуд упорно цеплялся за жизнь, но все же скончался на борту вертолета, который вез его в военный госпиталь в Таджикистане. В течение следующих двадцати четырех часов руководство «Талибана» ликовало по поводу устранения своего самого грозного противника. Они не догадывались о том, что с минуты на минуту должна была начаться другая тайная операция «Аль-Каиды». Следующий день оказался для «Талибана» еще более судьбоносным, хотя нападение произошло на противоположном конце земного шара. В Соединенных Штатах начинался вторник, 11 сентября 2001 года.

АМЕРИКАНЦЫ

В Нью-Йорке стояло прекрасное утро; небо было прозрачно-чистым, и видимость составляла несколько миль. Одной молодой женщине, направлявшейся пешком на работу в нижнем Манхэттене, показался слишком громким рев реактивных двигателей, заглушивших шум дорожного движения, и, подняв голову, она увидела авиалайнер, «летевший невероятно низко». Через несколько секунд послышался глухой раскат грома, и между крыш показалось облако черного дыма. Пробежав по авеню Америк, женщина увидела, что самолет врезался в верхнюю часть северной башни Всемирного торгового центра. Было около девяти часов утра, и здание уже заполнилось людьми, прибывшими на работу.

Все теле- и радиоканалы Соединенных Штатов прервали свои программы сообщениями о трагедии. В Нью-Йорке первым делом вспомнили 1945 год, когда потерявший ориентацию бомбардировщик ВВС США врезался в небоскреб «Эмпайр стейт билдинг», на тот момент самое высокое здание в мире. В то туманное утро погибло четырнадцать человек. Сейчас, 11 сентября 2001 года, очевидец позвонил в нью-йоркское отделение телекомпании Эн-би-си и сообщил, что самолет в самый последний момент пытался отвернуть от небоскреба. Несколько минут зеваки тарасились на место очередной трагической катастрофы, по-видимому, повлекшей значительные человеческие жертвы.

Затем со стороны Джерси зашел второй авиалайнер и, пролетев над заливом Нью-Йорк, врезался в южную башню Всемирного торгового центра. Над финансовым районом Манхэттена вспыхнул второй огненный шар. Теперь уже обе башни-близнеца были объаты дымом и пламенем. Только тут до миллио-

нов людей, наблюдавших за происходившим лично или по телевидению, ведущему прямую трансляцию, наконец дошло, что Америка подверглась нападению. Через двадцать пять минут после того, как самолет врезался во вторую башню ВТЦ, еще один самолет спикировал на здание Пентагона в Вашингтоне; погибло 184 человека. Поступило сообщение (как выяснилось впоследствии, ложное) о взрыве бомбы, вероятно, заложенной в машину, у здания Государственного департамента. Затем через полчаса еще один пассажирский самолет без каких-либо видимых причин рухнул на землю в сельском районе штата Пенсильвания. ФАГА¹ немедленно закрыло все аэропорты, приказав совершить экстренную посадку всем самолетам, находящимся на тот момент в воздухе (таких было более двух тысяч). Наибольшую тревогу вызывало то, что около десяти бортов не отвечало на сигналы с земли, в том числе несколько лайнеров, совершающих трансатлантические рейсы и направлявшихся в Нью-Йорк и Вашингтон.

Горящие небоскребы поставили перед нью-йоркскими пожарными сложнейшую задачу. К месту пожара устремились, завывая сиренами, пожарные команды со всего Манхэттена; вскоре к ним присоединились пожарные из Бруклина, Куинса, Бронкса и Стейтен-Айленда. За ними спешили толпы полицейских. Главная проблема заключалась в том, чтобы эвакуировать из горящих зданий людей — в обычный рабочий день их во Всемирном торговом центре было до пятидесяти тысяч, — обеспечить порядок, помочь пострадавшим и, если возможно, справиться с огнем. Пока сотрудники управления полиции Нью-Йорка и порта пытались разобраться в ситуации на земле, сотни пожарных вошли в горящие башни и стали подниматься по лестницам вверх 110-этажных зданий, так как лифты были отключены.

Сотрудники, находившиеся в башнях ВТЦ, уже спускались по лестницам вниз — за исключением тех, кто оказался отрезан выше того места, где в здания врезались самолеты. Один молодой мужчина, работавший в южной башне, сбежал пешком с

¹ Федеральное агентство гражданской авиации, ведомство, осуществляющее контроль за всеми полетами в воздушном пространстве Соединенных Штатов.

пятидесятого этажа, как только услышал о пожаре в северной башне. «Я мог думать только о своих детях», — вспоминает он. Другие не торопились, первыми выводили на лестницы женщин и пожилых людей, помогали раненым и больным, искали оставшихся.

В 9.50 утра южная башня Всемирного торгового центра полностью рухнула, подняв волну цунами дыма и обломков, захлестнувшую нижний Манхэттен, гоня перед собой тысячи жителей. Телевизионные комментаторы замечали, что южная башня получила попадание ниже, чем северная; к тому же самолет зацепил северную башню ближе к краю. Пожар во второй башне продолжался еще около получаса, после чего и она также обрушилась. Хотя самолеты врезались в верхние части зданий Всемирного торгового центра, обе башни были полностью уничтожены, как и близлежащие здания. Под обломками погибли 343 нью-йоркских пожарных, несколько десятков полицейских из управления полиции Нью-Йорка и полиции порта и больше 2500 человек, в тот день просто пришедших на работу. До того как башни превратились в миллионы тонн мусора и обломков, на глазах у объятых ужасом очевидцев десятки людей, оказавшиеся в плену над разверзшимся адом пылающего авиационного керосина, прыгали с верхних этажей навстречу смерти.

Полное разрушение башен Всемирного торгового центра стало абсолютной неожиданностью и для Усамы бен Ладена. На видеозаписи, захваченной впоследствии американскими солдатами, он признается своим ближайшим соратникам, что, по его расчетам, здания ВТЦ должны были сгореть лишь выше места попадания самолетов. Обвал башен-близнецов явился полной неожиданностью для бен Ладена, миллионов американцев, следивших на происходящим, но в первую очередь для нью-йоркских пожарных, работавших на месте катастрофы. Во время подготовки нападения никто из арабских террористов даже не предполагал, что целый квартал нижнего Манхэттена площадью шестнадцать акров будет стерт с лица земли всего двумя угнанными двухмоторными самолетами. Бен Ладен и его соратники по «Аль-Каиде» возблагодарили Аллаха за такой исход дела.

Потрясенные Соединенные Штаты попытались осмыслить случившееся. По первым оценкам, речь шла о десяти тысячах погибших. По этому показателю нападение на ВТЦ превзошло налет на Пёрл-Харбор, во время которого погибло 2043 человека, почти половина из которых были моряки линкора «Аризона»¹. Через несколько часов поступили сообщения о том, что катастрофа могла бы быть еще более ужасной. Самолет, выполнявший рейс 93 и рухнувший в Пенсильвании, также был захвачен террористами. Но пассажиры, узнав по сотовому телефону о нападениях в Нью-Йорке и Вашингтоне, решили отбить самолет. По команде молодого мужчины по имени Тодд Бимер, подавшего сигнал «Вперед!», несколько американцев ворвались в кабину. К этому моменту лайнер уже совершил разворот над Питсбургом и направлялся в сторону Вашингтона. Магнитофон, установленный в «черном ящике» самолета и записывавший переговоры пилотов, зафиксировал шум борьбы и яростные крики по-арабски и по-английски, после чего лайнер отвесно спикировал на землю. Если бы не мужество пассажиров рейса 93, возможно, американцам пришлось бы скорбеть по Белому дому или Капитолию и тем, кто находился там.

Президент Буш, находившийся в момент нападения во Флориде, переместился на базы ВВС сначала в штате Луизиана, затем в штате Небраска, а вечером 11 сентября вернулся в Белый дом и обратился к американскому народу. «Сегодня наш народ столкнулся со злом», — сказал он, начав свое проникновенное обращение с христианских заповедей, которым впоследствии суждено будет стать лейтмотивом грядущей войны. Президент процитировал 23-й псалом: «Если я пойду долиной смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной»². В своем коротком обращении Буш обозначил границы будущего американского ответа. «Мы не станем делать различия, — заявил он, — между террористами, непосредственно совершившими эти злодеяния, и теми, кто их приютил».

¹ Японская 1760-фунтовая кумулятивная бомба, пробив палубу линкора «Аризона», попала в кройт-камеру, где находилось больше миллиона фунтов взрывчатых веществ. В результате страшного взрыва корабль разломился пополам и мгновенно затонул.

² В нумерации по славянской (греческой) Библии — псалом 22, стих 4.

Разведывательным службам Соединенных Штатов потребовался всего один день, чтобы установить личности почти всех террористов, принимавших участие в событиях 11 сентября, достать их фотографии, определить то, чем они занимались в последнее время, и подтвердить их связь с организацией «Аль-Каида», возглавляемой Усамой бен Ладеном. ЦРУ, ФБР и АНБ еще до нападения перехватывали переговоры и сообщения, свидетельствовавшие о том, что террористы что-то намечают; оставалось неизвестным лишь, что именно, где и насколько крупное. Только после атаки удалось сложить воедино все разрозненные сведения и выяснить, что девятнадцать террористов-смертников, пятнадцать из них граждане Саудовской Аравии, сообща разработали четыре операции на Восточном побережье.

Конгресс выделил на антитеррористические операции 40 миллиардов долларов, хотя на самом деле 14 сентября президент Буш получил возможность тратить по своему усмотрению любые суммы: в этот день Сенат единодушным голосованием разрешил ему «использовать любые необходимые средства». Затем американский президент обратился с призывом ко всему миру: «Или вы с нами, или против нас». В ответ на события 11 сентября Буш постарался создать еще более всеобъемлющий союз государств, чем это удалось его отцу во время войны в Персидском заливе.

Первым делом американцы потребовали от правительства талибов выдачи Усамы бен Ладена. Мулла Омар, не раздумывая, ответил отказом. В Кандагар прибыла делегация из Пакистана во главе с генералом Ай-Эс-Ай Фаизом Гилани, чтобы убедить Омара выдать бен Ладена и его сообщников из «Аль-Каиды». Талибы начали торговаться, требуя международного признания их правительства, прекращения иностранной поддержки Северного альянса и возобновления экономической помощи Афганистану. Кроме того, Омар потребовал предоставить «убедительные доказательства» вины бен Ладена. Исламский мир откликнулся на происходящее странно: большинство населения мусульманских стран было уверено в невинности лидера «Аль-Каиды»; его портрет носили на демонстрациях и вывешивали в кабинетах и дома. Для исламского мира бен Ладен стал героем, и свою роль в этом сыграла решимость Америки получить его, говоря словами Буша, «живым или мертвым».

«Талибан» мог бы формально выслать бен Ладена, на самом деле предоставив ему возможность ускользнуть. В этом случае американский ответ на события 11 сентября свелся бы к действиям разведки и полиции. Однако, к счастью, этого не произошло. Для того чтобы объяснить близорукость лидеров талибов, которая привела к полному уничтожению их режима, следует вспомнить, что мулла Омар участвовал в войне с советскими оккупантами. По всей видимости, лидер «Талибана» не представлял себе истинных масштабов мощи Соединенных Штатов и уповал на то, что Америка находится от Афганистана гораздо дальше, чем находилась Красная армия в восьмидесятые годы. После того как пакистанской делегации не удалось убедить муллу «Талибана», Соединенные Штаты получили четкую цель для вымещения своего гнева: Афганистан.

За десятилетие, прошедшее с момента окончания холодной войны, военная машина Соединенных Штатов совершила огромный скачок вперед, значительно опередив остальные страны. Новые виды вооружения, создаваемые с учетом самых последних достижений в сфере высоких технологий и компьютерной техники, позволяли с каждым годом все больше увеличивать разрыв. Однако ключевым фактором могущества Соединенных Штатов является глобальная сеть военных баз. Военно-морские и военно-воздушные силы позволяют в кратчайшие сроки перебрасывать подкрепления в любую точку земного шара. Еще до событий 11 сентября на Ближнем Востоке и в Южной Азии находилось 15 тысяч американских солдат, в том числе 5200 человек в Саудовской Аравии, 4800 человек в Кувейте, 2000 военнослужащих в Турции и еще 2700 человек на других базах, разбросанных от острова Диего-Гарсия до Бахрейна. Кроме того, в регионе вели боевое дежурство два ударных авианосных соединения: с авианосцем «Карл Винсон» в Персидском заливе и с авианосцем «Энтерпрайз» в Аравийском море. Девятнадцатого сентября группа во главе с современным ядерным авианосцем «Теодор Рузвельт» вышла из Норфолка, штат Вирджиния, а авианосец «Китти-Хок», оставив палубные самолеты и взяв вместо них вертолеты, направился к театру военных действий со своей базы в Японии.

Тем временем американские стратеги ломали головы над проблемой Афганистана. Министр обороны Дональд Рамс-

фелд заметил: «Многие державы истощили свои силы, пытаясь покорить эту страну. Там нет значительных целей, по которым можно было бы нанести удар». В газете «Нью-Йорк таймс» было опубликовано высказывание сотрудника администрации президента Клинтона по поводу Афганистана: «Мы уже изучали эту проблему, и у нас сложилось такое ощущение, что нам придется воевать с противником, живущем в *каменном веке*. В Афганистане бомбить практически нечего. Эта страна невероятно бедна объектами для нанесения удара». Общественное мнение привыкло к «дипломатии крылатых ракет»; однако грядущая война обещала более непосредственное столкновение. Похоже, сам Буш быстро осознал, что самое высокотехнологичное оружие имеет пределы, когда приходится иметь дело со страной, в которой уже больше двух десятилетий бушует война. «Какой смысл пускать ракету стоимостью 2 миллиона долларов, — рассуждал он вслух, — для того чтобы уничтожить палатку стоимостью десять долларов?» Мобилизационные предписания были отправлены в Форт-Брэгг, штат Северная Каролина, где размещается командование силами специального назначения, в Форт-Кэмпбелл, штат Кентукки, где дислоцируется 5-я группа сил специального назначения, и в Форт-Драм, штат Нью-Йорк, в штаб 10-й горной дивизии. Общее руководство военной стороной операции было поручено генералу Томми Фрэнксу из СЕНТКОМа¹, находящегося на базе ВВС Мак-Дилл рядом с Тампой, штат Флорида.

В мире реакция на события 11 сентября представляла собой сочетание глубокой скорби по такому большому количеству невинных жертв, страха перед ответом разъяренной Америки и прагматического интереса, вызванного тем, что Соединенным Штатам теперь пришлось вплотную столкнуться с исламским радикализмом. Израильский премьер-министр Ариэль Шарон отменил намеченные мирные переговоры с главой Палестинской автономии Ясиром Арафатом, разумно предположив, что после 11 сентября американцы ослабят давление на Израиль,

¹Объединенное центральное командование (СЕНТКОМ) — существует с 1983 года; в зону ответственности вошли 19 стран Ближнего и Среднего Востока и Северо-Восточной Африки; распоряжается силами быстрого развертывания.

заставляя его идти на соглашение с арабами. Россия выразила поддержку Соединенным Штатам, рассчитывая, что теперь и ее борьба с мусульманскими экстремистами в Чечне перестанет подвергаться критике. Индия заняла более жесткую линию в отношении исламских террористов, ведущих необъявленную войну в Кашмире. Узбекистан, Таджикистан и Киргизия радушно встретили американских эмиссаров, прибывших договариваться о военных базах для предстоящей операции в Афганистане, радуясь возможности получить в обмен щедрую финансовую помощь, а также добиться присутствия в регионе новой силы, которая уравнивала бы влияние России, имеющей свои интересы в бывших среднеазиатских республиках Советского Союза.

В самом щекотливом положении оказался Пакистан, по сути дела, собственными руками создавший «Талибан» и продолжавший поддерживать его до самого 11 сентября. (Караваны продолжали прибывать в Джелалабад до середины октября, хотя, по утверждению официального Исламабада, это были уже завезенные грузы.) Генерал Первез Мушарраф, пришедший к власти в Пакистане в результате военного переворота за два года до этого, отвернулся от «Талибана» и предложил Соединенным Штатам свою полную поддержку. После того как в 1994 году Пакистан произвел предварительные испытания ядерного взрывного устройства, страна подвергалась жесткой критике Соединенных Штатов, и сейчас Мушарраф ухватился обеими руками за возможность вернуть расположение могущественного союзника, что могло особенно пригодиться в непрекращающемся конфликте с Индией. Пакистанский лидер был глубоко потрясен событиями 11 сентября; он понял, что «Талибан», подобно чудовищу Франкенштейна, ускользает от его контроля.

20 сентября президент Буш обратился к Конгрессу США и американскому народу с красноречивым, решительным призывом взяться за оружие. Многие наблюдатели отметили, что президент, чьи неуклюжесть и косноязычие успели стать притчей во языцех, теперь словно преобразился. Его взгляд стал твердым как сталь. «Талибан», — сказал Буш, — должен действовать, и действовать немедленно». Его обращение, восторженно встреченное американскими политиками и широкой общественностью, завершилось словами:

«Ход предстоящего столкновения пока что неизвестен, однако его исход не вызывает сомнений. Справедливость и страх, правосудие и жестокость испокон веку враждовали друг с другом. И мы знаем, что господь не оставался безучастным к этой борьбе... Мы ответим на насилие спокойно и решительно, уверенные в грядущей победе. Да придаст нам господь мудрости в том, что ждет нас впереди, и не оставит он без своего участия Соединенные Штаты Америки».

Муллы «Талибана» ответили угрозой объявить священную войну в том случае, если «неверные вторгнутся в исламское государство». В течение следующих двух недель американские войска перебазировались к месту предстоящих действий; из авиабаз в Испании в район Индийского океана перебрасывались горючее и боеприпасы. Получив сообщения о голоде в Афганистане и не желая настраивать против себя исламский мир, Соединенные Штаты организовали массовую переброску по воздуху продовольствия в страну, разбрасывая контейнеры с консервированными продуктами. Кодовое название предстоящей военной операции «Безграничная справедливость» было заменено после того, как критики указали на его религиозный подтекст: противостояние Иеговы и Аллаха. По аналогичным причинам пришлось не использовать выражение «крестовый поход». В конце концов 25 сентября военная операция Соединенных Штатов получила название «Безграничная свобода».

В начале октября американцы предъявили совету НАТО результаты расследования террористических актов, совершенных 11 сентября. В них содержались неоспоримые доказательства причастности к этим преступлениям «Аль-Каиды». Британский премьер-министр Тони Блэр первым поддержал Соединенные Штаты. «Это будет борьба с заранее известным исходом, — заявил он. — Победа будет за нами, а не за ними». 6 октября Буш объявил о том, что «было сделано последнее предупреждение, и время истекает».

На следующий день, 7 октября, американские и английские войска нанесли удар по Афганистану. Пятнадцать бомбардировщиков наземного базирования и двадцать пять истребителей-бомбардировщиков палубной авиации с ревом расскле-

небо над Гиндукушем; одновременно пятьдесят крылатых ракет «томагавк» были выпущены с американских надводных кораблей и британских подводных лодок, находившихся в Аравийском море. Целями ударов стали укрепленные пункты талибов, командные центры и аэродромы. В первые же часы вся авиация «Талибана» была уничтожена на земле, как и запасы зенитных ракет «СА-2» и «СА-3».

Когда дым рассеялся, анонимный посланник подбросил пакет к двери кабульского бюро катарской телекомпании «Аль-Джазира». В пакете находилась видеокассета с записанным обращением Усамы бен Ладена. Одетый в камуфляж, с автоматом в руке, стоящий перед скалой, он начал со слов: «Всемогущий господь бог нанес Америке удар по одному из ее жизненно важных органов, уничтожив самые большие здания». Далее бен Ладен говорил о восьмидесяти годах унижений, которые пришлось терпеть исламу, о голодающих иракских детях, об израильских танках в Палестине и американской атомной бомбардировке Японии. Свое обращение он завершил новым призывом ко всемирному джихаду:

«Ветер перемен прогонит силы зла с полуострова Мухаммеда, да будет с ним мир. А что касается Америки, я скажу ее народу лишь несколько слов: клянусь именем господя, что Америка не будет знать мира до тех пор, пока мир не воцарится в Палестине, пока армии неверных не покинут землю Мухаммеда, да будет с ним мир. Аллах велик, и славен ислам».

Американцы продолжили бомбовые удары бомбардировщиками «Б-1», летавшими с Диего-Гарсии, и причудливыми бомбардировщиками «Б-2» «Стелс», поднимавшимися с базы ВВС Уайтмен в штате Миссури и облетающими половину земного шара на околозвуковых скоростях. Самолеты палубной авиации «Ф-14» и «Ф-18», взлетающие с авианосцев «Энтерпрайз» и «Карл Винсон», уничтожили семь опорных пунктов талибов, правда, как впоследствии выяснилось, все люди были из них срочно эвакуированы. Затем к месту действия подоспели штурмовики «АС-130» «Спектр». Эти низколетящие винтовые са-

молеты ошетинились 25-мм автоматическими орудиями «гатлинг», 40-мм и 105-мм пушками, которые под управлением компьютера вели огонь по наземной цели, пока самолет кружился над ней.

Воздушные удары по Афганистану сразу же вызвали осуждение после того, как в Кабуле оказалось случайно задето здание ООН, при этом погибли четыре сотрудника. Согласно сообщениям талибов, десятки мирных жителей были убиты в селении Карам. В тот же день еще одна бомба весом 2000 фунтов, отклонившись от цели, попала в жилой дом в столице, полностью уничтожив целую семью. Абдул Хак, знаменитый в прошлом полевой командир моджахедов, воевавший с советскими войсками под Кабулом, заявил, что авиационными ударами американцы достигнут обратной цели, так как это лишь сплотит афганцев вокруг «Талибана». Отчасти проблема заключалась в том, что вскоре после начала налетов у американской авиации не осталось видимых военных целей. Президент Пакистана Мушарраф настоял на том, чтобы американцы не бомбили позиции талибов в тех районах в окрестностях Кабула, где им противостояли войска Северного альянса, опасаясь повторения 1992 года, когда столица оказалась захвачена узбекскими и таджикскими частями, что привело к гражданской войне с пуштунами.

Тем временем террористы открыли новый фронт войны в самой Америке. В почтовые и государственные учреждения стали поступать письма, зараженные сибирской язвой. После вскрытия конверта мельчайший белый порошок попадал в воздух и при вдыхании приводил к летальному исходу. 5 октября умер редактор газеты в штате Флорида, а двое его коллег были госпитализированы. Сибирская язва была обнаружена в службе новостей крупной телевизионной сети и на Центральном почтамте Нью-Йорка; заболели несколько человек. Пятнадцатого октября возбудители смертельно опасной болезни были найдены в служебном кабинете Томаса Дашла, лидера сенатского большинства. Были эвакуированы сотрудники десятка правительственных ведомств, в том числе Капитолия, прежде чем кому-то пришлось в голову эвакуировать сотрудников почтамта в Брентвуде, обслуживающего государственные учрежде-

ния. Через неделю двое почтовых работников из брентвудского отделения умерли от сибирской язвы; за этим последовали смерти сотрудника госпиталя на Манхэттене и женщины в штате Коннектикут. Американцы бросились покупать лечебное средство от сибирской язвы, препарат под названием «Сипро».

Но военная лихорадка распространилась на другие страны. 15 октября в ответ на взрыв бомбы, заложенной в машину террористом-мусульманином, в результате которого погибло тридцать восемь индусов, индийская артиллерия подвергла обстрелу позиции пакистанских войск в Кашмире. Два дня спустя министр по делам туризма Израиля, близкий друг премьер-министра Ариэля Шарона, был застрелен в гостинице в Иерусалиме. Израиль ответил ударами по палестинским базам на Западном берегу Иордана. В середине сентября чеченские боевики сбили в Грозном вертолет правительственных войск и совершили нападение на расположенную рядом с городом военную базу. Однако теперь сепаратисты предпочитали воздерживаться от активных действий, так как за ними пристально следил российский президент Владимир Путин, уверенный в том, что Соединенные Штаты поддержат любые ответные меры, которые он сочтет нужным предпринять.

Первую крупномасштабную операцию американские командос совершили в Афганистане в ночь на 19 октября. Отряд специального назначения, переброшенный вертолетами с авианосца «Китти-Хок», разгромил одну из штаб-квартир муллы Омара, а подразделение десантников-парашютистов заняло аэродром к югу от Кандагара. Американская общественность замороженно наблюдала за ночными съемками этих операций в самом сердце контролируемой талибами территории. Завершив разведку боем, командос благополучно вернулись на вертолетах «Чинук». Только впоследствии стало известно, что пятеро бойцов отряда специального назначения были ранены при взрыве заряда, который они сами установили, а около двух десятков парашютистов получили травмы во время приземления. Кроме того, в Пакистане разбился поисково-спасательный вертолет, погибли два члена экипажа. Хотя смелые действия командос и произвели впечатление на лидеров «Талибана», высшее военное командование американских вооруженных сил,

смущенное происшествие, решило временно воздержаться от подобных операций.

Через несколько дней после этого Абдул Хак при не до конца выясненных обстоятельствах проник на юг Афганистана, собираясь организовать из пуштунов, воевавших в отрядах моджахедов, «пятую колонну». Талибы окружили его небольшой отряд, и Абдул Хак в отчаянии связался по спутниковому телефону с Робертом Макфарлейном, бывшим советником по вопросам национальной безопасности президента Рейгана, прося о помощи. К месту столкновения поспешили американские вертолеты, но они опоздали. Абдул Хак был схвачен и повешен талибами.

21 октября американские боевые самолеты начали бомбить передовые позиции талибов к северу от Кабула. До этого дня солдаты «Талибана» отправлялись на фронт, где было безопаснее всего, поскольку американцы сбрасывали бомбы где угодно, только не там. Бойцы Северного альянса, в течение нескольких лет воевавшие без прикрытия с воздуха, пришли в восторг, увидев самую мощную авиацию в мире, пришедшую к ним на помощь. Американцы использовали бомбы для уничтожения бункеров весом 5000 фунтов, с лазерным наведением, а также управляемые бомбы весом 2000 фунтов (джей-ди-эй-эм), наводимые по лазерному лучу или со спутников. Рамсфелд в своем заявлении объяснил, не столько для американской общественности, сколько для пакистанского руководства, почему Соединенные Штаты перенесли основные усилия с практически несуществующей инфраструктуры талибов в южных районах Афганистана на передовые позиции на севере. «Как выяснилось, — сказал он, — основные силы «Талибан» сосредоточил для борьбы с Северным альянсом к северу и северо-западу от Кабула». Вооруженные формирования Северного альянса поддерживали американцев ракетными ударами, огнем артиллерии и танковых орудий; талибы ответили им тем же. Вдоль всей неровной линии фронта, проходящей по горным хребтам и ущельям, завязалась ожесточенная перестрелка.

Однако уже через неделю после начала бомбардировок эффект новизны прошел, и солдаты Северного альянса стали жаловаться на низкую эффективность ударов с воздуха. Коррес-

пондет газеты «Нью-Йорк таймс» Дэвид Род разговаривал с бойцами, утверждавшими, что талибы вначале боялись авиационных налетов, а теперь обращаются к своим противникам на открытых радиочастотах и издеваются над американцами. Американские самолеты неизменно прилетали парами. Как только они скрывались из виду, талибы открывали огонь, просто чтобы показать, что они не пострадали. Один полевой командир Северного альянса заметил: «Даже если Соединенные Штаты будут продолжать то же самое в течение ста лет, этого будет недостаточно». Согласно другому, «когда в Афганистан вторглись советские войска, сначала шестьдесят самолетов бомбили одну точку, после чего туда двигалось сто танков. Если подобные бомбардировки будут продолжаться и дальше, это только поднимет боевой дух талибов». Двадцать девятого октября «Нью-Йорк таймс» сообщила, что за день и ночь непрекращающихся налетов американская авиация сбросила на талибов «больше десяти бомб». Согласно сообщению агентства Ассошиэйтед Пресс, в тот день одна из бомб отклонилась от цели и убила в Кабуле тринадцать мирных жителей.

Уязвленные сообщениями о невысокой эффективности воздушных бомбардировок, Соединенные Штаты направили на передовые позиции отрядов Северного альянса офицеров сил специального назначения и ВВС для выявления целей и корректировки ударов с воздуха. Кроме того, в работу включились легендарные бомбардировщики «Б-52», способные взять на борт пятьдесят 500-фунтовых бомб или до тридцати пяти тонн различных боеприпасов. Эти громадные четырехмоторные самолеты вступили в строй еще в 1955 году, но их вооружение и электроника постоянно совершенствовались. Сначала солдаты Северного альянса обрадовались этим разрушительным налетам, казалось, стирающим за один раз по полмили горных склонов. Но талибы выстояли и на этот раз. Как только пыль рассеивалась, бойцы в черных чалмах выходили из пещер и окопов с оружием в руках. Войска Северного альянса, непосредственно наблюдавшие за авиационными ударами по позициям талибов, утверждали, что большинство бомб падает далеко от цели. Между тем западным журналистам показали разрушенное селение к северу от Кандагара. Как выяснилось, по

нему нанесли удар вертолеты и штурмовики «АС-130», в результате чего погибло тридцать мирных жителей. Когда оставшиеся в живых хоронили убитых, штурмовики вернулись и нанесли по ним новый удар.

В то время как львиную долю внимания мировые (в том числе американские) средства массовой информации уделяли ошибкам и промахам, имевшим место во время налетов, — американским летчикам приходилось действовать под бдительным присмотром Северного альянса, — удары, которые пришлись точно в цель, в прессе практически не освещались. В конце концов, талибы находились не в том положении, чтобы жаловаться. Благодаря тому, что американцы применяли боеприпасы, наводимые по лазерному лучу, проводам или с помощью спутников, — их доля во время операции в Афганистане возросла до 60 процентов по сравнению с 10 процентами во время войны в Персидском заливе, — жертвы среди мирного населения не были столь многочисленными, причем случались они исключительно вследствие ошибочных разведывательных данных или сбоев при вводе координат целей. Американские военно-воздушные силы достигли невиданной степени точности. Применение «умных» боеприпасов высокой мощности позволило избавиться от многочисленных армд бомбардировщиков, проливающих на землю неуправляемые бомбы. Свою роль сыграла и уникальная сеть авиационных баз, созданная Соединенными Штатами в Южной Азии, позволяющая обеспечивать заправку, разведку и сопровождение.

Так или иначе, после месяца бомбардировок руководство Соединенных Штатов начало проявлять недовольство. Словно в ответ на критику авиационной мощи Соединенных Штатов, высказываемую обеими сторонами афганского конфликта, американские государственные деятели стали в частных беседах критиковать Северный альянс, называя его слабым, бесформенным образованием, лишенным инициативы. Американские наблюдатели докладывали о танках с бутафорскими стволами орудий и пушках без замков. Харизматичного Ахмада Шаха Масуда сменил совершенно бесцветный полевой командир Мухаммед Фахим, не внушавший доверия. Утверждения руководителей Северного альянса о том, что его отряды насчи-

тывают больше пятнадцати тысяч бойцов, оспаривались американскими наблюдателями, насчитавшими лишь восемь тысяч солдат. Кроме того, общественности Соединенных Штатов напомнили, что после того, как в 2000 году «Талибан» запретил выращивание опийного мака, весь афганский опиум стал поступать с территории, контролируемой Северным альянсом.

5 ноября Соединенные Штаты впервые применили бомбы «дейзи каттер», мощные взрывные устройства весом 15 000 фунтов. Во время войны во Вьетнаме такие бомбы использовались для расчистки посадочных площадок в джунглях Индокитая; представители Северного Вьетнама выражали протест, называя их «оружием массового разрушения». Вскоре после этого Афганистан познакомился и с «вакуумными» бомбами, также представляющими собой горючую смесь, распыляемую в воздухе; однако эти бомбы использовались просто для уничтожения живой силы в пещерах и подземных укрытиях. Вопрос об использовании «вакуумных» бомб решался долго, поскольку, как американцы уже успели выяснить по своему опыту на Окинаве и других местах, во время боевых действий в пещерах укрываются не только солдаты.

После полутора месяцев бомбардировок до Вашингтона стал доходить ропот из Европы, с Ближнего Востока и из Пакистана. Президент Мушарраф открыто попросил прекратить авиационные удары. Соединенные Штаты, начавшие войну с невиданно огромным запасом моральной поддержки, оказались опасно близки к тому, чтобы растерять ее благодаря высокотехнологичному оружию, в создании которого были использованы самые страшные изобретения американских ученых. Пока талибы, отведя свои войска с передовых позиций, издевались над своими противниками из Северного альянса, пятьдесят тысяч американских солдат, переброшенных к театру военных действий (половина из них моряки), и еще два миллиона, ждущие в резерве в Соединенных Штатах и на американских базах по всему миру, похоже, не горели желанием ввязываться в дело.

10 ноября президент Буш, приехав в Нью-Йорк, где под развалинами Всемирного торгового центра все еще тлел пожар, обратился к Организации Объединенных Наций. «Все без ис-

ключения страны заинтересованы в этой борьбе, — напомнил он собравшимся делегатам. — Пока мы здесь заседаем, террористы разрабатывают планы новых убийств, возможно, в моей стране, а может быть, в ваших». Его слова возымели действие. Подавляющее большинство стран высказалось в поддержку усилий Соединенных Штатов; Германия, Франция, Италия, Япония и другие государства выразили готовность оказать материальную помощь. До этого самыми активными участниками борьбы были Соединенные Штаты и Великобритания, а также Канада и Австралия. Главная проблема, не позволявшая мировому сообществу выступить сплоченной военной силой, заключалась в том, что Америка по возможностям транспортной авиации и флота, по мощи военно-воздушных сил и военноморского флота, по густой сети военных баз значительно превосходила всех своих союзников. Когда первые воинские подразделения европейских стран наконец прибыли в Кабул, их перебросили туда гражданские украинские авиалайнеры. В Пентагоне решили, что американские войска смогут действовать более быстро и решительно, если им не придется согласовывать свои операции с широкой коалицией второстепенных союзников.

Однако приближалась зима, и американские стратеги понимали, что проведение любых военных действий, в том числе и воздушных бомбардировок, станет сложнее. Также возникли споры по поводу объявления перемирия на время священного для мусульман месяца рамадан, который начинался в середине ноября. Американцы прекратили доставку в Афганистан продовольствия, так как «Талибан» обвинил их в том, что они сбрасывают с самолетов отравленные консервы. Появились опасения, что талибы могут для придания достоверности своим обвинениям сами подбросить отраву в американскую продовольственную помощь. В любом случае пропагандистское значение поставок продовольствия исчезло, так как пакистанские пуштуны не выступили в защиту своих сородичей из «Талибана». Администрация Буша постоянно призывала американскую общественность готовиться к затяжной, трудной войне. Однако в своих оценках она ошиблась.

В начале ноября 2001 года полевой командир моджахедов Исмаил-хан, таджик по национальности, вернулся в свою прежнюю вотчину к западу от Герата, а узбекский генерал Абдул-Рашид Дустум собрал верные ему части на севере страны. Хаджи Мухакик набрал отряды хазарейцев в горах Гиндукуша, куда «Талибан», как и Советы до него, предпочитал без необходимости не соваться. В то самое время, когда президент Буш взывал к Объединенным Нациям, полевой командир Северного альянса Оста-Атта Мухаммад подошел к городу Мазари-Шарифу, расположенному на севере Афганистана, с востока, координируя свои действия с Дустумом, обложившим город с юга. Вместе они захватили аэропорт, а затем после получасового боя вошли в Мазари-Шариф. Талибы, оборонявшие город, бежали или сдались в плен. Тех, кто бежал на запад, встретил Исмаил-хан, двигавшийся со своим отрядом из Герата на северо-восток. Талибы с радостью сдавались в плен таджикам и узбекам, ища у них защиты, так как боялись попасть в руки похожим на монголов хазарейцам, не забывшим истребления «Талибаном» в 1997 году шести тысяч своих соплеменников.

Затем силы Северного альянса двинулись на Талукан и Кундуз, города на северо-востоке Афганистана, занятые талибами. Таджикские отряды осадили Талукан, и командир предложил сдаться талибам, удерживающим город. Один из командиров «Талибана» Абдулла Гард перешел на сторону таджикского полевого командира Дауд-хана с отрядом, насчитывающим по крайней мере тысячу бойцов. 11 ноября Талукан был взят без боя; оставшиеся в городе защитники-пуштуны просто перешли на сторону своих давнишних врагов. Однако части Северного альянса, двинувшиеся на позиции талибов к северу от Талукана, были встречены шквальным огнем. Здесь оборону держали в основном иностранные добровольцы, превосходившие фанатизмом пуштунов и понимавшие, что, если они попадут в руки афганцам, им не стоит ждать ничего хорошего. Американские боевые самолеты летали над местами боев, тщательно выискивая открывающиеся цели и отвечая на сигналы наблюдателей из числа офицеров сил специального назначения или ВВС.

К этому времени в Афганистане начали действовать подразделения британских сил специального назначения САС.

В ходе одной операции, освещенной лондонскими газетами «Таймс» и «Телеграф», отряд из шестидесяти английских десантников атаковал подземный бункер, который удерживало примерно такое же количество талибов. Двое бойцов САС были ранены у входа в бункер и еще двое во время боя внутри; талибы потеряли восемнадцать человек убитыми и больше сорока взятыми в плен.

12 ноября пассажирский авиалайнер разбился в жилом пригороде Нью-Йорка. Во время катастрофы погибли все 260 человек, находившихся на борту самолета, и еще 8 человек на земле. Пожарные округа Рокуэй, Куинс, еще тушили объятые пламенем обломки, а представитель Национального совета безопасности на транспорте уже поспешила объявить: «Все указывает на то, что мы имеем дело с несчастным случаем». В следующем месяце лишь чудом удалось избежать новой катастрофы, когда пассажиры самолета, находившегося в воздухе, поймали мусульманского террориста, который попытался взорвать устройство, спрятанное у него в ботинках. Гибель этого лайнера, летевшего из Парижа в Майами, тоже могла бы показаться несчастным случаем, так как, если бы самолет взорвался, его обломки поглотили бы воды Атлантики.

Пока Нью-Йорк разбирался с последней трагедией, Северный альянс стремительно продвигался по долине Шомали, ведущей к Кабулу. Талибы без боя оставляли позиции: одни бойцы отступали, другие сдавались в плен, многие расходились по домам. 12 ноября отряды Исмаил-хана заняли Герат после того, как шесть тысяч талибов перешли на сторону бывшего командира моджахедов. Одновременно с этим отряды «Талибана» официально оставили Кабул, повинувшись призыву муллы Омара: «Уходите в горы. Оборона городов, где наши позиции могут подвергнуться бомбардировкам с воздуха, приведет к страшным потерям». Колонны талибов, двинувшиеся из столицы на юг, подверглись ударам американских истребителей-бомбардировщиков.

Руководители Северного альянса обещали Соединенным Штатам (разделявшим тревогу Пакистана) остановиться в двух милях к северу от Кабула, а не входить в столицу и не образовывать свое правительство. «Мы поможем нашим друзьям дви-

гаться дальше на юг, — заявил Буш, — не заходя в сам Кабул». Но после пяти лет противостояния с «Талибаном» соблазн захватить столицу оказался слишком большим. 13 ноября отряды Северного альянса вошли в Кабул, где их встретили ликующие жители города. Хотя опасения новых ожесточенных уличных боев и зверств со стороны победителей в целом не оправдались, имели место отдельные неприятные инциденты. Отставшие бойцы «Талибана» подвергались издевательствам и избияниям, а некоторых даже убили. В одном случае шесть арабов и пакистанцев, примкнувших к «Талибану», устроили засаду, ведя огонь из крон деревьев. После того как бойцы Северного альянса расправились с талибами, жители Кабула надругались над трупами, давая выход копившимся несколько лет обидам.

Но в целом обстановка в столице оставалась спокойной. Жестокий теократический режим «Талибана» никогда не был прочным в Кабуле, городе, во время советской оккупации познавшем вкус свободы нового времени, да и в прежние времена стоявшем особняком от строгого фундаментализма афганской провинции. Жители города встречали части Северного альянса громкими звуками музыки, которая в течение нескольких лет была запрещена, и бросали под гусеницы танков цветы. Некоторые женщины даже снимали бурки, несмотря на то что это считалось очень опасным, так как талибы могли внезапно вернуться. Кроме того, освободителями, как быстро вспомнили афганцы, были не солдаты западных стран, а те, кто еще недавно называл себя «солдатами господ».

Отряды «Талибана» оставили Джелалабад одновременно с Кабулом, и город быстро взял под свой контроль Юнус Халес, лидер одной из группировок моджахедов, базировавшихся в Пешаваре. Исмаил-хан обосновался в Герате, а Дустум снова поднял свой флаг над Мазари-Шарифом. Ходили усиленные слухи о скором возвращении из эмиграции в Иране Гульбеддина Хекматияра, собиравшегося взять в свои руки земли восточных гильзаев к югу от Кабула. Таким образом, все бывшие главные участники сопротивления советской оккупации и гражданской войны между моджахедами за исключением Ахмада Шаха Масуда, чью гибель приняли близко к сердцу все афганцы, возвращались в игру. Тем временем президент Буш и пре-

зидент Мушарраф обвинили Раббани, политического лидера Северного альянса, в том, что его войска нарушили соглашение не занимать Кабул. Раббани ответил, что его люди вошли в столицу только из соображений обеспечения безопасности мирного населения, и обещал оставить в городе лишь три тысячи бойцов.

Таким образом, вся северная часть Афганистана, за исключением города Кундуз, расположенного в тридцати пяти милях к западу от Талукана, оказалась освобождена от талибов. В Кундузе оборону держали отчаянные иностранные добровольцы «Талибана» и члены организации «Аль-Каида» Усамы бен Ладена. Войска Северного альянса окружили город и предложили его защитникам сложить оружие. 13 ноября таджикские отряды двинулись вперед, чтобы принять капитуляцию подразделения талибов, состоящего из афганских пуштунов, но внезапно по ним открыли огонь иностранные добровольцы, узнавшие об этом. В Кундузе находились десятки арабов, а также уроженцы Пенджаба, западных районов Китая, населенных тюркоязычными мусульманами, чеченцы и индонезийцы и, кроме того, сотни пакистанцев и представителей других народов, примкнувших к «Талибану».

Под аккомпанемент предостережений журналистов, в частности Дэвида Рода из «Нью-Йорк таймс», написавшего, что «политическая карта Афганистана начинает напоминать зловещий 1989 год», Америка и Великобритания спешно перебросили в страну подразделения элитных войск. 15 ноября восемь транспортных самолетов «С-130» доставили на авиабазу Баграм к северу от Кабула 160 бойцов «зеленых беретов» и Королевской морской пехоты. Главная проблема заключалась в том, что «Талибану», какими бы ни были его недостатки, действительно удалось установить в стране порядок, которого не было в помине после ухода Советов, когда в Афганистане воцарилась власть удельных вождей и полевых командиров, воюющих друг с другом. И теперь, после крушения режима талибов, перед американцами и англичанами стояла задача не допустить повторения этого.

Подозрения, что талибы просто ушли, а не были разгромлены, получили подтверждение 19 ноября, когда четверо за-

падных журналистов были хладнокровно убиты на горной дороге, ведущей из Кабула в Желалабад. Согласно единственному оставшемуся в живых очевидцу, боевик, перед тем как дать очередь из автомата, сказал: «Вы что, думали, «Талибану» настал конец? «Талибан» по-прежнему здесь». Политический лидер таджиков Раббани между тем заверил Соединенные Штаты, что он не станет предпринимать попытки самостоятельно сформировать правительство и будет ждать решения совета афганских лидеров, который американцы собирали в Бонне (Германия).

После того как отряды «Талибана» оставили Кабул, у многих американцев от ощущения легкой победы началось головокружение. С учетом Афганистана американские вооруженные силы принимали прямое участие в трех конфликтах (помимо Боснии и Косово) и до сих пор не потеряли ни одного человека в результате боевых действий. Казалось, Соединенные Штаты перешли к новой форме ведения войн, идеально соответствующей двадцать первому столетию. Она заключалась в сочетании разрушительной мощи авиации, работающей в тесном взаимодействии с немногочисленными наземными специалистами, и операций «доверенных» сил (из числа местного населения), входящих в непосредственное столкновение с противником. После того как Америка ввязалась в полномасштабную войну в Южной Азии, ястребы в Пентагоне стали требовать дальнейшего расширения сферы военных действий и нападения на Ирак. Хотя Ирак не имел никакого отношения к террористическим актам 11 сентября, многие в администрации президента Буша имели зуб на Саддама Хусейна за то, что тот остался у власти после войны в Персидском заливе. Кроме того, имелись подозрения, что в Ираке велись работы по созданию оружия массового поражения. Бывший советник президента Клинтона Дик Моррис был одним из тех, кто решительно выступал за то, чтобы Соединенные Штаты повторили новую формулу ведения войны в Ираке, заручившись помощью шиитов на юге и курдов на севере страны, использовав их в качестве «доверенных» сил.

Другие американские политики были недовольны тем, что победу в наземной войне в Афганистане одержали отряды Се-

верного альянса, а не американские солдаты. Хотя Афганистан является не лучшим местом для применения тяжелой боевой техники, многие гадали, как показали бы себя такие легендарные части американской армии, как 10-я горная дивизия и 82-я и 101-я воздушно-десантные дивизии, морская пехота и подразделения 1-й пехотной дивизии. Уж если даже события 11 сентября не дали американской армии достаточного импульса для того, чтобы вступить в войну, что же может стать побудительным толчком?

Тем временем положение дел под Кундузом оставалось тяжелым. Становилось очевидно, что многие талибы хотели бы сложить оружие, но им не дают сделать это арабы и другие упорные фанатики-добровольцы. Пошли слухи, что арабы расстреливают бойцов из числа афганских пуштунов, чтобы те не сдались в плен. Американские бомбардировщики «Б-52» и истребители-бомбардировщики палубной авиации утюжили позиции талибов в городе и его окрестностях. Солдаты Северного альянса сообщали о том, что в течение всей двухнедельной осады Кундуза по ночам в город прилетали пакистанские самолеты, чтобы эвакуировать граждан Пакистана. Затем из Кундуза на юг потянулись караваны грузовиков, набитых талибами. Войска Северного альянса изредка обстреливали отступающие отряды «Талибана», но по большей части позволяли им беспрепятственно уйти. 24 ноября западные журналисты стали свидетелями небывалой сцены: около семисот талибов из числа афганских пуштунов вышли из города, улыбаясь и размахивая руками, и были встречены восторженными криками бойцов Северного альянса. Кое-где дело доходило даже до рукопожатий между осаждающими и осажденными. Напротив, около четырехсот иностранных добровольцев, в основном пакистанцев, а также арабов и представителей других национальностей, были взяты в плен Дустумом и помещены в Кала-Джанги, большую крепость девятнадцатого века неподалеку от Мазари-Шарифа.

26 ноября Кундуз пал, и узбекские части Дустума ворвались на улицы города, добывая самых упорных защитников. Победители запихали до восьмисот ненавистных иностранных

добровольцев в грузовики, но тут поступили сообщения о бое в Кала-Джанги. Как выяснилось, первая партия пленных восстала и перебила охранников. Пошли слухи, что беспорядки начались после того, как два сотрудника ЦРУ приступили к допросам пленных. Один из талибов разоружил охранника и открыл огонь, убив пять человек. К нему присоединились другие пленные, и вскоре крепость была отбита у узбеков. Один из агентов ЦРУ Джонни Майкл Спэнн, бывший капитан морской пехоты, был убит; другому удалось выбраться.

После того как восставшие заключенные захватили арсенал (еще несколько недель назад в крепости находилась база «Талибана»), советники из числа американских «зеленых беретов» и британских САС запросили поддержки с воздуха. Узбекские части Дустума покинули крепость, занимавшую площадь в квадратную милю, а талибы стреляли им вдогонку из гранатометов «РПГ» и минометов, укрываясь за толстыми стенами. Через день американские бомбардировщики загнали восставших пленных под землю, хотя бомбы, отклонившиеся от цели, ранили пятерых «зеленых беретов» и убили несколько бойцов Дустума.

Затем узбеки вошли в крепость, чтобы выбить оставшихся талибов. Один подвал был залит горючим и подожжен, чтобы выкурить тех, кто находился внутри. Перед выходом узбеки поставили танк «Т-55», готовый стрелять по всем спасшимся. Огонь дошел до боеприпасов, хранившихся в подземных складах, и произошел мощный взрыв. В другой подвал бойцы Северного альянса пустили девять ракет, но каждый раз, когда они пытались спуститься вниз, их встречали выстрелами. Один из талибов крикнул: «Вы продались американцам, и мы вам никогда не сдадимся!» В конце концов узбеки, чтобы подавить последний очаг сопротивления, отвели воду из оросительного канала и затопили подвал. 1 декабря, после нескольких дней, проведенных без еды, по пояс в воде, группа из восьмидесяти оборванных талибов вышла на солнечный свет. К этому времени во внутреннем дворе Кала-Джанги было сложено больше двухсот убитых талибов; еще несколько трупов было обнаружено в подвалах и помещениях крепости. Узбеки в бою потеряли сорок человек.

Пока продолжались бои за крепость Кала-Джанги, в южных районах Афганистана высадились американские морские пехотинцы, первые наземные войска. Солдаты 15-го экспедиционного подразделения морской пехоты численностью 2500 человек начали окапываться в восьмидесяти милях к югу от Кандагара, рядом с брошенным аэродромом, впервые исследованным десантниками в ночь на 19 октября. К этому времени отряды «Талибана» на севере страны рассеялись или сдались в плен, и сопротивление продолжали лишь разрозненные группы. Неподалеку от древнего Балха мулла Дадулла собрал отряд из талибов, сражавшихся под Кундузом. Но основные силы «Талибана» отходили от Герата на юго-восток в направлении Кандагара, бывшего фактической столицей их режима. В то же время объединенные отряды «Талибана» и «Аль-Каиды» были выявлены к югу от Джелалабада, у самой границы с Пакистаном, в горном районе Тора-Бора («черная пыль»). Вскоре после высадки американских морских пехотинцев под Кандагаром вертолеты «Кобра» расстреляли караван талибов к югу от города, но в остальной окрестности казались пустынными. К этому моменту две трети истребителей-бомбардировщиков палубной авиации возвращались на свои авианосцы с полной бомбовой нагрузкой, так как не могли обнаружить никаких целей.

2 декабря Пентагон объявил о том, что «в руки американских военных, находящихся в Афганистане, попал человек, назвавшийся гражданином Соединенных Штатов». Как оказалось, это был двадцатилетний Джон Уокер (Линд), уроженец Калифорнии, в возрасте шестнадцати лет отправившийся в Йемен, чтобы изучать Коран, затем попавший в духовное училище в Пакистане, где его и завербовали талибы для священной войны. Взятый в плен под Кундузом, Уокер был одним из тех пленных, кому удалось остаться в живых во время восстания в Кала-Джанги. Его обнаружили укрывающимся в залитом водой подвале. Раненого, с обожженным лицом, Уокера перебросили по воздуху на базу морских пехотинцев под Кандагаром, где его раздели донага, связали, завязали ему глаза и запихнули в металлический ящик размером с гроб. Американская общественность вскипела от возмущения, узнав об этом

талибе американского происхождения. Многие требовали смертной казни для Уокера. Возможно, к подобной реакции примешивалась определенная доля сожаления по поводу того, что до сих пор в этой войне ни один американец, не считая Уокера, еще не принял непосредственного участия в боевых действиях.

И действительно, к удивлению тех, кто ожидал грозного и мощного ответа Соединенных Штатов на преступления 11 сентября, американская армия действовала крайне осторожно. Первое время казалось, что нежелание поспешно вводить в Афганистан наземные войска объясняется опасениями настроить против себя местное население, а также народы Пакистана, относившимися отрицательно к любым иностранным солдатам. По тем же самым соображениям американцы в начале войны сбрасывали вместе с бомбами продовольственные консервы. Но когда после крушения режима «Талибан» в Афганистан стали в больших количествах перебрасываться американские войска, стало ясно, что в первую очередь руководство Соединенных Штатов боялось потерь. Американская общественность так и не смогла избавиться от «вьетнамского синдрома», спустя поколение проявившегося в стремлении вести войну одними машинами.

Опасения высшего командования американской армии по поводу реакции, которую могли бы вызвать у общественности большие потери, имели под собой основания. 4 декабря один из бойцов отряда американских сил специального назначения в бою с талибами к северу от Кандагара был ранен пулей в плечо. Четвертая по значению ежедневная газета Америки «Ньюсдей» откликнулась на это передовицей под огромным заголовком «Ранен американский солдат», которая была в основном посвящена американцам, погибшим в последнее время во всех странах мира. Казалось, американская общественность, терпимо относящаяся к смерти в результате болезней, преступности, лесных пожаров, автокатастроф, авиакатастроф и в одном случае в ходе войны — имеется в виду переход армии генерала Шермана к Атланте, — приходила в ужас, когда солдаты гибли в ходе боевых действий. Правда, к подобному настроению примешивалось смущение по поводу того, что силы Северного альянса

так легко сокрушили талибов под прикрытием американской авиации, в то время как американская армия и морские пехотинцы бездействовали. Сцены торжественной встречи частей Северного альянса в Кабуле больно заделали тех, кто видел в трагедии 11 сентября бесспорный казус белли. Институт исследования стратегических проблем отметил: «Действуя медлительно и осторожно, наше военное руководство лишило американский народ возможности насладиться триумфом победы». Немногочисленные американские и английские военные наблюдатели, находившиеся в отрядах Северного альянса, держались в тени, а подразделения регулярной армии молчаливо подтверждали мысль о собственной бесполезности, упрямо придерживаясь концепции президента Клинтона, гласившей, что войска должны действовать исключительно в «невраждебном» окружении.

В начале декабря на совете афганских лидеров в Бонне было достигнуто согласие назначить главой переходного правительства Хамида Карзая, пуштуна из племени дуррани. Раббани, политический глава Северного альянса, вынужден был уступить свое место, хотя сделал он это при полном зловещем молчании. Тем не менее в переходное правительство в качестве глав военного ведомства, разведки, Министерства внутренних дел и других важных ведомств вошли таджики и другие представители Северного альянса¹.

Сам Карзай в тот момент находился под Кандагаром вместе с двумя подразделениями американских «зеленых беретов» численностью по двенадцать человек (так называемыми «ко-

¹ Переходное правительство должно было подготовить почву для созыва лойи-джирги, которой предстояло образовать временное правительство. В соответствии с Боннскими соглашениями в состав временного правительства, которое осуществляло бы руководство страной до принятия новой Конституции и всеобщих выборов, не должен был войти ни один из членов переходного правительства. Именно поэтому в Бонне афганские лидеры остановили свой выбор на фигуре никому не известного Карзая. Однако, как справедливо предупреждали некоторые обозреватели, в Афганистане с властью просто так никто не расстается. И действительно, Карзай, чувствуя за собой поддержку американских штыков, в июне 2002 года вопреки Боннским соглашениям остался главой временного правительства, а в январе 2004 после принятия на лойе-джирге новой конституции (написанной исключительно для Запада) опять выдвинул себя на пост руководителя Афганистана.

мандами А»), где он пытался поднять местное пуштунское население на борьбу с «Талибаном». 5 декабря группа подверглась внезапной атаке со стороны нескольких сотен талибов, проехавших по засушливой равнине на восьмидесяти грузовиках. Как впоследствии рассказал один из американских офицеров, в тот момент ни афганцы Карзая, ни талибы еще не представляли себе всю мощь американской авиации. «Зеленые береты» запросили помощь с воздуха. Талибы оставили машины и, разбившись на мелкие группы, стали в пешем порядке окружать маленький отряд. Пока афганцы Карзая отбивались от приближающегося неприятеля, американцы снова вызвали свою авиацию. К несчастью, одна управляемая 2000-фунтовая бомба, сброшенная с «Б-52», убила троих «зеленых беретов» и пятерых афганцев, ранив еще тридцать человек, в том числе Карзая. Как выяснилось, в пылу боя один из американских бойцов сообщил бомбардировщику свои собственные координаты. В остальном операция прошла успешно. Пуштуны Карзая и американские советники отбили атаку талибов и таким образом спасли жизнь будущему главе Афганистана.

Пока американцы ломали голову над тем, как создать Южный альянс из числа пуштунов, чтобы уравновесить преимущественно непуштунский Северный альянс, талибы 7 декабря оставили Кандагар. Таким образом, столица «Талибана» пала ровно через два месяца после начала американских бомбардировок, до того как американские наземные войска успели вступить в дело. Город попал в руки двух враждующих пуштунских группировок, несколько раз начинавших перестрелки друг с другом. Два дня спустя пал последний оплот правления режима «Талибан» в Афганистане, когда прекратила сопротивление провинция Заболъ на границе с Пакистаном.

Быстрый крах «Талибана» явился полной неожиданностью. Как выяснилось, в течение нескольких лет режим талибов успешно скрывал от окружающего мира свою слабость. Свирепая риторика и пламенный фанатизм лидеров «Талибана» не позволяли разглядеть то, что режим был возведен на зыбкой почве. Стране, не привыкшей вообще ни к какой власти, было навязано автократическое в политическом плане и одновременно жесткое теократическое правление. Существенными факто-

рами крушения «Талибана» стали прекращение поддержки со стороны Пакистана и авиационные удары Соединенных Штатов, уничтожавшие войска талибов и разрушавшие укрепленные пункты. И все же в первую очередь режим религиозных студентов сбросили сами афганцы. Был момент, когда «Талибан» был встречен с радостью как нежданное вызволение страны из пучины анархии, однако стремление к порядку не было подкреплено навыками управления государством. К 2001 году большинство афганцев устали от фанатизма, и, когда после событий 11 сентября страна оказалась в фокусе мирового внимания, у народов Афганистана вновь возродилась вера в будущее.

Можно строить догадки, не стало ли одной из основных причин потери поддержки «Талибана» со стороны широких слоев афганцев то, что в 2000 году талибы запретили выращивание опийного мака, единственной существенной статьи экспорта Афганистана, позволившей стране выжить в течение двух десятилетий непрерывных войн. В 2001 году опиум в Афганистане производился только на территориях, контролируемых Северным альянсом, в то время как на землях пуштунов экономическое будущее виделось в мрачных тонах. На самом деле запасы мака-сырца на территориях, подвластных «Талибану», были огромными, и введенный в 2000 году запрет лишь привел к росту цен на опиум, что увеличило доходы правительства и многочисленных посредников. Но крестьяне и пуштунские вожди, хозяева южных районов Афганистана, лишились перспектив на продолжение денежных поступлений от торговли опийным маком. Самой большой неожиданностью стремительного крушения «Талибана» стало не то, как быстро таджики, узбеки, туркмены и хазарейцы расправились с талибами на севере страны, а то, с какой готовностью восстали пуштуны на юге. Из вышесказанного вовсе не следует, что муллу Омара и его «искателей» в южном Афганистане ненавидели; просто для них пришло время уйти. Одной верой не прокормить семьи; к тому же вмешался окружающий мир. И миллионы тех, кто еще недавно поддерживал дело «Талибана», вспомнили свое главное предназначение — быть афганцами, или в большинстве случаев пуштунами.

Оставалась еще проблема «Аль-Каиды», ставшая отправной точкой конфликта. Создалась опасность того, что организация бесследно растворится, воспользовавшись сложившейся неразберихой, и мощь американской авиации никак не сможет этому помешать. Британский премьер-министр Тони Блэр, из зарубежных лидеров активнее всего поддерживавший войну в Афганистане, с разочарованием смотрел на впечатляющий спектакль бомбардировок, устраиваемых военно-воздушными силами Соединенных Штатов, и робкие, осторожные действия наземных сил. Пока что в дополнение к наблюдателям, корректирующим действия авиации, и советникам из числа сил специального назначения в Афганистан прибыло лишь около двух тысяч морских пехотинцев, окопавшихся на крайнем юге страны. 10 декабря Блэр предложил перебросить в Кабул пять тысяч солдат из отборных британских частей.

Между тем основной упор борьбы переместился в Тора-Бору, где Усама бен Ладен еще во время войны с Советами построил базы для моджахедов. ЦРУ считало, что именно там в обширных подземных тоннелях, по всей видимости, находится и сам бен Ладен под охраной самых упорных бойцов «Талибана» и отрядов «Аль-Каиды». Пока бомбардировщики ВВС и ВМФ утюжили склоны гор, американские специалисты готовили бывших моджахедов к действиям на земле. 15 декабря «Нью-Йорк таймс» сообщила, что американские командос, «укрываясь за афганскими бойцами», продвигаются вперед по непроходимым горам. Пакистан обещал выделить четыре тысячи солдат для того, чтобы блокировать границу с Афганистаном и не позволить членам «Аль-Каиды» покинуть страну. Соединенные Штаты поверили обещаниям пакистанского руководства, хотя и в мирные времена, начиная с Раджа в прошлом столетии, правительственные войска не осмеливались вторгаться в зону пуштунских племен вдоль границы.

Пока «Аль-Каида» вела по радио переговоры с моджахедами, обсуждая условия сдачи, члены организации тайно покидали район Тора-Боры. Афганские солдаты, набранные среди восточных племен, не смогли поймать в горах бен Ладена, хотя, по их донесениям, в результате поисков противнику был нанесен серьезный урон. Вскоре афганцы объявили о том, что

район полностью очищен, и спустились с заснеженных вершин. Награда в 25 миллионов долларов, обещанная американцами за поимку бен Ладена, так и осталась невостребованной. Один из бывших полевых командиров моджахедов Мухаммед Заман, которому по возвращении из Тора-Боры был задан вопрос о местонахождении бен Ладена, ответил: «Это известно одному аллаху. Я этого не знаю».

К подобной стратегии американцы прибегли и в окрестностях Кандагара, чтобы схватить муллу Омара. Поиски одноглазого лидера «Талибана» были поручены ополчению из числа местных пуштунов, но мулле Омару также удалось скрыться. 21 декабря Дональд Рамсфелд был вынужден в отчаянии заявить, что отныне розысками главарей «Аль-Каиды» и «Талибана» займутся американские войска.

20 декабря делегация старейшин племен восточных гор направилась в Кабул для участия в церемонии инаугурации Хамида Карзая, которого 22 декабря должны были официально провозгласить главой переходного правительства Афганистана. В результате трагической ошибки караван машин был атакован истребителями-бомбардировщиками «Ф-14» и «Ф-18» палубной авиации, а довершили дело штурмовики «С-130». Всего было убито около шестидесяти человек, и Соединенные Штаты поспешили заявить, что это были талибы. И действительно, возможно, две недели назад это соответствовало истине. Через неделю во время воздушного налета было уничтожено селение в приграничной провинции Пактия; как выяснилось впоследствии, погибли десять мужчин, семнадцать женщин и двадцать пять детей. Американцы справедливо заметили, что в селении находился склад оружия «Талибана», на что афганцы с жаром возразили, что все талибы уже давно покинули селение. Становилось все более очевидно, что теперь, когда четкой линии фронта больше нет, действия авиации необходимо было ограничить непосредственной поддержкой сухопутных войск, не позволяя больше штурмовикам вести свободную охоту.

Отрицательная кульминация американской войны в Афганистане наступила 26 декабря 2001 года, когда Рамсфелд объявил о том, что отменяет свой предыдущий приказ использовать американские войска для охоты за Усамой бен Ладеном в рай-

оне Тора-Боры. Итог подвел заголовок передовицы «Нью-Йорк таймс»: «Соединенные Штаты отказываются от плана использовать американских солдат в афганских пещерах. Этим должны будут заниматься местные силы. В числе причин такого резкого поворота событий называются сложные условия Тора-Боры и необходимость подготовки крупной военной базы». Таким образом, бывших моджахедов, непрерывно воевавших в течение последних двух десятилетий, вооруженных старыми, ржавыми советскими автоматами «АК-47», обутом в простые пластиковые шлепанцы, попросили сражаться и дальше, а американским солдатам, защищенным касками и кевларовыми бронежилетами, одетым в термозащитное белье, имеющим лучшее в мире вооружение и оснащение для ведения войны в условиях ледяных гор, за спиной которых стояла богатейшая в мире держава, предлагалось смотреть на происходящее со стороны. Как выяснилось, термин «доверенные войска», придуманный американцами для обозначения афганцев, являлся не заменой слова «союзники», а стал синонимом старинного выражения «пушечное мясо». В качестве отступного Соединенные Штаты предложили афганцам деньги, оружие и зимнюю одежду. «Вопрос состоит в том, чтобы подобрать правильное сочетание побудительных причин, — сказал один из представителей высшего американского военного руководства, — чтобы заставить афганцев играть более активную роль».

В последний день 2001 года Пентагон объявил о том, что «серьезно обдумывает» планы отправить в Афганистан значительное количество американских войск для участия в поисках муллы Омара. На следующий день двести морских пехотинцев под прикрытием штурмовиков и самолетов «Харриер» палубной авиации заняли брошенную талибами базу. Это стало самой крупной наземной операцией американских войск с начала войны, однако уже на следующий день морские пехотинцы, обшарив пустую базу, вернулись на свою базу в лагерь Рино в восьмидесяти милях к югу от Кандагара. Вскоре после этого подразделения морской пехоты США покинули Афганистан, и на их место прибыли части 101-й воздушно-десантной дивизии.

4 января 2002 года состоялось сразу несколько важных событий. Американские вооруженные силы потеряли в Афгани-

стане первого человека, погибшего в ходе непосредственных боевых столкновений. Офицер сил специального назначения Натан Росс Чэпмен был убит в перестрелке в восточных районах страны; сопровождавший его сотрудник ЦРУ получил ранение. Как выяснилось, американцы случайно оказались замешаны в междоусобице двух полевых командиров моджахедов, после крушения «Талибана» споривших за контроль над Гардезом. В тот же день пятнадцатилетний американский подросток направил легкий учебный самолет «Сессна» в высотное здание банка в Тампе, штат Флорида. Разрушения были минимальными, и никто не погиб, кроме самого летчика, в предсмертной записке сообщившего, что он действует под впечатлением событий 11 сентября. Также в этот день израильские военные корабли перехватили корабль, который вез пятьдесят тонн вооружений из Ирана в Палестинскую автономию. Хотя мир в целом отнесся довольно спокойно к тому, что исламское государство поставляло оружие палестинцам, определенную тревогу вызвали размеры груза. Израильцы уже обнаружили, что палестинские террористы-самоубийцы получили в свое распоряжение взрывчатку армейского образца, пришедшую на смену самодельным взрывным устройствам, которые изготавливались из азотосодержащих удобрений и других подручных средств.

Поскольку к этому времени наступила суровая афганская зима, в январе 2002 года никаких крупных операций не проводилось. Правда, в пакистанской провинции Белуджистан разбился транспортный самолет, доставлявший горючее морским пехотинцам, а в Кабуле начались бунты, вызванные нехваткой продовольствия. Узбекский лидер Дустум, обосновавшийся на севере страны, удерживал в своих руках около трех с половиной тысяч пленных талибов, в основном пакистанцев, но также арабов, чеченцев и представителей других национальностей. Пленники страдали от холода, голода и антисанитарных условий. Весь мир с возмущением откликнулся на заявление администрации президента Буша о том, что американцы приостанавливают действие Женевских конвенций о защите жертв войны в отношении пленных, захваченных в Афганистане. Вместо этого их судьбу будут решать военные трибуналы, имеющие право выносить любые приговоры вплоть до смерт-

ной казни. Первые 120 пленных были переведены под сильной охраной с базы морской пехоты под Кандагаром на американскую военную базу Гуантанамо на Кубе, после чего несколько стран — участниц НАТО пригрозили разорвать взаимодействие с правоохрнительными органами Соединенных Штатов. Конфликт разрешил 26 января государственный секретарь (и бывший генерал) Колин Пауэлл, который пошел наперекор президентской администрации и настоял на том, чтобы Америка придерживалась Женевских конвенций. Администрация Буша сдалась, правда, потребовав сделать исключение для террористов «Аль-Каиды», чья вина будет доказана. От этих людей американские власти хотели узнать кое-что помимо «фамилии, звания и номера части».

Тем временем 101-я воздушно-десантная дивизия прибыла в Афганистан, горя желанием вступить в бой. В ночь на 24 января «Ревущие орлы», высаженные с вертолетов, обрушились на бывший укрепленный пункт «Талибана», в котором был устроен склад оружия. В ожесточенном бою был убит двадцать один афганец, еще двадцать семь человек были взяты в плен и доставлены в лагерь Рино. После того как десантники вернулись на базу, американская штурмовая авиация совершила разгром. Однако журналисты, посетившие склад вскоре после боя, обнаружили, что имела место еще одна ошибка. Бывший укрепленный пункт талибов по приказу нового кабульского правительства Карзая использовался для хранения трофейного оружия, и охранявшие его афганцы не были настроены враждебно по отношению к американцам. Что страшнее, у некоторых убитых афганцев были связаны руки, а пленные, после того как их наконец освободили, утверждали, что в плену их постоянно били руками и ногами.

Бойцы отборных подразделений американской армии обучены связывать руки пленным врагам даже в том случае, если те ранены. По всей видимости, чересчур энергичные десантники из 101-й дивизии стреляли в афганцев, а потом вязали их, не разбирая, живы те или нет. Возможно также, что в кровавом пылу боя некоторые пленные подверглись жестокому обращению, хотя, несомненно, это закончилось, как только их перевели в лагерь Рино. Эта операция, проведенная на основе лож-

ных данных, а также другие подобные дали основание американскому командованию заподозрить афганские группировки в том, что те предоставляли заведомо неверную информацию, выдавая своих внутренних соперников за талибов. На первом этапе войны Соединенные Штаты воевали руками афганцев; похоже, теперь уже сами афганцы использовали для этой цели американцев, с помощью подразделений 101-й воздушно-десантной дивизии или авиации выясняя отношения друг с другом.

В конце января 2002 года президент Буш отметил первый год пребывания в Белом доме, обратившись к Конгрессу с посланием о положении в стране. В этом обращении он ясно дал понять, что уже начинает смотреть дальше Афганистана. Буш объявил о существовании «оси Зла», обвинив такие государства, как Иран, Ирак и Северная Корея, в пособничестве мировому терроризму или таком преступлении, как создание оружия массового уничтожения. Дипломатические круги Северной Кореи, Ирана и Ирака выразили протест по поводу подобного отождествления с силами зла, а европейцы лишь недовольно поморщились, посчитав это неприятным эксцессом, обусловленным излишне прямолинейным подходом Америки.

В Афганистане февраль 2002 года начался с ожесточенных боев между вождями пуштунского племени гильзаев в Гардезе и столкновений узбеков и таджиков за установление контроля над Мазари-Шарифом. Командование американских войск по-прежнему думало в первую очередь об Усаме бен Ладене. В начале месяца был момент, когда показалось, что с этим террористом ростом шесть футов четыре дюйма покончено, так как поступили сообщения о том, что в горах на востоке Афганистана убиты «очень высокий человек» и двое его приближенных. В роли палача выступил американский беспилотный самолет «Ар-Кью-1» «Предейтор», выпустивший ракету «хеллфайр» и заснявший все происходящее на видеопленку. Восторги в Вашингтоне быстро утихли, когда выяснилось, что жертвами стали местные пастухи, собиравшие в горах металлолом.

Все современные войны демонстрируют новые прорывы в области военных технологий, и «Предейтор» вместе со своим кузенном «Глобал-Хокком», обладающим большими дальностью

действия и высотой полета, стали самыми впечатляющими изобретениями, впервые продемонстрированными в Афганистане. Имея размах крыльев 49 футов, «Предейтор» способен часами парить в небе, передавая в режиме реального времени видеоизображение операторам, находящимся в штате Вирджиния, а те нажатием кнопки осуществляют запуск управляемых ракет. Таким образом, выяснилось, что не только наземные войска могут быть заменены авиацией, но и на смену летчикам и корректировщикам огня приходят эти смертоносные летающие роботы. Обрадованные результатами действий «Предейторов» в Афганистане, американские ученые ускорили работы по созданию новых боевых роботов, в том числе беспилотных бомбардировщиков и наземных машин, управляемых сотнями датчиков, которые могли бы действовать на занятой противником территории. Военные лаборатории Соединенных Штатов поставили перед собой задачу добиться того, чтобы Америка в следующей войне могла воспроизвести кадры из фильма «Терминатор», в которых люди бегают среди развалин, спасаясь от всемогущих машин. Но только машины будут украшены звездно-полосатым флагом.

15 февраля стало ударом для Хамида Карзая. В этот день озверевшая толпа забила до смерти в кабульском аэропорту министра по делам авиации и туризма Абдула Рахмана. Коммерческие авиаперевозки были возобновлены, и в аэропорту собралась большая толпа тех, кто не смог попасть на борт самолета, вылетающего в Мекку. Однако Карзай заявил, что убийство было спланировано заранее. В переходном правительстве Афганистана, кишашем министрами-таджиками из Северного альянса, Абдул Рахман был одним из немногих союзников Карзая, сохранявших верность изгнанному из страны королю Захир-шаху.

21 февраля пакистанские власти получили видеозапись с жуткими кадрами расправы над корреспондентом «Уолл-стрит джорнел» Дениэлом Перлом, которого похитили в Карачи и удерживали в течение месяца исламские экстремисты. Смерть Перла вызвала горькую реакцию со стороны американских журналистов. Кое-кто не преминул отметить, что начиная с 11 сентября в боевых действиях погибли десять американских журналистов и только один военнослужащий американской

армии. Казалось, даже Голливуд решил поиздеваться над вооруженными силами Соединенных Штатов, выпустив в декабре 2001 года фильм «Рассвет черного ястреба», подробно воспроизводящий действия американских рейнджеров в 1993 году в Сомали. После чего последовал фильм «Мы были солдатами», повествующий о сражении 1965 года под Йя Дрангом¹, первом крупном столкновении американцев с армией Северного Вьетнама. По слухам, в работе также находились три различных фильма, посвященных героям Аламо².

Тем временем Тони Блэр узнал, что его предложение направить в Афганистан пять тысяч британских солдат было отвергнуто. Тем не менее в Кабуле приземлился передовой отряд Королевской морской пехоты. Когда эти грозные солдаты, обученные ведению боевых действий в горах, зимой, в совершенстве владеющие приемами рукопашного боя, прибыли в столицу, корреспондент «Нью-Йорк таймс» Декстер Филкинс сопровождал их во время одной из первых операций. 22 февраля сто бойцов из элитных подразделений направились в место, которое местные жители называют «Белым кладбищем», где похоронены английские солдаты, погибшие во время второй англо-афганской войны. Это кладбище, расположенное в северном пригороде Кабула, было устроено на месте военного лагеря отряда Эльфинстона. Под печальные мелодии в исполнении оркестра гуркхов английский офицер возложил венок на иссеченный осколками памятник, после чего солдаты спели гимн «Боже, храни королеву».

Война с мировым терроризмом, как теперь именовались действия, последовавшие в ответ на события 11 сентября, продолжали перекрестываться через границы Афганистана. В Палестине шесть израильских солдат были расстреляны на контрольно-пропускном пункте, а на следующий день во время

¹ В октябре 1965 года в долине Йя Дранг, известной среди американских ветеранов Вьетнама как Долина Смерти, 400 американских «зеленых беретов» были окружены превосходящими силами вьетнамцев. Это стало одним из самых кровопролитных столкновений американо-вьетнамской войны.

² Аламо — испанская католическая миссия-крепость в г. Сан-Антонио, штат Техас, где 23 февраля — 6 марта 1836 года около двухсот техасских повстанцев держали героическую оборону против четырехтысячного отряда мексиканцев. Защитники крепости погибли все до одного.

ответного удара израильской авиации погибли двадцать два палестинца. 27 февраля пятьдесят восемь граждан Индии, индусов по вероисповеданию, погибли страшной смертью в огне после того, как исламские террористы подожгли пассажирский поезд, а два дня спустя разъяренные индусы убили по меньшей мере двести мусульман. 3 марта всего один палестинский снайпер, устроившийся на вершине холма, расстрелял еще один израильский блок-пост. Израильцы ответили ураганной пальбой из автоматического оружия, но раскаты эха, отражавшиеся от склонов холмов, не позволяли определить, откуда именно ведется огонь. После полутора часов стрельбы палестинец благополучно скрылся, оставив десятерых убитых и троих раненых израильских солдат и вооруженных поселенцев. Впоследствии израильцы обнаружили на позиции снайпера брошенную старую винтовку с расщепленным прикладом, скрепленным гвоздями, и двадцать пять стреляных гильз.

В Афганистане в первые выходные марта началась операция «Анаконда», самая крупная наземная операция американских войск, в ходе которой американские солдаты впервые вступили в бой. План операции, разработанный командующим 10-й горной дивизии генерал-майором Фрэнком Хагенбеком и утвержденный командующим СЕНТКОМом Фрэнксом, министром обороны Рамсфелдом и, наконец, Белым домом, состоял в том, что афганские силы должны были наступать в долине Шахи-Кот к югу от Хоста, а американским войскам, десантированным вертолетами в стратегических точках, предстояло отрезать неприятелю пути отступления. В операции принимало участие около 2300 человек, из них 1200 американцев и 200 бойцов сил специального назначения из Австралии, Канады, Дании, Германии, Франции и Норвегии. По оценкам, численность обороняющихся боевиков «Аль-Каиды» составляла от 150 до 250 человек. Кодовое название «Анаконда» означало сначала окружение, а затем уничтожение противника.

Операция началась в субботу 2 марта с того, что волны американских бомбардировщиков обрушили на долину тонны бомб. Затем афганцы на оставшихся в наследство от Советов бронетранспортерах двинулись вперед по грунтовым дорогам. Первый сбой произошел тогда, когда головная колонна афган-

ских сил попала под шквальный огонь. Были убиты американский советник и трое бойцов, после чего афганский командир отвел свой отряд назад, чтобы починить подбитые бронемашинны. Афганцы продолжили сражаться только через четыре дня. Тем временем американцы действовали в строгом соответствии с планами операции. Однако десанты, высаженные с вертолетов, попадали под яростный огонь из стрелкового оружия, гранатометов и минометов. В понедельник два двухмоторных вертолета «Чинук» подлетали к заданной точке, чтобы высадить очередную группу десантников, но были обстреляны с земли. На одном из вертолетов была перебита трубка гидравлического провода, и летчик получил разрешение возвращаться на базу. В этот момент в вертолет попала реактивная граната, отскочившая от брони, и летчик резко дернул машину в сторону. При этом Нил Робертс, морской пехотинец из отряда «Морских львов»¹, стрелявший по позициям противника из заднего люка, не удержался и упал на землю. Этому морскому пехотинцу по счастливой случайности удалось остаться в живых, однако беспилотный самолет-шпион «Предейтор», кружившийся над местом событий, сообщил, что к Робертсу приближаются трое боевиков «Аль-Каиды». Впоследствии он был обнаружен убитым.

Однако поисково-спасательный маячок Робертса продолжал работать, и на помощь попавшему в беду товарищу устремились еще два «Чинука» с морскими пехотинцами. Один из вертолетов был сбит огнем противника в миле от того места, где находился Робертс, и американские солдаты, которые были на борту, попали под перекрестный огонь из пулеметов и минометов. Шестеро военнослужащих 10-й горной дивизии были убиты в первые несколько минут, еще одиннадцать человек были ранены. Повсюду в долине Шахи-Кот американские десанты из числа 10-й горной и 101-й воздушно-десантной дивизий оказались прижаты к земле шквальным огнем неприятеля. Первое время казалось, что «Аль-Каида» берет верх. В перерывах между стрельбой «мы слышали, как они смеются над на-

¹ «Морские львы» — подразделения сил специального назначения ВМС США, предназначенные для ведения разведки и диверсионных действий на морском и речном побережье и в портах.

ми», вспоминает солдат из 101-й воздушно-десантной дивизии. Но американцы установили 82-мм минометы и открыли ответный огонь из пулеметов и стрелкового оружия. Иногда противники сходились так близко, что прекрасно видели друг друга. «Мы столкнулись с ними нос к носу, — вспоминает один сержант. — У меня на глазах одного солдата сбили с ног две очереди из «АК», полученные в грудь, но он поднялся и открыл ответный огонь». Вертолеты «Апач» и «Супер-Кобра» пикировали в долину, прикрывая с воздуха десант. Многие боевые машины получили попадания пуль из пулеметов противника.

СЕНТКОМ откликнулся на такое неожиданное развитие событий, заявив, что в долине Шахи-Кот оказалось значительно больше боевиков «Аль-Каиды» и «Талибана», чем предполагалось вначале; к тому же еще сотни бойцов устремились к месту сражения из соседнего Пакистана. По оценкам американских генералов, на пространстве площадью шестьдесят квадратных миль находилось не меньше тысячи неприятельских солдат, из которых по крайней мере четыреста были уже убиты. Оптимисты из числа высшего военного командования американской армии были уверены, что ожесточенное сопротивление свидетельствует о том, что среди боевиков может находиться сам Усама бен Ладен. Наземные войска Соединенных Штатов и их союзников не могли двинуться вперед со своих позиций, а тем временем за дело снова взялась авиация: американские истребители-бомбардировщики, штурмовики и боевые вертолеты, а также французские истребители «Мираж-2000» и «Сюпер-Этандар». В течение последней недели операции, продолжавшейся одиннадцать дней, американские войска больше не несли потерь, а между тем Пентагон ежедневно сообщал о растущем числе уничтоженных боевиков. 13 марта Фрэнкс доложил о том, что достоверно установлена смерть 517 террористов и, по оценкам, еще убиты не меньше 250 человек. К моменту окончания операции «Анаконда» общее количество убитых боевиков предположительно достигло 800. К этому времени долина была превращена в дымящийся безжизненный лунный пейзаж.

Поэтому американские журналисты были очень удивлены, когда, получив 13 марта разрешение и прибыв в Шахи-Кот, они смогли найти только трех убитых боевиков. Затем еще около

двух десятков обугленных трупов было обнаружено в нескольких укрытиях, разбросанных по всей долине. Судя по всему, операция «Анаконда» достигла своего апогея в первые несколько дней, а последовавшая неделя бомбардировок была вызвана не военной необходимостью, а стремлением произвести впечатление на средства массовой информации. Так или иначе, это был первый бой, который на протяжении последнего десятилетия вели подразделения регулярной американской армии, и самая крупная операция, проведенная Соединенными Штатами за шесть месяцев, прошедших после 11 сентября, поэтому естественно внимание, с которым следила за ней американская общественность.

Послышались голоса военных профессионалов, обвинявших командование операцией в том, что американские воздушные десанты не были оснащены крупнокалиберными минометами и мобильными гаубицами, которые в изобилии имеются в арсенале армии Соединенных Штатов. Это оружие позволило бы расчистить зоны вокруг места высадки десанта. Критике подверглись и другие ошибки, в частности то, что солдаты 10-й горной дивизии не были обеспечены спальными мешками (вследствие чего после четырех дней боев их пришлось эвакуировать с диагнозом «переохлаждение»), а также просчеты разведки. От высшего командования американской армии, благодаря системам глобальной связи руководившего операцией в «реальном времени», было больше вреда, чем пользы; простые солдаты предпочли бы выполнять приказы своего непосредственного командира, находящегося рядом с ними на поле боя, а не выслушивать сентенции, поступающие с компьютерных консолей в Тампе и Вашингтоне.

Также широкой критике подверглась обстановка секретности, в которой происходила операция, и то, что все офицеры, начиная от тех, кто лично участвовал в боях, и до высшего руководства СЕНТКОМа и Пентагона, считали своим долгом необоснованно завышать сведения о потерях противника. Особенно неприятный инцидент произошел, когда американское командование обвинило первую колонну афганских войск в том, что та отступила, тем самым «бросив американский десант в беду». Действия афганцев были названы «непрофессиональными», хотя вскоре выяснилось, что по крайней мере отчасти в

случившемся были виноваты сами американцы. Афганские войска по ошибке подверглись нападению штурмовика «Спектр», летчик которого доложил своему командованию о том, что уничтожил какую-то колонну. Кроме того, непонятно почему военные постоянно твердили о том, что боевики «Аль-Каиды» и «Талибана» спешат в Шахи-Кот, чтобы беспомощно сидеть под ударами американской авиации, вместо того чтобы после первого успеха не покинуть долину как можно скорее. Похоже, командование армии Соединенных Штатов тешило себя надеждами на то, что неприятель — а среди боевиков многие годами сражались в горах с противником, превосходящим их в техническом оснащении, — покорно подчинится замыслам американских стратегов и по доброй воле подставит себя под бомбы самолетов стран Запада. Похоже, высшее армейское руководство Соединенных Штатов, опасаясь отрицательной реакции общественности на первое участие американских войск в непосредственных боевых действиях, спешило преувеличить сообщения о потерях противника и найти виновных, на которых можно было бы свалить все неудачи.

Однако, к изумлению Пентагона, американская общественность отнеслась к операции в Шахи-Коте восторженно. Наконец американские солдаты получили возможность воевать, и вышло это у них неплохо. Пусть они попадали в засады; однако сражались они мужественно, несмотря на ураганный огонь противника и суровые условия. В горах на высотах до 10 000 футов в конечном счете все свелось к храбрости простых солдат, и американские войска с честью выдержали испытание, в чем с самого начала нисколько не сомневалась общественность. Если бы такие возможности предоставлялись почаще, солдаты отточили бы тактику боевых действий, научились бы чувствовать противника, и в конечном счете смеялись бы они, а не боевики из «Аль-Каиды». Скорбя по погибшим, Америка в то же время гордилась тем, что ее солдаты наконец по-настоящему приняли участие в войне. Души трех тысяч погибших 11 сентября давно требовали этого от них.

Пока американские войска подчищали поле битвы после операции «Анаконда», в Палестине насилие вспыхнуло с новой силой. 9 марта террорист-смертник взорвал бомбу в кафе,

убив четырнадцать израильтян. На следующий день тридцать один палестинец погиб во время ответного удара израильской армии, а другой террорист-смертник отнял жизни еще у шестерых израильтян. Израильские танки и бронетранспортеры обрушились на палестинские города на Западном берегу Иордана, встретив упорное сопротивление отрядов местной милиции, вооруженной одним стрелковым оружием. Хотя палестинцы не имели противотанковых реактивных снарядов, они где-то раздобыли противотанковые мины и с их помощью уничтожили израильский танк, второй в течение месяца, хотя никогда раньше это им не удавалось. Весь мусульманский мир поднялся сплоченной стеной, поддерживая палестинцев морально, если не было возможности поддержать их материально. Президент Буш указал израильскому премьер-министру Ариэлю Шарону, что подобные действия «не способствуют» улучшению обстановки в регионе.

Шарон вывел тяжелую военную технику из палестинских населенных пунктов, но 27 марта чаша терпения была переполнена. В этот день накануне еврейской Пасхи палестинский террорист-смертник взорвал бомбу в наполненном посетителями израильском ресторане, убив двадцать четыре человека. В эти же выходные еще два террориста-смертника (в одном случае это была восемнадцатилетняя девушка) совершили свое черное дело, убив шестнадцать человек. Вооруженные силы Израиля ответили массированным ударом по палестинским городам, делая основной упор на штаб-квартиру Ясира Арафата в Рамалле. Ворвавшись в город, израильтяне с боем захватили укрепленную штаб-квартиру, вынудив Арафата укрыться в помещении без электричества и водопровода. Бои шли в Наблусе, Дженине и других городах, а в Вифлееме около двухсот вооруженных палестинцев захватили церковь Рождества Христа.

7 апреля Совет Безопасности ООН потребовал от Израиля вывода своих войск; в тот же день Джордж Буш и Тони Блэр на совместной пресс-конференции попросили Шарона «без промедления» выполнить это требование. Израиль бросил вызов Объединенным Нациям и высшему руководству Соединенных Штатов и Великобритании, продолжив военные действия на палестинских территориях. Шарон прикрывался тем, что раз

Америка может бороться с терроризмом, атакуя базы террористов в Афганистане, ничто не может мешать Израилю наносить удары по базам террористов в Палестине. Эту точку зрения поддержал обозреватель «Нью-Йорк таймс» Уильям Сэфайр, заметивший, что борьба Израиля с палестинскими террористами и борьба Америка с «Аль-Каидой» являются «частью одной войны».

Однако американцы к этому времени уже завершили войну в Афганистане. Оставалось только решить определенные политические вопросы. Теперь Соединенные Штаты заботило только то, как обеспечить стабильность в стране и процветание афганского народа. Война получилась странной, совсем не такой затяжной и дорогостоящей, какую готово было вести американское общество. И в значительной степени этому поспособствовали сами афганцы, продемонстрировавшие, что режим «Талибана» вызывает у них такое же отвращение, как и у всего остального мира. Всего-навсего один небольшой толчок, совершенный американской авиацией и подразделениями отборных войск, открыл дверь к победе, ради которой Советский Союз воевал целых десять лет, но так и не добился ее¹.

Усама бен Ладен, главный враг Соединенных Штатов, не был обнаружен ни живым, ни мертвым. Вероятность того, что ему удастся скрываться и дальше, была минимальной, так как американцы опутали зону племен вдоль афгано-пакистанской границы густой сетью электронных систем наблюдения и перекрыли все воздушные и морские пути, с помощью которых бен Ладен мог бы покинуть регион. Как раз в это время волна насилия в Палестине достигла своего наивысшего пика за последние тридцать пять лет, и перед Америкой снова встала извечная проблема уговаривать противоборствующие стороны пойти на взаимные уступки и перейти к мирному сосуществованию.

В первую неделю апреля 2002 года Соединенные Штаты

¹ Неплохо будет вспомнить, что моджахедам активно помогали Соединенные Штаты, Саудовская Аравия, Пакистан, Китай и многие другие страны. Так, например, только в 1987 году размеры прямой помощи афганскому сопротивлению составили 1985 миллионов долларов. К тому же из 850 миллионов долларов, предназначавшихся афганским беженцам, около 350 миллионов также было направлено оппозиционным организациям.

начали выводить свои войска из Афганистана, численность которых к тому моменту составляла семь тысяч военнослужащих сухопутных войск и военно-воздушных сил. Агентство Ассошиэйтед Пресс взяло интервью у молодого рейнджера сержанта Райана Клекнера, только что вернувшегося домой. «Кому-то приходится всю свою службу в армии ждать, чтобы принять участие в настоящем деле, — сказал он, — а я побывал в бою еще до того, как истек срок моего первого контракта. Когда готовишься к игре, рано или поздно обязательно захочется сыграть в нее». Кроме американских войск, в Афганистане остались тысяча семьсот британских солдат и подразделения других союзников, которые занимаются обеспечением порядка в Кабуле и обезвреживают, часто с риском для жизни, огромный арсенал мин, снарядов и бомб, скопившихся в стране за два десятилетия.

По всему Афганистану власть, утерянную после прихода талибов, берут в руки вожди племен, бывшие полевые командиры моджахедов и старейшины. Хамид Карзай арестовал в Кабуле несколько сот человек, опасаясь, что это сторонники Гульбедин Хекматияра, бывшего лидера группировки пуштунских моджахедов, который вернулся из изгнания в Иране и был замечен к западу от Кандагара. Хекматияр сказал корреспонденту «Таймс»: «Мы предпочитаем участвовать в междоусобной войне, чем терпеть оккупацию страны иностранцами». Подобно предшествующим афганским лидерам, Карзай обнаружил, что его власть заканчивается там, куда достает его оружие, и в действительности он является не главой Афганистана, а мэром Кабула, которого посадили американцы и англичане.

Главная проблема, которая вставала перед иностранным государством — даже таким миролюбивым, как Америка, — состояла не в том, как войти в Афганистан, и это в очередной раз доказали события 2001—2002 годов. Гораздо сложнее было управлять, повелевать этой страной или хотя бы помогать ей. И действительно, армию, которая слишком задерживается в Гиндукуше, ждет неминуемая катастрофа. Однако, когда весной 2002 года американцы вывели свои войска из Афганистана, главной загадкой стало то, что они оставили после себя.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Американские солдаты, возвратившиеся из Афганистана, рассказывали, что им приходилось вести войну в невероятно красивых местах: что-то вроде Колорадо или Скалистых гор, приправленных солеными равнинами Юты. Однако среди величественной природы тут и там встречались следы древних цивилизаций. В часе полета на вертолете от греческих храмов, разоренных скифами, можно было найти средневековые стены, которые брали приступом монголы Чингисхана. Горные крепости, в свое время выдержавшие натиск англичан, возвышались над подземными ходами, где укрывались во время войны с Советами моджахеды. Наверняка кому-то из американских летчиков приходилось пролетать над таинственным минаретом Гуридов, до сих пор возвышающимся в долине в сердце Гиндукуша, а в соседних ущельях можно было увидеть развалины, оставленные недавними бомбардировками. И среди этого неестественного сочетания красот природы и ужасов войны, оставленных человеком, обитают афганцы, привыкшие воевать, но, возможно, наконец готовые к мирной жизни.

И действительно, наверное, в настоящий момент перед Афганистаном открылась величайшая историческая возможность. Предоставленная сама себе, страна была обречена брести по унылой дороге к возрастающей бедности и изоляции. Но теперь, когда ее «завоевала» самая богатая держава в истории человечества, быть может, простой афганец увидел надежду на светлое будущее. Половина населения Афганистана — женщины — уже заметили распахнутое настезь окно, за которым открываются невиданные прежде перспективы. Возрождающееся сельское хозяйство, торговля и даже создаваемая за-

ново промышленность позволят афганским мужчинам содержать в достатке свои семьи. Примечательно, что в то время, как Соединенные Штаты готовились к длительной войне с «Талибаном», сами афганцы, как только у них появилась такая возможность, сбросили режим ненавистных мулл, словно старую рубашку. Необходимо помнить, что Америка выступала не против Афганистана, а против режима, захватившего страну, и против террористов «Аль-Каиды», которые нашли здесь убежище.

Соединенные Штаты не должны бросать Афганистан после недавней войны так же стремительно, как это сделал в 1989 году после вывода своих войск Советский Союз. На самом деле в нашем мире, сжимающемся все более тесно, это может привести к очень опасным последствиям. Развитие глобальных средств связи и вытекающий из этого доступ к новейшим военным технологиям могут привести к тому, что даже самое бедное и самое изолированное государство может стать угрозой для остального человечества. На примере Афганистана мы смогли убедиться, как объединение мулл, мыслящих средневековыми понятиями, и международных террористов может привести к самым катастрофическим последствиям. После полувека холодной войны Соединенные Штаты получили самый болезненный удар извне не от мощных армий России или Китая, а от рук горстки фанатиков, нашедших приют на афганской земле. И это не было случайностью.

К началу двадцать первого столетия Афганистан после долгого периода геостратегического безразличия вновь в значительной степени вернул свое мировое значение, не столько благодаря самим афганцам, сколько вследствие разделения земного шара на новые могущественные блоки. Вооруженные конфликты, происходившие после событий 11 сентября, доказали раз и навсегда, что теория «конца истории», оптимистически выдвинутая Фрэнсисом Фукуямой после окончания холодной войны, оказалась побеждена пророчеством Самюэля П. Хантингтона, высказанным им в написанном в 1993 году эссе «Столкновение цивилизаций». Точка зрения Хантингтона состояла в том, что холодная война, подобно веку европейского господства до нее, являлась исторической аномалией и после

ее окончания мир скоро должен был вернуться к своим предопределенным путям развития различных культур. Мы видим, что это уже происходит. Самым поразительным аспектом последней войны стало то, что, хотя центральные события происходили в Афганистане, насилие выплеснулось также на Филиппины, на полуостров Индостан, на Кавказ и на Ближний Восток. Суть этого конфликта, своеобразной мини-мировой войны, заключалась в том, что различные цивилизации сражались с одним врагом: исламом. В географическом положении Афганистан входит в мусульманский пояс Южной Азии, проходящий от Ирана через Пакистан до среднеазиатских исламских республик бывшего Советского Союза. Хотя в настоящий момент мусульманский мир является гораздо более разобщенным, чем остальные основные мировые цивилизации, такое положение дел вряд ли будет продолжаться и дальше — и своим положением Афганистану предначертано играть ведущую роль в возрождении силы ислама.

Светлой стороной является то, что окружающий мир не собирается враждовать с исламом, поэтому нет никаких причин, по которым возрожденный мусульманский мир не может установить дружеские отношения со своими соседями. Афганистан, в настоящее время пользующийся в исламском мире признанием исключительно как страна воинов, может стать полигоном, на котором другие цивилизации продемонстрируют свои добрые намерения. Но даже если в Афганистане и воцарится мир, останутся еще два крупных очага, подпитывающих исламский милитаризм. И Соединенные Штаты, которые добились невиданного могущества и заняли ведущее положение в мире, должны взять на себя основную роль в решении этих конфликтов.

Необходимо приложить глобальные усилия для разрешения индийско-пакистанского спора по поводу Кашмира. Всего одна злобная провокация (или чешущиеся руки) отделяет субконтинент от первого в мире прецедента тактической ядерной войны. Конфликт способствует радикализации населения Пакистана и милитаризации Индии. Не только Организация Объединенных Наций, но и Соединенные Штаты должны принять первоочередные меры для того, чтобы загасить пожар

конфликта. Полагаю, обе заинтересованные стороны, и особенно население Кашмира, с радостью пойдут на плебисцит, осуществленный под пристальным вниманием мирового сообщества. Разумеется, необходимо будет также учесть и соображения национальной безопасности двух стран.

Более сложной является проблема Палестины, где, экстраполируя представления Хантингтона о цивилизациях, Израиль олицетворяет раскаленную кочергу, которой Запад, и в первую очередь Соединенные Штаты, постоянно ворошит в чреве ислама. Теперь проблема стоит не в праве Израиля на существование, поскольку правительства арабских стран готовы пойти на полное признание Тель-Авива. Однако Израиль настаивает на насильственном удержании захваченных палестинских территорий. 11 сентября Соединенные Штаты понесли больше жертв от арабского терроризма, чем Израиль за всю свою историю. Теперь вопрос стоит в том, что еще нужно Америке для того, чтобы присоединиться к остальному миру и потребовать от Израиля вернуться в границы, установленные решением ООН.

Весной 2002 года войну в Афганистане затмили размах и жестокость столкновений, возобновившихся в Палестине. Это явилось закономерным следствием, поскольку корни американо-афганской войны крылись в ближневосточном конфликте, и в первую очередь в действиях группировки «Аль-Каида», состоящей преимущественно из арабов. Поскольку палестинская проблема до сих пор остается нерешенной, Соединенные Штаты, по сути дела, сражались с дымом и огнем на крыше здания, пока внутри пожар подпитывался разлившимся керосином. По мере того как исламский мир в двадцать первом веке обретает силу и уверенность в себе, приобщаясь к новым технологиям, задача разрешения израильско-палестинского конфликта становится все более насущной. Запад может гарантировать неприкосновенность границ Израиля «всеми доступными средствами». Усама бен Ладен оставался бы безумцем-одиночкой, если бы не многочисленные добровольцы, жаждущие вступить в его организацию после того, как им изо дня в день приходилось быть очевидцами непрекращающегося кровопролития на Западном берегу Иордана и в секторе Газа, а также в Кашмире.

Следует отметить, что афганцы, самые опытные воины в

исламском мире, не прибегают к акциям террористов-смертников. Порождение многовековой воинственной культуры, имеющие доступ к оружию той или другой из противоборствующих сторон, окружающих их страну, находящуюся на мировом перепутье, они также всегда могут прибегнуть к услугам Гиндукуша, чтобы эффективно противостоять бронетехнике и авиации неприятельской армии. Террористы-смертники являются уделом народов, слабых в военном отношении или же доведенных до крайней черты. То обстоятельство, что Соединенным Штатам и Израилю пришлось в 2001—2002 годах предпринять такие масштабные усилия, чтобы справиться с горсткой отчаявшихся людей, в том числе девочек-подростков, вызывало бы смех, если бы не было трагедией.

Действия американских войск в Афганистане останутся в истории не как «американо-афганская война», а как часть общемировой борьбы, получившей название «война с терроризмом». Более точным названием было бы «война с мусульманскими радикалами-смертниками». В этой войне величайшие военные державы мира — Израиль по отношению к своим врагам-палестинцам и Соединенные Штаты по отношению ко всем остальным — в конце концов вынуждены были перейти к борьбе с небольшими тайными ячейками исламских борцов, обладающих безрассудством и отвагой, чтобы наносить своим врагам удары исподтишка.

На мой взгляд, со стороны Соединенных Штатов явилось большой ошибкой то, что в ответ на события 11 сентября наземные войска не были использованы более агрессивно. Основной упор, как и в предшествующее десятилетие, делался на ракетные удары, высотные бомбардировщики и авиацию, и это в очередной раз подтвердило то, что сражаться с американской военной машиной нельзя, однако ее можно перехитрить. Успешные действия американской авиации и малочисленных элитных наземных подразделений не произвели должного впечатления на окружающий мир, так как основные силы армии Соединенных Штатов колебались и не спешили отомстить за самую гнусную провокацию новейшей истории. Нежелание американского руководства рисковать жизнями своих солдат,

неуклонно крепшее в течение девяностых годов и, что совершенно необъяснимо, сохранившееся и после событий 11 сентября, подрывает авторитет Соединенных Штатов в мире. Америка снискала бы себе гораздо большее уважение, если бы доказала, что и каждый ее солдат в отдельности является непревзойденным в мужестве и боевом мастерстве. Похоже, главной проблемой остается нерешительность командования, испытывающего страх перед политиками и средствами массовой информации.

Решение является достаточно простым. В следующей войне противник должен будет иметь дело не с «заместителями» американских войск, а непосредственно со 101-й воздушно-десантной дивизией, 1-й бронетанковой дивизией или с корпусом морской пехоты США. Союзники Соединенных Штатов, отстающие в области высокотехнологичных, дорогостоящих видов вооружений, смогут сражаться плечом к плечу с американскими солдатами, если речь будет идти о традиционных боевых действиях, когда противники встречаются лицом к лицу. Англичане, на вооружении у которых в настоящее время нет даже такого бомбардировщика, как «Б-52», будут первыми, кто поддержит американцев.

Кроме того, Соединенным Штатам следует отказаться от разработки военных роботов. Беспилотные машины могут использоваться для разведки и наблюдения, однако нынешняя администрация Белого дома делает благо и себе, и миру в целом, отказавшись от их боевого применения и предложив заключить международный договор, подобный тому, что запретил применение боевых отравляющих веществ. Если технологии боевых роботов будут совершенствоваться и дальше, война неизбежно перейдет из военной в гражданскую сферу, где окажутся сосредоточены главные цели. Кроме того, применение боевых роботов против государства, не располагающего подобным оружием, подорвет моральный престиж армии, предпочтительней воевать руками машин. Европейцев уже беспокоит то, что Соединенные Штаты все больше напоминают не благородного Супермена, а жестокого монстра, создавая виды вооружения, позволяющие безнаказанно вести войну. Страна, не рискующая собственными солдатами, с большей легкостью найдет оправдание решению применить оружие. В данном случае отказ от человеческого элемента может стать очень опасным.

Не следует забывать, что большинство афганцев благосклонно отнеслись к победе Соединенных Штатов в войне 2001—2002 годов. В пользу Америки говорило то обстоятельство, что уже больше столетия страна вступала в войны, лишь отвечая на нападение внешнего врага или защищая своих союзников, и даже в этих случаях не имела никаких территориальных притязаний к своим противникам. Больше того, американцы прославились тем, что, победив врага, помогают ему подняться на ноги. Соединенным Штатам необходимо из соображений практической целесообразности и гуманности упрочить свою недавнюю победу в Афганистане, для чего надо сначала навести порядок в хаотической политической среде, а затем помочь возродиться экономике страны. Афганистан, отставший от времени и пострадавший от войн больше, чем какое-либо другое государство на земле, предоставляет в этом отношении широкое поле деятельности. Нам предстоит увидеть, сможет ли Запад, полюбовно договорившись с исламом, принести счастье афганскому народу. Американский опыт способен будет сделать чудеса в стране, в настоящий момент полностью лишенной инфраструктуры. И первый шаг нынешней администрации Соединенных Штатов должен состоять в том, чтобы дать отдохнуть министру обороны, предоставив играть ведущую роль в международных отношениях министрам сельского хозяйства, транспорта, здравоохранения и социального обслуживания.

В политическом отношении Афганистан в настоящий момент еще не является для окружающего мира государством в полном смысле этого слова. Учитывая недавние события на Балканах, велик соблазн отойти в сторону и предоставить афганцев самим себе. Вероятно, в этом случае узбеки и таджики, живущие к северу от Гиндукуша, а также таджики в окрестностях Герата, потомки своих дальних предшественников куртов, пойдут своим путем. Возможно, со временем эти небольшие отколовшиеся куски Афганистана вольются в состав своих государств-родителей Узбекистана и Таджикистана, лежащих к северу от Амударьи, которые сами недавно откололись от России. Нынешние границы Афганистана проводились в девятнадцатом веке для того, чтобы создать буфер между Британской и Российской империями, и в настоящее время являются бес-

конечно устаревшими. Вопрос заключается в том, смог ли афганский народ выработать в себе ощущение единства, пересиливающее национальные различия. Никто за пределами Афганистана не прольет ни слезинки, если страна разделится на несколько независимых государств, не знающих, что такое гражданская война. В более широком стратегическом смысле все эти государства останутся под крышей ислама. Главная опасность такого подхода заключается в том, что в этом случае, к недовольству Пакистана, неизбежно встанет вопрос о создании единого Пуштунистана в границах, обозначенных амбициями Ахмад-шаха Дуррани.

Однако Дюпри и другие историки утверждают, что в нынешних границах Афганистана сложилась воинственная националистическая гордость, существующая, несмотря на этнические противоречия и горький опыт былых междоусобиц. До сих пор афганцы объединялись только тогда, когда власть в Кабуле брал в свои руки безжалостный, сильный правитель или же когда вся страна поднималась, отражая нападение иностранных завоевателей. Но в современном мире появление таких жестоких диктаторов, как Мухаммед Дауд или Абдурахман-хан, не приветствуется. Если Афганистан хочет остаться единым государством, ему нужно подыскать себе другую систему политического управления, отличную от всемогущей центральной власти.

Последние два десятилетия двадцатого века, в течение которых в Афганистане непрерывно полыхал пожар войны, из западных флагов чаще всего над его многострадальной, разоренной землей поднимался флаг Красного Креста, международной организации с штаб-квартирой в швейцарской Женеве. Как уже упоминалось выше, Швейцария является ближайшим европейским родственником Афганистана: многонациональное государство воинов, на протяжении всей своей истории зажатое в высоких горах между более могущественными агрессивными державами. Сравнение Швейцарии с Афганистаном идет дальше: швейцарцы являются самым вооруженным народом в Европе — каждый мужчина служит в армии и держит дома винтовку — и так же не терпят инородцев (по европейским меркам), как их не терпят, по азиатским меркам, афганцы.

Швейцарские женщины получили право голоса только в 1971 году, и лишь в 2002 году, во время боев в долине Шахи-Кот, Швейцария наконец решила вступить в Организацию Объединенных Наций.

Вместо того чтобы идти по пути Балкан или надеяться на иностранных миротворцев или собственного сильного вождя, Афганистану следовало бы пойти по пути Швейцарии. Швейцарцам надо сменить флаг Красного Креста, к которому афганцы уже успели привыкнуть, на свой государственный флаг и отправить делегацию не из Женевы, а из Берна, своей столицы. Возможно, они смогут объяснить афганским вождям принципы построения воинственного многонационального государства. Афганская лоя-джирга (или большой совет) и так является хорошим примером народной демократии. Однако ее основные решения часто попирались монархами и диктаторами в Кабуле. Суть швейцарской системы заключается в ограничении власти центрального правительства и отказе от ведущей роли какого-либо отдельно взятого политика. Исполнительная власть принадлежит сменяющемуся совету из семи министров, каждый из которых в течение года занимает пост президента. Рожденный еще в Средние века принцип гласит, что ни один человек, даже швейцарец, не будет повелевать Швейцарией. Для Афганистана подобная система гарантировала бы участие всех основных групп населения в исполнительной власти. Управление, основанное на воле большинства и не зависимое от центрального правительства, действует в каждой деревне, городе и кантоне. Решения, принимаемые в столице, ограничиваются лишь такими областями, как общенациональный транспорт, внешняя торговля, здравоохранение и оборона. В Швейцарии основным объединяющим фактором является армия, формируемая на основе закона о всеобщей воинской обязанности мужского населения страны. Предназначенная для национальной обороны, а не для междоусобной борьбы, швейцарская армия создает условия для солдатского братства, невзирая на национальные, географические и экономические различия, и нередко грубый пастух-горец служит бок о бок — а то и командует образованным горожанином. В Афганистане такой армии первое время предстоит выполнять также функции милиции,

до тех пор пока независимые вожди и те, кто никогда не признавал закона, не приспособятся к новой общенациональной программе.

Одна из главных проблем, стоящих перед нынешним центральным правительством Кабула — а власть в этой стране была эффективной только в тех случаях, когда опиралась на грубую силу, — заключается в том, что Афганистан находится на пороге получения значительной помощи от Америки и других щедрых иностранных доноров. Это неминуемо сделает центральную власть желанной, как никогда, и, возможно, спровоцирует новый виток междоусобной борьбы. К сожалению, верно и обратное: от зарубежной помощи не будет никакой пользы, если в Кабуле не будет сильной власти. В стране, в течение двадцати лет метавшейся между коммунизмом, деспотическим правлением, анархией и теократией, остро необходима новая, изобретательная политическая система. Американцы столкнутся с трудностями, если попытаются просто скопировать свою систему, а в рамках ислама приемлемых вариантов не так уж много. Поэтому будет лучше всего, если афганцы и их собратья швейцарцы сядут и спокойно побеседуют друг с другом.

Многообещающее событие произошло в апреле 2002 года, когда в Афганистан после почти тридцати лет изгнания вернулся король Захир-шах. Тысячи афганцев восторженно встречали его как представителя эпохи в истории страны, не омраченной войнами, когда народ Афганистана жил своими повседневными заботами, надеясь на благополучие. Правда, Захир-шах никогда не принимал значительного участия в управлении страной, и нельзя сказать, что его правление с 1933 по 1973 год было для афганского народа периодом безмятежного спокойствия. Так или иначе, то обстоятельство, что теперь афганцы вспоминают это время как «добрые старые деньки», красноречиво свидетельствует об их искреннем стремлении к миру. И международное сообщество должно помочь им в этом, потому что афганцы уже вдоволь вкусили войн.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Абдуррахман-хан — известный также как Железный эмир, занял престол Афганистана в 1880 году после второй англо-афганской войны и добился стабильности и порядка в стране.

Акбар-хан — сын Доста Мухаммеда, сыграл главную роль в том, что английская армия вынуждена была предпринять в 1842 году отступление из Кабула, окончившееся полной катастрофой.

Александр Великий — царь Македонии, завоевавший Персидское царство; в период между 330 и 326 годами до н. э. вел военные действия в Афганистане и Трансоксиане.

«**Аль-Каида**» — в переводе «база», международная радикальная исламская террористическая организация, возглавляемая Усамой бен Ладеном.

Арахозия — древнее название южных областей Афганистана с центром в городе Кандагар.

Арейя (Ария) — древнее название западных областей Афганистана и восточного Ирана с центром в городе Герат.

Ахмад-шах Дуррани — основал в 1757 году династию Дуррани и завоевал земли, из которых в настоящее время состоит Афганистан.

Ашока — индийский царь из династии Маурьев; в третьем веке до н. э. стал первым великим проповедником буддизма.

Бабур — основатель империи Великих Моголов; похоронен в Кабуле.

Бактрия — древнее название северных областей Афганистана с центром в городе Балх.

Бала-Гиссар — крепость и дворцовый комплекс в западном

пригороде Кабула; в девятнадцатом веке — местонахождение двора афганских эмиров.

Бесс — персидский сатрап Бактрии, после смерти Дария III провозгласивший себя «царем царей»; его преследовал Александр Македонский до тех пор, пока он не был убит своими приближенными.

Бурка — покрывало с головы до ног, предназначенное скрывать фигуру женщины.

Бернс, Александр — британский резидент (консул) в Кабуле при дворе Шаха Шуджи; его убийство в 1841 году стало сигналом к народному восстанию.

Гази — в девятнадцатом веке название религиозных воинов в Восточном Афганистане.

Газни — город в восьмидесяти милях к юго-востоку от Кабула; в Средние века столица султаната Газневидов.

Гандхара — древнее название центральных и восточных областей Афганистана и западного Пакистана, простиравшихся от Кабула через Пешавар до города Аттока на берегу реки Инд.

Гильзаи — крупная группа племен в южном и восточном Афганистане.

Дарий III — последний Великий царь Персидского царства, разгромленного в четвертом веке до н. э. Александром Македонским.

Дауд, Мухаммед — принц из династии Дуррани, занимавший пост главы государства в 1953—1963 годах, а затем снова захвативший власть в 1973 году и отправивший в ссылку своего двоюродного брата короля Захир-шаха; был убит в 1978 году во время Апрельской (коммунистической) революции.

Джелал-ад-Дин — сын последнего хорезмшаха, нанесший поражение монгольскому войску в Афганистане; впоследствии разгромлен Чингисханом.

Джан, Мухаммед — ведущая фигура афганского сопротивления в период второй англо-афганской войны.

«**Джезаил**» — длинное афганское ружье, как правило, фитильное, но были также разновидности с кремниевым замком; по точности и дальности выстрела превосходило английское пехотное ружье.

Дост Мухаммед — эмир Афганистана, в 1838 году был вы-

нужден отречься от престола после вторжения англичан; в 1842 году вернул трон после того, как Великобритания вывела свои войска.

Дуррани — раньше были известны как абдали, крупная группа племен в южном и западном Афганистане; члены афганского королевского дома принадлежат к племени дуррани.

Дустум, Абдул-Рашид — узбек по национальности, обосновавшийся на севере Афганистана; в разное время сражался на стороне коммунистов и против них; на стороне Масуда и Хекматияра и против них; против «Талибана» и, наконец, против сил Северного альянса под Мазари-Шарифом.

Захир-шах, Мухаммед — король Афганистана, взошедший на престол в 1933 году, в 1973 году свергнутый Даудом и отправленный в изгнание; в 1964 году установил в стране конституционную монархию; в 2002 году вернулся в Афганистан после крушения «Талибана».

Исмаил-хан — полевой командир моджахедов, действовавший в период советской оккупации в районе Герата; в 1995 году потерпел поражение от талибов, вернулся из изгнания в 2001 году и принял участие в войне под предводительством Америки, которая привела к свержению «Талибана».

Канишка — кушанский царь второго века, принявший буддизм.

Карзай, Хамид — после падения режима «Талибана» в декабре 2001 года назван главой переходного правительства Афганистана на срок до лоя-джирги, которая должна была собраться в июне 2002 года.

Кызылбаши — персидские наемники, в восемнадцатом веке обосновавшиеся в Афганистане, преимущественно в Кабуле.

Макнатен, Уильям — британский посланник, прибывший в Афганистан после того, когда англичане вернули на афганский престол Шаха Шуджу; убит во время переговоров с Акбар-ханом.

Масуд, Ахмад Шах — выдающийся полевой командир моджахедов в период советской оккупации, руководил отрядом в Панджшерском ущелье к северо-востоку от Кабула; в последовавшей за этим гражданской войне командовал правительственными войсками; командовал войсками Северного альянса

во время борьбы с талибами; убит агентами «Аль-Каиды» в сентябре 2001 года.

Надир-шах — самопровозглашенный правитель Персии, завоевал Афганистан и разорил Дели; глава его телохранителей Ахмад-шах основал династию афганских эмиров Дуррани.

НДПА — Народно-демократическая партия Афганистана, больше известная как коммунистическая. НДПА была разделена на две враждующие фракции «Хальк» и «Парчам». После Апрельской революции 1978 года руководителями Афганистана были:

Нур Мухаммед Тараки — убит Амином в октябре 1979 года;

Хафизулла Амин — убит советскими солдатами в декабре 1979 года;

Бабрак Кармаль — посажен вместо Амина Советами после своего вторжения в Афганистан;

Мухаммед Наджибулла — сменил Кармаля в 1986 году, свергнут моджахедами в 1992 году, зверски убит талибами в 1996 году.

Нотт, Уильям — командир английских войск, в 1841—1842 годах державших оборону Кандагара.

Парменион — македонский полководец, правая рука Александра Македонского и его отца Филиппа II; убит в 330 году до н. э. агентами царя Александра.

Пуштуны — самая многочисленная народность Афганистана, составляют от 40 до 45 процентов населения страны; населяют преимущественно области к югу от Гиндукуша, являются самым многочисленным народом в мире, сохранившим родоплеменные отношения.

Раббани, Бурхануддин — политический лидер Исламского общества Афганистана, группировки моджахедов, состоявшей преимущественно из непуштунов, в которую входили полевые командиры Масуд и Исмаил-хан; политический глава Северного альянса; так как по национальности Раббани таджик, после падения «Талибана» руководство переходным правительством Афганистана было доверено не ему, а пуштуну Хамиду Карзаю.

Радж — на хинди «власть»; термин «Радж» использовался англичанами для обозначения своей власти в Индии.

Робертс, Фредерик — английский генерал, проявивший себя в ходе второй англо-афганской войны.

Северный альянс — объединение непустунских группировок, оказавшее сопротивление талибам; в 2001 году с американской помощью сбросившее режим «Талибан».

Северо-Западная пограничная провинция — горная область на западе Пакистана вдоль границы с Афганистаном; также известна как «зона племен».

Сеистан — область в юго-восточном Иране на границе с Афганистаном.

Сейл, Роберт — английский генерал, удержавший Джелалабад зимой 1841—1842 годов.

Селевк — македонский полководец, которому после смерти царя Александра достались восточные области империи.

Сипай — солдат из числа индийцев, служащий в части, которой командуют английские офицеры.

Спитамен — персидский военачальник, сражавшийся с Александром Великим в северном Афганистане и Трансоксиане.

«Талибан» — это слово означает «ученики» или «ищущие», исламская фундаменталистская группировка, состоящая преимущественно из пуштунов, в 1996 году вырвавшая власть в Афганистане из рук противоборствующих группировок моджахедов; так и не смогла захватить северные районы страны, удерживаемые Северным альянсом; в 2001 году при поддержке Америки свергнутая войсками Северного альянса.

Трансоксиана — «земли по ту сторону Окса (Амударьи)», в настоящее время на этой территории находятся государства Туркмения, Узбекистан и Таджикистан.

«Феринги» — на дари «иностранец», так в девятнадцатом веке презрительно называли англичан афганцы.

ХАД — при коммунистическом режиме (правление НДПА) афганская тайная полиция.

Хазараджат — вотчина хазарейцев, потомков монголов, расположенная в центре Гиндукуша.

Хайберский проход — длинное узкое ущелье, ведущее от пакистанского города Пешавар до афганского города Джелалабад; в настоящее время находится на территории Пакистана.

Хекматияр, Гульбедин — лидер крупнейшей пуштунской

фундаменталистской группировки моджахедов в период советской оккупации; в последовавшей за этим гражданской войне сражался против Масуда, а затем под нажимом талибов был вынужден покинуть страну; недавно вернулся в Афганистан из Ирана, где находился в изгнании.

Хорасан — область на северо-востоке Ирана, граничащая с Афганистаном.

Хорезм — мусульманское государство, в состав которого входили Афганистан и Трансоксиана; в 1218—1221 годах уничтожено Чингисханом.

Шах Шуджа — принц из династии Дуррани, восстановленный на афганском престоле англичанами в 1838 году; в 1842 году убит после ухода британских войск из Кабула.

Эльфинстон, Монтстюарт — двоюродный брат Уильяма Эльфинстона, британский дипломат, первым из западных исследователей составивший в 1809 году подробное описание Афганистана.

Эльфинстон, Уильям — командующий британскими войсками в Афганистане в 1841—1842 годах; его армия была истреблена во время отступления из Кабула, а сам он умер в плену у Акбар-хана.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика	5
От автора	7
1. НА ТОРНОЙ ДОРОГЕ ИМПЕРИЙ	11
2. АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ	31
3. НАГРАДА ЗАВОЕВАТЕЛЮ	75
4. МОНГОЛЫ	109
5. РАСЦВЕТ АФГАНИСТАНА	145
6. «БОЛЬШАЯ ИГРА»	171
7. ТРИУМФ ПЛЕМЕН	205
8. ВИКТОРИАНСКОЕ ВОЗМЕЗДИЕ	246
9. СОВЕТЫ	288
10. МОДЖАХЕДЫ	318
11. СТАНОВЛЕНИЕ «ТАЛИБАНА»	357
12. АМЕРИКАНЦЫ	383
Послесловие	428
Краткий словарь имен и названий	438

Стивен Таннер
АФГАНИСТАН
ИСТОРИЯ ВОЙН ОТ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО
ДО ПАДЕНИЯ «ТАЛИБАНА»

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редакторы *С. Саксин, Е. Пахомов*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *Н. Хаустова*
OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа
ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах обращаться в рекламный отдел издательства «Эксмо». Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reserption@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (095) 780-58-34

Книжные магазины издательства «Эксмо»:
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: marginovich.uk@eksmo.com.ua

Северо-Западная компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо». Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «БУКВОЕД». Крупнейшие магазины сети «Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34 и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

Весь ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде и Челябинске:
ООО ТД «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атлант». Тел. + 49 (0) 721-183-12-12.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.03.2004.
Формат 60x90 ¹/₁₆. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 28,0 + вкл.
Тираж 5 000 экз. Заказ № 9269.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Афганистан

История войн

- ◆ ПЕРСИДСКОЕ НАШЕСТВИЕ
- ◆ ПОХОД АЛЕКСАНДРА
МАКЕДОНСКОГО
- ◆ МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ
- ◆ «СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА» ТАМЕРЛАНА
- ◆ ПЕРВАЯ ПОБЕДА ВЕЛИКИХ
МОГОЛОВ
- ◆ ДЕРЖАВА ДУРРАНИ
- ◆ АНГЛО-АФГАНСКИЕ ВОЙНЫ
- ◆ СОВЕТСКАЯ ОККУПАЦИЯ
- ◆ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И
«ТАЛИБАН»
- ◆ АМЕРИКАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

7-87
19-1
-69-00

ISBN 5-699-05682-3

9 785699 056828 >